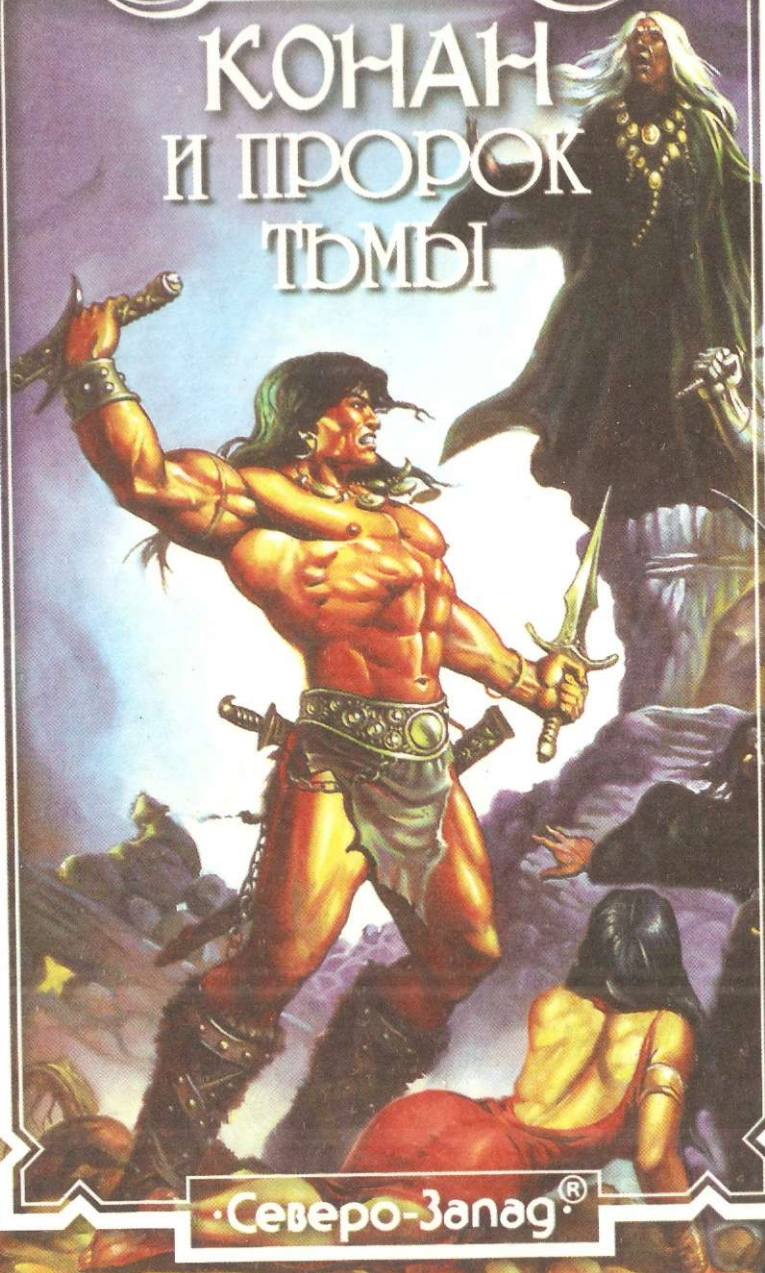

КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ

Северо-Запад®

МОРЕ ЗАПАДА

ПУСТОШИ ПИКТОВ
БОССОНСКИЕ ТОПИ
ТАУРАН
Р. Черная
Р. Босфор
Р. Шхирма
Р. Хорот
Р. Красная
Р. Хорот
Р. Стикс
Р. Зархеба

КИММЕРИЯ

ГИПЕРБОРЕЯ

БРИТУНИЯ

АКВИЛОНИЯ

КОРИНФИЯ

ОФИР

ХОРАЙЯ

ШЕМ

СТИГИЯ

КУШ ДАРФАР КЕШАН

ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА

ПУНТ

ЗЕМБАБВЕ

ХЯЙБОРИЙСКАЯ
ЭЯ

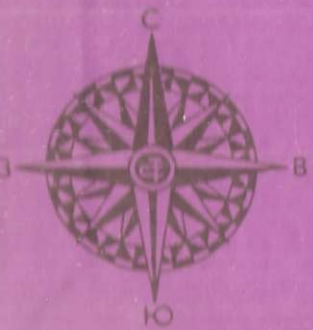
ИРАНИСТАН

КХИТАЙ

МОРЕ ВИЛАЙЕТ

ВЕНДИЯ

ГИРКАНИЯ

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 64

К64 Конан и пророк Тьмы: Романы.— СПб.: «Северо-Запад», 1998.— 512 с.

ISBN 5-7906-0066-2.

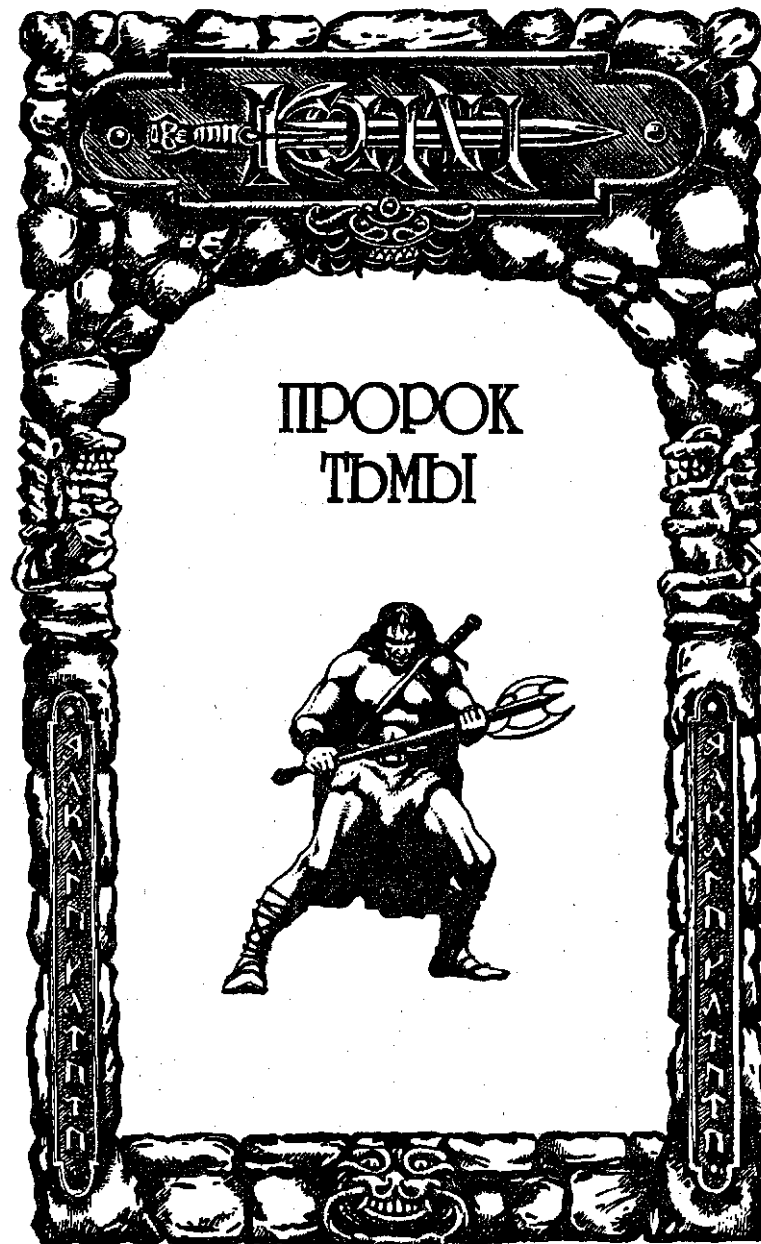
Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 8200000000

ББК 84(7США)

© К. Kelly, обложка, 1987
© «Северо-Запад», составление и подготовка
текста, серийное оформление обложки и форзаца

Глава первая

Алкающие возмездия да имут его. В День Последний, в час Слепящего Света. В стране, откуда последний из Древних шагнул в Серые Земли.

И дан будет Знак. Когда Черная Сила уничтожит себя самое, узрит взирающий черный свет. И приуготовится к Неминуемому. И отверзнутся Врата, кои вширь до пределов земных, вглубь до черных кипящих камней и еще глубже.

И зовьется Стяг Мести. И выступит Древний Легион. А впереди — узнают по Шлему его. А позади — ступившие по следу. И прахом станут грады и веси. И падут ниц народы и расы. И отринут богов своих. Покорны дабы быть Древним и заветам их. Ибо те, кто победил, не ведают жалости к проигравшим...

Но если велением Богов умерщвлен не тот, кому достождно, ступившие следом за первыми разольются черным сонмищем по миру, и не станет ни земли, ни влаги, ни человека, ни тварей. А лишь тот, кто выжил, сноровит дважды убить мертвого и смежить Врата...

* * *

Хорайский город-крепость Вагаран был богатим и процветающим — в основном из-за того, что лежал он на перекрестке оживленных караванных путей. Ха-

шид, номинальный правитель Вагарана, являлся единовластным хозяином окрестных земель; жизнь в самом городе и близлежащих деревнях, направляемая железной рукой Хашида, текла спокойно, размеренно, без волнений и восстаний; сильная армия удачно отражала нечастые набеги чужеземцев, в основном шемитов (да и сами вагаранские воины под предводительством своего повелителя не раз наносили визиты приграничным селениям соседних государств, возвращаясь обратно с богатыми трофеями), поэтому деньги из Вагарана поступали в столичную казну регулярно и без задержек, а посланцы королевы Кофа, чьей провинцией являлась Хорайя, особо не баловали Хашида своим вниманием.

Город этот располагался в западной части Хорайи, поэтому, в отличие от прочих областей страны, где преобладали песчаные пустыни, здесь господствовали скалы и каменистые пустоши.

С высоты птичьего полета Вагаран, выстроенный на пологом холме, напоминает огромный неправильный пятиугольник, замкнутый устрашающей городской стеной. Три его вершины смотрят на юго-запад, юг и юго-восток, в сторону Шема, а две — на восток, в глубь Хорайи, и каждая из вершин увенчана высокой сторожевой башней, на которых денно и ночно несет свой дозор сменная стража. Городских ворот в Вагаране двое: Восточные — являются таковыми лишь по названию и обычно охраняются пятью стражниками, что занимаются исключительно досмотром привозимых сюда товаров, и Юго-Восточные — мощные, образованные из трех частей.

Снаружи располагается плита из плотно пригнанных друг к другу толстых тисовых досок, скрепленных металлическими скобами (в поднятом состоянии плита целиком закрывает проход в городской стене; по сигналу же начальника стражи Яссина она опускается на цепях, ложится поперек крепостного рва с отвесными стенами и превращается в мост — по нему, и только по

нему, могут попасть в Вагаран чужеземные гости, купцы, путешественники... или же неприятельские отряды). За плитой находятся двустворчатые ворота, запираемые на огромный брус, вытесанный из цельного ствола дуба; преодолеть эту преграду возможно лишь с помощью тарана. И если врагу все-таки удастся перебраться через ров, удастся опустить мост, перерубив удерживающие его в осадном — вертикальном — положении цепи, и протаранить ворота под градом стрел и потоками кипящей смолы с гребня стены, то в самом конце прохода его будет ждать последнее, практически непреодолимое препятствие: решетка из прочных, в человеческую руку толщиной, металлических прутьев.

Обычно решетка эта всегда поднята, двустворчатые ворота открыты, а мост поднимается только на ночь; иных путей проникнуть в город не существует. (Есть, правда, еще потайной ход, ведущий из подземелья дворца к восточной границе Хорайи, но о нем можно и не упоминать: в этой истории он не играет ровным счетом никакой роли.)

На вершине холма стоит дворец правителя Хашида — серая зловещая громада, возведенная из гигантских гранитных блоков. В нем сотни светлых комнат и десятки богато обставленных залов; а глубоко под фундаментом в толще скал вырублен лабиринт: каменное тело земли изрыто целой сетью извилистых коридоров с коварными ловушками и тупиками, колодцами мрачных камер, где томятся многочисленные узники, и подземельями, в которых спрятаны несметные сокровища сатрапа Хашида. Тот, кому план лабиринта неизвестен, никогда не найдет эти сокровища; тот, кто сумеет выбраться из подземного узилища, никогда не дойдет до поверхности и не увидит солнечный свет...

У дворца есть обширная полукруглая терраса. С нее Хашид любит наблюдать за главным развлечением вагаранцев, проводящимся каждую седмицу на расположенной под террасой огромной арене; на этой терра-

се Хапид предпочитает принимать важных гостей, по-
слов и просто друзей.

Вокруг дворца, чуть ниже по склону холма, располагаются кварталы местной знати — вельмож, чиновников, помощников сатрапа, купцов. Места пониже занимают дома победнее — и так далее, до самой городской стены, где ютятся лачуги нищих, хижины бродяг и построенные из разнообразного хлама развалюхи бездомных.

* * *

Полторы луны назад войско Хапида одержало победу над очередным войском чужеземцев, — позарившись на богатство города и памятуя о том, что от Вагарана до ближайших цивилизованных мест лежит расстояние в три дня верблюжьих переходов, разношерстная армия, возглавляемая шемским князем Барухом и состоящая в основном из свирепых сынов кочевых племен, бродяг, обнищавших воинов и погнавшихся за легкой добычей наемников, попыталась штурмом взять город. Однако легкая, по словам вербовщиков, добыча на деле оказалась не такой уж легкой.

Ночная стража, обходя дальние подступы к городу, заметила отсвет костров, опрометчиво разведенных на границе скал и пустыни неприятелем, готовящимся к утренней атаке, и поднятые по тревоге отряды защитников с первыми лучами солнца ринулась в упреждающее контрнаступление.

Враг был захвачен врасплох: бесшумно пронесся через Завывающее Ущелье, конная ударная группа, в двадцать пять раз уступающая числом противнику, врзалась в лагерь шемитов, сминая сонных дозорных, поджигая шатры, убивая каждого, кто встречался ей на пути, и почти достигла ставки самого Баруха. Но потом прозвучал негромкий зов рожка, и конники, во время атаки потеряв всего пять человек, слаженно повернулись назад, — пока опомнившиеся противники не зажали атакующих в кольцо.

Поняв, что они раскрыты и утаивать намерения далее не имеет смысла, Барух приказал своим воинам строиться в боевые порядки и начать преследование зарвавшихся хорайцев, а сразу после их уничтожения — приступом взять богатый город Вагаран. Взметнулись флаги и штандарты, раздался рокот боевых барабанов, возвещающий о наступлении.

Возможно, шемитам и удалось бы нагнать вагаранцев, прежде чем те найдут убежище среди скал Завывающего Ущелья, но из упрямства одного неприметного десятника, варвара из далекой, никому не известной страны, позволившего себе поспорить с самим Барухом, наступление задержалось.

Конница шемитов ворвалась в Ущелье, когда наглых вагаранцев и след простыл, лишь потревоженные копытами пыль да песок все еще кружились в воздухе, указывая на то, что совсем недавно здесь промчались всадники.

* * *

Со стороны Шема Вагаран окружали непроходимые скопления скал — урочище света и тени, острых обломков камней и огромных мшистых валунов; единственная дорога к городу лежала через Завывающее Ущелье, названное так потому, что осенние ветры особенно жутко скулили и стонали среди расселин и трещин узкого прохода, наводя жителей окрестных деревень на мысли о извечном плаче потерянных душ. (На самом деле это было вовсе не ущелье, а глубокий скалистый овраг, образовавшийся на месте могучего водного потока, что в незапамятные времена являлся притоком полноводной реки, протекающей через Хауран и впадающей в море Вилайет. Но пустыня наступала, поток этот пересох лет сто назад, и уже никто из местных жителей не помнил, что когда-то тут было вдоволь воды. А название так и осталось.)

Передовые отряды Баруха на полном скаку ворвались в Ущелье и домчались почти до середины его, когда

сверху, из скальных укрытий, обрушились на них тучи стрел из колчанов отборных лучников Вагарана. Свет восходящего солнца померк среди потока разящих жал; крики умирающих наполнили расселину и, множась эхом, слились в единый гул отчаяния и страдания, подтверждая тем самым зловещее название этого места.

Впрочем, лучники не могли (да и не собирались) сдерживать волну наступающих; буквально по трупам соратников армия Баруха хлынула к устью Ущелья...

...где была встречена отборными вагаранскими отрядами.

Атака наступающих натолкнулось на заграждение тяжело вооруженных меченосцев — и захлебнулась. Воины-защитники не собирались позволить никому из шемитов покинуть Ущелье, умело и беспощадно встречая неприятеля сразу у конца бывшего русла полноводной реки. Еще не сообразившие в чем дело арьергардные отряды продолжали напирать сзади, вытесняя передовые на открытое место, прямо под клинки вагаранцев; воздух наполнился звоном стали, отчаянным ржанием лошадей и воплями раненых; но вот над рядами наступающих прокатился зов боевого рога, и осыпаемые тучами смертоносных стрел с вершин скал воины Баруха повернули назад.

Втрое уменьшившаяся армия из Шема ринулась обратно, к своему разоренному лагерю, — со рвением не меньшим, нежели то, что охватило ее во время неудавшегося наступления. Правда, на сей раз их поспешность была вызвана паникой и угрозой неминуемой смерти. Однако воины Вагарана успели захлопнуть ловушку: позорно бегущего неприятеля у выхода из Ущелья уже поджидали зашедшие с тыла отряды Хашида. Смятение и хаос охватили полки Баруха. Подобно слепым щенкам люди метались между стенами Ущелья, с обеих сторон которого их встречала холодная сталь, а сверху разила летящая, оперенная смерть.

Так до конца своих дней Барух и не узнал, что именно строптивый варвар-десятник помог ему выр-

ваться из гибельных клещей, в которые зажали их подлые вагаранцы...

Как бы то ни было, жалким остаткам войска шемитов к исходу дня удалось прорваться к противоположенному от города выходу из Ущелья и устремиться в сторону Эрука. Отряды защитников с гиканьем преследовали их до самой границы, а потом повернули назад.

* * *

— ...И вот, мой достопочтенный гость, — продолжал Хашид, за время эффектной паузы успев обглодать индюшиное крылышко, — заставив ничтожных шемитов искупаться в песках пустыни, я велел сыграть ретирату и вернуться в город... А что еще прикажете делать? Враг разбит, пленных взяли огромное число, потери с нашей стороны мизерные, а тупоголовый Барух не приблизился к стенам города и на две лиги. Поэтому мы с триумфальными песнями вернулись домой, в очередной раз показав мерзким шемитам, что с нами связываться опасно.

И Хашид, и правая рука Хашида — военачальник Сдемак, и левая его рука — мудрец и советник маг Ай-Берек, и его почетный гость — шах Джумаль, правитель одной из провинций Турана, восседали за столом, специально к этому случаю вынесенном на террасу.

Ярко светило летнее солнце, внизу шумели праздничные толпы горожан, в предвкушении завтрашнего действия на арене заполнившие местные трактиры и кабаки и заранее накачивающиеся охлажденным пивом и крепкими винами. На террасе же было тихо и свежо; трапеза подходила к концу.

Высокопоставленные особы — Хашид и Джумаль — уже переговаривали обо всех текущих политических делах, обменялись обязательными любезностями и подарками, прекрасно провели вместе время в серных банях, где обсудили драгоценности, лошадей и женщин (причем

каждый, разумеется, утверждал, не скупясь на похвалы, превосходство другой страны в отношении сих предметов), после чего насладились обществом прекрасных, всему обученных танцовщиц. Послезавтра шах соби-рался в обратный путь, и Хашид напоследок решил похвастаться перед ним своей любимой игрушкой.

За спинами Хашида и его гостей ожидали распоря-жений четверо слуг, занимающихся переменной блюд и напитков. Двое вооруженных стражников застыли у дверей, еще четверо стояли по углам террасы, располо-жившись в вершинах воображаемого квадрата; у пос-ледних оружия не было — они сжимали в руках по концу прочной блестящей цепи. Цепи эти натягива-лись, образуя крест, в центре которого, лицом к знат-ным вельможам, неподвижно возвышалась фигура об-наженного бронзовокожего мужчины. Другой конец каждой из четырех цепей был прикован к толстому кольцу, замкнутому на шее пленника. Попытайся этот человек сделать хоть малейший шаг, цепи с противопо-ложной стороны немедленно оттащили бы его обратно и вернули в центр террасы.

Впрочем, пленник и не шевелился; взгляд его прон-зительно голубых глаз был устремлен в бесконечность, грива иссиня-черных волос недвижимо лежала на широких плечах, не дрожал ни единый мускул гиган-тского тела, и, если б не лиловая жилка, что иступлен-но билась на могучей шее, сторонний наблюдатель мог бы решить, что перед ним искусно выполненная брон-зовая статуя великана.

— Что ж, — раскатистым басом проговорил воена-чальник Сдемак, поднимая золотой кубок, — это была великая битва и великий триумф. Никогда еще победа не доставалась нам с такой легкостью. Итак, за тебя, правитель Хашид! За твой талант стратега и тактика! За наш успех! — И он осушил кубок. Сдемак был не-высоким, но ладно скроенным бородачом в парадной форме и при коротком церемониальном мече, лезвие которого расширялось к острию.

— Присоединяюсь! — горделиво добавил туранский шах и последовал примеру Сдемака. Полный, лысею-щий, страдающий одышкой и подагрой туранец, хоть и был равен Хашиду по положению, однако внешне нис-колько не походил на мускулистого, но жилистого, высокого правителя Вагарана. — Ты блестяще справил-ся со всеми трудностями и в очередной раз доказал, что королева Ясмела не случайно доверила тебе почетный пост правителя Вагарана... Однако, мой венценосный господин, ответь мне: кто этот дикарь, которого мы наблюдаем вот уже третий час и который за это время ни разу не пошевелился?

— О, мой дорогой гость! — всплеснул руками Хашид, и складки его алой мантии всколыхнулись за спиной. — Перед нами — самый удивительный и самый дорогой трофей, что достался мне в этой битве! Наемник, воевав-ший на стороне шемитов, сражавшийся как лев, в оди-ночку убивший больше моих солдат, нежели все воины Баруха, вместе взятые... Кабы не помощь моего верного мага, он добрался бы и до меня, и тогда не сидеть бы мне с вами за этим столом!.. Не так ли, милейший Сдемак? Даже ты не сумел защитить меня от него!

Сдемак мрачно промолчал и потер недавно зарубце-вавшийся шрам от удара кинжалом. Тогда Хашид по-вернулся к четвертому участнику пиршества — колду-ну Ай-Береку, который все это время хранил молчание, ел и пил очень мало, кутаясь в просторный черный плащ с откинутым капюшоном и вышитыми на нем серебряной нитью магическими рунами.

— А ты, Ай-Берек, что скажешь? Убил бы меня этот дикарь, если б не твоя помощь?

На лице волшебника, морщинистом, как у столетне-го старца, блеснули ярко-зеленые глаза, — сияющие, как у пятнадцатилетнего подростка. Ай-Берек тоже ничего не ответил. Лишь шевельнулись его тонкие, длинные, ниточками свисающие на подбородок усы.

Шах Джумаль непонимающе пожал плечами и на-лил себе еще вина. Хмелел он быстро.

— Возможно, ты и прав, благородный владыка. Но неподвижность и бессмысленность взгляда твоего... э... трофея говорят о его непроходимой тупости. Которая, впрочем, свойственна всем дикарям... даже если они умеют драться, как львы.

Хашид захохотал.

— Достопочтенный гость, за первые же две седмицы плена этот человек четырежды пытался сбежать из моей подземной тюрьмы и дважды почти добрался до поверхности, голыми руками придушив пятерых стражников. Не сомневаюсь, он сумел бы выбраться на свободу, даже не зная плана лабиринта, но — голод и измождение пока еще никому не помогли... Нет, уважаемый Джумаль, поверь, до сих пор мне не доводилось встречать более сильного, более хитрого и жизнелюбивого врага!

Осушив очередную кубок, шах ухмыльнулся.

— А по нему, мой любезный хозяин, и не скажешь, что он голоден и изможден. Неужели в твоей тюрьме столь трогательно заботятся об узниках? Я бы, пожалуй, не отказался провести в ней некоторое время — глядишь, и у меня появятся такие мускулы...

— Если ты только пожелаешь, мой могущественный гость, я с радостью предоставляю тебе самое темное и сырое подземелье во всем лабиринте. Но не думаю, что тамошний отдых пойдет тебе на пользу. Поскольку лишь для этого дикаря я, с недавних пор, приказал готовить блюда из моей особой кухни — дабы он не загнулся окончательно, подобно многим другим постояльцам моей подземной гостиницы, но смог сберечь силу и ловкость.

— И ты полагаешь, сиятельный властелин, — недолго поинтересовался Джумаль, — что на таком усиленном питании он не постарается вновь бежать — и на сей раз, быть может, успешно?

Хашид вытер жирные пальцы и губы куском белой материи и снисходительно улыбнулся.

— Милостивый гость, еще никому не удавалось вырваться из оков заклинания Желтого Паука, которое

по моей просьбе наложил на него все тот же уважаемый Ай-Берек. Как ты можешь видеть, дикарь постоянно пребывает в неподвижности и оцепенении; тело и мозг его спят — и будут спать до тех пор, пока не наступит урочное время. Его с нами нет... а где витают его мысли, ведомо одной лишь богине Иштар. Единственное, на что он нынче способен, это жрать, пить и испражняться. Так что не беспокойся насчет этого дикаря, досточтимый гость. Сейчас он не опаснее слепого щенка, хотя и выглядит как лев.

Шах сыто рыгнул, откинулся на спинку высокого кресла и, прищурившись, оглядел исполинскую бронзовокожую фигуру. Потом хмыкнул, налил золотой кубок до краев, поднял его над столом и нетрезвым голосом позвал:

— Эй ты, дикарь! Слышишь меня? Я хочу, чтоб ты выпил за здоровье и победу моего друга, блистательного Хашида! И тем самым отблагодарил его за то, что он милостиво оставил тебе твою жалкую жизнь — вместо того, чтобы кинуть тебя на съедение тиграм!.. Эй, кто там есть, — обернулся он к застывшим за их спинами слугам и наугад ткнул в одного из них пальцем, — вот ты. Да-да, ты! Отнеси-ка нашему приятелю этот глоток вина. Твой хозяин Хашид угощает!

— Не стоит этого делать, мой высокородный гость, — мягко заметил Хашид.

— Это почему же, мой славный владыка? — пьяно поинтересовался Джумаль. — Ты же сказал, будто он ничего не соображает, а может только есть и пить. Вот пусть и выпьет за твое здро... здоровье! — Тон его стал угрожающим: — Или ты против моего тоста?

— Отчего же... — пожал плечами в ответ Хашид и едва заметно кивнул слуге.

Помявшись, тот несмело приблизился и принял кубок из нетвердой руки шаха.

— Давай-давай, пошевеливайся! — поторопил слугу Джумаль. — У нашего дружка наверняка в глотке пересохло.

Слуга медленно двинулся к пленнику и, не дойдя до него двух шагов, протянул кубок. Руки его дрожали.

Стражники, державшие узника на привязи, натянули цепи еще сильнее и замерли, готовые при любом неосторожном движении их подопечного повалить того на пол. Охрана у дверей взяла пики на изготовку. Военачальник Сдемак нахмурился, ладонь его легла на рукоять церемониального меча. Маг Ай-Берек, сцепив пальцы на животе, заинтересованно наблюдал за сценой.

Поначалу ничего не происходило; громадная фигура оставалась неподвижной. В тишине отчетливо было слышно, как испуганно сглотнул слуга.

Потом взгляд великана плавно опустился к протягиваемому подношению, и на лице пленного заиграл отблеск золота. Глаза постепенно сфокусировались на кубке и несколько мгновений тупо его разглядывали. Затем медленно, рывками поднялись руки, обхватили кубок. Узник поднял чашу с вином к лицу, а за это время слуга, решив, что приказ, без сомнения, выполнен, поспешно вернулся на свое безопасное место. А взор гиганта оторвался от вина и уперся в откровенно веселящегося туранского шаха.

— Ну что же ты? — подбодрил пленника хмельной Джумаль. — Пей, не бойся. Платить не надо, владыка угощает! Пей за здоровье нашего доброго Хашида. Пей, и пусть твой умишко переполнится благодарностью за дарованную тебе жизнь!

Руки великана неспешно опустились, кубок перевернулся, и вино, пенясь, янтарным потоком потекло на пол. Застывший взгляд узника по-прежнему был устремлен на Джумаль.

А потом случилось невероятное.

Глава вторая

Ни с места, Сдемак! — рявкнул Хашид, когда военачальник, отбросив кресло и на ходу вытаскивая меч, бросился прочь из-за стола. — Ни с места, или я прикажу разжаловать тебя в простые солдаты!.. К тебе, Ай-Берек, это тоже относится! — резко обернулся он к магу, который возвышался над столом, вытянув руки в сторону распростертого на полу гиганта; кончики пальцев волшебника светились зловещим зеленоватым светом; он делал резкие пассы, будто дергал за невидимые нити, и при каждом рывке тело поверженного гиганта дергалось в такт им. — Если хоть один волосок упадет с головы этого человека, я отправлю тебя обратно на Ксапур!.. Может быть, ты забыл, благодаря кому тебе удалось выбраться оттуда?

Поколебавшись мгновение, колдун опустил руки и сел на прежнее место. Он по-прежнему не сказал ни слова.

— Да ведь этот... этот... — задышался от ярости Сдемак, тыча пальцем в неподвижно лежащего пленника. Умело, слаженно и стремительно работая цепями, охранники повалили того на пол и теперь молча пинали ногами.

— Отставить! — гневно оборотился к ним Хашид. — По местам, недоумки! Вы цепи должны держать! Он мне нужен целым и невредимым!

Когда солдаты нехотя вернулись на прежние места в вершинах воображаемого квадрата и вновь натянулись цепи, правитель Вагарана снова обратился к военачальнику — на этот раз тихо, но в голосе его слышалось шипение змеи:

— Я сказал, сядь на место, Сдемак! Шах жив. Подними кресло и садись! Быстро, я не шучу!

Рыча что-то нечленораздельное, полководец выполнил приказ своего повелителя.

Едва все успокоилось, правитель Вагарана поднял кубок, откатившийся на другой край стола, осмотрел. Некогда кубок был безупречной формы; теперь же, сплюснутый чудовищным ударом, он превратился в никчемную, пусть и золотую безделицу. Хашид озабоченно нахмурился и покачал головой, хотя его прямо-таки распирало от желания расколоться. Затем он отбросил кубок в сторону и склонился над обмякшим в кресле Джумалем. Тот дышал — слабо, но ровно; на его лбу быстро набухла огромная лиловая шишка. Хашид похлопал гостя по щекам, а когда это не помогло, влил тому в рот щедрую порцию вина. Несмотря на случившееся, в душе сатрап ликовал — никогда еще ему не доводилось встречаться с подобным воином.

Джумаль закашлялся, отыгнул и приоткрыл замутинные глаза.

— Что... — хрипло прошептал он. — Кто...

— Ничего, ничего, — успокоил его сатрап Вагарана. — Все в порядке, мой великолепный гость. Пустяковое недоразумение, которое к тому же уже устранено. — На мгновение он повернулся к Ай-Береку и зловещим шепотом произнес: — Ты же обещал, что чары невозможно разрушить!

— Так оно и есть, — впервые за все это время заговорил маг; звуки его глухого, низкого голоса, казалось, доносились из самых глубин преисподней. — Однако встречаются люди, чья воля на какой-то миг способна сломать наложенное мной заклинание. Подобных людей в мире очень мало, но все же они встречаются.

Прости меня, мой повелитель, я никак не ожидал, что именно этот...

Хашид лишь досадливо отмахнулся от своего советника.

Шах приподнялся в кресле, обвел взглядом террасу — невозмутимых стражей у дверей и невозмутимого же Ай-Берека, кипящего ненавистью Сдемака и озабоченного Хашида. Единственное, что он помнил, это чашу из-под вина, мелькнувшую в воздухе золотистой молнией, затем — удар, затем... а затем простиралась полная чернота. И почему-то очень болела голова.

Вот тут он наконец понял, что произошло.

— Да ведь этот выродок хотел меня убить! — взревел Джумаль, и шишка у него на лбу, налившаяся было лиловым, моментально превратилась в багровую. — Где он?! Он жив? Лучше пусть он будет жив — я хочу заколоть его собственными руками!

— Успокойся, — мягко прижал его к креслу Хашид. — Дикарь пока жив и по-прежнему беззащитен...

— Беззащитен? Беззащитен! — взъярился шах. Хмель тут же выветрился из его головы. — Он чуть голову мне не проломил твоим дурацким кубком! Ты же говорил, что он не опаснее слепого щенка!

— Ну, — поднял брови Хашид, — иногда и щенок кусает, мой именитый гость... если его раздражить.

— А бешеных щенков топят, мой величавый владыка! И если ты немедленно не убьешь этого ублюдка, считай, что мы уже не добрые соседи, но лютые враги, и завтра же мои отборные войска...

— Ведь я предупреждал, мой возвышенный гость, — учтиво возразил Хашид. — Я ведь старался отговорить тебя. Так что ты сам виноват.

— Однако же такая выходка не должна остаться безнаказанной, — глухо поддержал гостя Сдемак. Меч в ножны он не спрятал, и костяшки пальцев, сжатых на его рукояти, побелели. — Нам необходимо умертвить наглеца. И лучше публично — дабы не дать повод для конфликта... и для разговоров среди людей. — И он

многозначительно кивнул на стражников, ставших свидетелями позора Джумала.

— Не помню, чтобы я разрешал тебе высказывать свое мнение, — огрызнулся Хашид. — И вообще, вон отсюда! И ты, Сдемак, и ты, Ай-Берек, идите прочь. Ждите меня в зале совета, я укажу вам ваше место!

Когда советники — военачальник рассерженно, маг невозмутимо — покинули террасу, миновав бесстрастных стражей, правитель Вагарана вновь склонился над шахом. Тот несколько успокоился, разглядывая лежащего навзничь пленника. Лицо гиганта было в крови, левый глаз заплыл, и на груди растекался синевою огромный кровоподтек. Джумаль потрогал шишку на лбу, на мгновение поморщился, но затем улыбнулся.

— У меня есть к тебе деловое предложение, мой великодушный властитель, которое, думаю, устроит нас обоих и позволит нам забыть сей неприятный случай. Подари-ка мне этого мерзавца. А уж у себя в Серой Башне я найду для него подходящую смерть — не очень быструю и не очень приятную.

Едва заметно улыбаясь, Хашид покачал головой.

— Ну так продай мне его! — опять впадая в неистовство, закричал шах. — Два мешка золота даю!

— Послушай...

— Или, может быть, ты не хочешь, чтобы гость твоего дома был отомщен?!

— Да выслушай же меня! — раздраженно повысил голос Хашид. — Если ты гость в моем доме, то помолчи немного и послушай!

Джумаль внезапно уgomонился, заинтригованный странной несговорчивостью сатрапа по отношению к ничтожному пленнику, и весь обратился в слух.

Потирая руки, точно в предвкушении неимоверно приятного события, правитель Вагарана выпрямился и отошел к перилам террасы, откуда открывался вид на пустующую сегодня арену.

— Погости в городе еще денька два, мой видный гость, — попросил он. — Завтра вечером мы с тобой по-

сетим один милый домик в Неспящем Квартале, где в ожидании томятся несколько совсем юных прелестниц, а под утро вернемся во дворец и плотно перекусим — по такому случаю я прикажу достать из подвалов две-три бутылочки твоего любимого шемского осветленного; потом мы полюбуемся на представление циркачек из Бритунии, а днем... — он резко обернулся ко все еще недоумевающему шаху, — ох, днем нас ждет такое зрелище, что клянусь: если ты останешься недоволен, то из моей казны вынесешь столько драгоценностей, сколько сумеешь поднять!.. — Он улыбнулся предельно искренне. — Извини за то, что я неучтиво отказываю тебе в твоей вполне законной просьбе, мой блистательный гость, но этот человек значит для меня гораздо больше, нежели любое из сокровищ, что ты можешь предложить. Поэтому, прошу тебя, требуй какого угодно другого возмещения тому душевному ущербу, который ты понес из-за неосторожной выходки дикаря.

— Что же столь необычного в этом негодяе, если ты готов даже разорвать узы нашей дружбы, но оставить его при себе? — Сбитый с толку Джумаль пристально разглядывал поверженного гиганта, силясь понять, почему Хашид так дорожит безродным дикарем.

— Мой сиятельный гость! — торжественно провозгласил правитель Вагарана, и голос его задрожал от самодовольства. — Как ты, очевидно, знаешь, всем известным человеку развлечениям я предпочитаю одно: гладиаторские бои. И завтра я приглашаю тебя посетить самое чудесное, самое захватывающее и увлекательное зрелище из тех, что подарили нам боги. И там ты поймешь, почему я отказываюсь уступить тебе этого раба. Ведь перед тобой — моя любимейшая игрушка и моя гордость. Бывший солдат, простой наемник, безвестный бродяга... и вместе с тем самый лучший гладиатор, который когда-либо рождался под солнцем!

— Значит, этот подонок — гладиатор? — Джумаль выпрямился в кресле. Его интерес к пленнику возрос

настолько, что он и думать забыл о недавнем унижении.

— Во всех обитаемых землях нет ему равного,— подтвердил Хашид.— Ни у одного правителя — ни в рабстве, ни в подчинении — никогда не было подобного воина. И не было ни одного боя, который бы он проиграл.

— Даже в схватке с разъяренным тигром?

— Схватка с диким зверем — ерунда, мой достойный друг, уверяю тебя: зверь обладает лишь когтями и клыками. Мой же любимец сражался с самыми опытными, самыми свирепыми и безжалостными, вооруженными до зубов воинами, что волею обстоятельств оказывались в этом городе. И, как видишь, он жив. Чего, увы, нельзя сказать о его противниках.

Джумаль недоверчиво хмыкнул, но тут же взял себя в руки. Он и сам был заядлым любителем гладиаторских боев, и похвальба Хашида пробудила в нем азарт. Хашид же зорко наблюдал за шахом и заметил, как загорелись глаза гостя.

— Завтра, завтра ты поймешь, почему я так дорожу им,— с воодушевлением продолжал он.— И поверь, мой благородный гость, представление это стоит гораздо больше, чем два мешка золота и все достопримечательности в подвалах твоей Серой Башни!

— Я охотно верю тебе, мой могущественный владелец,— медленно, тщательно подбирая слова, ответил Джумаль, не отрывая взора от расprostертого великана. В его голове точно вспыхнула молния, и тут же родился план, каким образом он сможет одновременно и проучить хвастливого Хашида, и отомстить безродному узнику, и насладиться невиданным доселе по накалу страстей зрелищем,— да еще и выиграть с этого представления. Шах встал, расправил складки своего одеяния и обаятельнейшим образом улыбнулся, обратив взгляд к своему хозяину.— Мой светозарный друг и величайший из повелителей, очевидно, будет рад еще раз убедиться в непобедимости своего гладиатора.

Сатрап нахмурился.

— О чем ты говоришь, мой сиятельный друг?

— Я говорю о том, что в недавнем прискорбном случае,— он коснулся шишки на лбу,— безусловно, виноват я один. И мне искренне жаль, что по моей вине эту гостеприимную террасу пришлось покинуть столь влиятельным особам и твоим верным товарищам, как храбрый Сдемак и мудрый Ай-Берек. Конечно, мое предложение может показаться совсем уж смехотворной данью за это недоразумение... но я хочу подарить тебе несколько мгновений удовольствия. И выставить на поединке против твоего раба моего лучшего воина, моего личного охранника, победа над которым станет еще одной жемужиной в ожерелье триумфов могущего Хашида, владыки Вагарана,— провозгласил шах.— Окажи мне честь, славный друг, разреши твоему непревзойденному гладиатору сразиться с моим неуклюжим и слабосильным телохранителем. Разумеется, мой воин и десяти ударов сердца не продержится против твоего столь опытного бойца... Но — кто может знать помыслы богов, не так ли?

Хашид внимательно посмотрел в глаза шаху, и вдруг тоже улыбнулся. В глазах его заплескали искорки. Он обратился к страже:

— Уберите пленника и подождите меня за дверью.— Потом повернулся к слугам: — Вы тоже ступайте.— А когда приказания были исполнены и на террасе остались лишь двое, он вновь обернулся к гостю:

— Ага. Понимаю. Иными словами, ты предлагаешь побиться об заклад?

Шах смиренно кивнул.

— И если твой человек проиграет...

— Я безропотно украшу победный час моего дорогого друга дарением смарагда, что произвел на него столь сильное впечатление,— все так же смиренно ответил Джумаль.

Хашид непроизвольно сглотнул.

Джумаль поставил на кон один из самых любимых и драгоценных предметов, коими обладал,— удивитель-

ной чистоты и красоты смарагд размером с голову младенца. Шах никогда не расставался с ним и отводил любованию камнем ежедневно больше времени, чем даже молитве, и продать его не соглашался ни за какие богатства.

— Понимаю,— медленно повторил Хашид.— А если твой человек выиграет...

— Этого, разумеется, не произойдет, мой достославный друг. Но — спор есть спор, и я бы хотел, чтобы с твоей стороны на кон было поставлено небольшое для такого богача, как ты, количество золота, по весу равное всего лишь одному моему верблюду вместе с упряжью.

— Идет,— быстро проговорил Хашид.— Я игрок, мой великородный друг, и подобные забавы мне более всего по душе.

Они скрепили договор крепким рукопожатием, после чего сатрап позволил себе добродушно рассмеяться. Он прекрасно знал, что его воин проиграть не может.

В ответ туранский шах Джумаль лишь снисходительно ухмыльнулся. Он знал, что и его воин не может проиграть.

Глава третья

Лязг мечей, истошные выкрики командиров, гул огня горящих шатров, испуганное ржание, боевой клич врага «Ула, ула, ула!..» эхом отзывались в спящем мозге пленного варвара. Узник спал в подземелье Вагарана. Спал и видел сны...

...Увы, слишком поздно Конан понял, что ввязался в авантюру, которая заранее была обречена на провал. Но, оказавшись без гроша в кармане под шемским городом Мероз, с трудом вырвавшись из оков интриг, плетущихся во дворце Тананды, едва не погибнув во время схватки с прихвостнями безумного короля Акхирона, возмнившего себя богом, он был рад любой возможности заработать немного денег. Тут под руку и подвернулся вербовщик, набирающий добровольцев (иными словами, всех кого ни попадя) в армию Баруха.

Поскольку некоторые из наемников, знавшие неукротимого варвара по прошлым походам, замолвили за него словечко, сотник с ходу назначил двадцативосьмилетнего Конана десятником — правда, всего лишь в отрядах арьергарда. Получив неожиданно крупный аванс и соблазнившись обещанием доли от несметных сокровищ, якобы хранящихся в приграничном городе хорайцев (которых он всегда недолюбливал), Конан согласился. Но уже вскоре начал подозревать, что вместо обещанной награды его скорее всего ждет лишь бесславная смерть на поле брани.

Напрасно он убеждал своего сотника, что накануне наступления разбивать лагерь в такой близости от Вагарана не просто опасно, но равносильно самоубийству, напрасно он просил усилить ночную стражу — особенно на подступах ко входу в Завывающее Ущелье... Однако на все речи варвара надменный командир отвечал, что, во-первых, другое место для лагеря можно отыскать только в самой пустыне, откуда незаметно начать атаку совершенно невозможно; во-вторых, каждый воин должен выспаться перед сражением, и наличие в ночной смене одного-единственного лишнего дозорного может грозить потерей одной боевой единицы; в-третьих, Барух — прекрасный тактик и сам знает, что делать, а если, в-четвертых, всякая там солдатня, возомнившая себя слишком умной, начнет давать советы насчет планов штурма, то это будет не армия, а... и так далее, и тому подобное.

Кипя бессильной яростью, Конан вернулся к своему отряду. Но, в конце концов, что он может изменить? Коли Барух настолько прекрасный тактик, что готов загнать собственное войско прямоком в лапы смерти, то это его, Баруха, дело, и Конан здесь совершенно ни при чем. Поэтому, приказав своей десятке расположиться как можно ближе к границе пустыни и подальше от Завывающего Ущелья и там же поставить палатку десятника, он со спокойной душой (правда, не снимая боевого облачения) погрузился в сон.

Лязг мечей, истошные выкрики командиров, гул огня от горящих шатров, испуганное ржание, боевой клич врага «Ула, ула, ула!..» — вот что разбудило его.

* * *

Схватив неразлучный двуручный меч, возрастом своим уступающий лишь самому Митре, великан-варвар выскочил из палатки в ночь. И чуть было не столкнулся с невесть откуда взявшимся всадником на гнедом жеребце, что уже занес над палаткой кривую саблю. Для полноценного замаха не оставалось време-

ни; Конан ткнул острием меча повыше передних ног коня и тут же выдернул свое оружие; бедное животное, отчаянно заржав, повалилось вперед. Не ожидавший такого поворота событий наездник, чтобы сохранить равновесие, взмахнул руками; и тут Конан с разворота очертил в воздухе мечом стремительный полукруг, середина которого пришлась аккурат на грудь врага.

Что случилось дальше с располовиненным трупом неизвестного нападающего, киммериец смотреть не стал.

— Десятка, к бою! Пешими, в наружное «полукольцо», живо! — во все горло прокричал он и только после этого оглядел залитый предрассветным туманом лагерь.

Вокруг царили суeta и неразбериха. Сотники и другие десятники Баруха выкрикивали бестолковые приказы, носились казавшиеся призрачными в полутьме всадники, откуда-то издали доносились вопли и звяканье оружия, однако поблизости никакого противника не наблюдалось.

За своих подчиненных, которых Конан выбрал сам и обучению которых посвятил две предшествовавших нападениям седмицы, он не беспокоился. Бойцы все сделают как надо: не минует и пяти ударов сердца, как, оцетинясь лезвиями мечей, десять воинов полукругом выстроятся вокруг своего командира. Гораздо больше его заботило то, что неприятель с одного удара, практически бесшумно сумел прорваться почти до самых песков — туда, где, как полагал варвар, безопаснее всего.

— Десятка, по коням! — вновь скомандовал Конан окружившим его в мгновение ока подчиненным. — За мной строй держать «два на пять», мечи наголо... и по сторонам смотреть! В оба!..

Молнией взлетев на спину своего вороного жеребца, киммериец, не оглядываясь, бросил послушного скакуна в сторону смутно белеющего вдалеке шатра главнокомандующего: бивак командира-сотника был разбит

почти у самого входа в Ущелье, поэтому Конан не стал терять времени на его поиски, а сразу ринулся к шатру Баруха.

Когда он, с трудом пробравшись среди беспорядочно расставленных палаток, гомонящих и не понимающих, что происходит, лучников, то и дело снующих туда-сюда солдат, умудрился добраться до самого шатра, то невидимый противник уже сыграл отступление.

— За ними! — в азарте ревел князь Барух, потрясая до блеска начищенным кинжалом. — Хашидские псы бегут под натиском нашего оружия! За ними, слава Богам и сокровищам Вагарана!

— Барух! — сильнее грома проорал Конан, на полном скаку осаживая коня прямо у ног охранников. — Это ловушка, как ты не понимаешь! Армия хорайцев только и ждет, чтобы мы начали преследование ударного отряда и вступили в Ущелье! Прикажи войску построиться «клешней», тогда мы сможем отразить контратаку Хашида!..

Барух повернул к Конану налитое кровью одутловатое лицо.

— Что я слышу? — по-змеиному прошипел он, с головы до ног оглядел зарвавшегося воина и приметил одну-единственную полоску, черной охрой нарисованную на правой щеке того. — Надо же, десятник! Значит, среди моих офицеров появился либо трус, либо предатель?! Или ты не слышал моего приказа наступать? Кто твой сотник? Я спущу с него шкуру за то, что он берет в подчинение таких мерза...

— Великий князь! — Конан постарался говорить спокойно и учтиво: пятнадцать охранников Баруха, обнажив мечи, только и ждали приказа расправиться со взбунтовавшимся воином. — Враг, что напал на нас, был лишь небольшим легким кавалерийским отрядом — иначе бы ему ни за что не удалось незаметно пройти через наши посты и столь далеко проникнуть в глубь лагеря. Поэтому нет необходимости преследовать его. Напротив, основные силы противника стоят и

ждут, чтобы мы начали атаку и вступили в Ущелье. Это капкан, ловушка, западня!..

— Интересно, а откуда ты это знаешь? — прорычал Барух. — Может быть, ты лазутчик, засланный подлым Хашидом? Подкупленный смутьян, что вносит раздор в слаженные ряды благородных воинов?

— Великий князь, — невозмутимо повторил киммериец, изо всех сил удерживая под собой гарцующего жеребца, — прикажи войску построиться «клешней» у входа в Ущелье, потому что...

— Мразь, ублюдок, щенок! — взревел князь. — Я приказал наступать, и ты пойдешь в первых рядах! А если мои люди увидят, что ты пытаешься спрятаться за спинами своих же боевых товарищей, то участи твоей не позавидует и схваченный стражей распоследний насильник малолетних! Вперед, в атаку! — И, точно потеряв всякий интерес к варвару, он повернулся в сторону застывших оруженосцев. — А вы чего ждете, остолопы?! Или вас мои приказы тоже не устраивают?..

Повинуясь команде сигнальщиков, послышался дробный бой барабанов, и над шатром главнокомандующего взметнулись специальные флажки, уведомляющие о начале наступления.

* * *

Скрежеща зубами, Конан вернулся к ожидающей его неподалеку десятке. Несколько ударов сердца он мрачно смотрел в преданные лица солдат, потом громко произнес:

— Вы слышали все. Выбор за вами, и я, ваш командир, никого не неволю. У нас есть всего три возможности. Подчиниться Баруху и героически пасть в Завывающем Ущелье. Ослушаться приказа, отступить и навсегда покрыть свои имена позором... Или же, вероятно, ценой своей жизни попытаться изменить роковой ход предстоящего боя и снискать маловероятную славу и еще более маловероятный почет среди соратников...

Итак, те, кто выбрал первое, должны поторопиться — передовые отряды князя Баруха уже на подступах к Ущелю, и поэтому я советую им немедленно отправиться вдогонку. Те, кто выбрал второе, тоже должны торопиться — войско Баруха уже на ногах и пробраться к пескам с каждым мигом становится все труднее... Те же, кто пойдет со мной, пусть останутся на месте... но знают, что наши шансы крайне незначительны.

И никто из десятки не пошевелился. И Конан внутренне улыбнулся — все же он командует отменными воинами.

— Что ж, — сказал он, — выбор сделан. За мной, «кустом».

* * *

В свете разгорающегося дня он видел, что основные силы шемитов, построившиеся в боевые порядки, быстро и целеустремленно направляются к зияющей впереди расселине, а передовые отряды уже вступили в тень Ущелья. Угрозы Баруха Конан не боялся: во время наступления никто не сможет проследить за выполнением приказа неприметным десятником, а тем более привести в исполнение приговор, каковой выносится лишь особенно отличившемуся дезертиру. И поэтому киммериец повел свою группу не вслед за остальными войсками — в разверстую пасть смерти — и не обратно к пустыне, где был достаточно большой шанс спастись, а вверх по склону скал, справа от предательского Завывающего Ущелья — туда, куда не отважился бы залезть и самый смелый лазутчик.

Подъем продолжался довольно долго, и Конан отчетливо слышал звуки битвы, раздающиеся снизу, с левой стороны: как он и предполагал, в Ущелье войско князя поджидали главные силы вагаранцев, и неудержимая волна наступающих натолкнулась на неприступный берег защитников. Сердце его сжималось от тоски — ведь на верную гибель он оставил там своих товари-

щей по оружию, и никакое невежество Баруха не сможет послужить ему оправданием... Но так же он знал, что если князь решится-таки на отступление, то с противоположного конца Ущелья его воинов также будут ждать отряды армии Вагарана; так что иного выхода нет, кроме как продолжать подъем.

Ибо действиями защитников нужно руководить с такой позиции, откуда все поле брани просматривается как на ладони и откуда сигналы к перемещению войск будут видны или слышны командирам хорайских отрядов. А подобное место во всей округе только одно: на правом склоне, неподалеку от вершины самой большой скалы из тех, что окружают Завывающее Ущелье; туда-то и направил Конан свой маленький отряд.

Долгим и трудным был этот подъем. Из-за беспорядочного нагромождения обломков скал всадникам пришлось спешиться и повести коней в поводу; они старались не потревожить неустойчивое равновесие камней, поскольку любое неосторожное движение могло вызвать обвал и тем самым раскрыть план Конана.

* * *

В Ущелье рассвет еще только занимался, а здесь, на вершине, уже светило висящее над горизонтом солнце. Люди и кони, скалы и камни отбрасывали длинные причудливые тени. Ветер трепал густую гриву волос варвара, пел свою заунывную песню в расселинах и разломах.

Конан огляделся. Где-то там, чуть правее испещренного трещинами выступа, и должен прятаться сигнальщик. А может быть, и не один. Трое. Или даже пятеро...

— Приготовиться к бою, — на мгновение обернулся киммериец к своим молчаливым спутникам. — Двигаться осторожно, но особо не таясь. Убивать каждого, кто попадется на пути.

Иные из солдат обнажили мечи, другие расчехлили луки. Отряд двинулся вдоль склона Завывающего

Ущелья, со дна которого доносились множимые эхом звуки далекой битвы.

Варвар первым обогнул скальный выступ; перед ним открылся обширный, нависший над пропастью карниз. И в первый миг он даже не смог понять, что именно видит перед собой — столь неожиданной оказалась картина, представшая его взору.

Действительно, сигналы для отрядов хорайцев передавались отсюда. Однако сигнальщик был не один. И даже не пятеро их было.

Посреди каменной площадки стоял высокий четырехскатный шатер, над которым трепетал флаг Вагарана, и по меньшей мере тридцать солдат окружали его. Возле шатра Конан увидел фигуру высокого человека в белоснежной чалме — скрестив руки на груди, он внимательно следил за ходом сражения, развернувшегося в Ущелье.

Вот низкорослый, крепко сбитый воин в дорогих доспехах, стоящий на почетном месте — за правым плечом человека в чалме, — что-то сказал тому, и человек поднял руку. Тотчас находящийся на самом краю пропасти солдат из всех сил замахал ярко-алым полотнищем, и Конан заметил ответный сигнал на противоположном склоне Ущелья: сигнальщики передают приказы по цепочке!

Киммериец в бессильной ярости сжал зубы. Десять легко вооруженных всадников против тридцати отборных воинов неприятеля... Но кто бы мог подумать, что сам Хашид заберется на такую высоту, дабы лично руководить ходом битвы! Впрочем, на ловца и зверь бежит... Он быстро огляделся. Солнце светит в спину отряду, поэтому враг не сразу заметит незваных гостей. Но времени на раздумья нет. Медлить опасно.

— Фарум, — тихо позвал Конан.

Невысокий смуглый воин, совсем еще мальчишка, но уже один из лучших лучников в армии Баруха, передал поводья своего жеребца товарищу и подошел к варвару. Тот указал на вражеский лагерь.

— Не высовывайся, засекут... Можешь попасть отсюда вон в того, в белой чалме, что стоит около входа в шатер?

Фарум пристально взгляделся в намеченную цель, потом покрутил поднятой над головой растопыренной пятерней («щупать ветер» — так это называется у лучников) и наконец медленно покачал головой.

— Не знаю, командир. Далеко, и ветер сильный, неровный. Однако попытаться можно. — Он поднял лук, достал из колчана стрелу, наложил на тетиву... но тут Конан остановил его:

— погоди. Если ты промахнешься, то мы потеряем преимущество, и нам несдобровать. Хашида они будут защищать, как тигрица защищает свой выводок, — до последнего. А убить его необходимо, без своего предводителя войско вагаранцев станет уязвимым, как тот самый тигренок, лишившийся матери. Надо действовать иначе...

Конан помедлил. Десятеро против тридцати. На стороне противника — мощь и численность, но на стороне нападающих — внезапность и ловкость... Врепшь, еще не известно, кому улыбнется удача...

Киммериец повернулся к замершим позади него воинам.

— Дозоры не выставлены, и нас пока не заметили. Значит, нападения отсюда вагаранцы не ждут, — отрывисто сообщил он. — Неожданность и стремительность — вот наша единственная возможность... Не знаю, выживет ли кто-нибудь из нас, но знайте: судьба наших соратников в Завывающем Ущелье теперь всецело зависит только от вас... И если... В общем, по коням, и да помогут нам боги. Сначала идем кучно. Быстро, но по возможности бесшумно. Как только наше появление будет обнаружено, перестраиваемся и атакуем «трезубцем» — я в центре. И тогда шуму издавать как можно больше. В затяжные поединки с охраной не вступать, главная задача — пробиться к шатру; цели — белая чалма в первую очередь, богатые доспехи рядом

с ней — во вторую. Фарум и Юзуф остаются здесь и, когда начнется заварушка, стреляют из луков по шатру. Стрел не жалеть, но целиться постарайтесь точно. Ясно? Тогда вперед.

Конан вытащил заветный двуручный меч и повторил тихо, себе под нос:

— Да поможет нам Кром...

Увы, появление крошечного отряда было обнаружено, едва тот ступил на площадку каменистого карниза. Охрана Хашида бдительно несла службу, и шорох камешков под копытами лошадей отряда вражеской армии сразу же привлек внимание часовых.

Державшуюся над горными вершинами тишину в один миг вспороли крики: тревожные сигналы часовых и боевой клич, вырвавшийся из горла Конана и подхваченный его воинами. Таиться теперь было не к чему. Теперь оставалось надеяться только на удачу и на остро отточенную сталь.

Глава четвертая

Семеро всадников, рассыпавшись, сколь позволяла ширина площадки каменного карниза, мчались, без усталости и без жалости всаживая шпоры в лошадиные бока, к непростительно медленно приближающемуся заветному шатру.

Отборные солдаты личной охраны Хашида отлично знали свое дело. Без паники и суеты те из них, кто был вооружен луками, выстроились в ряд и положили стрелы на тетиву; другие, сомкнувшись стеной вокруг своего командира, за спинами лучников, уводили его под защиту полотняных стен шатра, чтобы упрятать от глаз возможных вражеских стрелков. Коренастый воин в дорогих доспехах, оставаясь там, где стоял, отдавал короткие, четкие приказы. Конан знал: сейчас на его отрядик обрушится град стрел, и до того им не успеть врезаться в скопление хасидских воинов. Киммериец пригнулся, прячась за лошадиную шею. Так же поступили — он успел метнуть взгляд — и его товарищи. Если их скакуны не сразу падут от метких выстрелов, если пронесут еще немного вперед — есть шанс.

Осиный рой хорайских стрел с черно-желтым оперением рассек воздух над площадкой утеса. За ним — еще и еще... Непрекращающийся поток смертоносных жал.

Одна из скачущих бешеным аллюром лошадей пала на передние ноги, ломая об землю торчащие из тела древ-

ки метко пущенных стрел, выбрасывая седока вперед. Удар был силен. Но Кабул все-таки сумел подняться, несмотря на то, что сломал при падении ключицу, — сорокалетний угрюмый, нелюдимый иранистанец, ремеслом наемника зарабатывавший деньги на содержание жены и детей, которым он хранил редкостную верность, сберегая для них все вплоть до последнего медяка, не тратясь ни на вино, ни на веселых женщин — последнее особо удивляло его боевых товарищей, ибо после утомительных походов стоило многого труда удержать себя от посещения Веселого Квартала. Пробившая горло хорайская стрела сделала живущую где-то на юге Иранистана женщину вдовой, а ее детей — сиротами...

Жеребец Конана был ранен — из его тела торчало несколько деревянных стержней с черно-желтым оперением. Но, видимо, оказались не слишком удачными выстрелы хорайцев и слишком послушным и сильным несущее киммерийца животное. Неистово понукаемый Конаном жеребец все еще мчал своего всадника к белому шатру.

На полпути к лагерю вагаранцев убили коня под шемитом Зафиром. Легкому и гибкому шемиту удалось вовремя и ловко соскочить с заваливающегося набок жеребца, откатиться, чтобы не быть придавленным, и тут же перекатиться обратно, чтобы спрятаться за бьющимся в агонии животным. Зафир снял с плеча лук, положил перед собой колчан со стрелами. Сейчас он покажет хорайским шакалам, как надо бить из лука с близкого расстояния. Он всегда отличался находчивостью, этот маленький шемский пройдоха, перепробовавший все известные преступные профессии, неутомимый бабник, азартный и плутоватый игрок в кости, убежденный врун и прекрасный рассказчик всяческих забавных историй, которых знал неисчислимое множество. И эту драку на горной вершине он сумеет описать так, что все будут кататься по земле, держась за животы от хохота. Пять стрел, выпущенные Зафиром, нашли пять своих жертв. Он натягивал тетиву с шестой стре-

лой, когда весь этот полный увлекательных вещей мир вдруг провалился в беспросветную тьму. Маленький шемит опрокинулся на спину; из его правого глаза торчало древко, украшенное черно-желтым оперением...

Не удалось добраться до хорайских воинов и коринфцу Лаузору. Его лошадь каким-то чудом избежала черно-желтых молний, но сам он был выбит из седла вонзившейся в живот стрелой и потом добит, когда из последних сил пытался еще ползти к заветной цели...

В пяти шагах от так и стоящих в ряд лучников жеребец Конана пронзительно заржал и встал на дыбы, не в силах уже выносить боль. Вдобавок к десятку торчащих из его туловища стрел впились все новые и новые, всаживаемые почти в упор. Конан держался в седле взметнувшегося животного — он ждал, куда начнет заваливать погибающего жеребца. Копыта передних ног стали приближаться к земле, киммериец изговаривался, — и внезапно конь — до последнего выдоха преданный варвару друг, уже не живой, но еще не мертвый, совершил предсмертный и такой необходимый его хозяину прыжок вперед. Оттолкнувшись от лошадиного крупа, Конан с выхваченным мечом оказался на земле у самых ног вагаранских лучников. Те попытались отбежать хоть на несколько шагов, чтобы выиграть время для натягивания тетивы, но молниеносно вскочивший черноволосый варвар гигантского роста не дал им ни одного шанса. Теперь, в ближнем бою, уже он стал хозяином положения, и не сумевшие использовать вовремя свое преимущество лучники один за другим издавали предсмертные вопли.

Четверо добрались до лагеря вагаранцев и вступили в рукопашную схватку с отборными лучниками и вытацившими сабли воинами — подоспевшими к лучникам на подмогу, теми, что ждали своего часа, окружив шатер с сатрапам Хашидом внутри.

Одна из четырех преодолевших изначально разделявшее противоборствующие отряды расстояние лошадей упала замертво уже среди хорайских отрядов.

Слетевший с ее крупа всадник, туранец Агхмет, обрушился своим огромным телом на ближайшего из воинов Хашида, одновременно придавливая того к земле и всаживая клинок в живот. Но подняться Агхмет так и не смог: в последний миг вагаранец выхватил и выставил перед собой кинжал, пришедшийся прямо в сердце его врагу...

Конан продвигался к шатру, оставляя позади себя изуродованные тела. Кровь, покрывавшая его с ног до головы, была не только хорайской — ему-таки досталось несколько сабельных ударов. Однако эти удары оказались не из тех, что могут остановить рассвирепевшего киммерийца.

Рядом с собой Конан слышал перекрывающий лязг стали и вопли вагранцев знакомый голос:

— Грязный хорайский скот! Я добрался до вас! Дети свиней, жрущие дерьмо и запивающие его мочой! Холуй Хашида, главаря ублюдков, сына блудливой ослицы! Слышишь, Хашид, я иду к тебе!

На изящном зингарском скакуне сквозь вражеские ряды прорубался высокий и ослепительно красивый юноша с перекошенным от злобы лицом. Звали его Пайтар, и был он хорайцем. Его семью, одну из самых знатных и богатых в Вагаране, вырезали подосланные Хашидом наемные убийцы прямо в родовом дворце. Отец Пайтара имел неосторожность не любить сатрапа и везде и всегда с усмешкой отзывался о нем. Хашид такого не прощал. Лишь чудом Пайтару и его сестре удалось сбежать в ту ночь из отчего дома и выбраться из города. С тех пор юношей владело лишь одно желание: отомстить. Для того и завербовался он в армию Баруха — чтобы стать его меча пропиталась кровью ненавистных подданных Хашида, а из черепа сатрапа сделать плевательницу.

— С коня! — закричал Конан Пайтару. — Спрыгивай!

В такой толчее оставаться в седле, когда конь почти стоит на месте, крайне неразумно и опасно. Юноше не

хватало боевого опыта, хотя самоотверженности было не занимать. Пайтар не услышал своего десятника. Со спины своего скакуна он продолжал обрушивать на вагаранские головы меч и осыпать их проклятиями. Сначала он пропустил удар саблей в ногу, затем — в спину, и наконец брошенный кем-то кинжал вошел ему в подреберье. Пайтар выронил оружие и впился слабыми пальцами в луку седла. Ему оставалось прожить до следующего взмаха хорайской сабли. Тускнеющим взором он обвел все вокруг; увидел вблизи себя Конана, живого и истребляющего собак Хашида одного за другим, улыбнулся и, собрав в кулак волю, выкрикнул:

— Конан! Убей их всех! Убей Хашида! За отца...

Пайтар почувствовал, как в него входит холодное железо и выходит из тела жизнь...

Киммериец услышал юношу и увидел, как тот погиб. Но десятник армии Шема не видел и не знал, что почти одновременно с Пайтаром не стало еще двух его воинов: по горной тропе, той, по которой привел киммериец свою десятку, вскоре после начала атаки поднялся хорайский дозор из пяти человек. Им удалось бесшумно зайти в спину Фаруму и Юзуфу — конановским лучникам. Фарум и Юзуф приняли смерть, не успев даже обернуться. Нападающих осталось двое...

Коренастый бородач в дорожных доспехах, явно второе по значимости после сатрапа лицо на этом карнизе, все реже и реже отводил взгляд от того участка затеявшегося побоища, где Конан, возвышаясь над большинством его солдат, поднимал и опускал тяжелый двуручный меч с такой легкостью, будто тот был вырезан из дерева. Воин (а это был сам военачальник Сдемак) руководил контратакой своего войска в Завывающем Ущелье и в нужный момент, через сигнальщиков, должен был отдать приказ захлопнуть капкан для подлых шемитов, — едва те повернут обратно к выходу из ущелья, гонимые сотнями меченосцев... Но варвар-исполин и его невысокий спутник отвлекали на себя

все внимание Сдемака. Вот между главнокомандующим отрядами Вагарана и парой неумолимо надвигающихся противников осталось лишь двенадцать хорайских солдат; однако вот пали четверо из них, вот еще трое осели наземь, безотчетно пытаясь зажать руками смертельные раны, из которых потоком била кровь...

Двое врагов приближались. Медленно, с боем, получая множество ранений от защитников Хашида, но — приближались. И цель их была ясна: сатрап и он сам, Сдемак. Только смерть двух командиров армии Вагарана может сорвать весь план контрнаступления и дать шемитам возможность не только отступить с малыми потерями, но и, вероятно, одержать победу. Ведь без приказов сигнальщиков отряды Хашида будут дезорганизованы, потеряют слаженность в своих действиях и превратятся в тупую людскую массу, лишенную единого мозга...

Под могучими ударами воинов-врагов очень быстро погибли все охранники Хашида, и между нападающими и шатром, в котором был скрыт сатрап, остался один лишь главнокомандующий отрядами Вагарана.

Взревев, как раненый зверь, Сдемак выхватил саблю и бросился на противника. Важность сигнала к наступлению отошла на второй план. Главным было — спасти своего сатрапа.

— Посторонись, командир! — хрипло прокричал пожилой, седовласый Бартос, единственный из десятки Конана, кто еще остался в живых и сражался плечом к плечу с киммерийцем. — Бородач мой! А ты доберись до Хашида!

Бартос, коренной замориец, воин чуть ли не с рождения, принимавший участие в несметном числе походов и сражений, но так и оставшийся простым солдатом, поднял над головой длинный прямой меч — остро заточенный с одной стороны и покрытый устрашающими зазубринами с другой, — левой рукой выхватил из-за пояса кинжал и двинулся на Сдемака, мигом забыв о существовании Конана.

Когда его спрашивали, почему, имея столь богатый воинский опыт, он по-прежнему всего лишь обыкновенный солдат, Бартос неизменно отвечал: плененного командира из армии, потерпевшей поражение, обычно вешают. А если командир в плен не попадает, то его все равно обычно вешают, причем свои же — за то, что проиграл битву. Так на кой мне это надо? Не-ет, неприметным рядовым быть лучше всего!

И весь свой опыт, всю свою выучку и умение простого солдата он вложил в этот бой, бой один на один. Со скрежетом скрестились мечи, и Сдемак покачнулся — он никак не ожидал встретить в выглядящем как старик воине поистине исполинскую силу. В этот миг он и думать забыл о безоружном сигнальщике, что застыл на краю скалы. Сигнальщик с ужасом наблюдал за схваткой и понятия не имел, в какой момент требуется подать сигнал о контрнаступлении... Таким образом остаткам войск Шема удалось выбраться из Долины и прорваться к пустыне.

Два противника обменивались могучими ударами; летели искры, высекемые ударами стали о сталь, а в это время киммериец добежал до шатра и быстро огляделся. Пятеро вражеских солдат спешили к лагерю с той стороны, где он оставил Фарума и Юзуфа. В спины им никто не стрелял, значит, лучники из его десятки тоже погибли. Итак, осталось их двое: Конан и Бартос. Но и врагов осталось всего ничего: бородач, сатрап Хашид и солдаты из охраны сатрапа, причем солдат немного — шатер совсем маленький, больше двух стражников в него не влезет.

И, взмахнув мечом, северянин вспорол ткань хасидского укрытия от вершины до основания. Шатер осел на землю, обнажив двух испуганных его обитателей: самого Хашида и какого-то усатого старика в черном одеянии. Конан вновь замахнулся мечом.

Увидев, что черноволосый гигант добрался до шатра повелителя, полководец Сдемак будто приобрел новые силы. Сокрушительный удар обрушился на меч Барто-

са, еще и еще... И старый воин не выдержал. После очередного выпада полководца он упал на спину, но успел выставить перед собой меч, чтобы парировать следующий удар противника. Клинок Сдемака был отброшен в сторону, однако вагранец из руки оружия не выпустил. Воспользовавшись мгновенной передышкой, Бартос сумел приподняться на локте. У него оставался один-единственный шанс, чтобы, по меньшей мере, не остаться побежденным. В полуденном воздухе сверкнул меч главнокомандующего отрядами Хашида и, перерубив ключицу, погрузился глубоко в грудь заморийца.

В сознании Бартоса вспыхнул ослепительно голубой свет, и мир вокруг померк. Однако в последний момент он сумел выставить перед собой зажатый в левой руке кинжал, и на его тонкое жало натолкнулся незащищенный бок Сдемака, который еще не успел выдернуть застрявший в теле старого воина меч.

Колдун Ай-Берек, личный советник сатрапа Хашида, ждал до последнего мгновения. Загодя подготовленное им заклинание — на случай неожиданного нападения на правителя Вагарана — было слишком сильным, чтобы применять его против горстки наемников: ведь могла пострадать и многочисленная личная охрана сатрапа... Но кто ж знал, что всего несколько нападающих окажутся настолько безрассудно наглыми, чтобы напасть на лагерь самого Хашида, и настолько удачливыми, чтобы почти привести свой план в исполнение?..

Поэтому он выжидал до того момента, пока не рухнул прикрывающий их полог шатра, и только тогда произнес несколько слов на забытом старохайборийском языке, вытянув безымянный палец левой руки в сторону показавшегося в проеме гиганта с небесно-голубыми глазами, с развевающейся на ветру гривой иссиня-черных волос, вооруженного тяжелым двуручным мечом. С крайней фаланги пальца сорвался пучок фиолетового света и метнулся прямо в грудь нападающему.

Едва Конан взмахнул мечом над головой безоружного человека в белой чалме, как некая неведомая сила, вылетевшая из руки старика в черном, ударила ему грудь.

Тысячи иголок вонзились в тело киммерийца. Мышцы мигом одеревенели, клинок выпал из непослушных пальцев. Глаза ослепли, уши — оглохли... Конан провалился в Ничто.

Хашид с беспокойством посмотрел на застывшего статуй врага.

— Не волнуйтесь, мой повелитель, — услышал он спокойный голос мага. — Заклятие Утренний Сон еще никому не удавалось побороть. Теперь вы можете делать с этим дикарем, что пожелаете.

Так варвар-киммериец Конан оказался в плену у Хашида, сатрапа хорайского города Вагаран.

И теперь он спал в подземелье Вагарана. Спал и видел сны.

Глава пятая

Никогда еще арена Вагарана не видела такого столпотворения — были заполнены все места на трибунах, люди стояли даже в проходах между рядами каменных скамей.

Одними из последних места для зрителей заняли мужчина и женщина... хотя женщин на представление не допускали — вход разрешался только мужчинам.

Служитель, впускающий посетителей и собирающий плату за вход, не смог скрыть удивления, когда перед ним предстали двое одинаково высоких людей, с ног до головы закутанных в бесформенные белоснежные одеяния, с замотанными белой материей лицами, так что свободными оставались лишь глаза.

— О! — воскликнул он. — Вижу, времена и впрямь меняются, как вещают уличные оракулы. Уже и жрецы Неизвестного снизошли до мирских утех!

По одеждам, по иероглифической надписи на одном из языков, известных лишь узкому кругу посвященных, что была черной нитью вышита на рукавах, по висящим на шее амулетам, представляющим залитый прозрачной смолой человеческий глаз, — по всем этим признакам служитель признал в пришедших жрецов странного бога из странного монастыря, расположенного у подножия гор, в десяти лигах к западу от Вагарана.

Но служитель находился на этой должности недавно и не знал, что жрецы посещают каждый гладиаторский бой, ни разу не пропустив ни одного кровавого представления.

Откуда пришли основатели этого монастыря, размерами и устройством больше напоминающего небольшой и очень старый город-крепость, почему обосновались именно здесь, какому богу или богам поклоняются с редкостной для нынешних времен неистовостью — было неизвестно.

Никто из посторонних в обитель не допускался, никто и никогда не видел лиц белых жрецов, то и дело заявляющихся в город к наступлению полудня и только в солнечные дни, и никто не знал, какая причина заставляет их праздно шататься по улицам до наступления темноты. Про монастырь и его обитателей ходили разные, в основном — устрашающие слухи. Сатрапы, nasledующие или захватывающие престол, не связывались с исправно платящим дань монастырем, ибо всегда боязно, если не знаешь, с какими силами придется иметь дело.

Служитель не только удивился появлению жрецов Неизвестного (жрецы Неизвестного — именно так в городе прозвали членов загадочного братства), но и растерялся.

Он не должен допускать на трибуны женщин, а тут поди разберись, к какому полу принадлежат эти создания с глазом на веревке... Может, и не люди вовсе? Но хоть и пугали служителя жрецы своей таинственностью, своими жуткими амулетами — чувство долга все же пересилило.

— Я вам вот что скажу. — Он постарался придать голосу как можно больше твердости. — Я уважаю обычаи всяких там чужих богов. Но — я на службе. Меня выгонят, если что не так. В лучшем случае, придется ходить с протянутой рукой. Так что, коли хотите пройти на трибуны, снимите платки, или... в общем, я должен увериться, что вы — не женского племени.

Вдобавок к сказанному служитель развел руками, жестиком показывая, что рад бы по-другому, но и вы меня поймите.

Из длинного, полностью скрывающего кисть рукава выглянула ладонь одного из жрецов — по виду все-таки мужская. Разжались пальцы. Десять золотых монет против двух требующихся за вход, насчитал на ней наметанный глаз служителя. Горсть желтых кружочков соблазняла обещанием всех тех удовольствий, что покупаются за деньги. Теперь чувству долга в душе служителя пришлось бороться с алчностью. И первое продержалось недолго.

— Ладно. — Служитель огляделся по сторонам и перешел на шепот. — Не буду ущемлять ваших религиозных чувств. Идите себе. Только это... В случае чего — скажите, что прошли через другой вход. Ладно?

Две монеты со звоном упали в кожаный кошелек на бедре служителя, а восемь нырнули за пазуху.

Таким образом женщина в жреческой одежде проникла на трибуны. Теперь она сидела рядом со своим спутником в точно такой же белоснежной хламиде и нашептывала ему на ухо:

— Говорят, этот человек поднял угасший было интерес к боям настолько, что и плату за вход увеличили вдвое, и представления проходят чаще, а люди раз за разом заполняют все зрительские места до отказа. Говорят, он однажды играючи разделался с дюжиной чернокожих бойцов из Куша, каждый из которых был вооружен копьем и щитом. А эти воины, я знаю, в одиночку управляют со львами и тиграми. Еще я слышала, будто здесь присутствует шах из Турана, который привез с собой и сегодня выставит против северянина своего лучшего, доселе непобедимого воина. Говорят, здешний сатрап и этот шах поставили огромные деньги, почти целые состояния — каждый на своего гладиатора. С нетерпением жду его выхода, Веллах.

Тот, кого называли Веллахом, ответил коротко и туманно:

— Ну, иногда бывает выгоднее проиграть целое состояние.

— Да, да... но я все думаю: вдруг это он и есть? Вдруг именно ради него мы...

Спутник женщины гневно зашипел на нее, призывая к молчанию. И женщина умолкла.

Джумаль, туранский шах, действительно присутствовал на представлении. Мягким, изнеженным телом развалившись на шелковых подушках на террасе сатрапа Хашида, он перебирал нанизанные на шнур жемчужные бусины и так же, как и находившийся рядом правитель Вагарана, дожидался начала зрелища. Каждый из них ничуть не сомневался в победе именно своего бойца, и поэтому был сама любезность и предупредительность.

Хашид сидел, полностью уверенный, что триумф достанется его пленнику — ведь тот еще ни разу не проигрывал, сколь бы опытные воины и в сколь угодном числе не противостояли ему. Сейчас раб сидел в камере, примыкающей к коридору, ведущему к выходу на арену. К схватке его не готовили — лишь охраняли. Да и то: полтора десятка вооруженных до зубов стражников почти не смотрели в сторону пленника-раба, что сидел на табурете в центре мрачной комнаты без окон, опустив руки на колени и не отрывая взора пустых, лишенных мысли и самой жизни глаз от каменных плит пола. Так он и просидит, не шевелясь, до того момента, когда его призовут на арену.

Охрана знала это — уже не первую седмицу наблюдала она подобную сцену. Поэтому и сейчас стражники, несмотря на грозную славу гладиатора, на его внушительные размеры, на то, что он неоднократно пытался бежать из подземелья, разбились на кучки, рассказывали друг другу забавные истории, хохотали над ними и жевали изюм, сплевывая косточки на пол. Ведь раб обычно демонстрировал свою прыть только на песке арены; в другое же время лишь спал, ел безучастно, да сидел так, как нынче.

Поговаривали, что усмирение строптивного не обошлось без личного советника сатрапа, колдуна Ай-Берека.

Поговаривали, разумеется, шепотом... Сейчас Ай-Берек находился на террасе Хашида — стоял за спиной правителя. Сказать, что укрощение непокорного варвара обошлось без его помощи значит ничего не сказать. Ведь именно он, Ай-Берек, и никто другой, обуздал этого бешеного северянина.

Поначалу он предлагал казнить опасного пленника, но Хашид разубедил своего мага. «Столь великолепное хищное двуногое, — сказал владыка Вагарана, — буквально создано для убийства. И коли оно попало нам в руки, жаль просто так терять его. Сей экземпляр сумеет принести в боях на арене деньги и славу городу, мудрый Ай-Берек. Утихомирь его с помощью своего магического искусства, сделай так, чтобы презренный раб больше не досаждал нам, но лишь радовал нас. Тебе, я уверен, это будет не трудно».

Склонившись в почтительном поклоне, колдун Ай-Берек вернулся к себе в башню и извлек из тайника, подобных которому в его обители имелось множество, крошечную коробочку эбенового дерева. В ней хранилась невидимая простому глазу нить из паутины желтого паука с Барахских островов. Паутина, сплетаемая паучком размером не больше ногтя, по кровожадности превосходящим всех насекомых на свете, прочностью не уступала хваленной карпашийской стали, а заметить ее мог лишь владеющий магическим зрением человек.

Все прочие люди и животные, натываясь на расставленные пауком сети, острые как бритва, обычно на месте умирали от потери крови... и тогда по стебелькам и листочкам кустарников спускалось притаившееся в ожидании этого мгновения крошечное насекомое, которое будет долго, жадно пить свежую кровь, раздуваясь, как мех от вина, и из желтого превращаться в пурпурное.

Обычные люди радовались тому, что паучок водится только на Барахских островах, черные же маги — огорчались. Для многих заклинаний и обрядов требовалась нить желтого паука, и волшебникам приходилось выкладывать за обладание ею огромные деньги. Но платили они не скупясь, не жалея, не торгуясь.

Ай-Берек вооружился алмазом, отшлифованным и обработанным специальными растворами. Поднес его к открытой коробочке. Увеличивая изображение предметов, алмаз давал возможность увидеть и крошечный моток паутины, из которого торчал кончик. За этот кончик миниатюрными щипчиками и ухватил паучью нить колдун. Потом взял заранее приготовленную иголку, вдел щипцами паутину в ушко. Произнес короткое заклинание, вонзил острие иглы себе в палец. Проткнул его насквозь, пропуская в рану вслед за иглой и паучью нить.

Вызвав в мозгу образ умиряемого раба, Ай-Берек выговорил его имя — Конан, а вслед за ним несколько слов, звучащих как скрежет когтей по металлу. На последнем слове паутинка, смоченная кровью волшебника, скрючилась, как волос над пламенем. Вот и все. Дело сделано. Приказание сатрапа выполнено. Презренный раб, этот дикарь, теперь в полной его, Ай-Берека, власти.

Когда смолк последний дерущий слух звук заклинания и невидимая паутина словно обуглилась, Конан вскочил с кучи гнилой соломы наваленной в темнице, где его держали. Сердце пронзила неожиданно острая боль. Повинуясь безотчетному чувству, он вскинул голову, и ему показалось, что с потолочного перекрытия спускается огромная сеть — темнее мглы тюремной камеры. Он выбросил перед собой руки, и тут на него навалилось тяжелое дремотное отупение. Последним, что воспринял взор киммерийца, было яркое, до рези в глазах, сияющее хитросплетение тончайших желтых нитей. И мир померк, погрузился в сон. Сон без проблесков жизни, без времени и пространства...

Заклятие с Конана Ай-Берек снимал только тогда, когда пленника вытаскивали на арену, вкладывали в руки его собственный меч и оставляли один на один с другим гладиатором. Или гладиаторами. И варвару не оставалось ничего другого, как биться насмерть — в противном случае ему пришлось бы поменять колдовское забытие на полное, вечное небытие. И едва бой оканчивался, маг Ай-Берек вновь возвращал прежние чары. Колдун крепко держал нить паутины, в которой увяз строптивый раб...

Когда пелена дурмана впервые покинула мозг Конана, киммериец увидел вокруг себя желтый песок; казалось бы, только что он понуро сидел в своем подземном узилище, размышляя о новом побеге, и вот — на нем вдруг почему-то надето боевое облачение, а в руке сжат знакомый обоюдоострый меч. Гул толпы врывается в уши; подняв голову, северянин понял, откуда он исходит: гудел заполненный людьми амфитеатр, в котором проводятся гладиаторские бои. И он, Конан, стоит в центре арены.

Напротив себя варвар увидел человека — в четырех шагах от него подпрыгивал, взбивая босыми ногами песок, словно исполняя некий диковинный танец, очень высокий и очень худой негр, вооруженный деревянным щитом и тонким длинным копьем. Киммериец не успел ни удивиться внезапно проявившейся реальности, ни осознать, что происходило и происходит с ним, ни что бы то ни было вспомнить. Не успел — ибо негр неожиданно разразился боевым кличем и прыгнул в его сторону, одновременно выбрасывая копье, нацеленное в голову киммерийца.

Мышцы и рефлексы не подвели Конана: рука с мечом взметнулась сама по себе, и стальной клинок отклонил смертоносный полет костяного наконечника копья. Противник, не добившись успеха внезапным выпадом, тут же отступил обратно, восстановив первоначальную дистанцию между ними, и принялся кружить вокруг варвара. При этом ноги черного человека

продолжали свой странный танец, неслышному ритму которого следовало и худое гибкое тело. Киммериец понял, что обречен на бой до смерти, что его неведомо как превратили в бессловесного гладиатора... и он отбросил все прочие размышления на потом, сосредоточив внимание на противнике, обратив всего себя только на одно — выжить.

Чернокожий продолжал кружение и танец, а Конан, поворачиваясь к нему лицом, выжидал. Негр не спешил повторять атаку — видимо, догадался, что перед ним не просто гора мускулов, но опытный и опасный воин. До ушей киммерийца долетели гневные крики с трибун — собравшиеся на зрелище жаждали схватки, а трусливые рабы боятся даже приблизиться друг к другу! Варвар невольно усмехнулся: эти толстозадые скачущие ублюдки, глазающие на них, конечно, сейчас считают себя смельчаками, а ведь выволоки их сюда, так мгновенно обделаются и плюхнутся на колени, умоляя о пощаде!..

Чернокожий сделал ложный выпад, надеясь, что голубоглазый великан опять взмахнет мечом и тогда можно будет всадить настоящим, сильным ударом копье в незащищенный живот. Конан на уловку не попался — не мальчик. По положению своего вынужденного врага, по недостаточному напряжению мускулов рук и живота киммериец уловил, что последует именно ложный удар, и не шелохнулся ни одной клеточкой своего тела. На лице жителя далекой жаркой страны промелькнуло явное разочарование. Негр возобновил кружение и приплясывание, продумывая, очевидно, новую хитрость.

«А теперь посмотрим, клюнешь ли ты сам на обман», — подумал Конан; вслед за этой мыслью он поднял обеими руками высоко над головой свой меч и, издав боевой клич, шагнул на врага. Увидев, что туловище врага открыто, чернокожий поединщик не смог противостоять такому соблазну и метнул копье. Этого-то Конан и ждал. Едва черная рука отвела копье назад,

изготавливаясь к броску, как варвар сгруппировался, а когда вылетела вперед — бросился наземь. Увенчанное костяным острием с зазубринами древко просвистело в воздухе, чтобы бесславно воткнуться в песок; а северянин, перекатившись по арене, оказался почти у самых ног не успевшего сориентироваться противника и подсек эти ноги ударом меча плашмя.

Негр потерял равновесие и упал на колени; в его грудь тотчас уперся длинный меч уже поднявшегося с песка варвара-великана.

Убивать незнакомого чернокожего воина, который как боец был достоин уважения, Конан не собирался — хотя трибуны настойчиво требовали именно этого. Киммериец хотел было отвести меч от груди поверженного противника, когда тот, вдруг обхватив клинок руками, сдвинул его к самой шее и резким движением насадил себя на остро отточенную сталь. Варвар не успел отдернуть оружие; из горла чернокожего сильными толчками хлынула на желтый песок ярко-алая кровь.

Победитель посмотрел в глаза побежденному, из которых уходила жизнь. В глазах этих не было ни страха, ни ненависти — одна лишь безысходная тоска...

Конан отвернулся. Значит, для чернокожего смерть — избавление. Так что же это за место, где воин предпочитает самоубийство возможности выжить, пусть и ценой временного поражения? Он быстро обернулся по сторонам в поисках ответа, а заодно и путей освобождения...

Но он не успел больше ни о чем подумать, ни что-либо сделать: весь мир застлало ослепительно сверкающее силетение, похожее на паутину, и киммериец погрузился в вязкую, лишенную надежды, дремотную пустоту.

* * *

Дальше — лишь драки и пустота. Кровавые поединки на арене, паутинообразная вспышка перед глазами

и опять провал в таинственный дурман, из которого не удавалось вырваться напряжением воли, а что еще можно противопоставить явно колдовскому наваждению — неизвестно.

Правда, не смирившимся с порабощением разуму иногда, на какие-то мгновения, удавалось выйти из-под проклятых чар. Тогда перед глазами вставала все та же паутина; впрочем, бывало, в ней появлялся разрыв, сквозь который на мгновение возникала реальность, но яркие нити тут же стягивались вновь и восстанавливали порванную сеть. И снова наступало забытие. Лишь на время боев, под свист и улюлюканье переполненных трибун его мозг освобождался от заклятия, возвращалась прежние сила и ловкость, рефлексy и навыки работали безотказно, зрение и слух не слабели. И поэтому он пока побеждал в гладиаторских схватках... Хотя по одному противнику против варвара давно уже не выставляли — слишком скоротечными, малокровными и, стало быть, малоинтересными для публики оказывались поединки.

Однажды Конану пришлось сразиться с полутора дюжиной вооруженных вилами и топорами людей, принадлежащих к неизвестному ему низкорослому племени. Бойцы из них были никудышные, но отчаянно храбрые, для которых, как и для него, смерть с оружием в руках, очевидно, означала лишь почетный переход в иной мир, где подобных им встречают как героев. И бородачи продолжали сражаться, даже истекая кровью и получив смертельные ранения... С такими воинами хотелось драться плечом к плечу, а не против них, и, хотя Конан одолел всех, но после боя его тело с ног до головы покрывали многочисленные раны и собственная кровь.

Однако, в очередной раз выйдя из отупляющей дремоты и снова оказавшись на той же арене, киммериец обнаружил на теле лишь давно зарубцевавшиеся шрамы. Не ощущалось ни слабости, ни боли, ни усталости. Все это лишний раз подтверждало его догадки о том,

что он находится в сетях колдовства. «Буду убивать каждого мага, что попадется мне на пути. Черных, белых, разноцветных. Истреблю под корень мерзкое отродье!» — неоднократно в моменты просветления вспыхивала в голове варвара свирепая мысль. Но для ее осуществления требовался самый пустяк: избавиться от чар, которые снова и снова погружали его мозг в пустоту...

В победе своего гладиатора Хашид не сомневался.

Глава шестая

В другом помещении, совсем рядом с камерой, где неподвижно сидел Конан, к выходу на гладиаторскую арену готовился Амин, его противник, личный телохранитель туранского шаха. Вернее, его готовили.

Обнаженный, он лежал на деревянном топчане, недостаточно широком для него, а десяток невольниц — из тех, у кого руки посильнее, — разминали его телеса, попутно втирая в кожу мазь, сотворенную из змеиного яда, черного лотоса и более полудюжины редких и дорогих трав. Стоившая баснословных денег мазь оправдывала затраты: под ее воздействием мышцы становились более эластичными и выносливыми и менее чувствительными к боли. Тело, впитавшее это снадобье, двигалось невероятно легко — человек переставал чувствовать почти запредельные нагрузки...

Хотя для Амина подобные втирания были излишним баловством. Он и без них не знал себе равных по силе, по быстроте, по умению владеть любым видом оружия...

Оружие? Он с голыми руками мог выйти против вооруженного до зубов воина и выиграть бой, ибо мало кто из считающих себя настоящими бойцами сумел бы нанести вред его телу — защищенному кожей толстой и прочной, как панцирь черепахи, с мускулами, в которые, казалось, были вживлены металлические нити.

Кстати, не так уж не правы были те, кто называл мышцы Амина стальными.

Подобно сатрапу Вагарана, туранский шах Джумаль был в прекрасном расположении духа и уже прикидывал, как распорядится своим выигрышем — кучей золота, равной весу верблюда вместе с упряжкой. Ведь его личный телохранитель и лучший на земле боец проиграть не может никому... по крайней мере, никому из людей. А почему — об этом на всем белом свете знал один лишь шах. Только он владел тайной, кем на самом деле является его верный страж, его всегдашняя тень, воин по имени Амин.

Даже самому Амину было неизвестно о том, что он родной сын шаха Джумалия.

Шах хотел иметь потомство. Но у многочисленных жен и наложниц от него появлялись на свет только девочки. И не помогали советы врачей и магов. Целебные снадобья, мази, заговоры и заклинания пропадали впустую — число дочерей росло год от года. Да и не столько наследник престола был нужен шаху, сколько продолжатель рода и убежденность в том, что сам Джумаль — настоящий мужчина, способный зачать такого же мужчину.

И вот в один из дней придворный маг, старец Йорхи, служивший еще и отцу, и деду шаха, попросил удостоить его беседой с глазу на глаз. После изъявлений любви и почтения, Йорхи заговорил о том, что привело его в этот день в покои повелителя.

— Всемогущий, прости мне мои непозволительные откровенность и прямоту. Я верно служил твоему отцу. Я — твой преданнейший раб. Всю мою затянущуюся жизнь и все мое скромное искусство я посвятил вашему роду. Я знаю тебя с твоего первого младенческого писка, как знал и отца твоего. Волею богов и твоим милостивейшим соизволением ведомы мне священные тайны твоего рождения, твоей жизни и твоих недугов. Долгие годы я тщетно пытался докопаться до первопричин твоего беспокойства, омрачающего твое бого-

угодное правление и твою по заслугам благополучную жизненную дорогу. Увы, первоистина осталась скрытой от меня, ибо все то, что хотят скрыть боги от глаз человеческих, остается недостижимым. Но, солнцеликий, я узнал, как помочь тебе обрести то, что по неизвестным причинам доселе было невозможно. Я узнал о том единственном способе, кой в состоянии разрушить черное проклятие твоей судьбы, и ты сможешь стать отцом ребенка мужского пола. Правда...

Старец, замаявшись, опустил очи долу.

— Говори, Йорхи! Говори! — Вино выплеснулось из серебряного кубка, который сжимала рука шаха.

И маг Йорхи поведал о том, что вычитал в ветхих манускриптах, вывел из разговоров с другими магами, узнал из общения с потусторонними силами.

Чтобы преодолеть проклятие, лежащее на шаху, и чтобы начал он мальчика, требовалось породнение с силами невидимого мира. И в крови младенца будет течь пополам с отцовской кровью и неизвестных созданий, незримо влияющих на человеческие судьбы... Демонических созданий, иными словами.

— И еще, — добавил Йорхи. — Никто из людей никогда не должен узнать о том, что он — твой сын. Даже сам сын не должен ведать, кто отец его. Все, кто будет причастен к тайне рождения, должны умереть. Я, если позволит мой повелитель, совершив то, что обязан буду сделать, умерщвлю себя сам. Поверь, великий шах, только так ты можешь стать отцом мужчины. Я все сказал.

— Йорхи, — ответил на это после продолжительной паузы шах, — ступай. Явишься завтра в этот же час. Я буду думать.

Шах провел в размышлениях день и бессонную ночь. Страшно ему было решиться вступить в родство с темными колдовскими силами. Но — желание родить сына оказалось сильнее.

— Я согласен, — сообщил он старцу спустя сутки. — Что нужно делать, Йорхи?

Будущую мать Йорхи отыскал в том районе столицы, где обитали одни бедняки. Юную пышнотелую дочь многодетного торговца водой старец приметил во время одной из своих многочасовых прогулок по пыльным улицам. «Подходит», — решил придворный маг, увидев девушку, выходящую из калитки отцовского дома.

На следующий день ее похитили, когда она возвращалась из хлебной лавки. Двое похитителей, воины из личной стражи шаха, продержали бедную молодую туранку до наступления ночи в грязной лачуге на окраине города, а ночью привели ее Йорхи.

Девушку заперли в подвальном помещении, смежном с комнатами, где старец проводил дни и годы в своих магических изысканиях. Выпив вина, поднесенного придворным магом якобы в награду за верную службу, воины-похитители умерли, едва опустели их кубки.

В то подвальное помещение, обставленное всем необходимым и самым лучшим, даже случайно не мог проникнуть никто — кроме самого шаха и его мага. В назначенную старцем ночь туда вошел Джумаль, чтобы совершить таинственный обряд, которого он ждал и боялся.

Невольница, лежавшая на низком широком ложе (чем только и занималась вот уже несколько дней подряд), вскочила, увидев повелителя, и согнулась в почтительном поклоне. Она поразилась, испугалась, но — сразу все поняла. Да-да, ей повезло, случилось то, о чем мечтала каждая девочка из бедной семьи — она приглянулась шаху, и он сделает ее своей наложницей. Значит, она будет сыта, богато одета, ей уже никогда не придется работать. Шах присел на крошечный диванчик и оттуда принялся молча разглядывать стоящую рядом с их брачным ложем избранницу Йорхи — не ослепительно красивую лицом, но безукоризненную телом.

Открылась дверь — на пороге возник старец с подносом в руках; на подносе покоились серебряный кувшин с длинным изящно изогнутым носиком и серебряная же широкая чаша. Приблизившись к девушке, он осторожно перелил темно-красную густую жидкость из кувшинчика в чашу и приказал ей:

— Выпей.

Та вопросительно взглянула на шаха.

— Пей, — велел Джумаль.

Юная туранка взяла чашу, поднесла к губам.

Опустевший сосуд выпал из ослабевших рук, полетел на ворс ковра. Девушка опустилась на край ложа, а потом, не в силах одолеть охватившую ее слабость, дала неподчиняющемуся телу рухнуть на простыни тончайшего немедийского шелка. А старец Йорхи уже вычерчивал углем на стенах комнаты причудливые пентаграммы. Огонь при этом сам собой стал угасать. Комната погрузилась в полумрак. Йорхи повернулся к шаху.

— Мой повелитель, возьми эту черную повязку и завяжи себе глаза. Лучше тебе ничего не видеть. Возьми эти затычки, вставь в уши. Лучше тебе ничего не слышать. Иди к ней. Делай свое мужское дело. Я же займусь своим.

Шах, повелитель одной из могущественных провинций огромной страны, как ребенок отца слушался сейчас своего придворного. Он подошел к впавшей в забытие наложнице, раздел ее, разделся сам. Заткнул, как велел Йорхи, уши затычками из мягкой ткани. Прежде чем завязать глаза, огляделся. Скрестив ноги, старец сидел на ковре, огромный фолиант лежал перед ним; над желтыми страницами колыхалось марево. Черный, как безлунная ночь, переплет терял форму, пытался, казалось, растечься по ковру. Шах померещилось даже, что письма, покрывавшие страницы, оборачиваются червями и пауками, расползаются, разбегаются кто куда. Шах поспешил закрыть глаза непроницаемой повязкой.

Он ощупывал бездвижное женское тело, стараясь разжечь свою плоть... Вдруг, несмотря на затычки, его уши уловили нарастающий гул, будто чудовищная приливная волна несется на него, сметая все на своем пути. В ноздри ударила ужасающая вонь; к приближающемуся шуму прибавилось злое шипение — такое, что издают тысячи змей, разом отвергнув свои пасти.

И шах почувствовал, что он уже не принадлежит себе. Что-то извне вползло в его тело, в его душу и разум. Впивалось иглами в позвоночник, вспарывало кожу тупыми лезвиями, расплавленным свинцом вливалось в кровеносные жилы, хищными зубами рвало внутренности. От невыносимой боли Джумаль возопил и...

И мгновенно смолк. Боль ушла вся, без остатка — так же неожиданно, как и появилась. Ему сделалось легко и приятно; упоительно! Он ощутил стократный прилив сил. Показалось даже, что сейчас он сможет единым движением мизинца свернуть горы, простым поворотом головы уничтожить многотысячную вражескую армию.

Шах сорвал с глаз повязку, отбросил ее в сторону. Узрев перед собой обнаженную девушку, взревел, как тигр, завидевший свою жертву, и набросился на безвольное тело с неистовостью солдата, год не встречавшего женщин. Джумаль насиловал ее бешено, неудержимо.

Перед его глазами вращались пламенные бело-голубые вихри, затмевающие весь мир, набравшие головокружительную скорость и все убыстряющиеся. Шах слышал, как из горла вырывался то дикий торжествующий рык, то безумный смех — и его еще больше пьянили рождающиеся в нем звуки. Шах ощущал орудие своей страсти как раскаленный железный прут, врывающийся в топку, полную пышущих жаром углей. И ему хотелось, чтобы стало еще жарче, чтобы все вокруг превратилось в адское пекло, еще... еще... еще...

Мир взорвался и разлетелся на куски, когда, подобно лаве из ожившего вулкана, брызнуло его семя. И с последней каплей отторгнутого семени пришли темнота и бесчувственность.

* * *

Джумаль открыл глаза. Сил хватило только на то, чтобы немного повернуть голову. Раскинувшись, он лежал на скомканных простынях рядом с наложницей, которой овладел и имени которой не знал. Женщина негромко постанывала, но еще не пришла в себя, не очнулась. На ее лице, шее, обнаженной груди вспухало множество огромных, устрашающих кровоподтеков — следы нечеловеческой страсти владыки.

Морщинистое седобородое лицо склонилось над Джумалем.

— Мой повелитель, — тихо проговорил Йорхи, — запомни что я скажу, ибо уши твои, достойные лишь изысканнейшего славословия, моих речей более не услышат. Сейчас ты удалишься из этих покоев, запрешь их. Вернешься сюда через шесть месяцев и шесть дней. В полночь. Возьмешь сына. Выйдешь к северным воротам. Стража будет спать. Положишь ребенка с наружной стороны ворот и уйдешь. Через час пойдешь с проверкой караулов, обнаружишь будто бы подкидыша. Велишь взять его во дворец на воспитание, отдать кормилицам. А потом распорядишься навсегда замуровать вход в эти покои... Чтобы не вызвать подозрений у дворцовых интриганов, — почему это великий шах самолично обходит стражу, — с завтрашнего дня будешь совершать еженощный обход дворцовых постов вместе с начальником охраны. Сына назови Амином. И запомни: никогда он не должен услышать от тебя слово «сын»; никому и никогда ты не должен рассказывать о том, кто есть Амин... Прощай же, мой повелитель. Моя служба тебе заканчивается. Обопрись на меня.

Йорхи помог шаху подняться с ложа, накиннул ему на плечи халат, довел еле переставляющего ноги, бес-

сильного что-либо произнести и о чем-то спросить Джумалю до дверей. Как только шах переступил порог, старец вложил ему в руку ключи и захлопнул дверь.

* * *

Джумаль выполнил в точности все, как велел старый Йорхи. Через шесть месяцев и шесть дней, в полночь он приблизился, стараясь унять страх, к облепленной паутиной двери. Открыл. Вошел. В скупом свете тлеющего где-то наверху светильника он разглядел в трех шагах от порога корзинку — в ней что-то шевелилось.

Шах ухватился на плетеную ручку и вынес корзинку в коридор, поставил под укрепленный на стене факел. Наклонился. «Вот мой сын...» Шах глядел на обыкновенного, только очень уж крупного младенца мужского пола, молча и угрюмо ерзающего среди пеленок. — Ребенок, рожденный женщиной от меня. Плоть от плоти, кровь от крови».

Он смотрел на новорожденного безразлично, не испытывая никаких отцовских чувств. Может, виной тому участие в зачатии и рождении темных колдовских сил? И не зря ли он пошел на это? Впрочем, теперь отступать поздно.

Еще раз заходить в покои старца не было никакой нужды, но Джумалем овладело любопытство. Вытащив из гнезда факел, новоявленный отец второй раз подряд переступил этот порог. Факельное пламя осветило небольшую прихожую, откуда одна дверь вела в лабораторию Йорхи, другая — в комнату, где он овладел женщиной, подарившей ему сына. Шах толкнул дверь этой комнаты и вошел, разгоняя факелом темноту. Нога в сафьяновой туфле ступила во что-то липкое, мокрое. Он наклонился и тут же отпрянул. Кровь! Рука подняла факел высоко над головой.

Все здесь тонуло в крови — стены, пол, потолок были забрызганы свежей, за долгое время отчего-то не свернувшейся кровью. Повсюду валялись человеческие ос-

танки, ни одну часть тела невозможно было узнать: безудержная сила не только изорвала, разодрала людей на мелкие кусочки, словно веселя себя этим, но и изжевала, изгрызла их...

Джумалю повезло, что он не отличался особой впечатлительностью. На его месте любой другой пришел бы в ужас, упал бы в обморок, не сдержал бы рвоту, наконец. Шах же, оставшись невозмутимым, покинул сцену кровавого пиршества. И, выйдя в коридор, навсегда захлопнул дверь в покои Йорхи.

«Ох уж мне эти Дети Ночи, — подумалось ему. — Зря я с ними связался».

Это был первый и последний раз, когда он пожалел, что вступил в сговор и даже в родство с силами Мрака.

В корзине запищал ребенок — запачкавший пеленки, как поступают все младенцы на свете.

* * *

...Амин рос в многодетной семье первого придворного советника по торговле, жившего со всеми домашними во дворце; ничем он не выделялся среди своих сверстников, разве что высоким не по годам ростом и недетской мускулатурой. Однажды, играя с одним из сыновей придворного — сражаясь с ним на деревянных мечах, — он нанес удар этой, казалось бы, безобидной тупой деревяшкой в живот мальчика с такой силой, что вогнал ее в тело по самую рукоять, и окровавленное «лезвие» вышло из спины несчастного ребенка. Бедняжка умер, но виновника его смерти эта трагедия нисколько не огорчила, не потрясла. Шах лично разобрался в случившемся и убедил советника, что приемыш невиновен, ибо пока не может рассчитать свою силу и не понимает, насколько он уже силен. Советник получил от Джумали щедрое золотое возмещение потери, а Амина поселили в отдельной комнате рядом с казармой дворцовой охраны и поручили надзирать за ним капитану Ратарху — начальнику стражи. Теперь все дни напролет мальчик проводил на

специальном дворе, где стражники совершенствовались во владении различными видами оружия, в ведении рукопашной схватки или же просто накачивали мускулы. Двенадцатилетний Амин упражнялся рьяно, неистово, ничем другим не интересуясь — кроме оружия и собственной телесной мощи.

Спустя полгода седой капитан Ратарх явился к шаху и, не тая удивления, поведал, что воспитанник, которому едва исполнилось тринадцать, побеждает в учебных боях любого из его солдат, на чем бы они ни бились, и любого из них укладывает на лопатки в состязаниях по борьбе. «Даже меня», — добавил Ратарх, и заметно было, что это признание далось ему с трудом.

Шах отправился посмотреть на удивительного ребенка и не узнал того, кто приходился ему сыном и кого он не видел уже полгода. С тех пор Амин вырос еще на голову, раздался вширь, заматерел. На вид парню можно было дать никак не меньше восемнадцати, а то и всех двадцати.

— Это дитя спокойно можно зачислять в стражу, — обронил капитан, а Джумаль, подумав: «Почему бы и нет?», поставил Амина одним из своих телохранителей.

Прошло еще два месяца, и на шаха было совершено покушение.

Во время одного из приемов во дворце убийца, проникший в чертог под видом иноземного купца, метнул в Джумаль с расстояния пяти шагов отравленный кинжал. Никто из шахских телохранителей не успел даже вздрогнуть. Никто — кроме Амина, который неизвестно как сумел в прыжке подставить свою грудь под летящий клинок. И не только подставить: с кинжалом, точащим из тела в двух пальцах от сердца, он ринулся к убийце. Тот попытался покончить с собой извлеченным из другого широкого рукава купеческой одежды вторым таким же оружием, однако это ему не удалось. Амин перехватил руку фанатика. Со звоном упала на мозаичный пол отравленная сталь и... И

мальчик, выглядящий как мужчина, сам убил покушавшегося — могучими ручищами, играючи, свернул ему шею, озвучив наступившую тишину хрустом ломающихся позвонков. Только после этого отважный телохранитель рухнул, покрыв собой труп врага.

Амин не только не умер от потери крови, от внутренних повреждений или от яда, покрывавшего лезвие, — на следующий день он вновь стоял рядом с шахом, готовый защищать его жизнь. Стоял, отныне и навсегда, впереди всех прочих телохранителей.

Вскоре для всего туранского двора, а значит, и для наместников императора во всех провинциях, наступили черные дни. Интриги и заговоры, организуемые и подогреваемые в основном государствами, соперничающие с Тураном за влияние на западе, сотрясали страну.

За три года на жизнь Джумалья покушались одиннадцать раз. Его пытались убить вблизи и издали. Но чутьем, реакцией и мужеством молодой телохранитель шаха свел на нет все эти попытки. Амин закрывал шаха собой, вступал с убийцами, сколько бы их ни было, в схватки, выбивал из рук бокалы с вином, если туда был подсыпан яд, отбивал пущенные из дальних укрытий стрелы, угадывал преступные намерения, обводя своим пронизывающим взглядом тех, кто приближался к хозяину, и тем самым заставляя иных нервничать и выдавать себя. Если случалось Амину получить ранение, то все раны заживали на нем к следующему дню. Молодой стражник превратился в неизменную тень повелителя одной из областей огромной страны, сопровождая его везде и всюду, постоянно ночуя не более чем в двадцати шагах от своего хозяина. Обретя такого телохранителя, шах не только сохранил пошатнувшуюся было власть, но и навел ужас на своих врагов, вынуждая последних пойти путем переговоров и уступок. Прекратились покушения и порождавшие их причины — интриги, заговоры, происки иноземных недоброжелателей. И шах обрел спокойствие.

Лишь одно обстоятельство нарушало безупречность Амина. Раз в год, не чаще, в нем пробуждалось неумная жажда убийства. Ему требовалось пролить человеческую кровь. И если служба телохранителя не даровала такую возможность, то накопившийся и требующий выхода кровавый голод изливался слепой и жестокой яростью при первом удобном случае, на первого подвернувшегося человека. Шах научился распознавать приближение такого состояния у своего сына и стража: красные точки в зрачках Амина тогда увеличивались, почти заполняя собой глазные яблоки, ладонь не отпускала рукоять секиры, легкая дрожь то и дело пронизывала его. И шах придумал, как безопаснее всего поступать в таких случаях. Едва заприметив нарастающее возбуждение, повелитель Турана выпускал Амина на гладиаторскую арену — не боясь, что он погибнет. Тот и не погибал. Наоборот, играючи раздвигался со всеми своими соперниками. Кровавый зуд унимался и давал знать о себе снова только через год.

О чем Джумаль не знал и не мог знать, так это о снах, каждую ночь посещавших его сына. О снах, которые забывал и сам Амин, едва просыпался. Просыпался с непонятной, лютой ненавистью ко всему роду человеческому. Правда, одного человека на земле эта злоба обходила стороной: шаха, по отношению к которому Амин чувствовал безотчетный долг любить, оберегать, посвящать всего себя служению ему и, если надо, умереть за него.

Сновидения не вредили чуткости сна Амина. При любом шорохе, колебании воздуха, еще каком-нибудь изменении в окружающей обстановке телохранитель в мгновение ока оказывался на ногах, с секирой на изготовку. И тогда от ночных видений не оставалось и следа; от видений необъяснимых, загадочных, жутких.

Порождаемые спящим мозгом Амина, возникали ландшафты почти земные, но чем-то неуловимым отличающиеся от привычных: бурая с отливом плоскость, с редкими клочками спиралью закрученной травы, ис-

пещренная трещинами, как кожа буйвола — морщинами; то и дело из земли вырываются фонтаны черной грязи, забрызгивая все вокруг; причудливых форм, словно обтесанные рукой безумца, гигантские валуны разбросаны повсюду; и надо всем этим плывет в вышине нестерпимо оранжевый диск светила.

А по этим ландшафтам бредут отряды воинов в бронзовых доспехах. И головы их венчают шлемы — точно такие же, как и тот, что лежит у изголовья спящего Амина.

Воины те — не люди. Желто-серую кожу огромных, тяжелых, бугрящихся мускулами тел покрывает волосяной покров; лица — безносые, с наползающими на узкие прорези глаз костяным наростом лба, с хоботом, продолжающим подбородок и спускающимся к груди — у тех, кто сегодня именует себя людьми, облик этот может вызвать по меньшей мере брезгливое отвращение. Ходят они странно, на полусогнутых, вывернутых в коленных суставах в другую сторону ногам, цепляясь за почву когтями трехпалых массивных ступней. Вооружены все воины одинаково: секира и щит. Это оружие они и пускают в ход, когда на них нападают отряды воинов-людей. Тогда начинаются битвы — отчаянные, на уничтожение, сечи с единственной ясно ощутимой целью: полное истребление. Под одним солнцем не жить людям и нелюдям. И с помощью оружия они решают, кто останется, а кто умрет.

Проливаемая кровь стекает в трещины земли, встает и заходит солнце, а побоище не утихает, ибо пока на поле брани еще есть живые, никто не может с него уйти.

И вот погибает последний воин в бронзовом шлеме, израненный, искромсанный, но пытающийся подняться и отнять жизнь хотя бы у еще одного из тех, кто сжег и разрушил их города, вырезал жен и детей и добивает последних мужчин.

Однако падает, сраженный человеческой рукой, последний воин стертой с лица земли нечеловеческой расы,

тот, о котором теперь, спустя тысячелетие, утрачена всякая память, и с его уродливой по людским понятиям головы скатывается безыскусный бронзовый шлем...

И этим обрывались сны Амина. Он пробуждался. Открывая глаза, забывал о ночных видениях. И лишь ненависть к человеческому роду переполняла его.

Поэтому Джумаль был абсолютно уверен, что его воин не может проиграть бой с ничтожным варваром, на которого ставил Хашид.

Глава седьмая

Не соизволит ли многоуважаемый гость приказать открыть ворота, через которые выйдут на арену те, кто должен на ней сегодня оказаться? — так обратился сатрап Хашид к туранскому шаху.

— В своем доме, мой добрый друг, распоряжается хозяин, — с улыбкой ответил Джумаль.

— Тогда не скажет ли досточтимый гость, кого он желает увидеть перед собой в первую очередь? Могучего воина, добывающего славу для своего шаха и скрепляющего мечи с моим сумасбродным гладиатором? Или другой поединок, приготовленный мною только для увеселения столь дорогого гостя, как правитель одной из областей непобедимого Турана?

— Любезный Хашид, делай как знаешь. И не беда, что мы у себя привыкли сперва есть мясо и уж потом велеть подавать шербет.

Кивком поблагодарив шаха за столь мудрый совет, сатрап отдал необходимые распоряжения слугам. После чего опять повернулся к гостю:

— Мы не могли омрачить светлый взор гостя из великого Турана зрелищем, вызывающем зевоту и дрему. Блюдо, кое будет подано сейчас для насыщения перед десертом, клянусь богами, никто не посмеет назвать заурядным. В Туране не могли не слышать о воинственном племени женщин, обитающих в малодоступных областях Черных Корлевств и именующих себя

амазонками, тех, кто умерщвляет взятых в плен мужчин, едва те завершают свое мужское дело, равно как и появляющихся на свет младенцев мужского пола. Редко кому удастся пленить амазонку... Сейчас ты, мой драгоценный гость, увидишь одну из них в работе.

Сатрап искоса глянул на того, кому предназначались его слова, желая насладиться произведенным эффектом, ибо амазонка, купленная людьми Хашида за огромные деньги на невольничьем рынке в Хоршемише, сама по себе могла стать украшением любой гладиаторской арены в любой стране, привлечь на трибуны толпы зрителей, согласных заплатить за редкое представление немалые деньги — ведь никому, никогда и нигде не посчастливилось еще видеть амазонку в роли гладиатора.

Шах не доставил удовольствие Хашиду — он не удивился, не восхитился, не опечалился, и уж тем более не задохнулся завистью. Нет, Джумаль остался невозмутим.

— У меня не возникло и тени сомнения, — учтиво ответил он, — что у величайшего из всех правивших Багараном сатрапов везде и во всем встречу я самое лучшее из существующего на этом свете.

Как раз в это время открылись ворота, из которых на арене показались гладиаторы.

* * *

В комнату, где возлежал на топчане Амин, услаждаемый растираниями невольничьих рук, вошел неприемный слуга шаха и медовым голосом произнес:

— Уважаемый Амин, не будет ли тебе угодно взглянуть на арену, где сейчас разыгрывается схватка; предстоящая твоей, в которой ты сотрешь в труху местного головастика. Возможно, тебя заинтересует...

— Нет, — отрезал Амин, переворачиваясь на спину. Один его голос мог запугать кого угодно: утробный, проникающий, кажется, не только в уши, но и в каждую пору на теле слышавшего его, вызывая тем самым

беспричинную дрожь. — Мне наплевать на такие пустяки. Ступай. Я буду одеваться.

Слуга исчез, словно его и не было здесь вовсе.

Телохранитель Джумалья поднялся с топчана, ступил босыми ступнями на каменный пол, потянулся всем телом. Приняв вертикальное положение, он предстал во всей своей ужасающей мощи. Невероятно высокого роста, обтянутый кожей, отливающей бронзой, которую изнутри распирали глыбоподобные, небывалые для человеческого существа мускулы, при каждом движении переливающиеся так, будто каждый из них был самостоятельным живым существом. И эти переливы действовали на врагов зачаровывающе, нередко под их гипнозом даже отъявленные храбрецы сдавались без боя, неожиданно для себя проникаясь ощущением своей полной ничтожности. Особенно если мускульная игра подкреплялась взглядом Амина. Черные зрачки с маленькой красной точкой посередине, окруженные желтоватыми белками, казалось, проникали в глаза человека, посмеявшегося скрестить взоры с телохранителем, — как черви проникают в яблоко, чтобы изгрызть его. И чем дольше человек не отводит глаз, тем сильнее становится ощущение, будто его что-то сжирает изнутри, выкачивает кровь, копошится в мозгу, разрушает ткань костей. Бывало, люди умирали от одного только взгляда Амина.

О неимоверной силе шахского телохранителя по Турану ходили легенды. Говорили, например, что он в одиночку однажды поднял ради упражнения помост, на котором стояло полдюжины лошадей.

* * *

Амин принялся облачаться, готовясь к выходу на арену. Повязал набедренную повязку из прочного стигийского льна, поверх нее надел кольчугу, покрывавшую бедра от пояса, пластины которой были отполированы столь тщательно, что любая красавица могла бы использовать их для любования собой... Но если в них

отразится солнечный луч и попадет в глаза противнику, то кому, скажите на милость, от этого будет хуже?

Широкую безволосую грудь и часть спины закрыли металлические круги, сцепленные меж собой кожаными ремнями, пропущенными под мышками и через плечи. На них, столь же зеркальных, красовался герб правящей династии — выполненный золотом с вкраплениями смарагда (любимого камня шаха) лев, попирающий растерзанное тело орла на фоне бескрайних песков Турана. Заняли свое место наплечники, наколенники, налокотники и браслеты, защищающие запястья.

Невольницы, до сего момента бездействующие, бросились обувать хозяина их судеб. Сапоги из бархатистой кожи саблезубого тигра, отороченные мехом черного леопарда, оканчивались вздернутым, острым бронзовым носом. Ловкий удар этим с виду простым украшением пропорол голень уже ни одному противнику.

Молчаливые рабыни подали Амину Шлем. Этот подарок однажды преподнес шаху вендийский купец, приведший в Туран караван. «Работа древних мастеров. Очень древних, — пояснил даритель и как бы невзначай добавил: — О! Как я вижу, он придется впору стражу твоего тела — тому, что стоит за твоим плечом...» Купец уехал, а оброненные небрежно слова вскорости подействовали: Джумаль передал своему телохранителю ненужный ему самому, безыскусный с виду, сделанный из какого-то бронзового сплава боевой головной убор. Шлем пришелся как раз по голове — будто специально изготовлен был по мерке для Амина. Как-то гостивший у шаха ученый, мудрец и немного маг Али-аль-Геур, увидев сей бронзовый предмет на голове шахского телохранителя, побледнел, но ничего никому не сказал, ибо, как известно, делиться знанием — делиться жизнью. Али-аль-Геур встречал описания таких шлемов в древних свитках и впервые узрел воочию. И, если верить почти истлевшим пергаментам,

в стародавние времена Шлем принадлежал одной из рас, населявших землю до появления людей. Нечеловеческой расе...

Вот и сейчас шлем, хранящий множество тайн великих эпох, покрыл лысую, шишковатую голову шахского телохранителя Амина, готовящегося к выходу на арену. Он, кстати, был не только лыс — на его теле вообще никогда не росли волосы.

— Вон, — приказал он, и уже ждавшие этого распоряжения рабыни бросились прочь из комнаты, чувствуя несказанное облегчение оттого, что некоторое время не придется находиться в одном помещении с наводящим на них ужас человеком.

Перед самым боем шахский телохранитель любил побыть в полном одиночестве.

* * *

В то время когда Амин надевал доспехи, а Конан сидел все в той же позе на том же табурете, на арене началось представление, призванное разгорячить публику перед главным сражением, а также усладить почетного гостя невиданным пока в Туране зрелищем. В ворота, через которые выпускали на публичную бойню гладиаторов, вытолкнули женщину. Ту самую — из племени воинственных, непокорных амазонок. Рослая, гибкая, смуглая, с длинными, каштанового цвета волосами, стянутыми на затылке кожаным ремешком, — такой она предстала перед заполнившими зрительские места мужчинами, жаждущими развлечения. Упругой кошащей походкой двинулась она вдоль трибун, проводя по ним взглядом, исполненным бесконечной, рвущейся наружу ненависти. А по трибунам пробежал восхищенный мужской шепот, когда публика разглядела стройные, крепкие ноги, едва прикрытые потертой, местами порванной кожаной юбкой и высокую грудь, которую не могла утаить простая короткая накидка. Зрители заерзали на своих местах. В ответ на это амазонка выхватила из ножен короткий широкий меч

и, направив его вытянутой рукой к трибунам, выплеснула на них поток слов на чужом, непривычном для слуха языке. Переводчик, впрочем, никому не потребовался: суть произнесенного угадывалась по горящим злобой глазам, по звукам, вонзающимся в уши праздной толпы вместо стрел — стрел, которые хотела бы, но не могла выпустить в нее пленная амазонка.

— Хороша! — отметил шах, отломив от виноградной грозди ягоду; в другой руке он держал кубок с легким вином. — Вот разве что такой смазливой мордашке не идет выражение дикой свирепости.

— Жаль, что язык дикарок никому не ведом, кроме них самих, — поддержал разговор Хапид. — Могу лишь представить, какими отборными ругательствами поливает она сейчас весь род мужской, какие немислимые проклятия насылает на него. Надеюсь, сие благодарно скажется на качестве предстоящего поединка, где она сможет выплеснуть свой гнев на соперника-мужчину. Отведай охлажденные льдом фрукты, мой высокочтимый гость, пока их не нагрело солнце. Их отменно готовит мой повар-шемит.

Открылись другие ворота — противоположные тем, из которых вытолкнули на арену женщину, — и на песок, за долгие годы впитавший в себя целое море крови людей разных рас и народов, вышел еще один идущий на смерть. Но шел он добровольно.

Был он из тех отчаянных или же отчаявшихся воинов, что по доброй воле заключали договор на участие в определенном числе боев, и если побеждали, не умерев при этом от ран, то получали обговоренное вознаграждение. У гладиатора, коренастого, бородатого казака, неведомыми ветрами занесенного в Вагаран из диких запорожских степей, лежащих между хайборийскими землями и Тураном, сегодняшний бой был последним из десяти, которые он обязался провести. Девять побед уже позади.

Еще одна — и можно на вырученные деньги не один месяц всласть побездельничать, ни в чем себе не

отказывая. Тем более что за последний бой обещали тройное вознаграждение — во-первых, оплатить ущемленную гордость мужчины, вынужденного сражаться с бабой, во-вторых, особо оценить выполнение личной просьбы сатрапа Хашида. А тот попросил с лучшей стороны показавшего себя в предыдущих боях казака по возможности не убивать амазонку, сберечь ее, таким образом, для новых схваток, но выпороть как следует на потеху публике плеткой, которой казак владел лучше, чем некоторые собственной рукой, и вовремя остановиться, а не добивать, даже если зрители будут требовать смерти. «А еще неплохо бы поспшибать с нее плеточкой последнюю одежду. Людям понравится. — Полководец Сдемак, передававший просьбу сатрапа, глумливо осклабился, подмигнул казаку игриво и даже ткнул пальцем в бок, — мол, ты же мужик, должен понимать, что к чему. — За последнее, если выгорит, заплатим особо. И лично от меня пять золотых получишь».

Благодаря всему этому казак ступил на арену в отменном настроении, нисколько не сомневаясь ни в окончательной победе над какой-то там телкой, ни в том, что сумеет исполнить все просьбы и пожелания.

Его настроение улетучилось быстрее пуха под порывом урагана, едва он встретился глазами с той, что шла ему навстречу. Он понял: биться придется только на смерть, а не убьешь ее, так она зубами загрызет тебя. Понял... но просьбу Хашида не мог не попробовать выполнить (к тому же надежда на «вдруг повезет» есть всегда).

Прозвучал гонг, объявляющий о начале состязания. Казак принялся распускать плетку.

На показавшихся на арене гладиаторов, как обычно, зрители сплошь и рядом делали меж собой ставки. Одета жрецом Неизвестного женщина до боли сжала локоть своего спутника.

— Что же это делается, Веллах, — шепотом, но довольно громким, взволнованно заговорила она. — Они

дошли до безумия... Женщину... Выставить женщину! И это — называющий себя цивилизованным мир!

— Тише, Минолия, прошу тебя, тише! — успокаивающе произнес и погладил ее руку Веллах. — Не хватало, чтобы нас разоблачили. Вспомни, мы рискуем не только своими жизнями.

— О да, я помню... Но как бы не хотела я присутствовать при сей мерзости.

— Потерпи. И лучше бы нам помолчать.

— Хорошо... Но куда же смотрят боги, Веллах?!

Кроме широкого короткого меча у амазонки из оружия ничего не было — она сама отказалась взять что-либо еще. Казак же помимо плетки имел при себе булаву на длинной рукояти, висящую до поры до времени на поясе. Мужчина и женщина сходились, чтобы решить, кому жить, кому — нет. Его вели деньги, ее — боль и ненависть.

— Тигрица, суцая тигрица, — говорил в этот момент сатрап шаху. — Скольких моих сорвиголов она оцарапала, одному даже пальцем глаз выколола... Да не смотри на меня так, мой благородный друг! Не за то. Они не посмели бы дотронуться до нее, мой гнев им известен. Виной всему ее дикий, необузданный норв.

— Как ее имя? — лениво поинтересовался Джумаль.

— Неизвестно. Пытались узнать, жестами объясняясь, но — увы. То ли не понимает, о чем ее спрашивают, то ли молчит из дикарского упрямства.

— Так, глядишь, и умрет безымяной.

Ни шах, ни сатрап не знали, что настоящая амазонка никогда ни одному мужчине не откроет своего имени. Назвать имя значит в какой-то степени признать равенство с низшим полом. А позорнее этого — лишь самой быть мужчиной...

Плетку, свитую из конского волоса, венчал, утяжеляя, и делал грозным оружием набалдашник из булатной стали с четырьмя острыми гранями. Описав широкий круг, этот четырехгранник, раскрученный рукой

чернобородого казака, помчался, со свистом рассекая воздух, чтобы пробить женскую голову.

Широко расставив ноги, женщина-воин присела и выставила над собой меч. Плеточный набалдашник не попал в голову, но казак, едва заведя свой промах, рванул рукоять плетки вниз; по змееподобному телу его оружия прошла волна, а булатный наконечник опять летел вперед, нацелившись в голову противницы. Он ударился о меч, которым амазонка прикрывала себя, послав во все стороны чистый, даже веселый звон. Скорость изменившей направление удара плети значительно уступала первоначальной, да и казак не мог теперь молниеносно вернуть к себе оружие. И женщина воспользовалась этим. Запястье ее руки, держащей меч, совершило несколько кругообразных движений, и — конец плетки вместе с жестоким набалдашником оказался намотанным на клинок. Амазонка резко дернула руку на себя, острое лезвие ее оружия впилося в конский волос и разрежало его. Плеть лишилась нескольких дюймов длины и булатного устрашения.

Казак выругался. Да, с этой бабой придется повозиться.

— Я бы отдала несколько лет своей жизни за то, чтобы эта женщина победила, — тихо проговорила спутница Веллаха. По ее дрожащему голосу Веллах понял, что она плачет.

— Ты принимаешь все слишком близко к сердцу, — прошептал он.

Усеченная плетью, описывая невероятные зигзаги над головой воина из запорожских степей, уходила вниз, забирала вбок и неожиданно выстреливала, выжигая рубцы на смуглой женской коже, обдирая до крови. Но сбить женщину с ног чернобородому не удавалось. А очень хотелось. «Ладно, — думал казак, — пока все нормально. Еще немного, и я ее подсеку». Вдруг амазонка отчаянно бросилась на него, выставив меч перед собой.

— Й-э-э-х! — взлетел над ареной выкрик, и плетеный конский волос опутал женские ноги, обрушивая амазонку на песок. Рукоять плетки вылетела из ладони казака. Да и пес с ней! Ни к чему теперь.

Сорванная с пояса булава легла в руку гладиатору. Чернобородый сделал шаг к поверженной противнице, взмахивая укрепленной на массивной длинной рукояти шарообразной головкой. Один, ну от силы два удара — и все будет кончено. Начнется месяц беззаботной житухи.

Низвергнувшуюся булаву встретил клинок. Рука, что его сжимала, была не столь сильной, как та, что наносила удар, но разящее железо чуть замедлило свой полет, и женщина успела, извернувшись на песке, уйти от бугристой головки булавы. Смертоносное оружие вошло в песок рядом с ее черными как вороново крыло волосами. Но и меч отлетел далеко от владелицы.

И тут амазонка сделала то, до чего никогда бы не додумался мужчина-боец. Она, рывком приподнявшись, впилась зубами в волосатую конечность, держащую оружие. Казак взвыл, вздернул прокушенную руку, отпустил булаву.

По-прежнему опутанными ногами женщина вцепилась в сочный удар в наиболее чувствительное место противостоящего ей воина, да и всего мужского пола. Чернобородый согнулся от боли пополам. Женские руки ухватили его за льняную рубаху и рванули книзу. Воин завалился на песок рядом с воительницей... И больше ничего не успел сделать, потому что острые ногти тонких хватких пальчиков воткнулись ему в глаза, безжалостно вырывая их из глазниц.

С жутким воем казак вскочил, слепо заметался по арене, прижимая ладони к лицу; из-под них на бороду и грудь стекала кровь. Арена наполнилась его истощенными воплями... Впрочем, к крови и воплям трибуны были привычны.

А амазонка неторопливо распутала ноги, встала, отряхнулась, подобрала меч, подошла к уже побежден-

ному противнику и положила конец его мучениям, вонзив клинок точно в сердце.

— Прекрасный бой получился, мой любезный шах, не так ли?

Сатрап Хашид остался доволен исходом поединка. Сохранилась живой и невредимой еще одна приманка для публики на следующие гладиаторские схватки — да какая приманка, ого-го! Завтра весь город наполнится разговорами о прелестной женщине, не уступающей в боевом искусстве мужчинам, послезавтра слухи об этом выплеснутся за городские стены и разойдутся по окрестным и более дальним городам, и на новое выступление с участием амазонки смело можно повышать плату за вход. А сатрап к деньгам был равнодушен.

— Благодарю тебя, многоуважаемый Хашид, за редкое в наши полные скуки и однообразия дни зрелище. — Джумаль был почти искренен. — О, посмотри-ка, что происходит!

Амазонка подошла к высокой стене, за которой начинались трибуны, выкрикнула что-то громко и вдруг метнула свой окровавленный меч в шевелящиеся, обсуждающие увиденное и передающие друг другу деньги фигуры на каменных скамьях. Запоздало ворвались на арену стражники, тащившие за собой веревочные сети: оружие уже нашло новую жертву, судя по взвившемуся над трибунами полному боли и недоумения крику.

Несколько сетей накрыли воинственную женщину, сбивая с ног и лишая возможности сопротивляться. Сейчас ее уволочут обратно в подземелье.

— Она победила. Я рада, — тихо, успокоенно произнесла женщина в наряде жреца.

— А мужчину тебе не жалко? — Ехидство проскользнуло в голосе ее спутника.

— Для мужчины естественно умереть в бою. А вложить меч в руку женщины может только мужчина.

С арены утаскивали, уцепив крюком на длинном древке за грудную клетку, бездыханное тело незадачли-

вого гладиатора. Сейчас разровняют песок, засыплют пятна крови, и все будет готово к новому поединку.

Амин надел перчатки, собранные из стальных колец, в которых руки не ощущали никакого неудобства, а лишь приобретали дополнительную силу удара и защиту. Взял продолговатый медный щит и секиру. Этим полумесяцем, насаженным на тяжелое бронзовое топориче, разрублена уже не одна никчемная человеческая голова. Сегодня — очередь следующей.

Амин был готов к бою. И к победе.

— Что ж, мой высокопоставленный друг, — весело проговорил Хашид и поудобнее откинулся на подушки. — Настало время насладиться десертом. Надеюсь, ты еще не передумал и не хочешь отказаться от нашего маленького спора.

Джумаль любезно улыбнулся.

— Вовсе нет, мой щедросердечный друг! Отказаться от многообещающего финала столь захватывающего представления? Никогда.

— Значит, твой бесценный камень против моей жалкой горстки желтого металла?

— Именно так. Мой никчемный булыжник против целой груды золота.

— Тогда начнем.

Хашид поднял руку.

Повинуясь сигналу, со скрипом поднялись решетки в противоположных концах арены, и на песке появились двое великанов — одинаково бронзовокожих, почти одинакового роста, почти одинакового телосложения.

По трибунам пронесся долгий многосотенный вздох, и воцарилась напряженная тишина. Ради этого боя и пришло сюда почти все мужское население города, а также гости и приглашенные чужестранцы, и никто не хотел упустить хоть малейшей детали предстоящего развлечения.

Хашид повернулся к колдуну Ай-Береку, смиренно ожидающему за спинами знатных господ, и неторопли-

во кивнул ему. Волшебник склонился в ответном поклоне, после чего закрыл глаза, шепотом произнес короткое заклинание и сделал жест, будто сдерживает скатерть со стола.

Сразу же магическая паутина спала с мозга Конана, свернулась в черный клубок и повисла над самой головой киммерийца — невидимая простому глазу и готовая тут же опуститься обратно, мгновенно повиновавшись приказу волшебника.

Глава восьмая

Вспышка света.
Гулкий удар несуществующего колокола, от которого заложило уши.

Волна ледяного холода, быстро покотившаяся по телу от кончиков пальцев ног до самой макушки.

Конан вздрогнул, открыл глаза — но тут же вновь зажмурился: яркое полуденное солнце на миг ослепило его. Потом киммериец медленно вновь приподнял веки.

Опять — в который уже раз! — он стоял на желтом песке ненавистой арены. В уши опять вливался многоголосый ропот зрителей, жаждущих крови, — естественно, чужой и, естественно, пролитой чужими руками. Он ощущал себя старой игрушкой, которую ребенок случайно нашел среди мусора и немного позабавился с ней — до тех пор, пока не наскучило... а тогда снова выкинул ее. И так раз за разом: поиграл — выбросил, поиграл — выбросил... Что может быть унижительнее, чем оказаться в роли беспомощной куклы, которую дергают за ниточки колдовства бездушные невидимки?!

Конан постарался унять рвущийся наружу гнев. Он еще найдет способ расквитаться с таинственными мучителями, а пока необходимо позаботиться о собственной шкуре.

Варвар быстро огляделся, потом осмотрел себя. Толстая кожаная безрукавка с пришитыми к ней металлическими полосками — тонкими и гибкими, движе-

ниям не мешающими, однако, в случае чего, способными смягчить рубящий удар клинком. Штаны до колен, высокие прочные сапоги, перчатки и наколенники из дубленой шкуры какого-то животного. В правой руке — заветный двуручный меч, с которым киммериец не расставался никогда и балансировка которого позволяла управляться с ним одной рукой, на локте левой — металлический, но очень легкий и, судя по всему, достаточно надежный щит, прикрывающий тело от подбородка до пупа. Волосы, чтобы не мешались и чтобы защитить голову, удерживаются металлическим же обручем с двумя пересекающимися на макушке лентами (это киммериец выяснил, случайно бросив взгляд в отполированное с двух сторон навершие щита).

На сей раз боевое облачение, пусть и незамысловатое, оказалось необычным: еще никогда Конана не наряжали столь тщательно — обычно он «пробуждался» на арене в одной лишь набедренной повязке, босиком, а из оружия при нем был только меч.

Странно.

И еще более странно: на этот раз против него выставили всего одного человека — хотя загадочные испытатели уже смогли убедиться, что Конану нет равных среди гладиаторов; в бою один на один заведомо выигрывает именно он, варвар из Киммерии. Значит, перед ним не обычный гладиатор...

Но додумать эту мысль ему не дали: над ареной прокатился вибрирующий звон гонга, и противник, с расслабленно опущенными почти до самой земли секирой и таким же, как у северянина, Щитом, медленно приблизился к нему. Конан стоял неподвижно, исподлобья разглядывая очередного врага.

Ничего не скажешь: настоящий гигант. Доселе Конану редко приходилось встречать людей (людей, а не порождений Зла), кто бы мог сравниться с ним в росте и силе. Но этот человек, судя по всему, окажется достойным соперником. Конан крепче сжал меч одной рукой и приготовился.

Амин остановился в трех шагах от киммерийца и с нескрываемым интересом разглядывал его.

— Так вот ты какой,— наконец тихо проговорил он.— Привет, мясо.

Конан молчал и не шевелился: всегда лучше смолчать, если не знаешь, с кем имеешь дело... и оставаться на месте, пока солнце светит тебе в бок: ведь свети оно в спину, лучи, отраженные от зеркальных пластин на доспехах неизвестного недруга, наверняка ослепят тебя.

— Я — Амин,— продолжал гладиатор, и голос его шелестел, как сухая степная трава, сквозь которую крадется ядовитая змея.— Личный телохранитель великого туранского шаха Джумала, чьи стопы упираются в землю, а голова касается небесного свода. Сейчас я убью тебя — во славу своего господина.

Конан разлепил потрескавшиеся за время долгого беспамятства губы и впервые за время плена заговорил.

— Я — Конан, ничей не слуга, простой воин из Киммерии,— ответил он столь же тихо.— Я не желаю убивать тебя, но, если такова моя судьба, то убью — для того чтобы выжить самому.

Ропот на трибунах стал громче — зрителям хотелось увидеть схватку непобедимых великанов, а не прислушиваться к тому, о чем там шепчутся двое гладиаторов.

Амин ухмыльнулся, обнажив два ряда мелких, кажущихся очень острыми зубов. Глаза его горели как угли.

— Ну, здравствуй, киммерийское мясо... И прощай.

Вдруг правая рука телохранителя легко, будто сжимала она не увесистую секиру, а невесомый прут, взлетела по диагонали вверх. Стремительной холодной молнией мелькнул в воздухе смертоносный серп, нацеленный точно в горло Конана.

Конан ждал чего-то подобного: ведь неспроста противник остановился именно на таком расстоянии от него и не зря ухватился почти за самый конец рукояти

своего оружия, лезвием, будто случайно, повернутого в сторону киммерийца. Как только напряглись мышцы Амина, северянин слегка отклонился назад — и вовремя: острая как бритва секира с едва слышным шипением пронеслась совсем рядом с кадыком Конана; он даже почувствовал легкое дуновение потревоженного воздуха. Но сила инерции увлекла тяжелое лезвие дальше — влево и вверх, немного развернув торс Амина, чем Конан не замедлил воспользоваться. Меч варвара блестящим разящим жалом метнулся вперед, целясь в правый, неприкрытый Щитом бок противника. Амин чуть-чуть отклонился влево, и клинок киммерийца вспорол лишь воздух. В тот же миг левая нога шахского телохранителя взлетела вверх, отточенным носом сапога готовая вонзиться в печень соперника. Однако ударились она со звоном в Щит, которым северянин ловко пресек ее смертоносный полет.

Не сговариваясь, противники отступили друг от друга на два шага и замерли в выжидательных позах.

Над трибунами повисло гробовое молчание. Зрители не смогли уследить за тем, что произошло, — с такой стремительностью поединщики обменялись серией ударов, — но все понимали, что это была лишь разминка, проба сил, разведка боем, а настоящая схватка начнется только сейчас. Шах и Хашид напряженно смотрели на арену. Даже невозмутимый Ай-Берек с нескрываемым интересом следил за сражением.

— Смотри, Веллах! — Женщина в одежде жреца в волнении схватила спутника за руку. — Шлем! Ты видишь? Шлем на его противнике!.. Так кто же из них?..

— Тише, я просил же, тише, — яростно зашипел в ответ Веллах. — Ты все погубишь! Вижу я, все вижу... Подождем.

Амин улыбался и спокойно смотрел прямо в лицо Конану, широко расставив мускулистые ноги. Держа меч наперевес и слегка отведя щит в сторону, северянин устремил взор в пространство поверх головы противника. Он остерегался встречаться с гипнотизирую-

щим взглядом туранца. Он понимал, что на этот раз ему противостоит не простой гладиатор, но воин, равный по силе, ловкости и хитрости самому варвару... Равный, если не превосходящий. И постарался собрать в кулак, воедино всю свою волю, умение и опыт. Понимал это и Амин; улыбка сошла с его лица.

Некоторое время соперники, как казалось публике, не шевелились, и на трибунах вновь зашевелился нетерпеливый, недовольный гомон. Откуда зрителям было знать, что оба великана уже сражаются... Ведь по малейшему движению хотя бы мизинца одного другой немедленно распознавал направление предстоящего удара и спешил подготовиться к нему; по особому напряжению мышц противника первый понимал, что его замысел разгадан, что наносить удар смысла нет, ибо он будет отбит, и расслаблялся; расслаблялся и второй, в свою очередь готовясь напасть неожиданно, но и его намерение угадывалось соперником...

Время шло, время кажущегося бездействия, один удар сердца, второй, третий...

Нервы не выдержали у Конана: он не любил неопределенности и всегда старался первым нарушить расстановку сил — чем бы для него это не обернулось.

Бросок вперед, молниеносный выпад (отбитый краем щита Амина), глухая защита, разворот.

Теперь туранец и киммериец поменялись местами, однако по-прежнему ни один из них не получил даже легкой царапины.

Оба понимали, что победить можно, только измотав противника серией стремительных атак и контратак, после чего нанести быстрый и неожиданный удар... Но никто не торопился начинать.

Амин шагнул вправо; как его отражение, шагнул влево Конан. Однако теперь солнце било северянину в глаза, и он сделал еще два шага влево, чтобы светило по-прежнему находилось сбоку. Амин повторил его маневр, сохраняя безопасное расстояние между ними. Каждый нерв киммерийца дрожал от напряжения в

ожидании внезапного выпада, пронзительный взгляд туранца, казалось, обжигал его, проникал в мозг и без труда читал его мысли. «Наваждение, — мелькнуло у варвара в голове. — Он чары на меня насылает. Колдун?..»

Сборщики денег на трибунах сбились с ног: никто из зрителей не мог твердо увериться в победе именно своего избранника, и ставки возрастали непрерывно. То телохранитель оказывался на гребне волны ставок, то варвар.

Который из гладиаторов первым начал следующую атаку, не понял никто, даже, пожалуй, и сами бойцы. Просто арена вдруг озарилась яростным клубком ослепительно ярких зигзагов и вспышек — то отраженные лучи солнца на разящих лезвиях секиры и меча замесались по арене, и оглушительный звон стали наполнил арену — то непрестанно сталкивалось и скрежетало друг о друга оружие поединщиков, наносящих удары, за которыми человеческий глаз уследить был не в состоянии. Секира Амина чиркнула варвара по бедру, оставив на нем глубокий порез, тут же наполнившийся кровью; меч киммерийца оцарапал бок туранца. Ни один, ни другой боли не почувствовали.

Щитом Конан отбил очередную атаку, бросился вперед, целясь в грудь шахского телохранителя. Противореча всем законам инерции, секира моментально остановила свой полет и ринулась в обратном направлении, отражая выпад киммерийца. Чтобы не попасть под падающее лезвие, Конан пробежал еще два шага, оказался спиной к противнику и прикрыл мечом спину, подняв его за головой лезвием вниз. И тут же на его клинок обрушился сокрушительный удар; пальцы варвара на миг онемели. Он круто развернулся и щитом встретил следующий выпад противника. Звоном и искрами отозвалась сталь. Увидев, что шея Амина открыта, Конан с разворота описал кончиком меча плавную дугу, однако телохранитель будто того и ждал — клинок наткнулся на металлическую рукоять секиры

и замер. Амин попытался щитом сбить киммерийца с ног, но тот, разгадав его намерение, резко выбросил вперед левую руку, на которую был надет его собственный щит; вновь над ареной пронесся холодный звон столкнувшейся стали.

Противоборцы на миг застыли: щиты прижаты друг к другу, оружие скрещено, лица сблизились почти вплотную.

— Свист твоего меча напоминает мне ветер в скалах, — сквозь сжатые зубы прошипел Амин, и его голос раскаленной иглой вонзился в мозг киммерийца. — Это хорошо: давно я не слышал столь виртуозного звука. Ты славный воин, и мне интересно играть с тобой в смерть.

— И жизнь, и смерть — игра. Так какая разница, во что играть? — по возможности равнодушно возразил Конан, хотя каждый его мускул вопил об отдыхе, а кровь все сочилась из нескольких неглубоких, но болезненных ран. Одно лишь придавало ему уверенности: по безволосому телу Амина обильно тек пот, а зловещее мерцание красных зрачков угасло. Оба устали, и оба сдаваться не собирались.

— Тогда поиграем еще, — ответил Амин и вдруг ослабил нажим левой руки...

— Давай же! Убей его! Разорви на куски этого дикаря! — в пылу азарта позабыв о должной невозмутимости, прорычал шах Джумаль, и кулаки его сжались.

Хапид также всецело был захвачен поединком. Не обращая внимания ни на что вокруг, он вперил свой взор в замерших на арене исполинов, мысленно приказывая своему рабу убить шахского прихвостня.

Ни один из двух высокопоставленных господ не смотрел на волшебника Ай-Берека. А зря: на лице последнего вдруг появилось выражение, будто он вспомнил что-то важное, потом отразилась крайняя обеспокоенность. Он открыл было рот, чтобы обратиться к своему повелителю, но видя, насколько тот поглощен

зрелищем, замаялся. Озабоченность на лице мага сменила выражение безотчетного страха.

— Но что будет, если победит другой? — прошептала Минолия, обращаясь к самой себе. Как и ее спутник, она не отрывала взгляда от залитой солнцем арены и не ждала от Веллаха ответа: ведь тот и сам не знал, что произойдет в таком случае. — Возможно ли, чтобы предсказание оказалось ложным?..

Веллах не слышал ее. И не услышал бы ничего, что б вокруг ни произошло. Все его внимание было устремлено на арену. Ведь от исхода поединка зависило существование не только горного монастыря, но и всего мира...

...Амин внезапно ослабил нажим левой руки — той, что сжимала щит, — и не ожидавший этого, зачарованный звучанием его голоса, Конан на миг потерял равновесие.

Туранцу этого оказалось достаточно: едва киммериец пошатнулся и непроизвольно сделал шаг вперед, чтобы удержать равновесие, как мощный удар под голень поверг его на песок.

Конан упал, перекатился на спину и продолжал катиться, пока, как он полагал, не оказался на безопасном расстоянии.

Ничуть не бывало: как только он попытался вскочить на ноги, в воздухе мелькнуло лезвие секиры непостижимым образом очутившегося рядом противника. Варвар взметнул над собой меч, и сталь вновь столкнулась со сталью.

Удары сыпались на северянина со всех сторон, он едва успевал отражать их — но в лежачем положении парировать выпады почти невозможно, а Амин не давал киммерийцу возможности подняться. К тому же киммериец упал к солнцу затылком, и десятки, сотни мельтешащих солнечных зайчиков на полированных пластинах вражеских доспехов мешали ему сосредоточиться на отражении атак. Вот перед глазами поплыли сине-белые круги, вот фигура противника превратилась

в расплывчатую мозаику из ярких бликов, и он уже не понимал, не мог угадать, с какой стороны Амин нанесет последний, смертельный удар.

Трибуны взвыли в едином порыве; зрители понимали, что приближается момент развязки. Хашид на террасе издал яростный рык.

— Не сдаваться, проклятый варвар, не сдаваться! Ты должен победить!.. — взревел он.

Видя, что его телохранитель вот-вот одержит победу, шах Джумаль разразился оглушительным хохотом.

Глава девятая

Сознание киммерийца отпрыгнуло на много лет назад. «Это называется «мельница», — донесся из глубины воспоминаний призрачный голос. — Понятия не имею, когда ее придумали, но факт, что о ней мало кто знает. Смотри: очень важно, чтобы лезвие твоего меча находилось с правой стороны клинка противника. Уловил? Потом вытягиваешь меч горизонтально, вот так, проворачиваешь его влево, дальше, дальше, и — оружие противника улетает из его руки. Главное — это быстрота. Понимаешь? Один палец всегда слабее четырех, поэтому проворот ты обязательно должен делать влево: большой палец противника не сможет удержать меч...»

«Мельница» — прием, которому научил Конана один бритунский солдат, когда они оба томились в гиперборийском плену. Прием настолько сложный, насколько же и опасный: одно неверное движение или малейшая заминка грозит немедленной смертью тому, кто применяет его. Вот почему мало кто из даже очень опытных воинов владеет им, и он остается мало кому известен. Однако северянин за время плена и под руководством бритунца в совершенстве изучил «мельницу», тренируясь на палках в перерывах между изнурительной работой в каменоломне.

С тех пор Конан еще ни разу не использовал его. Впрочем, мышцы варвара и без помощи разума помни-

ли нужную последовательность движений... И теперь, когда секира Амина, подобно змее из холодного огня, обрушилась на него, меч, зажатый в правой руке, почти самостоятельно отбил удар и моментально скрестился с ней, оказавшись с правой стороны. Выпад, вращательное движение кистью, — сияющий полукруг стали клинка, — захват, и секира, выдернутая из ладони Амина сокрушительным рывком, отлетает на десять шагов в сторону!

— Светлейший господин, — раздался хриплый голос, перекрывающий рев толпы на трибунах и рев правителей на террасе, — прикажи остановить поединок! Чем бы он ни закончился, городу грозит опасность...

Сатрап повернул к Ай-Береку искаженное гневом лицо.

— Молчать! Ты мешаешь нам! После, после!.. — И он снова обернулся к арене.

Не ожидавший такого поворота событий, Амин на миг растерялся, и Конан, вложив в это движение весь свой гнев, все свои силы и жажду жизни, пнул телохранителя обеими ногами в живот. Туранец отлетел в сторону и рухнул навзничь.

Увы, в пылу сражения Конан позабыл, что имеет дело с противником, вооруженным не прямым мечом, а секирой с лезвием в виде полумесяца. Поэтому, когда рывок выдернул смертоносное оружие из руки Амина, клинок киммерийца застрял в месте соединения этого «полумесяца» с рукоятью. Рукоять же, увлеченная инерцией, совершила молниеносный оборот в воздухе, и меч северянина тоже был вырван из его руки.

Оружие обоих поединщиков упало шагах в пяти от них.

Мгновенно вскочив на ноги, Конан увидел, что и Амин уже поднялся. Глаза туранца вновь вспыхнули нереальным оранжевым огнем; из его гортани донесся угрожающий воющий хрип, от которого похолодело в сердце Конана. «Это не человек, — внезапно понял он. — Это демон!»

Оба гладиатора понимали, что добраться до своего оружия без помех они не смогут.

Конан отбросил в сторону щит и показал туранцу пустые ладони. Амин, поколебавшись, также отшвырнул свой щит и гневно ударил закованным в сталь кулаком правой руки о ладонь левой.

Настал час рукопашной, и на осторожные, «прощупывающие» удары ни у одного, ни у второго уже не хватало терпения; одна лишь жажда выиграть схватку исключительно ценой жизни врага заполонила их мозг.

Кулак Амина выстрелил в голову Конана. Киммериец отклонился и пнул коленом в незащищенный живот противника. Туранец пошатнулся, однако устоял на ногах. Следующий незамедлительный удар локтем северянина пришелся по скуле Амина. Голова шахского телохранителя мотнулась, и он быстро отступил на шаг. Вихрем метнувшаяся нога в снабженном острием сапоге вонзилась Конану в бок; показалась кровь. Конан охнул, но удержал вертикальное положение, молниеносно перехватил голень врага, крутанул — и Амин рухнул на землю. Откатился в сторону, вскочил, согнул колени и принял защитную стойку.

Зрители неистовствовали. Никогда доселе им не приходилось видеть битву двух словно бы сошедших на землю богов.

— Умоляю остановить бой! — вновь, уже громче заговорил Ай-Берек, и голос его дрожал от ужаса. — Повелитель, ты не понимаешь...

— Вон с террасы! — заорал Хапид. — Еще слово, и я прикажу бросить тебя в подвал к тиграм!

— Бей! Бей! Бей! — с каждым судорожным выдохом вырывалось из горла побагровевшего от азарта шаха. Перепалки сатрапа и мага он даже не заметил — столь поглощен был Джумаль зрелищем.

Звуки ударов с арены доносились аж до самых верхних рядов трибун, перекрывая гул толпы.

Конан отразил скрещенными руками очередной удар металлическим кулаком, но сила этого удара была столь

велика, что киммериец кубарем покатился по песку. Не дав ему возможности подняться, Амин прыгнул на спину северянина и схватил его за горло. Сжал, будто в стальных тисках, перекрывая доступ воздуха к молящим о вдохе натуженным легким. На затылок киммерийца капала кровь с разбитого лица противника. Он сумел извернуться и скрестил ноги на торсе туранца. Напрягся, выгнулся дугой, рывком перевернулся, подмяв Амина своим нешуточным весом. Вжал коленями вооруженные стальными перчатками руки телохранителя в песок. И принялся немилосердно, со всей силы, непроизвольно хэкая при каждом взмахе, лупить туранца по голове. Летела во все стороны кровь противника, смешанная со слюной.

Ай-Берек бессильно сжал кулаки. Он всегда исполнял все распоряжения своего повелителя, ни разу не нарушил его приказа... но кто же мог знать? Только что маг вспомнил о давнем, почти забытом предсказании. «Когда Черная Сила уничтожит себя самое, узрит вззирающий черный свет. И приуготовится к Неминуемому». О том, что произойдет дальше, Ай-Берек боялся даже подумать.

Нет, поединок необходимо остановить — пусть и ценой жизни раба. Шлем Древних не должен пасть с головы своего хозяина. Временного хозяина.

Волшебник поднял руки и зашептал заклинание, возвращающее Конана обратно в кокон магической паутины.

— Хашид, прекрати это! — закричал шах Джумаль. — Останови! Он же убьет его!

— Убьет?! — не отвлекаясь от происходящего на арене, в запале захохотал сатрап. — Убьет?! Убей, раб! Убей туранца!

Шах схватил Хашида за плечо и рывком повернул к себе, вплотную приблизив к нему налитое кровью лицо.

— Останови поединок, Хашид! — прорычал он. — Не то я сам убью тебя!

— Ни за что! — вырвался сатрап. — Или ты не желаешь признать, что проиграл? Моя победа, и смарагд мой! Прочь руки, туранская собака! Твой беспомощный слуга уже труп!

— Слуга? — задохнулся шах и выкрикнул в полную силу своих легких: — Это мой сын!

Итак, уговор был нарушен, и слово сказано.

* * *

Это был первый раз, когда Амин столкнулся с противником не только равным ему, но и в чем-то превосходящим. Он привык всегда побеждать — пусть с трудом, пусть ценой собственной крови, но — побеждать.

Однако сейчас он понял, что может и проиграть. И не только проиграть, но и погибнуть от руки бешеного, неукротимого, никому не известного раба... и паника впервые за всю его жизнь закралась в сердце. Удары каменных кулаков обрушивались на лицо Амина со всех сторон, и он уже ничего не мог с этим поделать; голова его безвольно моталась из стороны в сторону, в ушах стоял оглушительный звон.

Амин дернулся несколько раз, пытаясь вырваться из железной хватки киммерийца, но тот продолжал молотить его со скоростью и неумолимостью урагана. И тогда Амин сдался. Перестал сопротивляться. Приготовился к смерти.

И тогда пробудились черные силы, что помогли зачатую шахского сына.

— Вот оно! — не в силах сдержаться, крикнула Минолия, указывая рукой на арену. — Предсказание сбылось, Веллах! Древние возвращаются!..

В общем шуме на трибунах никто не услышал ее.

Конан уже не думал ни о чем. Он превратился в бешеного зверя, цель которого одна: убить. И он бил, бил, бил, ощущая, как слабеет напряжение мышц подмятого под ним тела, как мотается, точно у тряпичной куклы, голова противника.

И лишь почувствовав, что Амин уже не сопротивляется, не реагирует на удары, Конан остановился. Посмотрел на распростертого под ним врага.

Глаза Амина были распахнуты, на белках сверкали прилипшие к ним песчинки. В широко открытом рту стояло черное озерцо крови. Из глубин исполинского тела туранца вдруг послышалось утробное урчание, розовым пузырем вспенилась кровь на губах, и все окончательно стихло.

Амин был мертв.

Конан сорвал с головы поверженного гладиатора Шлем, пошатываясь, встал на ноги, высоко поднял его над головой и издал оглушительный, прокатившийся над трибунами подобно раскату близкого грома победный рев, выгоняя из тела остатки боли, напряжения и ярости; рев, в котором слились воедино черная радость победы, гнев к своим мучителям, беспомощность перед колдовской паутиной. Вот сейчас на него вновь опустится беспроектная мгла, и он вновь погрузится в бездну беспометства — до следующего боя...

Вокруг оглушительно ревело людское море. Зрители, вскочив со своих мест, вопили что-то, размахивали руками; проигравшие свои ставки выкрикивали в адрес Конана злобные проклятия, и ликующе горланили те, кто выиграл.

— Великолепный бой! — воскликнул Хашид, аплодируя. — Вели-ко-леп-ный! Никогда не видел ничего подобного! Не так ли, мой друг? — Он повернулся к Джумалу, но тот не слышал ничего. Вцепившись в перила, ограждающие террасу, шах остекленевшими глазами смотрел на труп своего телохранителя; челюсть его отвисла. До сих пор он не мог поверить в то, что произошло. Ведь Амину не было равных ни на земле, ни в преддвериях Мира Демонов!..

Хашид отмахнулся от оцепеневшего гостя и обернулся к Ай-Береку.

— Давай, колдун, плети свою паутину. Пора нашей птичке обратно в клетку... Эй, что случилось?..

Лицо и губы Ай-Берека были серыми. Поглощенный боем Хашид не знал, что волшебник уже трижды пробовал опустить на раба магическую сеть... Тщетно.

Не обращая внимания на слова своего господина, колдун перевел взгляд на Джумала.

— Ответь мне, великий шах. Твой телохранитель... Твой сын был... не совсем человек, да? — тихо, почти спокойно проговорил он, но в его голосе проскользнуло нечто такое, что заставило сердце Хашида беспричинно сжаться — будто его коснулись незримые ледяные пальцы.

— Да, — столь же тихо ответил шах, не отрывая взора от арены. — Да.

— Что тут происходит, Иштар забудь о вашем доме?! — рассердился Хашид. — Почему раб по-прежнему на свободе?

— Боюсь, у нас появились крупные неприятности, мой господин. — Ай-Берек нервно кусал нижнюю губу. — Очень крупные.

Некоторые очевидцы потом рассказывали, как труп поверженного гиганта на миг окутался голубоватым маревом и из его тела выстрелил в небо узкий пучок черного света. Впрочем, они не сумели внятно объяснить, что это означает — «черный свет», и не могли даже с уверенностью утверждать, что все это им не почудилось, ибо после того, как гладиатор-победитель огласил арену воплем триумфа, события приняли вовсе уж неожиданный оборот.

Глава десятая

Странной метаморфозы с телом Амина киммериец не видел — не до того было. Почему он все еще на воле, почему колдовская паутина до сих пор не окутала его своим черным коконом, варвар не знал, и не было времени разбираться в этом.

Едва сообразив, что у него появилась пусть ничтожная, но все же возможность спастись, киммериец стремительно огляделся. Единственный способ покинуть арену, окруженную высоченной, сложенной из необработанных каменных блоков стеной, — через зарешеченные выходы, из которых на песок выталкивают гладиаторов. Но решетки опущены, и за ними уже толпятся вооруженные охранники!

Нахлобучив трофейный Шлем на голову, Конан стремглав метнулся к ближайшей стене. Зазоры между блоками были совсем крошечными, но выбирать не приходилось; на ходу сунув меч за пояс, киммериец нашарил пальцами едва заметные щели и со всей возможной прытью полез вверх. По расположенным над ним трибунам прокатилась волна испуганных криков, и зрители бросились врассыпную. Началась давка.

— Мой государь, — скороговоркой произнес Ай-Берек, — этого человека необходимо немедленно остановить. У нас нет времени на обсуждение, однако поверь мне. Душой и телом я служу тебе вот уже восемь лет и пока ни разу не дал повода усомниться в моей вер-

ности. Так выполни мою просьбу: незамедлительно убей этого раба. Заколи его, застрели, сожги, удуши... Что угодно, но он не должен выбраться за пределы арены.

Никогда еще сатрап не слышал от обычно исполнительного, молчаливого и послушного мага столь категоричных суждений... Однако Хашид ни за что бы не стал правителем города и не смог бы столь долго удержаться на этом посту, если б не умел слушать других — даже если эти другие в своих просьбах проявляют вопиющую настырность.

Властным жестом он подозвал слугу и отдал ему несколько коротких распоряжений. Слуга поспешно бросился исполнять их.

— Ну? — обернулся сатрап к Ай-Береку. — Может быть, сейчас ты расскажешь мне, что случилось и почему раб все еще не окутан твоим хваленым заклинанием?

Рывком перекинув тело через гребень стены, окружающей арену, Конан выпрямился.

Зрителями завладела паника: шутка ли — непобедимый гладиатор, свирепый зверь, чье призвание убивать себе подобных, вырвался на свободу и теперь находится совсем рядом с ними, добропорядочными гражданами Вагарана! Вне себя от страха перед кровавым дикарем, публика сломя голову ринулись прочь с трибун. В проходах образовалась пробка; люди падали на ступени, бегущие за ними следом давили упавших; толпа напирала, к крикам ужаса примешивались стоны и хрипы погребенных под ногами спасающихся бегством зрителей.

Конан обращал внимание на людской водоворот только постольку, поскольку он возник на его пути. Дорога к выходу — вот что занимало мозг северянина. Но недавние зрители столь популярного представления в один миг превратились в стадо беспомощных, обезумевших от страха перед близостью волчьей стаи овец; все выходы оказались закупорены человеческими телами, и проникнуть наружу Конану не было никакой возможности.

На всякий случай — а вдруг получится? — Конан поднял над головой меч, издал по возможности устрашающий вопль и бросился в самую гущу толпы.

Он рассчитывал, что зрители, еще больше испугавшись неукротимого дикаря, бросятся врассыпную и, таким образом, откроют ему дорогу к выходу с трибун.

Однако он ошибся: его поступок вызвал лишь новый приступ ужаса у простых горожан. Те, что находились поблизости от северянина, попытались скоренько исчезнуть в толпе, но, спотыкаясь и падая, смогли отдалиться от киммерийца самое большее на десять шагов — столь плотной была толпа зрителей.

Размахивая мечом и выкрикивая проклятия, Конану буквально по головам удалось подняться лишь на восемь рядов вверх по трибуне, но потом колышущееся людское море превратилось в бушующую стихию, и он едва не потонул в ней.

Конечно, если б северянин пустил в ход свой меч, то, пожалуй, за пять-шесть ударов сердца он сумел бы расчистить себе путь к выходу... Но варвар не мог, не хотел и не умел убивать незащищенных обывателей. И поэтому ближайший выход с трибуны был для него неприступно закупорен людской массой.

Конан беспомощно оглянулся.

Решетки, только что закрывающие вход на арену, уже были подняты, и десяток воинов в кожаных доспехах выбежало на песок, а с противоположной стороны, со стороны выхода с трибуны, изрыгая ругательства в адрес неуклюжих, неповоротливых зрителей, сквозь толпу продирались пятеро охранников. Решение необходимо было принять мгновенно.

И Конан спыгнул обратно на песок ненавистой арены.

Ближайший к Конану воин метнул сеть, но киммериец поймал ее на лезвие тут же выдернутого из-за пояса меча и резким движением рассек надвое. Не дав времени опомниться остальным, он, как вихрь, пронесся сквозь группу солдат, и четыре трупа присоеди-

нились к компании Амина, а клинок северянина окрасился багровым. Около выхода с арены никого не было; Конан метнулся туда.

Слишком поздно солдаты поняли, что именно замыслил неукротимый раб, и бросились следом; однако момент уже был упущен.

Варвар ворвался в узкий проход. Еще один охранник застыл около блока с медной крестовиной, при помощи которой поднимали и опускали решетку. Не успел он сообразить, что происходит, не успел открыть рот для крика, как могучим ударом рукоятью меча Конан отбросил его к противоположной стене, а едва тело потерявшего сознание воина коснулось земляного пола, он перерубил толстый канат блока, и перед самым носом преследователей с лязгом упала тяжелая решетка.

— Придется вам повозиться, ребята, — сказал киммериец и побежал по темному коридору, прочь от арены, навстречу неизвестному.

По обеим сторонам располагались камеры с дверями из толстых металлических прутьев — очевидно, в них своего выхода на арену дожидались другие обреченные на бой гладиаторы. Сейчас эти камеры пустовали.

Впрочем, не все: около одной Конан резко остановился, и женщина, стоящая у самой двери, резко отпрыгнула в глубь своей темницы.

— Клянусь Кромом, женщина-гладиатор! — пораженно воскликнул северянин. — Много я повидал на своем веку, но такого...

Двумя ударами меча он сбил тяжелый кованый замок и распахнул камеру.

— Выходи, да побыстрее.

Он шагнул внутрь. Женщина глядела на него исподлобья. Несколько неглубоких ран на ее теле были неумело перевязаны какими-то тряпицами, уже пропитавшимися кровью; Конан понял, что она совсем недавно побывала на проклятой арене... и, судя по всему,

ушла оттуда победительницей. Он хмыкнул. Воительница, подумать только!

— Ты знаешь, где выход отсюда? — спросил он и, поскольку женщина не шевелилась, добавил, протянув ей ладонь: — Эй, ты меня слышишь? Выход в какой стороне, я спрашиваю?

С быстротой молнии мелькнула тонкая, но сильная рука, и киммериец, зашипев от внезапной боли, непроизвольно отскочил назад. На запястье наливались кровью четыре глубокие царапины.

— Ах ты, сучка когтистая! — удивленно воскликнул он. — Царапается еще! Ну и сиди тут, дожидайся солдат — они скоро подойдут.

В самом деле, из глубины коридора раздался натужный скрип — общими усилиями преследователям удалось поднять решетку.

Больше не обращая внимания на бешеную девку, Конан выскочил из темницы и побежал дальше по коридору.

* * *

Петля поворота. Короткий отрезок прямой, озаренный вливающимся с улицы светом. Двое солдат торопливо выскакивают за оканчивающую коридор обитую железом дверь, прикрывая ее за собой, но даже не пытаясь закрыть.

Стремительный бросок. Варвар рвет на себя массивную ручку в виде орлиной головы и выскакивает наружу. Ага, понятно, почему не стали запирать выход из коридора!

Задний двор с коновязью для лошадей, отсеченный от внешнего мира высокой стеной и предусмотрительно запертыми на засов воротами, был буквально запружен солдатами. Вероятно, здесь окончания представления поджидал отряд для сопровождения гладиаторов в казармы или для охраны какого-нибудь вельможи. А, ладно, какая разница, коли он нарвался именно на них, значит, и продираться придется именно через них.

Причем, немедленно — вот-вот сзади навалится еще одна стая шакалов.

Застывшего рядом с дверью варвара-гладиатора и ошетилившийся копьями и саблями полукруг разделяло пять шагов, которые воины могущественного сатрапа Хашида не решались пройти. Зато Конан не мог позволить себе такую роскошь, как выжидание.

В этом, имеющем скорее хозяйственное, нежели стратегическое значение, дворе, кроме лошадей и солдат нашли временное и постоянное пристанище разнообразные предметы, большие и не очень, используемые или постепенно превращающиеся в хлам. И среди них — громоздкая колесница с впечатляющими своей величиной колесами, предназначавшаяся, очевидно, для парадных выездов. Длинные оглобли ее лежали, уткнувшись в песок, совсем близко от распахнутой двери и, значит, от Конана.

И варвар шагнул не к принявшим боевые стойки воинам Хашида, а к оглоблям колесницы, одновременно затыкая меч за пояс.

Подхватив круглые жерди, уперев концы в грудь, Конан всей своей внушительной массой навалился на них. Колеса в человеческий рост величиной лишь покачнулись. Киммериец дернул оглобли на себя. И так не переставая: вперед — назад, вперед — назад... Опомнившиеся солдаты, взбадривая друг друга криками, бросились на взбунтовавшегося гладиатора. А в это время Конан добился своего — колеса описали полный круг, тяжелая повозка сдвинулась с места.

Вздувались жилы на ногах и на толкающих оглобли руках в стремлении как можно сильнее оттолкнуть тело, скорее и быстрее разогнать деревянную громадину. Рванувшиеся было к гладиатору солдаты налетели на массивные борта развернувшейся к ним колесницы. Кто-то, оглушенный, упал на землю, по кому-то проехало колесо, вдавливаясь в тело всей тяжестью того, что оно несло на себе, задние напирали на передних и сами оказывались сбиты теми, кто в испуге ринулся обрат-

но — лишь бы подальше от тяжелой повозки. Конан протаранил ряды преследователей и повернул свое необычное оружие к стене, чтобы вдоль нее, сметая все препятствия, подойти к воротам, открыть их и... Ну, что будет, то будет.

План бы удался, будь перед ним какой-нибудь сброд, а не солдаты регулярной армии, уж чему-чему, а возвращать самообладание и подавлять в себе смятение все-таки обученные. Растерявшись было от неожиданного поворота событий, охотники за гладиатором быстро сориентировались и, предоставляя свободный проезд колеснице, уже не мешая друг другу, бросились вдогонку силачу, дабы атаковать его незащищенную спину. Конан оглянулся — вот-вот погоня настигнет его. Он бросил оглобли. Проехав по инерции совсем немного вперед, колеса увязли в песке. Конан выхватил меч из-за пояса, обернулся к преследователям. Что ж, на мечах так на мечах. Хотя, впрочем... Киммериец воткнул свой двуручный в песок.

Вдоль стены, рядом с которой замер Конан, валялся всяческий мусор, стащенный туда, где он не так мешает до тех пор, пока кто-то не заметит безобразия и не отдаст распоряжение вывести все подчистую на свалку.

Могучий варвар ухватился за замеченную им и изменившую его намерения кузнечную наковальню — видимо, неподалеку располагалась и кузница — выпрямился, держа этот железный, убийственно тяжелый монолит на руках, чуть повернулся всем корпусом и вытолкнул свой ужасающий снаряд в набегающих вооруженных людей.

Треск от разлетающихся вдребезги щитов, хруст ломаемых костей, перезвон металла смешались с воплями ужаса и хрипом агонии. Раненые и перепуганные мешали своей панической суетней храбрым и расвирепевшим. И надо всем этим прозвучал раскатистый, необузданно дикий, вбивающий страх в уши врагов боевой клич сынов Киммерии. Выдернув меч из песка, Конан вклинился в мешанину вагаранских солдат.

Варвару было настолько же легко знакомить вражеские тела с уже пролившей реки крови сталью, направляемой его безжалостной рукой, насколько воинам Хашида тяжело было справиться с обуявшим их ужасом перед диким зверем, вырвавшимся на свободу. И беспомощная толкотня лишь превращала солдат в удобные туши для разделки. Наконец, оставшиеся в живых после ураганного натиска разъяренного гладиатора бросились наутек, врассыпную, кто куда. Конан не стал гоняться за ними по двору, а, развернувшись, побежал к запертым воротам. У тех, кто осмелился встать на его пути, надеясь то ли на свою боевую подготовку, то ли на содействие местных богов, варвар выбивал жизнь одним, максимум двумя ударами меча.

У самых ворот его уже никто не ждал. Летит в сторону запирающий брус, створки расходятся в стороны. Город. Какая-то площадь, множество людей... Кром! Как он не подумал об этом! Коновязь, лошади! Ну, ради них можно и вернуться.

В оставленном было киммерийцем дворе, как раз у дверей, ведущих в помещения для содержания гладиаторов, происходило что-то странное. Взмывали и опускались сабли, падали на песок вагаранцы. Конан бежал к коновязи, не выпуская из виду непонятное столпотворение. И был на полпути к цели, когда понял, в чем дело. Мелькнули очертания женского тела, черные пряди, стянутые ремешком, хорайская сабля в изящной руке. «Поди же ты! — изумился киммериец. — Вырвалась, саблю отняла... Э, выходит, и моих преследователей она того... Ну дает! С кучей мужиков бьется, с солдатами, не с кем-нибудь... и до сих пор жива!»

Варвару пришлось ненадолго отвлечься от наблюдений за необычной женщиной и от своего стремительного продвижения к коновязи, чтобы разрубить двоих солдат, набравшихся храбрости броситься ему наперекрест. После чего...

Не в первый раз он следовал не велению здравого смысла, а своему странному для обыкновенных людей

представлению о чести. Согласно которому он сейчас не мог не поспешить на помощь женщине, хотя та единожды уже отказалась ее принять, а следы этого отказа не скоро сойдут с руки северянина.

— Ко мне лицом, сукины дети! — Физиономии обернувшихся на этот рык вагаранцев перекосило от злобы и страха.

Свирепый дикий зверь вернулся. И вновь его огромный безжалостный меч неуследимо мелькает в воздухе, обрушивается градом ударов, вспарывает кольчуги, разносит щиты в щепы, вбивает пытающиеся остановить его сабли в тела их обладателей. И опять привыкшие к безропотному подчинению, отвыкшие за праздной жизнью от смертельных схваток солдаты городского гарнизона не выдержали бешеного натиска одиночки и кинулись наутек.

Между Конаном и безымянной воительницей, с ног до головы покрытой кровью, но живой, осталось на песке больше дюжины убитых и раненых вагаранцев. Опасная незнакомка вперила в своего непрошеного освободителя взгляд, полный злобы, губы кривились и дрожали, портя вполне смазливое личико. Ждать, что именно на сей раз выкинет сумасбродная гладиаторша, киммериец не собирался. Помог и помог, пускай теперь делает, что хочет: или вместе с ним к лошадям — и прочь отсюда, или хоть к черту в пасть. Северянин повернулся к женщине спиной и побежал к коновязи. На сей раз никто ему не препятствовал.

«Хорошо еще, что эти болваны без луков, — мимоходом подумал варвар. — Но вот в погоню лучников снарядят непременно».

Конан выхватил взглядом среди привязанных и предусмотрительно оседланных лошадей крупного гиперборийского жеребца. Отвязал, вскочил в седло и увидел, как рядом на быстроногую офирскую кобылу легко и уверенно, будто заправская кавалеристка, запрыгивает его неожиданная спутница. Вконец растерявшиеся солдаты даже не пытались помешать гладиато-

рам-беглецам покинуть двор через распахнутые ворота. Вагаранцы столпились вдоль забора на противоположной от коновязи стороне и обсуждали детали предстоящей погони.

Всадник и, чуть позади, всадница вырвались на прилегающую к арене площадь неизвестного им обоим Вагарана, пересекли ее неистовым галопом, заставляя горожан испуганно броситься в разные стороны, и свернули на первую попавшуюся улицу. Конан прикинул, что куда бы они ни направились, в конце концов непременно должны уткнуться в опоясывающий этот (как, впрочем, и любой другой) город стену. А направившись вдоль нее, они рано или поздно отыщут ворота. Днем ворота открыты, если, конечно, весть об их бегстве не достигла стражников, охраняющих вход-выход, и тогда они сумеют убраться из этой мышеловки под названием Вагаран. Ну а если достигла, то ворота заперты, и... И на месте разберемся, решил киммериец.

Узкая извилистая улица, по которой они неслись, оставляя позади себя завесу пыли, была почти пустынной. Редкие прохожие шарахались от них, жались к белым глиняным заборам, сплошной стеной идущим по обеим сторонам.

Конан нещадно нахлестывал жеребца. Его спутница не отставая держалась сзади. В отвлекающиеся уж совсем тесные переулки они не сворачивали — там пришлось бы перейти на шаг.

Поворот, еще поворот. Варвар резко осадил жеребца, заставив того взмыть на дыбы. Всаднице пришлось поступить так же. Улица обрывалась тупиком, утыкаясь в очередную белую стену.

— Назад! Сворачиваем в переулок! — закричал Конан и натянул повод. Женщина последовала его примеру. Впрочем, что тут еще придумаешь...

До переулка добраться им не удалось, они достигли лишь первого поворота и увидели, что из-за него накачивается волна сверкающих доспехами всадников.

«Погоня, проклятие! Шустро они!» Раздумывать больше было не о чем, приходилось вновь поворачивать. И вот они снова в тупике.

— Делай как я!

Конан замедлил аллюр жеребца, подвел его к самому низкому забору, остановился. Бросив поводья, встал на седло, оттолкнулся и прыгнул. Ухватившись руками за выступы глиняной ограды, подтянулся, закинул на гребень ноги и оказался наверху толстостенного забора.

— Давай, красотка! Кром тебя побери, чего ты ждешь?

Конан зазывающе махал рукой, показывая глупой бабе, что нужно сигать через ограду, пока не нагрянули лучники, а то и арбалетчики, которые вмиг расстреляют беглецов как куропаток. Но странная женщина медлила, гарцуя на лошади между стен их ловушки. Ладонь ее чересчур решительно сжимала эфес сабли, отведенной в сторону, словно она собиралась принять бой.

«А ведь с ней, с дуры, станется,— разозлился киммериец.— Вот ведь напасть на мою голову! Мало будто собственных забот. Кром, ну почему бабам дома не сидится?!»

Хуже всего было то, что Конан не мог бросить эту ненормальную, оставить ее одну против, разумеется, многочисленной и, конечно же, до зубов вооруженной солдатни. Неужели придется ввязываться в ненужный, почти без надежды на победу бой в глухом уличном тупичке?

Но, видимо, одна и, вероятно, последняя крупница здравого смысла все-таки сохранилась в головке, украшенной черными волосами. Воительница наконец решилась, опустила саблю, подъехала к ограде, на которой восседал мужчина с длинным мечом, положенным на колени, и, проделав все то же, что немногим раньше сделал Конан (а получилось у нее даже ловчее,— с удивлением отметил варвар), очутилась рядом на гребне широкой глиняной стены.

Они спрыгнули вниз, в густые кусты какого-то сада, подступающего вплотную к ограде. И вовремя: в тупик, где они бросили своих лошадей, влетел отряд вагаранских солдат, каждый из которых держал наизготовку арбалет, приготовившись нажать на спуск, едва покажутся беглецы.

Недавние гладиаторы продирались сквозь кусты, огибали деревья, перебирались через высокие ограды, перескакивали через невысокие, уходили в сторону от возникающих то там, то здесь домов и иных построек. Если и бросился кто за ними в погоню, то давно потерял след в лабиринте похожих друг на друга садов, домов, цветников, сараев, заборов...

Пора было подумать и о передышке. Дать, наконец, раздых рукам и ногам, осмотреть раны, собраться с мыслями и решить, как быть дальше. Вскоре Конан выбрал место, удобное во всех отношениях для них, желающих отдохнуть и не быть обнаруженными беглецов.

Киммериец опустил на траву крошечной полянки, скрытой от взглядов густыми кустами жасмина, отходящими полукругом от невысокой и вдобавок полуразрушенной каменной ограды. Сквозь просветы в сплетении ветвей и листьев хорошо просматривался добротный двухэтажный дом, стоящий на значительном удалении от найденного беглыми гладиаторами укрытия; любое движение возле него сразу будет замечено ими. За оградой простирался заросший, заброшенный сад, в котором, в два счета перескочив развалены стены, в случае чего можно укрыться.

Спутница северянина, не отставшая от него и не запыхавшаяся, несмотря на продолжительный стремительный бег, вылетев вслед за мужчиной на укромную полянку, замерла в нерешительности. Ее лоб прорезала задумчивая складка. Видимо, женщина мучилась вопросом: оставаться ли ей дальше с этим варваром или пришло время разойтись разными дорожками?

Тем временем Конан, сидя скрестив ноги на мягком зеленом ковре травы, положив меч перед собой,

осматривал и ощупывал тело. «Ерунда, царапины, заживает», — подвел он итог осмотру... Хотя будь на его месте обычный человек, не воин, или даже воин, но за плечами которого не громоздилось бы неисчислимое количество битв, схваток, потасовок, а с ними и всевозможных повреждений, или даже будь на его месте просто цивилизованный человек, не привыкший доверять своему телу самому заботиться о заживлении ран, уповающий на эликсиры, примочки и советы ученых лекарей — так вот этот другой человек пришел бы в сильное беспокойство за свои здоровье и жизнь, узрев на коже столько следов, оставленных туранским и вагаранским оружием.

Меж тем женщина сделала свой выбор: она устроилась на другом краю маленькой поляны. Села, подобрала под себя ноги, положив трофейную саблю рядом, так, чтобы в случае надобности не потерять ни мгновения и схватить ее.

Теперь Конан подверг осмотру меч и изучал его куда более тщательно, нежели порезы на коже. Лезвие требовало заточки — живого места нет, одни зазубрины и щербинки, за которые благодарить в первую очередь следовало того борова с арены. Хорошо бы пройтись по режущей кромке вон тем, например, обломком каменной ограды, да получаемый при этом звук, если достигнет чьих-нибудь ушей, насторожит, чего доброго, разожжет любопытство. А вот звук голоса далеко не каждого встревожит — мало ли кто забрался в кусты и шепчет. Влюбленные, допустим. Улыбка непроизвольно растянула губы киммерийца: да уж, нечего сказать, здорово они смахивают на милую парочку. Просто поговорить — и то вряд ли удастся. Эта дикая кошка небось выловлена в непроходимых лесах, где обитала вместе со своим малочисленным нелюдимым родом, говорящим на одному ему ведомом наречии и не подозревающим о том, что есть другие народы, другие языки... Конану конечно приходилось встречаться с племенами воинственных женщин — в Гиркании и в

Черных Королевствах, но еще никогда доселе он не видел столь искусных наездниц... Хотя, с другой стороны, возразил он себе, может, она уже давно в плену, возят ее по аренам разных городов, научилась кой-чему.

— Впрочем, какое мне до этого дело. Наплевать, кто она и откуда. — Незаметно для самого себя Конан заговорил вслух. Негромко, но и не шепотом. — Лишь бы в самый неподходящий момент, если потащится за мной и дальше, не путалась под ногами. Глупости бы всякие не вытворяла.

«Женщина из непроходимых лесов» сидела все в той же позе. Глаза были прикрыты, оставались лишь узкие щелочки, сквозь которые она наблюдала за Конаном и за окружающим. Ну кошка, ни дать ни взять! Выражение ее лица не изменилось и тогда, когда Конан заговорил вслух.

— Жаль, тебе не объяснить, что я собираюсь делать дальше, — продолжал Конан, усмешливо взирая на товарища по оружию. — Впрочем, план простой. Надеюсь, и так сообразишь, что я делаю и зачем.

— А ты попробуй объяснить. Вдруг я пойму, грязный варвар. — Глаза той, что сидела напротив, широко раскрылись, уже не скрывая прячущийся в глубине гнев.

— Ого, да ты говорящая! — Изумление и радость прозвучали в возгласе Конана. Конечно, «грязный варвар» — не самое ласковое прозвище, достававшееся ему от женщин, но теперь есть хотя бы с кем словом перемолвиться в этом городе ублюдков. — У нас с тобой вроде одна цель — вырваться из кучи дерьма, в которой живут одни недоноски и бормочущие заклинания выродки. Значит, предстоит еще побегать вместе. Меня зовут Конан из Киммерии.

— Тебе не повезло, Конан. Ты родился одним из тех презренных, самодовольных, напыщенных, глупых, свиноподобных созданий, что именуют себя мужчинами и которые недостойны называться людьми. И мое

имя тебе не узнать и под пытками. — Голос воительницы можно было назвать сладкозвучным, если б его не портили напряженные нотки ярости.

— Какие пытки, — пожал плечами киммериец. — О чем ты, женщина? Однако, надо признать, твоя речь не походит на речь дикарки из Черных Королевств. В каких краях, скажи хотя бы, водятся такие веселые женщины? Я бы к вам в гости наведалься...

Конана забавлял их разговор, поскольку заняться было больше нечем. Поэтому он легко сносил все оскорбления в адрес себя и себе подобных.

— Там, где боги расставили все по своим местам и где торжествует справедливость. Где самцам дозволяется делать не более того, что они заслуживают. Не более, чем родиться, вырасти, откормиться, оплодотворить и умереть...

— А, постой, постой. Уж не из того ли ты племени свирепых женщин, которых именуют амазонками? Много слухов о них ходит по миру...

Женщина-гладиатор вскочила, угрожающе сжимая эфес вагаранской сабли.

— Ты насмехаешься, грязный варвар! — Глаза ее разве что не извергали черные молнии. — Вставай! Сейчас ты на своей шкуре испытаешь напущенную свирепость!

— Ничего не имею против, — спокойно сказал Конан. — Только давай для начала нашими клинками отблагодарим здешних обитателей за гостеприимство и выберемся из этого гнусного городишки. А уж после, если пожелаешь...

Черноглазая женщина шагнула к сидящему мужчине.

— Я желаю здесь и сейчас. И тебе не отвертеться, варвар. Или ты сам раскроишь себе череп, или будешь защищаться. А напоследок я скажу тебе, хоть и не надеюсь, что ты поймешь. Настоящие дикари — вы, населяющие так называемые цивилизованные земли, вы, установившие власть мужчин и почитающие за счастье свое прозябание в грязи, невежестве и разврате. Вы,

обращающиеся с женщиной как с вещью, вы и есть подлинные, ничтожные дикари. Мы, пусть и живем вдаль от городов и караванных путей, но, благодаря тому, что избавились от мужчин и их деспотизма, обрели настоящую свободу и пользуемся ею так, как пристало человеку. Ради совершенствования себя. Каждая из нас знает не менее дюжины языков, прочла столько книг, сколько ты в своей жизни и не видел, владеет своим телом и оружием, как никогда никакой мужчина не научится из-за своих лени и тупости...

Женщина продолжала говорить, и вместе со словами из нее выходил заряд ярости и раздражения, хорайский клинок опускался все ниже и ниже. Конан слушал внимательно, удивляясь, как складно и красиво получается у амазонки, прямо не хуже, чем у проповедников или у торговцев эликсирами бессмертия. Правда, слишком громок ее голос, но останови ее сейчас — опять примется размахивать саблей и требовать защищаться. А так — выговорится женщина и успокоится. Ведь пережила-то сколько... Ну а если не успокоится, то придется подсесть эти крепкие стройные ножки, уложить бедняжку на землю, придавить руку с кривой саблей, вырвать эту сабельку из ладошки, где ей, несмотря на все прослушанные Конаном рассуждения, не место, да связать голубушке запястья ее же ремешком, тем самым, что стягивает волосы, а лодыжки — поясом, что огибает ее узкую талию. Тогда она останется здесь, в этих кустах и как-нибудь выберется сама, коли уж такая непревзойденная воительница. А он дальше отправится один, что привычнее, удобнее и спокойнее.

— ...и уж точно, что ни одна из женщин не наденет такой безвкусный и неудобный шлем, какой ты напялил на свою тупую голову.

— Шлем? — включился в разговор Конан. — Какой еще шлем?

— Тот самый, что венчает твою башку размером с кулак младенца! — раздраженно ответила женщина.

Киммериец недоуменно поднял руки к макушке и — действительно! — нащупал посторонний предмет, холодный, металлический колпак, прикрывающий голову от затылка до переносицы, от одного виска до другого. С необъяснимым, странным нежеланием варвар стянул с себя бронзовый шлем и оглядел, будто видел в первый раз. Тонкая работа, ничего не скажешь, — мощный, предназначенный сдерживать размашистый выпад мечом или топором гребень, прочные, украшенные гравировкой щитки, прикрывающие щеки, толстый, но изящный стержень, оберегающий нос и глаза от рубящего удара...

Откуда у Конана этот трофей?.. Впрочем, он помнил, как в пылу сражения с демоническим гладиатором сумел сорвать его с бездыханного тела и... и... а вот как шлем оказался на его голове, северянин понятия не имел. И вспомнить ему не дали.

* * *

— Тихо! Лечь! — Киммериец подкрепил свой яросный шепот резким движением руки, повелевая говорливой женщине опуститься на траву.

Варвар вслушивался в речь грозной амазонки, думал при этом о всякой всячине, но ни на миг не ослабевал внимания и замечал малейшие посторонние шумы и движения.

— Да садись ты, чтоб тебя! К нам гости.

Северянин показал рукой в сторону дома... И, сам того не заметив, вновь нахлобучил на голову злополучный шлем.

Прислушавшись и посмотрев сквозь просвет в кустах, женщина углядела то, что чуть раньше заметил ее спутник. От жилого строения отделилась и двигалась в их сторону человеческая фигура. Амазонка присела на корточки. Прячущиеся разглядывали идущего. Высокий и очень худой нескладный мужчина, одет небрежно и неопрятно, по лицу блуждает улыбка, в одной руке объемистый глиняный кувшин с узким

горлышком, в другой — кружка. Уверенно движется к их укрытию.

— Я хотел дожидаться на этой лежке темноты. — Шепот Конана так и рассчитан был, чтобы достичь ушей той, кому он предназначен, и не уйти дальше в сторону ни на палец. — А там я бы пробрался в дом и немного пошарил внутри. Благо, кой-какой опыт в этих делах имеется. Нашел бы что-нибудь поесть, попить, может, из одежды что. Нам не мешало бы вырядиться в местные тряпки, а то уж очень сильно выделяемся в этих доспехах. А теперь, как я посмотрю, на ловца и зверь бежит. Если этот с кувшином полезет в кусты, то скоро мы выясним, где у них что находится, где...

Киммериец умолк, приложил палец к губам, показывая возжелавшей вставить свое слово женщине, что пришло время полной немоты. Ибо незванный гость находился уже близко и курс не менял. Конан быстро оглядел толщу укрывающих их кустов и обнаружил в ветвях прогалину, которой, очевидно, пользовались те, кто стремился уединиться на полянке по каким-то своим делам. Человек с кувшином, если и полезет в кусты, то наверняка именно здесь. Северянин передвинулся так, чтобы не быть обнаруженным раньше времени. Если только человек полезет к ним...

Человек полез.

Глава одиннадцатая

И тогда, Великий Магистр, мы со всей поспешностью вернулись назад, чтобы доложить тебе о том, что случилось на арене и свидетелями чего мы стали,— закончил свой рассказ Веллах — мужчина в наряде жреца Неизвестного, который присутствовал на трибунах арены во время боя великанов.

Вместе со своей спутницей Минолией он стоял в обширном подземном зале, формой своей напоминавшим чашу — стены вокруг круглого пола, украшенного мозаичными фигурами, плавно расширялись к потолку, скрытом в дымке курящихся благовоний. Оттуда, с невидимого потолка, свисали гигантские сталактиты, поблескивающие вкраплениями кварца, а навстречу им вздымались исполинские сталагмиты, подобно зубам циклопического чудовища.

Это лишь снаружи непосвященному зрителю полуразрушенный временем горный монастырь представлялся пусть и большим, пусть и зловещим, но в чем-то унылым и давно требующим ремонта строением; впрочем, непосвященный зритель никогда бы и не проник в его пределы — жрецы Неизвестного никого не допускали внутрь монастыря. А ведь глубоко под фундаментом скрывался совсем другой монастырь, огромный, неприступный, с лабиринтом коридоров, множеством внушительного размера залов, большими кельями и просторными нишами, отведенными специально для

уединения и молитв. Кем и когда были прорублены в толще скал эти подземелья — неведомо, произошло это задолго до того, как в здешних местах поселились жрецы, а те появились тут без малого триста лет назад. И называли они себя членами Ордена Последнего Дня.

В центре зала, где стояли Веллах и Минолия, возвышался трон, вырубленный в теле сталагмита, у подножия которого мирно журчал небольшой фонтан. Но не вода наполняла жизнью этот фонтанчик, а вещество, напоминающее жидкий холодный огонь; его ярким, желтоватым переливчатым светом был озарен весь зал.

Некоторое время царила напряженная тишина, и лишь журчание волшебного источника нарушало ее. Наконец из скрытой тенью глубины трона выдвинулась фигура в белых одеждах членов Ордена. Капюшон, как и у посетителей, был откинут, ибо братьям незачем прятать свой облик друг от друга, и отблески жидкого огня снизу подсветили лицо жреца, придав тому весьма зловещий вид. Магистр заговорил, и голос его, спокойный, размеренный, с легкой хрипотцой, эхом разнесся под сводами зала:

— Вы уверены, что это был тот самый Шлем?

— Да, Великий Орландар,— не колеблясь ответил Веллах.— Никаких сомнений.

— И кроме того, мы оба отчетливо видели черный свет, о котором говорится в предсказании,— добавила Минолия.

— Так.— Магистр вновь погрузился в тень своего трона.— Расскажите мне еще раз о финале схватки.

— Когда первый великан упал, второй сел ему на грудь и принялся избивать кулаками. Никакой человек не вынес бы и одного столь сокрушительного удара, однако тот, что носил Шлем, пытался вырваться очень долго — не малое время он продержался под градом тумачков. Но потом затих и, судя по положению тела, умер. Тогда второй встал и сорвал с головы поверженного Шлем...

— Нет,— поправила Минолия.— Он сначала снял Шлем, а уж потом встал на ноги.

— Ну, не важно. Он снял Шлем, поднял его над головой и закричал. Клянусь Древними, Великий Магистр, никогда доселе мне не приходилось слышать столь дикого рева. Будто и не человек это вовсе кричит, а... а разъяренный зверь, что ли...

— Или, может быть, демон? — Лицо Орландара на миг вновь показалось из тени, и в глазах его мелькнула неприкрытая заинтересованность.

— Н-нет...— На мгновение задумался Веллах и твердо подтвердил: — Нет, Магистр. Все же это был крик человека. Могучего, неистового в гневе, раненного, но — человека.

— Ладно.— Орландар опять скрылся в полутьме и некоторое время молчал.

Его подданные понимали, что Магистр находится в смятении, но не знали, в чем причина тревоги,— ведь предсказание сбылось и наконец-таки оправдывается смысл многолетнего существования Ордена Последнего Дня: Древние возвращаются!

— Идите и пригласите в этот зал всех братьев и сестер,— приказал Великий Магистр, и голос его был как обычно спокоен.— Всех, даже тех, кто занят неотложной работой. Настал день, когда судьба нашего дела зависит от каждого из нас. В этот час никто не должен остаться в стороне. Идите же.

* * *

Личный маг Хапида Ай-Берек стремглав взлетел по винтовой лестнице, ведущей на самую вершину башни, что венчала здание дворца сатрапа. Ему было известно, что медлить невозможно, и известно, что он уже опоздал. Никто и ничто не сможет остановить наступление Тьмы. Волшебник подскочил к книжным полкам, занимающим всю северную стену его жилища, глаза пробежались по названиям на корешках и остановились на одном: «Андориманта».

Библиотека любого уважающего себя колдуна ломится от книг, свитков, манускриптов и даже глиняных табличек, содержащих в себе всевозможные пророчества — ложные и правдивые, туманные и предельно ясные, короткие и занимающие целые тома. Среди всех этих предсказаний наибольший интерес у магов любой масти вызывает фолиант «Андориманта», составленный из прорицаний шаманов племени Огу-Ра, обитающего где-то у подножия далеких Рабирийских гор. Эти прорицания, непонятные, невразумительные, двусмысленные, тем не менее, славятся одним: они имеют неприятную особенность сбываться — рано или поздно.

Метод получения пророчества был чрезвычайно простым, но несколько трудоемким. В каждый праздник новолуния шаман выбирает из племени жертву, которую опаивают наркотиками, а затем умерщвляют. Как известно, в момент смерти перед человеком открывается и Прошлое, и Будущее.

С помощью заклинаний и особых трав шаману удается некоторое время удержать несчастного на зыбкой грани между жизнью и небытием, и тогда жертва рассказывает обо всем, что видит. К несчастью, рассказы эти всегда невнятные, зачастую нечленораздельны и полны недомолвок; бывает, «пророк» не может толком объяснить открывающиеся его взору картины, случается, что он покидает наш мир прежде, чем закончит свой рассказ.

Маги по-разному толкуют эти странные предсказания, а некоторые и вовсе ставят их в тупик. (Как, скажите на милость, трактовать такое, например, прорицание: *«Там, где восходит солнце, вырос гриб-дымовик, свет которого выжиг внутренности у людей и уничтожил целый город под названием Гиродзим»?*)

Ни один человек не в силах выучить все эти пророчества, которых насчитывается более четырех с половиной тысяч, но одно особенно запомнилось Ай-Береку, поскольку касалось предстоящих событий не где-нибудь, а именно в Вагаране — городе, где он жил.

«...И отверзнутся Врата, кои вширь до пределов земных, вглубь до черных кипящих камней и еще глубже...»

* * *

Едва последний брат покинул зал, Великий Магистр Орландар сошел со своего трона и в волнении зашагал от стены к стене. Спокойствия его как ни бывало. Когда рядом никого нет, он может позволить себе быть самим собой. Тревога переполняла его сердце.

Двести пятьдесят лет кряду Орден Последнего Дня, обосновавшись в Вагаране, ждал прихода этого часа. Ждал терпеливо; ждал, свято веря, что он наступит. В свое время основатели Ордена, верно истолковав туманное пророчество Огу-Ра, начали долгую подготовку к возвращению Древних. Возносились к вершинам славы и рушились империи, сгорали в горниле войн города, вымирали и рождались народы, менялись Магистры, умирали от старости братья, и на смену им приходили новые, а Орден жил и нес сквозь годы свое тайное предназначение.

«Когда Черная Сила уничтожит себя самое...»

Он не совсем понимал, что это означает, но знал: тогда откроются Врата между временами, и вернется давно вымершая раса Древних. В мир вернется мудрый, добрый, справедливый народ и восстановит свое владычество на земле, свергнет правление жалких, тупых людюшек, которые и явились причиной их исчезновения.

А предводителем вернувшихся должен стать тот, кто носит на голове Шлем, управляющий Войском Древних. Без этого шлема представители старой расы могут превратиться в банду убийц, — ибо они яро ненавидят весь род людской, — столь же непобедимую, сколь неорганизованную, разрозненную и неподконтрольную. И вот что-то пошло не так.

Орландар остановился и задумчиво посмотрел на фонтан жидкого огня.

Быть может, гладиатор, что сорвал Шлем с головы побежденного противника, и является будущим полководцем Армии Древних?.. Нет. Со слов этой девчонки, Минолии, явственно выходит, что получеловек-полудемон, тот, кто проиграл битву, и должен был стать тем самым полководцем, о котором говорится в пророчестве. Так кто он такой, варвар, что сумел справиться с отпрыском Темных Сил? И что же теперь будет? Врата Времени открываются, и некому возглавить войско из прошлого...

Великий Магистр возобновил свое движение — восемь шагов до одной стены, поворот, восемь обратно, поворот, восемь шагов назад.

Лишь горстке посвященных было известно, как выглядит оборотная сторона медали, о том, какая именно сила может выйти на поверхность земли после прихода Древних. Большинство братьев жило в уверенности, что возвращение старых правителей означает лишь возвращение старого мира — мира, который был безжалостно уничтожен недавно рожденной, но быстро набравшей силу цивилизацией людей. Простые члены Ордена полагали, что с восстановлением царства Древней Расы восторжествует справедливость — и только... И лишь избранные знали, что за возвращением Древних неизменно последует установление на Земле владычества Черных Сил. Ибо, если один человек, находящийся во власти этих сил (рожден ли он от демона или по какой-то причине оказался в оковах черного заклинания — неважно), убьет другого человека, также являющегося пленником черного колдовства, то влияние потустороннего мира на обоих взаимно уничтожится... зато на границе, отделяющей наш мир от обители Зла, появится брешь, и создания, которых мы можем узреть лишь в кошмарных снах, хлынут в Реальность...

Великий Магистр Орландар был последним из таких избранных. Все братья в Ордене уверены, что служат делу возвращения господства Древних в изначально принадлежащем им мире; и только Орландар знал,

что открыть Старой Расе вход на Землю — это еще полдела: необходимо также не допустить вторжение Черных Сил, что тут же хлынут в образовавшуюся щель меж временами. И только с помощью Шлема, того самого Шлема, который будет венчать голову главнокомандующего Армии Древних, можно закрыть Врата, остановить демонов на пороге Земли, свергнуть их воинство обратно в бездну.

И вот — что-то пошло не так.

Тот, кто должен был возглавить Войско Древних, мертв, тот, чья смерть должна была открыть Врата, выжил... да еще и унес с собой Шлем.

Сейчас все сто двадцать три члена Ордена, кроме самого Орландара, переодевшись в обычные одежды, наводняют город и, используя особое заклинание, которое они выучили еще при обряде посвящения и текст которого повторяли, как молитву, еженощно, рыщут по улицам и закоулкам Вагарана в поисках злосчастного Шлема. Конечно, со временем пропажа будет найдена и доставлена в монастырь... но что произойдет за это время? Как поведут себя Древние, вновь обретшие на Земле плоть, разум и свободу, но лишенные командира? И, главное, что предпримут силы Мира Демонов, поняв, что один из гладиаторов, а именно их отпрыск, погиб и Врата все еще открыты?

Того, что кто-то из членов Ордена воспользуется Шлемом, Магистр не боялся: каждый в монастыре твердо верил — надев сей магический головной убор, после того как появятся Древние, он будет немедленно умерщвлен — столь губительной для простого смертного была сила Мрака, орудием и инструментом которой служил Шлем Древних...

Близилась полночь, время, когда мощь Тьмы и Зла возрастает неимоверно. И если до наступления полуночи Шлем не будет найден... Орландар даже боялся подумать о том, что тогда произойдет.

Глава двенадцатая

Затрепали сучки. Совсем рядом раздалось бормотание. Показались кувшин и кружка, следом — руки, раздвигающие кусты. Из зелени выплыла голова, украшенная поношенным тюрбаном.

Человек сообразил, что что-то случилось, уже лежа распластавшись на земле, а ведь до этого ему зажали рот, вырвали из рук кувшин, перекувырнули в воздухе и аккуратно уложили на траву, придавив грудь коленом и приставив к горлу клинок — но все произошло столь стремительно, что незнакомец и понять ничего не успел.

— Жить хочешь, приятель? Тогда будь тихим и послушным, — пророкотал сверху мужской голос.

Лишившийся кувшина человек тряхнул головой, тем самым приводя мысли в движение, взгляделся в обладателя голоса и непроизвольно заскулил — громко, печально и безутешно.

— Ни звука, приятель. Последнее предупреждение.

Пальцы, в которых чувствовалась пугающая сила, сдавили кадык поверженного незнакомца. Из его глаз хлынули слезы, рыдания сотрясали грудь.

— У него вино в кувшине, — сообщила амазонка, понюхав содержимое глиняного сосуда. — Дай ему выпить, пусть успокоится.

Успокоение пришло только после второй кружки и десятка пощечин. Дыхание выровнялось, водопад слез

иссяк, зубы перестали выбивать дробь о глиняный край кружки — пленник очухался.

— Приятель, я не буду с тобой возиться, как с капризной девчонкой. Тебя прирезать следует, как и всех жителей этого вонючего городишки. Но ты можешь попытаться и заслужить жизнь. Ты кто такой?

— Фагнир я. Приказчик знаменитого купца Махара. Вот его дом. — Незнакомец смотрел на Конана снизу вверх заблестевшими глазками, которые покидал страх. На щеках его заиграл румянец. — А ты, что ли, тот самый гладиатор, о котором все уши прожужжали? По приметам подходишь. Сбежал, что ли?

— Нет, — ответил киммериец. — Отпустили за примерное поведение. — Он повернулся к женщине. — Осмелел. Вино, должно быть, славное.

— А как насчет еще кружечки? — спросил тот, от горла которого Конан только что убрал меч.

— Я ее тебе в глотку затолкаю, смрадная хорайская вошь, если будешь много болтать. Кто еще есть в доме?

Угроза гладиатора, сменившего насмешки на суровость, подействовала — к любителю вин из кувшинов вновь вернулся испуг. И он поспешил с ответом:

— Только женщины. Жены купца Махара. Две их у него. И дети. Пятеро. А может быть, шестеро. Нет, вроде пятеро. Салмон — раз, Кушанагир — два...

— Хватит детей. Где сам купец?

— На арене. На тебя пошел полюбоваться. Не вернулся. Почему-то. Ты здесь — его нет.

— Другие слуги, приказчики?

— Я, Фагнир, один за всех. Когда лавка закрыта. На женской половине живет старуха Ителия, прислуживает...

— Далеко отсюда до крепостной стены?

— Дальше не бывает. Центр города.

— Ага. Ну, вот как мы поступим, приятель.

Конан отстранился от разговорчивого приказчика, отломал ветку от куста и очистил ее от листьев. Затем он ухватил Фагнира за одежду — чтобы, не тратя вре-

мени на просьбы и приказы, отнести его к разрушенной ограде, возле которой наблюдался небольшой песчаный пятачок. Киммериец вложил веточку в ладонь горожанина, указал пальцем на песок.

— Рисуя план города. Рассказывай, где и что тут у вас построено.

— С удовольствием, — сказал на все это Фагнир. — С огромным. Вот только (он ткнул себя двумя пальцами под подбородок) в горле сухо. Говорить тяжело.

Конан рассмеялся:

— Ладно, так и быть. Кружечку заслужил. Будешь стараться — получишь еще.

Амазонка сидела в той же позе, которую приняла, когда варвар приступил к допросу отловленного вагаранца: скрещенные ноги, на коленях сабля, на саблю возложены руки, глаза прикрыты. И то ли из-под опущенных век наблюдала, как раскрасневшийся приказчик вычерчивает веточкой на песке замысловатые линии, выставляет камушки и, размахивая над всем этим длинными тощими руками, взахлеб рассказывает об улицах, переулках, закоулках, тайных лазах, дворцах, площадях, стенах города Вагарана, который он, дескать, исходил вдоль и поперек, то ли дремала, давая отдых усталому телу, но по-кошачьи оставаясь настороже. А может быть, думала о чем-то своем, отрешась от происходящего — мысленно, например, переместившись туда, где женщины избавлением от мужчин обрели мир, покой и благополучие.

Конан слушал пленника с напряженным вниманием, останавливал, когда тот увлекался ненужными подробностями или порывался излагать байки и предания, расспрашивал о том, что его заинтересовало. Киммериец знал: время не тратится им впустую. Передвигаться по незнакомому городу, где тебя ищут и, вполне вероятно, поиски с наступлением сумерок не прекратят, гораздо проще, когда имеешь хоть какое-то представление о тех местах, по которым приходится плутать. Кто знает, какая-нибудь мелочь из тех, что выдал

говорливый Фагнир, может ведь и жизнь спасти. А уж память-то варвара не подведет. Он дал себе команду запомнить все, что наговорил приказчик, зарисовал в голове начерченный на песке план — стало быть, в нужный момент нужный фактик обязательно появится из мозговой кладовки. И он этим фактом непременно воспользуется.

— Ясно, довольно, — прервал Конан вагаранца, когда смекнул, что тот уже ничего нового и полезного не скажет. Варвар вскочил на ноги. — Женская половина дома запирается снаружи?

— О да, — кивнул Фагнир. — На замок.

— Ключ у тебя есть?

— Нет. Но есть.

— Это еще как понимать? — удивился киммериец и успел подумать, что зря во время беседы об устройстве города уступил канючащему приказчику и разрешил пропустить еще пару кружечек.

— Хозяин мой, подозрительный, жадный купчишка Махар, не доверяет мне ключей от помещений. Но младший брат мой работает подмастерьем в кузнице, где изготавливают Махару замки. Он, добрая душа, сделал для меня по одному лишнему ключику на каждый замок.

— Пошли в дом, приятель. Покажешь, как живут вагаранские купцы. Полны ли у них погреба? Есть ли в бочках мое любимое вино? Вставай.

Приказчик Фагнир встал, однако только на колени.

— Бесподобнейший, сравнимый с богами великан! Пощади! В дом чужого приведу, дам пограбить, — убьет меня он, купец Махар, кровожадный и мстительный индюк!..

— Слушай, твои крики мне надоели, — сказал Конан тихим, но таким ледяным голосом, что у вагаранца сразу пропало всякое желание вопить дальше. — Еще раз возразишь мне — язык отрежу. А так — нос расквашу, пару синяков поставлю, привяжу в погребе к винной бочке и оставлю дожидаться купца. Расска-

жешь ему, как геройски сопротивлялся злобному варвару. Ну, а если купчишка твой еще застанет меня, тебе не перед кем будет оправдываться. Пошли!

— Вот спасибо, господин добрый гладиатор! Ах, какая голова! — затараторил приказчик, вставая и отряхиваясь. — А то, поверишь ли, мне приходится сюда, в кустики приходить, чтоб вина попить. Вдруг застанет подлый купец за этим делом в доме — не сносить мне головы. Очень, очень жестокий купец, мерзавец Махар. Ой, спасибо за бочку...

Киммериец вытолкал рассыпающегося в благодарностях Фагнира за кусты.

— Женщина, мы уходим. Желаете — присоединяйтесь. Впереди нас не ждет легкая дорога. Нужно как следует отдохнуть. Поесть. Переодеться, — сказал Конан, перед тем как выбраться из укрытия.

Последовала ли амазонка его совету, он смотреть не стал. Не оглядываясь, быстрым шагом, торопя вагаранца, направился к дому. И через какое-то, весьма непродолжительное время, тяжело вздохнув, женщина поднялась и пошла следом за мужчинами.

Со своим новым знакомым Конан проверил, заперты ли выходящие на улицу ворота и калитка, навешен ли замок на дверь, ведущую в женскую и детскую половины дома, отсекая, таким образом, всяческие неожиданности с этой стороны. Навестили они и погреб, вернувшись оттуда с корзинками со снедью и кувшином лучшего, как уверял приказчик, из хранящегося у купчишки вин — белого кофского десятилетней выдержки.

Зал для трапез и бесед окнами удобно выходил на уличные ворота и калитку — если и ждать опасных гостей, то именно с этой стороны.

— Здесь иждемся темноты... Если дадут дожидаться. — Конан обращался к амазонке, забравшейся на один из низеньких, заваленный атласными подушками диванчиков и даже сейчас не расставшейся со своей саблей. Корзинки с едой и кувшины были поставлены в центре комнаты на ковер, в котором ноги утопали по

лодыжку. В свою очередь и пол, и стены зала «утопали» в коврах, как и все вокруг выделялось показной, вычурной роскошью. Массивные, безвкусные золотые безделушки, на стенах — оружие, усыпанное драгоценными камнями и совершенно бесполезное как для нападения, так и для защиты, ковры, покрывала, подушки, обильно расшитые серебряными и золотыми тесьмами, кистями и перламутром.

— Что скажешь, Фагнир? Не смотри, не смотри на кувшин, как собака на кость. Бегом давай к своему колодцу, таскай воду. Надо смыть с себя дурную вагаранскую кровь.— Киммериец выбрал из груды серебряной, испещренной резьбой посуды два кубка, наполнил их вином. И, подавая один из них своей черноглазой спутнице, сказал:

— Утоли жажду, прекрасная пантера! Пожелаем себе поскорее оказаться за стенами мерзкого города, потом вернуться сюда с армией отборных псов войны и пить из этих кубков не вино, но уже вагаранскую кровь... Хотя нет: она будет кислой на вкус.

Амазонка молча взяла из мужских рук сосуд с вином и быстро, большими жадными глотками осушила его. Тем временем северянин выкладывал из корзин на ковер позаимствованные у запасливого купца яства.

— Я, кажется, начинаю любить этого Махара.— Конан отломил хлеб, положил на него огромный кусок козьего сыра.— Вино отменное, да и брюхо есть чем порадовать. Так, глядишь, я и не убью его, когда он вернется. Присоединяйся, о женщина, не открывающая своего имени! Один лишь Митра ведает, сколько у нас еще в запасе времени.

Но амазонка не присоединилась, не покинула диванные подушки. Зато в зал ворвался Фагнир:

— Готово, господин милосердный гладиатор! Купальная чаша полна!.. Кружечку я заслужил, а?

Конан замахал руками на влетевшего, показывая, чтобы тот не орал как оглашенный, прожевал, что было во рту, проглотил и только тогда смог выговорить:

— Проводишь госпожу гладиаторшу к купальне, тогда получишь. Госпожа ведь желает смыть с себя грязь вагаранских улиц, да?

Варвар глянул на хмурую амазонку, ожидая и на этот раз получит отрицательный ответ. Но нет — та неожиданно кивнула в знак согласия. Поднялась с дивана, прихватив с собой и саблю.

— Если кто нос свой сунет, убью,— сказала она, прежде чем отправиться за услужливо показывающим дорогу Фагниром к комнате, где совершаются в доме купца омовения.

— Очень надо,— пробурчал варвар, наполняя свой кубок вином.— Только этого мне сейчас и не хватает... Станный народ, эти женщины, а уж дикарки — так и подавно.

Вернулся Фагнир, набросился на вино и вместо одной кружечки столь молниеносно влил в себя четыре полных кубка, что пораженный Конан лишь крикнул и развел руками:

— Умеешь, стервец...

* * *

В этот миг на ворота со стороны улицы обрушился град ударов. Расслабленного, благодушно настроенного варвара как не бывало. Фагнир увидел перед собой обтянутого мускулами, готового к любым неожиданностям, опасного, сильного зверя.

В ворота барабанили все настойчивее, раздавались требовательные крики:

— Открывай, стража!

Толчок в спину вывел перепуганного приказчика из столбняка.

— Откроешь. Поговоришь. Ляпнешь не то — тебя первым зарублю, остальных потом.— В шепоте варвара было нечто, что не позволяло сомневаться: как он сказал, так и будет.

На негнущихся ногах, не успев приговорить еще один кубок с белым кофским, Фагнир двинулся прочь из зала.

— Живее! — Короткое слово подхлестнуло приказчика сильнее казацкой плети. Слуга Махара поспешил, насколько позволяло состояние ног и головы.

Конан, кляня себя за то, что пил и жрал, вместо того чтобы наточить меч, выпрыгнул в боковое окно, обежал угол дома и затаился под высоким широким крыльцом, не доходящим до ворот шагов пять. Из этой за-сады, если потребуется, в два прыжка он окажется у выхода.

— Живее, лентяи! Подошли там, что ли?

— Иду, иду! — Загромыхал отодвигаемый засов, скрипнули петли распаиваемой калитки.

— Чей дом? Кто таков? — Вопросы сопровождались цокотом копыт и звяканьем оружия.

— Дам всем известного купца Махара. Торговца тканями. Я же — его приказчик по имени Фагнир. А самого купца в доме нет.

— Про сбежавшего гладиатора слышал?

— А как же! Не под землей, чай, живем.

— Подозрительного ничего не видел?

— Никак нет, господин офицер.

— Увидишь, услышишь — зови нас. Не сможешь позвать — зажигай факел, установи на крыше. Про награду слышал?

— Никак нет, господин офицер.

— Тысяча золотых тому, кто возьмет негодяя живым, полтысячи за мертвого, триста за помощь. Можешь неплохо заработать, дружок... И лучше не продолжай, — и так от тебя несет, как от винного склада. Не то толпы гладиаторов мерещиться начнут.

Раздался дружный смех не менее чем из десятки глоток, а миг спустя — удаляющийся перестук копыт.

— Расквась мне нос, зуб выбей, привяжи к бочке! — взмолился Фагнир, когда запер калитку, обернулся и увидел вышедшего из-за крыльца гладиатора. — У меня чуть сердце от страха не выскочило. Я протрезвел! Совсем! — Он опять рухнул на колени.

— Зуб оставь себе. Заработал. Идем, запру тебя в погребу. Вот тебе доказательство, что здесь был беглый гладиатор; оправдаешься. На, держи. В подарок и в качестве алиби. — И Конан, сняв с головы, швырнул купеческому слуге бронзовый Шлем, сорванный с убитого туранца.

Киммериец заточил Фагнира в погребу, что равносильно, усмехнулся про себя варвар, заточению кошки среди крынок с молоком, и вернулся в покинутый зал. На пороге ведущего в глубь дома проема Конан увидел мокрые следы босых ступней. Значит, услышав стук и крики, амазонка выбежала посмотреть, что происходит. Обнаженная, с саблей... Красивое, должно быть, зрелище...

* * *

Ударом в небольшой медный гонг сатрап Хашид вызвал полуобнаженных девушек с опахалами; омываемый ласковыми волнами прохладного воздуха, он откинулся на шелковые подушки и позволил телу расслабиться. Телу, но не уму. На лице его блуждала довольная ухмылка.

Денек выдался жаркий — жаркий во всех смыслах. Несмотря на то что близится вечер, солнце на улице по-прежнему печет немилосердно, загоня прохожих в прохладу садов и питейных заведений. Лишь стражники жарятся под его испепеляющими лучами, способными, кажется, растопить даже камень. А во дворце тишина и тень, хотя стены вроде бы все еще сотрясаются от недавних криков брызжущего слюной шаха Джумала — Джумала взбешенного, Джумала умоляющего, Джумала угрожающего, Джумала убеждающего...

Но это все ерунда. Не о том надо думать, не о том.

Только что, чуть ли не падая перед сатрапом на колени шах просил, требовал, канючил и приказывал. Нет, он, Джумаль, не отказывается от спора, он незамедлительно вручит ему, Хашиду, проигранный смарагд... Смарагд, а в придачу ту самую грудку золота, что по

весу равна шахскому верблюду вместе с упряжью. Однако взамен Хашид должен предпринять все возможные шаги к тому, чтобы проклятый гладиатор был пойман и доставлен Джумалю. Живым. Он, Джумаль, готов покрыть все издержки, связанные с поимкой беглого раба, и даже назначить особую премию тому, кто притащит негодяя во дворец. Неужели досточтимый Хашид откажется от столь заманчивого предложения? Ведь раба все равно будут искать, так разве денежное вознаграждение не ускорит поиски? Разве груды золота весом с верблюда отяготят личные сокровища сатрапа? Вспомни, мой светозарный хозяин, как этот дикарь чуть не лишил жизни твоего гостя золотым кубком! Вспомни, что он убил моего верного телохранителя... и главное — моего сына! Неужели ты откажешься помочь мне? Что стоит жизнь какого-то раба по сравнению с жаждой любящего отца отомстить за любимого сына! А ведь в своей отцовской мести я не остановлюсь и перед тем, чтобы послать сюда свои отборные войска, подумай об этом, мой любезный Хашид!..

Хашид слушал увещания своего сиятельного гостя, снисходительно ухмылялся и молчал. Но в мыслях он стремительно перебирал варианты. Конечно, сатрап и без Джумалья собирался организовать тщательнейшие поиски непокорного раба — виданное ли дело, чтобы беглый пленник разгуливал на свободе! Гладиатора, конечно же, найдут и закуют в цепи, а уж что дальше с ним делать, решим потом. Однако нельзя и упустить возможности вытрясти из мешков шаха как можно больше золота... А еще лучше — поставить его в зависимость от Вагарана: пусть Джумаль погребет жизнь, будет считать себя обязанным Хашиду. Поэтому сатрап весьма уклончиво дал понять шаху, что, наверное, приложит все силы, дабы схватить беглеца, и, скорее всего, он будет пойман. Что же касается передачи беглеца шаху, то, пожалуй, этот вопрос требует самого обстоятельного обсуждения. Приятно было

видеть Хашиду, как унижается высокопоставленный гость.

Что ж, пора начинать охоту на дикого зверя. В городе, где охране известен каждый закуток, каждый камень в стенах, рабу спрятаться не удастся. Пойман он будет еще до рассвета.

Джумаль отбыл в свои покои, а Хашид, овеваемый широкими опахалами, трижды ударил бронзовым молотком в гонг.

— Начальника городской стражи ко мне, — приказал он вошедшему и склонившемуся в почтительном поклоне слуге. — И пусть разыщут мага Ай-Берека. Он мне нужен. После этого принеси мой кальян.

«До рассвета его поймут», — повторил Хашид про себя...

Однако никто не ожидал, что еще до рассвета в город войдет Смерть.

* * *

Конан машинально двинулся по этим мокрым следам, что оставила за собой покинувшая купальную чашу амазонка, и размышлял о том, как быть дальше. Остаться еще на некоторое время в этом сравнительно безопасном доме было бы наилучшим решением — всяко спокойнее, чем носиться по городу, где тебя ищет каждая собака в надежде получить обещанную награду... К тому же, в какие бы одежды, найденные в гардеробе купца, они ни вырядились, такая парочка — черноволосый мускулистый гигант с огромным двуручным мечом и вооруженная черноволосая же красавица — наверняка привлечет к себе внимание. Внимание потянет за собой вопросы, вопросы вызовут подозрение... И что дальше? Очередная битва со стражей? Неизвестно, чем она кончится: охранники уже предупреждены о силе и ловкости беглецов, поэтому навалятся всей кучей; не умением возьмут, так количеством... А с другой стороны, нужно как можно быстрее выбраться за пределы городских ворот, а уж там ищи ветра в поле.

На ночь ворота закрываются, и с наступлением сумерок покинуть Вагаран станет вовсе невозможно. Так что же предпринять? С бабой этой посоветоваться, что ли? Для женщины она вроде бы неплохо соображает...

Следы привели Конана в комнату, где купец, по-видимому, отдыхал от дневных трудов. На полу расстелен большой пушистый ковер, на нем в живописном беспорядке разбросаны шелковые цветастые подушки. Красная, почти невесомая ткань, закрепленная где-то под потолком, мягкими волнами струится вниз и превращает это ложе в весьма уютное гнездышко. Стены задрапированы мягких тонов занавесями; в углу дождается хозяина вместительный, покрытый причудливым орнаментом кальян.

Амазонка находилась здесь — при сабле, как и предполагал Конан. Но, к его величайшему сожалению, была она необнаженной: дикая кошка закуталась в кусок белой материи, очевидно, служившей полотенцем обитателям дома, и из-под него выглядывали лишь босые ступни да круглое, смуглое плечико. Недурной, надо заметить, формы плечико — учитывая, с какими легкостью и непринужденностью девица владеет мужским оружием.

— Я, кажется, предупреждала: кто сунет свой поганый нос — убью, — заявила она, отвлекшись от разглядывания украшений на стенах и повернувшись к вошедшему варвару.

— Будь снисходительной к ничтожному червю, милостивая госпожа! — весело ответил Конан. — Я, твой недостойный раб, полагал, что это относилось лишь к процессу купания... Или наблюдение за тем, как страшная воительница рассматривает красивые безделушки, также карается смертью?

Амазонка нахмурилась и перевела разговор на другую тему:

— Что там за шум был? Я услышала стук и решила укрыться в доме, чтобы напасть неожиданно, если возникнут проблемы.

Киммериец отстегнул меч и аккуратно поставил его в угол.

— Осмелюсь доложить, стража приходила. Нами интересовалась. Однако наш пьяненький друг убедил их, что ничего подозрительного не заметил, но если заметит, то всенепременно доложит кому следует. И солдатики ушли — думаю, надолго. Так что в доме пока все тихо. И, главное, никого: Фагнира я запер в подвале, а женщины находятся на своей половине — они, кажется, даже не заметили, как кто-то стучал в ворота. Если купец вернется, мы услышим и сумеем достойно встретить столь гостеприимного хозяина. Поэтому предлагаю немного отдохнуть и помыслить о том, как быть дальше. — С этими словами Конан упал на подушки, перевернулся на спину, закинул руки за голову и блаженно потянулся. — Эх, здорово-то как! Давненько я не отдыхал. А то все бои, понимаешь, сражения, гладиаторы какие-то... — Он хитро взглянул на стоящую перед ним женщину. — А ты разве не утомилась?

Щеки амазонки вспыхнули.

— Неужели ты, грязный мужчина, недостойный носить имя человека, считаешь, что я разделю с тобой это ложе? — гневно спросила она, и пальцы ее сжались на рукояти сабли.

— Упаси Митра! — горячо запротестовал варвар. — Как ты могла подумать такое?! Да я не достоин служить и омывателем твоих бесподобных ног, красота которых сравнится лишь с великолепием ног лани! Я даже не имею права лицезреть твой совершенный лик, схожий лишь с...

— Еще одно слово, и я тебя прикончу, — вполне серьезно заявила женщина и в подтверждение своих слов подняла саблю на уровень головы.

— Молчу, молчу. В доме полно уютных и пустых комнат, где ты можешь в спокойном одиночестве провести время, восторгаясь женским благородством и исключительностью... Хотя, — лукаво добавил он чуть погодя, откровенно разглядывая застывшую над ним

амазонку, — по-моему, места здесь вполне хватит и на двоих.

Беспричинное веселье распирало Конана. Совсем недавно он стоял на арене, готовясь к очередной схватке, исход которой был непредсказуем; совсем недавно он находился во власти черного колдовства, вырваться из которого казалось немыслимым; совсем недавно по пятам за ним гнались все солдаты города... и вот — совершенно неожиданно — в кровавой круговерти сражений, стычек и погонь возникла пауза, появилась возможность передохнуть, расслабиться, забыть о том, что предстоит еще выбираться из этого проклятого города. Так почему бы не воспользоваться этим, да еще в компании пусть и строптивой, но весьма смазливой девчонки? Кто знает, что ждет их через час...

Амазонку, похоже, обуревали те же чувства. Она билась на арене, прекрасно сознавая, что рано или поздно удача отвернется от нее, и она — позор для представительницы ее племени! — погибнет от руки мужчины. Выхода не было... И тут, хвала королеве амазонок Акиле, судьба подарила ей возможность бежать. И пусть эта судьба предстала в облике именно презренного мужчины, она на свободе! Радость избавления, жар недавней схватки все еще кипели в ее душе. Кровь горячила жилы, сердце бешено билось в груди. Отважная воительница никогда доселе не встречала столь умелого и храброго бойца, как этот Конан из далекой Киммерии. Пожалуй, мелькнуло у нее в голове, кое-кто из гнусных самцов не такой пропащий, как все остальные...

Она помотала головой, прогоняя непривычные мысли, и сказала, постаравшись вложить в свои слова как можно больше злого сарказма:

— Все вы хотите только одного — затащить женщину в постель, надругаться над ней, а потом горделиво хвастаться этим перед своими друзьями, такими же грязными, похотливыми баранами!

— Ничего подобного, — как можно серьезнее ответил Конан, с великим трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. — Мне еще надо отдохнуть, наточить меч и решить, как я буду выбираться из города. Так что, женщина, не мешай мне думать. — И он отвернулся к стене, будто амазонки и не существовало вовсе.

Некоторое время слышалось лишь сердитое сопение. Потом раздался голос, напоминающий шипение рассерженной змеи:

— Значит, ты, отвратительный, вонючий дикарь, который поленился даже смыть с себя грязь и пот перед тем, как войти в помещение, где нахожусь я, ты не желаешь меня? Ты не хочешь повалить женщину на подушки и совершить свое похабное дело?

— Не-а. — Шутки шутками, однако наглость этой стервы уже начала надоедать северянину. Никому он не позволял безнаказанно оскорблять себя, и если эта баба посмеет сказать еще хоть одно бранное слово в его адрес, придется поучить воительницу хорошим манерам — а заодно и охладить ее пыл. Тоже мне, сливки человечества. Ремнем по голой заднице — и весь разговор. — Каждому делу свое время, а сейчас моя голова занята другими вещами... И потом, я не вижу перед собой женщины. Храброго бойца — да. Опытного солдата — сколько угодно. Но женщину? Извини.

— Да? А не ты ли только что льстиво восхвалял мои ноги? Мое лицо?

— Ну... Просто я не хотел ущемлять твое непомерное самолюбие.

— Ах так... — Амазонка задохнулась от гнева, лицо ее покраснело. При некотором воображении Конан мог бы предстать себе, что это румянец стыдливости. — А теперь? Сейчас ты тоже скажешь, что я не женщина?

Она отбросила саблю... а потом полотенце с тихим шелестом упало на пол.

Да, вынужден был признать варвар, стерва отказалась не только смелым гладиатором и толковым воином, но и весьма привлекательной козочкой. Черные

как смоль волосы, еще влажные после купания, рассыпались по изящным смуглым плечам, небольшие, крепкие груди смотрели вверх и в стороны острыми розовыми сосками. Уперев крепкую ладонь в бок, амазонка с вызовом смотрела на мужчину.

— Ну? Что же ты молчишь? Скажи еще раз, что я не похожа на настоящую женщину!

Вместо ответа Конан приподнялся, взял ее за руку и, резко дернув, молча повалил на подушки рядом с собой.

Глава тринадцатая

Колдун Ай-Берек с рвением взялся за исполнение приказа повелителя, сатрапа Хашида, поскольку приказ этот полностью отвечал его собственным планам.

Хашид велел своему магу отыскать беглого гладиатора-победителя. В этом стремления хозяина и слуги сходились. Однако цель поисков была разной. Сатрап желал лишь отомстить Конану за гибель шахского сына, перед Ай-Береком же стояла несколько иная задача: ему нужен был шлем, который унес с собой сбежавший воин. Нужен, чтобы не допустить гибели этого мира.

Как там, в этом пророчестве...

«...ступившие следом за первыми разольются черным сомнением по миру, и не станет ни земли, ни влаги, ни человеков, ни тварей...»

Странное, очень невнятное предсказание.

«...И взовьется Стяг Мести. И выступит Древний Легион. А впереди — узнают кого по Шлему его...»

Но старый колдун чувствовал, что именно в этом прорицании и кроется разгадка Шлема, в котором он ощутил присутствие дремлющей Силы — небывалой, инородной, чудовищной; что за сегодняшними событиями на арене последуют другие, более страшные, вероятно даже — губительные. Так что, как ни крути, необходимо разыскать Шлем. Пока не поздно.

Ай-Берек, конечно, не знал заклинания, с помощью которого члены Ордена Последнего Дня намеревались отыскать украденный Шлем, зато у него в запасе имелось множество других заговоров: ведь он был профессиональным магом — в отличие от Магистра Орландара, посвятившего свою жизнь лишь подготовке прихода Древних.

Хашидский волшебник достал из потайной ниши хрустальный шар и серебряную чашу. Первый он водрузил на специальный треножник в углу, вторую поставил под него, так, чтобы центр шара по вертикали точно приходился на центр чаши. Потом разложил в чаше пучки высушенной ядовитой травы тук, собранной рабами-смертниками в предгорьях Карпашийских гор, и поджег их. Едкий дымок поднялся над треножником, окутал шар полупрозрачной грязно-желтой завесой. И, словно отвечая на призыв волшебного дыма, шар осветился изнутри таким же желтоватым мерцанием.

Ай-Берек попытался сконцентрироваться на образе Шлема — с тем чтобы видение в шаре открыло магу его нахождение. Однако туманная дымка внутри шара оставалась непроницаемой, словно что-то — или кто-то — заслонял картину. Впрочем, вместо панорамы места, где находится Шлем, перед Ай-Береком неожиданно проступили очертания обширной площадки, огороженной высокой каменной стеной. Несмотря на то что видение длилось лишь мгновение, волшебник тут же узнал эту площадку: гладиаторская арена перед дворцом Хашида.

В центре ее клубится воронка черного марева, очертания реальных предметов, проступающие сквозь него, скрадываются, а вместо них проступают ландшафты, словно рожденные в воображении безумца — серые, изогнутые, вопреки всем земным законам, скалы, черные водопады, текущие вверх, синее солнце в бледномареновом небе, похожее на шевелящуюся кляксу, туманные образы призрачных существ, не имеющих ничего общего с обликом человека, что спуют в тени рваных

облаков, плывущих над самой землей. Над ареной стоит глубокая ночь, заливая ее песок голубоватым светом полной луны... И в следующее мгновение шар вновь заволокло волшебным желтым дымком.

Ай-Берек нахмурился. Что это означает? Шлем попрежнему находится на арене? Или же магия указывает ему на иную, более важную, нежели поиски Шлема, задачу? И почему над ареной, показанной потусторонними силами, ночь?

Колдун выглянул в окно. Солнце почти уже скрылось за гребнем городской стены; ночь надвигалось на Вагаран. Синие сумерки окутали кварталы города, уравнивая под завесой своего холодного покрывала районы бедняков и районы богачей. Тени опускались на Вагаран, и небо вечерне темнело над его улицами. Повеяло прохладой, подул легкий ветерок, предвещающий ночной холод, — обычное явление для этих пустынных областей... Но, как бы то ни было, предвидение не должно обманывать. Если, в ответ на просьбу показать ему местонахождение Шлема, шар демонстрирует панораму гладиаторской арены, то это неспроста. Там, на арене, произойдет нечто, что имеет прямое отношение к Шлему. Какое именно — он, Ай-Берек, узнает позже. А пока необходимо попасть на указанное волшебной силой место и все выяснить.

* * *

Орландар, Магистр Ордена Последнего Дня, в волнении шагал по залу. Спускался вечер, но пока никаких вестей от посланных на поиски Шлема не поступило. Неужели все пропало? Неужели в одночасье рухнет все то, чему было посвящено существование Ордена вот уже четверть века, и вырвавшиеся на свободу потусторонние силы захватят безраздельную власть над родом человеческим?

Нет. Этого нельзя допустить. Еще есть время. Даже если Шлем так и не будет найден, существует возможность остановить рвущийся на землю Ад. Еще можно

успеть — пока не заперли на ночь городские ворота и пока не открылись Врата Времени. Необходимо немедленно попасть на арену.

* * *

— Смеркается.

— Что?..

— Темнеет, говорю. Если мы хотим до ночи выбраться из города, надо поторопиться. Собирайся.

Конан вымылся в купальной чаше, привел в порядок изрядно затупившийся клинок своего меча, набил котомку хозяйской снедью (не забыв прихватить пару бутылочек терпкого кофского вина). Сам купец так и не появился, и с женской половины дома не доносилось ни звука. Пока он готовился к выходу из этого безопасного жилища, его спутница переделалась в костюм, найденный в гардеробе Махара: шаровары розового цвета, остроносые сапожки, широкая белая рубаха, расшитая золотой нитью, и удобная, отороченная мехом, куртка. Если бы не угрожающе поблескивающая сабля в ее изящных руках и пронзительный, пылающий безрассудной храбростью взгляд, Конан, пожалуй, засомневался — та ли самая перед ним женщина, что сражалась с ним плечом к плечу с десятком до зубов вооруженных воинов.

— Готова?

— Да. Куда ты собираешься направиться?

Ага, удовлетворенно подумал киммериец. Она уже интересуется моим мнением и готова прислушаться к моим советам. Это хорошо.

— Выходим на улицу и движемся к городской стене, — сказал он. — Спокойно, без спешки. Избегая людных мест. Если встретим кого и он что-то заподозрит, убираем по возможности тихо и незаметно. А дальше по обстоятельствам. Ясно?

Амазонка молча кивнула.

Странные ощущения бурлили в груди женщины. Все мужчины ее племени были способны лишь на

одно: тупо и беспрекословно освободить свое тело от семени и принять безразлично причитавшуюся им участь — смерть. Этот же человек, варвар из загадочной Киммерии, оказался совсем другим, ничуть не похожим на ее соплеменников. Ласковый, но настойчивый, спокойно-умелый, но и безрассудно-страстный, Конан подарил ей совершенно новый мир; никогда ранее она не знала, что физическая любовь может дарить женщине такое наслаждение... И северянин, пожалуй, не желая того, открыл ей глаза: не все мужчины — лишь беспомощные, жалкие тьюфы. Амазонку раздирали противоречивые чувства; только что полученный опыт полностью противоречил рассказам матриархов...

Конан же думал совершенно о другом. Он прекрасно понимал, что план их безумен и наверняка обречен на провал, но ничего другого пока придумать не мог. Город надо покинуть, и они постараются это сделать.

Сам киммериец решил не переодеваться: во-первых, в любом обличье его признают по росту и могучей фигуре, по гриве иссиня-черных волос, а во-вторых, боевое облачение, в котором он бежал с арены, очень пригодится, если по дороге вновь придется драться. Конан проверил, легко ли выходит из заплочных ножен меч, удобно и быстро ли он оказывается в руке, готовый в очередной раз пролить кровь, надежно ли закреплен под мышкой найденный в доме кинжал, не мешает ли движениям длинный плащ, также позаимствованный из куческого имущества.

— Ну, если готова, тогда вперед. Еще один рывок — и мы на свободе. Пошли.

По пути к калитке Конан заглянул в винный погреб, откуда доносилось невнятное пение, изредка перемежаемое тихим хихиканьем.

— Фагнир! — крикнул он в темноту. — Жив ты там?

— Господин гдла... гладидагр! Благодетель! — тут же раздалось в ответ; под холодными сводами подвала и между винными бочками запрыгало гулкое эхо.—

Божественный спаситель! Я жив! Хотя уже и на небесах! Спускайся ко мне, мой повелитель, и раздели мою радости!.. Правда, вина почему-то мало осталось... Счас... где-то тут еще у меня... — Послышался звон, дробный грохот падения чего-то тяжелого и плеск. — А, Нергалы отрыжки, понаставили тут... Я счас, сиятельный господин...

— Эй, не напрягайся! — весело крикнул в ответ Конан. — Я уже уйду. Дверь не запираю — выходи, когда захочешь... — и добавил себе под нос: — И если захочешь.

— Да-да... Я счас...

Киммериец и амазонка подошли к воротам, ведущим со двора гостеприимного купца, осторожно выглянули наружу.

Никого.

— Ну, — выдохнул Конан. — Отведи свой второй взгляд, Владыка Курганов! Вперед.

— Митра, храни наши души, — эхом откликнулась воительница. — Вперед.

* * *

Купец Махар, выходец из обнищавшей запорожской семьи, известный в Вагаране (а особенно женской половине города) торговец тканями, не пропадал бесследно. Отправившись на представление, чтобы насладиться кровопролитиями, он оказался одним из тех, кого согнал со своих мест взбесившийся раб и кого чуть было не зарубил, продираясь сквозь толпу честных горожан.

Еще Махару довелось оказаться на площади перед ареной и среди прочих вагаранцев наблюдать, как презренному гладиатору и его бабе удалось неизвестным образом пробиться через заслон солдат и выскочить на площадь, да еще верхом, и, что самое ужасное, ускакать в направлении его, Махара, дома.

Последнее обстоятельство особенно встревожило купца. Чего в жизни не бывает, всегда лучше перестра-

ховаться, решил торговец тканями и направил стопы к дому своего двоюродного брата, тоже купца по имени Магриб. Тот и проживал ближе к арене, чем сам Махар, и, что важнее — в части города противоположной той, где скрылся раб-варвар. Но самое важное: братец Магриб держал ювелирную лавку, поэтому волей-неволей должен был иметь в доме постоянную охрану. Десять вооруженных до зубов телохранителей-мордоворотов оберегали покой купца-ювелира и его сокровища. Под такой защитой и решил пересидеть Махар до поимки жуткого беглеца. Он и не сомневался, что это случится в самом ближайшем времени — слава Иштар, при сатрапе Хашиде городская стража научилась управляться со всякими смутьянами.

Магриб, с которым Махар находился в добрейших отношениях, редко куда отлучался из дома и лавки, поэтому любил, когда к нему заглядывали проверенные люди вроде двоюродного брата и рассказывали городские сплетни. А сегодня нашлось о чем порассказать! Магриб даже забыл о вине, о своем аквилонском двойном креплении, так ни разу и не поднеся широкую золотую чашу ко рту за все то время, что гость в подробностях описывал увиденное им. Ювелир лишь ахал и обхватывал голову руками, поражаясь услышанному.

Наконец Махар закончил повествование словами:

— После этого наш умнейший Хашид не применит, конечно же, забрать арену остроконечными железными прутьями и расставить по кругу арбалетчиков. Самых метких арбалетчиков.

— Вах-вах-вах! — Магриб в очередной раз сжал ладонями лысую голову. — Что творится на белом свете! Тебе, мой дорогой брат, нельзя сегодня ходить по городу. Чудовище, о котором ты любезно поведал мне, в любой миг может выскочить из... из... из, скажем, кустов. Оставайся у меня, пока не проедут по улицам и не объявят, что страшилище поймано. Сей же момент я велю позвать моих наложниц, они будут забавлять

нас танцами и любовью. Оставайся! Мои головорезы никого и близко не подпустят.

— Если ты настаиваешь, брат, то с превеликой радостью,— сказал Махар, довольный тем, что не пришлось самому обращаться с просьбой приютить и уберечь его.

— Вах-вах-вах,— снова схватился за голову ювелир-домосед,— я совсем забыл о вине! Оно же могло нагреться!

Глава четырнадцатая

Старик Кумарандж, сторож при покойницкой, запер двери ледника, присел на лавку и сделал то, о чем мечтал весь этот жаркий день: он откупорил бутылочку дешевого, кисловатого, но восхитительно холодного винца, которая с утра дожидалась своего времени среди громадных глыб льда и заиндевеливших мертвецов.

Нынче был урожайный для покойницкой день: аж пять трупов доставила стража во владения Кумаранджа — двое погибли на арене во время сегодняшних гладиаторских боев, один охотник заблудился в песках и умер под лучами палящего солнца, маленькая девочка подавилась за обедом костью, и какой-то нищий старикашка отбросил копыта под забором пивной. Итого — Кумарандж старательно загибал пальцы — на леднике отдыхают двенадцать мертвяков...

Впрочем, одного из гладиаторов можно смело считать за двух: огромный, мерзавец, тяжеленный, даже места ему не хватило, и его бездыханным соседям пришлось малость потесниться. Ну ничего, завтра их всех отвезут за городскую стену, свалят в яму, засыплют известью и закопают, и тогда уже будет не важно, кем ты был при жизни — ханом или попрошайкой с площади.

Кумарандж сделал щедрый глоток прямо из горлышка и умиротворенно прислонился к сырой стене.

Хорошо, что жара спала, ночь обещает быть тихой, спокойной и прохладной.

* * *

Доски из немедийского бука походили на кожу ветерана, прошедшего отпущенные ему годы в боевых походах: грубые, шершавые, истыканные, изрезанные ножами и кинжалами, пропитавшиеся вином. Уперевшись в доски локтями, утопив в ладонях лицо, за столом в караульном помещении сидел Яссин, начальник стражи Юго-Восточных ворот. Из караулки только что выбежал капитан роты гвардейцев, что была прислана для укрепления охраны в связи с переполохом, учиненным в городе сбежавшим гладиатором. Капитан объявил, что вплоть до особого приказа здесь уполномочен командовать он, чему начальник стражи ничуть не огорчился — меньше ответственности, меньше хлопот, больше возможности посидеть в караулке, погрузившись в свои мысли. А капитан попался деятельный: убегает, прибегает, кого-то куда-то отправляет, без конца меняет расстановку сил, бредит какими-то идиотскими идеями о заманивании беглеца в ловушку...

Тип из новой военной поросли Вагарана: напыщенный щеголь, интриган, делающий стремительную карьеру или стараниями родственников, или угождая как только можно, ничем не чураясь, влиятельным вельможам. На уме, конечно, лишь чины, деньги и разнузданные развлечения. А как воин — тьфу, пустое место, даром что капитан. Похоже, и умен-то не шибко...

Да-а, думалось Яссину, измельчал народ. Вырождается на глазах. Город зажрался, питаясь, как стервятник падалью, откупными кусками, что оставляют бесконечные торговые караваны. А ведь он, Яссин, когда-то считал, что ему повезло родиться в Вагаране, стоящем на пересечении караванных троп, где бедняки бедны только из-за своей чудовищной лени, но даже в своей нищете богаче, чем их собратья в иных местах. Где люди образованные и возвышенные. Где ты спокоен за

детей, зная, что им не придется нуждаться, воевать, скитаться... Но вот пришло прозрение: вокруг снуют не более чем двуногие твари, озабоченные мелкими, ничемными интересами. Мозги их заросли жиром, тела одрябли, мужская сила истощилась от чрезмерности ставших повседневными оргий. И единственное устремление — накопить больше золота, больше драгоценных камней, набить кошель, сундуки, закрома. Они плещутся в жиже собственных мелких утех, не в силах подняться над ними, но способны лишь тонуть, опускаясь все ниже и ниже, достигая самого дна мерзости. Они погрязли в чревоугодии, пьянстве, курении одурманивающих трав. Распущенность нравов за последние годы расцвела буйным цветом, как обильно орошаемый цветник, и распространяется, не зная удержу, как сорняк. Мужеложество уже считается модным украшением — чем-то вроде банта, женщины в гаремах живут друг с другом с позволения мужей и вступают в связь со своими же детьми; дело дошло даже до скотоложества и до того, что и этого порока почти перестают стыдиться.

Где вы, сильные духом и телом мужчины? Нет, не те, что по-пороссячи визжат на трибунах арены, наблюдая, как льется кровь не из их тел, и считают, что от этого зрелища они получают подлинно сильные ощущения... А те, кто с мечом в руке и бесстрашием в сердце утверждают величие богини Иштар на востоке и на западе, сметая языческих божков, вступая в смертельную схватку с чернокожниками, склоняя к повиновению орды дикарей, завоевывая для Хорай славу и земли. Те, кто служит великой идее превращения небольшой кофской провинции Хорайя в империю, не имеющую себе равных во всех частях света... Где? Куда подевались такие мужчины? В армии Вагарана еще есть настоящие воины, настоящие воины остались и в охране хасидского дворца... но их можно перечислить по пальцам, и с каждым годом таких становится все меньше.

Начальник стражи ворот и сам недавно был одним из тех, кого сейчас презирал. Однако полгода назад, по сплосшь надуманному доносу недоброжелателя, он угодил в тюрьму, где провел три мучительно долгих месяца. И сидел бы до сих пор, кабы не вмешательство единственного родственника, его дяди по матери, богатого купца, который вернулся с караваном из Стигии, узнал о несчастье, постигшем племянника, добился освобождения, а точнее — просто выкупил его. Кроме того, используя свои связи во дворе Хапида, помог восстановиться Яссину в прежней должности. Но месяцы тюремного заключения, нескончаемые размышления в сырой одиночной камере полностью переменяли начальника стражи Юго-Восточных ворот. Черное и белое поменялись местами в его сознании.

Мысли Яссина, облокотившегося на стол из немецкого бука, обратились к растревожившему город гладиатору. Начальник пожалел, что так и не наведаясь на трибуны презираемой им арены, так и не взглянул на этого человека, о котором столько слышал ото всех и отовсюду, кто, судя по всему, был одним из немногих Настоящих Мужчин, находящихся по эту сторону городской стены. Яссин подумал, что неплохо было бы удрать из вызывающего лишь тошноту Вагарана вместе с непокорившимся гладиатором и податься в наемники. Бросить опостылевших жен, безмозглых, капризных детей, поганую службу самодуру Хапиду и его погрязшим в извращениях вельможам и хлебнуть свежего вольного ветра. Пожить настоящей жизнью, жизнью воина, жизнью Мужчины...

В караулку вошел солдат, по напряженной серьезности которого угадывалось, что на улице либо произошло, либо происходят сейчас какие-то события. И воин не замедлил сообщить, что именно творится снаружи. Оказывается, более сотни человек подошли к воротам и требуют, чтобы их пропустили в город. Яссин отправил принесшего известие на поиски капитана и вышел из караульного помещения.

«Хорошо,— подумал начальник стражи, оглядывая громаду Юго-Восточных ворот, освещенных уже тускло, идущим к закату солнцем,— решение не мне принимать, и отдуваться потом тоже не мне».

Бодрой походкой, придерживая рукой длинную, несообразную с ростом саблю, подошел капитан, озабоченно спросил:

— Что стряслось, офицер?

— Какие-то люди просят впустить их в город. Обычное дело.

— Сегодня ничто не может быть обычным делом, офицер,— строго поправил его капитан.— Вперед.

Они направились к решетке, опущенной по приказу того же капитанчика. За прутьями вырисовывалась вереница разномастно одетых людей, мужчин и женщин, тянувшаяся через мост аж на ту сторону рва. «Не караван,— отметил Яссин.— Без лошадей и верблюдов. А кто тогда?»

— Чего надо? — начальственно рявкнул капитан, остановившись в двух шагах от решетки.

— Пешие паломники из Хоршемиша. Отправлены непревзойденным королем Кофа. С дарами для Храма Иштар, пусть славят ее имя до Последнего Дня во всем подлунном мире, по случаю праздника Явления Лика.

Ответ держал человек, отделившийся от молчаливо ожидающей своей участи толпы паломников и приблизившийся вплотную к мощным прутьям решетки.

— С кем я говорю? — Капитан стоял, важно выпятив грудь; поднявшийся к вечеру ветер трепал ненужные, но зато очень дорогие соболиные хвосты, прицепленные к его надраенному племю.

— Я — Неилос, жрец Храма Иштар в Хоршемише. Я веду паломников из столицы.

— Ох уж эти мне фанатики, вечно не ко времени,— пробурчал капитан, повернув голову к Яссину, но голоса не понизив.— А эти их дурацкие праздники идут один за одним... Как они сами-то праздновать не устают? — Потом он вновь обратился к стоящему по ту

сторону решетки человеку: — Ты знаешь, что здесь произошло?

— Нет, господин.

— Сбежал опасный заключенный. Гладиатор. Убийца. В городе находиться небезопасно.

— Что какому-то беглому арестанту до бедных паломников? — резонно заметил жрец Храма Иштар.

— Сколько вас? Где собираетесь встать на постой? — продолжал допытываться капитан, а жрец продолжал невозмутимо отвечать:

— Сто двадцать три человека вышло из Храма. Милостью Иштар все добрались до гостеприимного Вагарана. Приют мы найдем под сводами вашего знаменитого Храма на холме Столетия и около него.

— Ладно. — По всему было видно, что капитана утомила эта беседа. — Только никуда не сворачивайте, рысью к Храму и носа на улицу не казать. Эй, кто там, поднять решетку! Слушай, — заметил он вдруг на ухо Яссину, пока солдаты возились с подъемным механизмом, — может, содрать с них деньги? Сказать, что по приказу Хапида впускать никого не велено, но мы, так и быть, только ради Иштар, и все такое прочее... Ну, ты же знаешь, как это делается!

— Да уж поздно, пожалуй, — нехотя выдавил из себя Яссин.

— Э-эх, ты прав, — недовольно скривился капитан. — Чуть раньше надо было. Прозевали момент. Эх ты, что ж не подсказал!

Капитан неожиданно сорвался с места и куда-то убежал. А начальник стражи ворот отошел в сторону и безмолвно наблюдал за вступающей в город процессией.

«За восемь дней пешего перехода по барханам одежда паломников вся была бы в песке и пыли. Но, глядя на них, я сказал бы, что они прошли от силы лиг десять, — размышлял Яссин, провожая взглядом безмолвно шествующих мимо него мужчин и женщин. — Да и снаряжены они не для восьмидневного перехода через

пустыню. Где мехи с водой, торбы с пищей, белая материя от солнца?.. И странные у них у всех лица. Одинаково бледные, одинаково застывшие. И в одежде что-то не то... Не пойму...»

Наконец он понял, что его смутило в облачении паломников. Одеты те были по-разному, но у всех прослеживалась одинаковая беспринадлежность наряда. Так не одевались ни купцы, ни простолюдины, ни жрецы, ни крестьяне — никто. Создавалось впечатление, что эти люди выхватили из груды наваленной одежды, взятой ото всех сословий, кто что сумел и натянули на себя.

«Очень подозрительная компания», — сделал вывод начальник стражи. Случись такое полгода назад, Яссин задержал бы их, допросил, вытряс, если надо, и душу, но дознался бы — те ли они, за кого себя выдают. А сегодня...

«Да пропади оно все, — подумал он. — Пускай тво- рят, что хотят. И чем хуже придется подданным Ха- пида, тем лучше немногим стоящим людям в этом городе».

Решетка вновь опустилась, процессия из ста двадца- ти трех человек скрылась на улицах Вагарана.

«Что, интересно, у нас поблизости, в десяти лигах отсюда? — вдруг задумался Яссин. — А, так это ж мона- стырь жрецов Неизвестного! Уже и оттуда заявили «паломнички»? Любопытно...»

И начальник стражи Юго-Восточных ворот отпра- вился скучать в караульное помещение.

Глава пятнадцатая

Земля вела себя подло — лягалась и делала подсечки. Ей усердно помогали бочки, пороги и непознанные предметы. Полной сволочью оказался дверной косяк: бил исключительно в нос, причем очень больно. И не было рядом друга, который протянул бы руку. С которым они бы управились с распоясавшимся погребом. Который сказал бы: «Ты хороший парень, Фагнир! Обопрись на мое плечо», или: «Давай выпьем. Потому что ты — хороший парень... как там тебя... Фагнир!»

А где спрашивается, этот громила, которого он, Фагнир, приказчик сволочного купца Махара, спас, можно сказать, от смерти и который не по-дружески запер его в подвале? Почему не появляется? С ним вроде и баба какая-то, смутляночка, была, тоже могла бы подсобить...

Нет, все пришлось делать в одиночку. Доползти до дверей, дотащив два кувшина, перевалиться через порог, уворачиваясь от косяка, разбить драгоценные сосуды, вернуться за другими и, не теряя веры в успех, повторить все заново.

Целеустремленность и упорство наконец победили. Он и два кувшина целехонькими выбрались на свободу из погребного заточения. Успех надо было отметить.

«Ай-ай-ай, — сделал ужасное открытие Фагнир. — Кружки-то нету!» Он схватился за голову. И вместо привычных волос и ушей нащупал железку. Каска! Вот

удача! Чем не кубок? Ну и молодец же ты, старина Фагнир! Почему бы не выпить прямо из горла и откуда на нем этот металлический головной убор, приказчик попытался не думать. Лишние вопросы — лишние проблемы. А проблемы он недолюбливал.

Фагнир наполнил Шлем до краев вкуснейшим белым шемским вином и, не отрываясь, осушил.

«Кажется, солнце уже село», — отметил наблюдательный приказчик и прямо на земле у открытого погребца забылся счастливым пьяным сном.

* * *

Целую вечность ничего не происходило и не существовало ничего: ни света, ни тени, ни движения, ни покоя. Не ощущалось ни верха ни низа, ни звука, ни запаха... не было даже его самого. Бессмысленным, бесплотным комком он парил в бездне пустоты, и даже не осознавал того — ибо некому было осознать что-либо.

А потом послышался зов. Зов шел отовсюду, из каждого уголка этой не-сущности и насквозь пронзал его нематериальное тело.

«Проснись, проснись, проснись!» — нараспев требовал голос, а точнее, целый хор, поющий в унисон; хор, в котором слышались голоса и зрелого мужчины, и юной девушки, и глубокого старца, и новорожденного младенца. И все же отчего-то он понимал, что зовет его один человек... вернее, одно существо, в безраздельной власти которого он находится.

Страх прокрался в его небьющееся сердце.

— Кто ты? — крикнул он ртом, которого не было. — Кто я? И где я?

«Проснись, проснись! — настойчиво пел голос, и нечем было зажать отсутствующие уши, чтобы не слышать этого зова. — Мы можем помочь тебе! Ты хочешь снова быть живым? Ты хочешь отомстить своему обидчику? Мы можем помочь тебе! Мы поможем тебе!»

— Кто ты? Кто я? О чем ты говоришь?

«Проснись, Амин! Проснись!»

Амин.

Амин, Амин, Амин...

И тут он все вспомнил. Вспомнил ненавистного дикаря, вспомнил черную волну, захлестнувшую его в момент, когда он умер... И жажда жизни, и ярость вновь охватили его.

— Да! — заорал он. — Да! Я хочу выжить! Кто бы ты ни был и где бы я ни находился, я хочу вернуться! Помоги мне!

«Мы поможем тебе, Амин, мы поможем тебе... Но и ты должен помочь нам...»

* * *

Сторож Кумарандж поставил наполовину опустевшую бутылку на столик и прислушался. Все было тихо. Странное скрежетание больше не повторялось.

— Крысы, — объяснил он, обращаясь к самому себе. — Наверняка это крысы. Проклятые толстые крысы, пришедшие полакомиться человечинкой. Ненавижу крыс.

С ледника, на этот раз отчетливее, донесся тихий шорох. Сторож кряхтя встал, подошел к запертой двери, из-за которой сквозило морозным холодом, и опять прислушался. Никаких сомнений: там, в последней обители бывших горожан, кто-то издавал царапающие звуки, скребся и шебуршал.

Кумарандж по возможности бесшумно снял со стены факел, прихватил прислоненную к столу палку с угрожающе торчащим из нее гвоздем — смертоносное для крыс оружие — и медленно приоткрыл холодную дверь. Изнутри потянуло ледяным воздухом; в свете факела вспыхнули искорки инея на стенах, на полу, на потолке, на кусках грубого холста, которыми были прикрыты тела усопших. Сторож поднял факел повыше и шагнул внутрь.

Обычно крысы, обнаглевшие, опьяневшие и отяжелевшие от дармовой жратвы, лишь поднимали свои крошечные глаза-бусинки и настороженно разглядывали того, кто незваным явился на их пиршество, но

разбегаться не торопились. Это давало Кумаранджу преимущество, и он умудрялся насадить на острие своей дубинки по меньшей мере троих дармоедов, прежде чем остальные понимали, какая опасность грозит им, и успевали скрыться в многочисленных, давно прогрызенных дырах в стенах.

Сторож перехватил поудобнее рукоять дубинки и, двинувшись по узкому, с низким потолком помещению, вдоль стен которого разлеглись бывшие горожане в ожидании последнего своего пути — короткой дороги на кладбище, — принялся внимательно вглядываться в каждый темный уголок: проклятые крысы могли затаиться где угодно... Однако ничто не нарушало мертвую во всех смыслах тишину, ни шорох, ни движение. Попрятались, суки. Поумнели, что ли...

Кумарандж намеренно громко затопал башмаками, намереваясь вспугнуть крыс и вынудить их покинуть свои убежища, и его старания увенчались успехом — со стороны мертвяков, устроившихся на ночлег в самом дальнем углу ледника, раздалось ответное шуршание. «Ага, вот вы где, — усмехнулся про себя старик. — Ну, ждите, ждите: к вам гости приехали...»

Свет факела отбрасывал колеблющиеся тени, и казалось, что покойники шевелятся, сляясь встать со своих морозных лож. Кумарандж медленно продвигался вперед, зорко вглядываясь в полумрак, выискивая проклятых грызунов. «Еще парочка, — подумал он, — и будет ровно пятьдесят. Ну где вы там, вылезайте. Поговорим».

Он дошел до противоположной стены ледника; с потолка свисали длинные клыки льда, а в самом углу находилось тело мертвого гладиатора. Кумарандж поднял факел повыше. Что за ерунда, почему тут так темно? Неверный свет факела, казалось, тонул в непроглядной мгле, что затащила собою эту часть покойницей. И отчего-то очень холодно — гораздо холоднее, чем в других уголках покойницей...

— Давайте же, — вслух поторопил свою дичь сторож. — Вылезайте. Я вам подарочек приготовил.

И получил неожиданный ответ, от которого похолодело сердце старика.

— Э-э-э-э... — донеслось из-под дерюги, укрывающей труп гладиатора; звук, будто бы рожденный в самом сердце Мира Демонов, звук, полный муки и страдания, приглушенный, невнятный, но несомненно издаваемый живым существом... хотя — существом ли? живым ли?..

Виной ли тому были колеблющийся свет факела, рождающий иллюзию того, что покойники движутся, или гнетущая атмосфера склепа, либо же неутомонные крысы, посчитавшие за благодать навешиваться в эти места пообедать, но на миг Кумарандж почувствовал неосознанный страх, которого никогда доселе не испытывал в этом пристанище мертвецов. Рука, держащая факел, задрожала, и по заиндевевшим стенам заплясали зловеющие тени. Что это? Игра света? Или тело мертвого гладиатора действительно пошевелилось под холстиной?

Сторож наклонился над трупом.

По городу бродили всевозможные легенды и слухи об оживших мертвецах, ходячих покойниках и выбравшихся из могилы похороненных, однако Кумарандж, разумеется, в них не верил и лишь посмеивался над ними — ведь работал он в таком месте, где любому очень быстро становилось ясно: если мертвецы и способны возвращаться в мир людей, то это происходит не здесь, не в Вагаране. Поэтому сторож без всяких колебаний и опасений взял свою дубинку наизготовку и сдернул дерюгу с головы бывшего гладиатора, ожидая увидеть под ней копошащихся жирных крыс. Но то, что открылось его взору, было стократ страшнее десятка грызунов, пожирающих лицо мертвеца. Разум сторожа пребывал в оцепенении, но тело отреагировало быстрее, и по старым, латаным-перелатаным штанам Кумаранджа потекла горячая струйка мочи.

— Э-э-э-э... — выдохнули посиневшие губы трупа, холодные веки медленно поднялись, обнажая безжиз-

ненные глаза нечеловечески оранжевого цвета, красные зрачки уставились на замершего старика, а мертвая рука рывками согнулась в локте; пальцы были скрючены, подобно когтям стервятника. — Э-э-э-э...

— Иштар, заberi меня вместе с потрохами, — прошептал потрясенный Кумарандж. — Это что еще за...

Однако закончить фразу ему не дали: рот покойного гладиатора вдруг растянулся в хищной улыбке, на губах выступила черная пена, и мертвенно-бледная рука, рванувшаяся вверх со стремительностью и неожиданностью атакующей кобры, ухватила старика за плотку.

Кумарандж издал булькающий звук, факел выпал из его ослабевшей ладони, и вся сцена окончательно погрузилась во тьму. В крошечной мгле старик почувствовал, как его горло сминается под нажимом пальцев, сильных, точно выточенных из металла, вооруженных острыми ногтями, длинных настолько, что сомкнулись на морщинистой шее в кольцо. Больше он не успел почувствовать ничего: восставший к жизни гладиатор сломал ему хребет одним сжатием кулака, а потом резко отвел руку в сторону.

Шея несчастного сторожа осталась в кулаке ожившего трупа; голова, лишившись опоры, отделилась от тела и покатила в угол; само же тело с глухим стуком рухнуло на пол. Из разорванных артерий толчками хлынула кровь, с шипением встретила с пламенем валяющегося неподалеку факела и загасила его. Покойническую окутал плотный, душный саван черноты. Но бывшему гладиатору не нужен был свет: его светом была тьма, во тьме он видел и чувствовал себя гораздо увереннее и спокойнее.

Тот, кого прежде называли Амином, встал со своего хладного ложа и потянулся всем телом. Он ощущал небывалый даже для него прилив сил; в мертвом мозгу роились новые, неведомые человеческому существу мысли, небьющееся сердце переполняли новые, необъяснимые человеческим языком чувства. Шах Джумаль,

его хозяин и отец, был забыт: теперь у Амина появились другие хозяева — более могущественные, хоть пока и невидимые, более щедрые, хоть пока и отдаленные от него на невообразимое расстояние. И эти хозяева приказывают ему действовать. И он должен повиноваться. Может повиноваться. Хочет повиноваться.

Амин поднял голову и издал вопль, от которого едва не рухнули стены этой юдоли смерти, вопль, который был слышен за пять кварталов от покойницы... вопль, предвещающий гибель всему живому на земле.

* * *

— Что это? — Минолия ухватила Веллаха за рукав. — Ты слышал? Кажется, кричал кто-то...

— Может быть, — ответил ее спутник. — Или собака воет. Не отвлекайся, Минолия. Мы должны найти Шлем до темноты, а ведь уже смеркается, видишь?

Действительно, солнце уже коснулось края городской стены, и на Вагаран напозлали синие тени, придавая кварталам полуреальный вид старой фрески. Народу на улицах поубавилось, лоточники сворачивали свой товар, купцы закрывали лавки, Хозяева питейных заведений помогали выбраться наружу последним, принявшим лишку завсегдатаям. Город готовился ко сну — до утра, когда вновь откроются кабаки и торговые ряды, когда улицы огласятся шумом толпы и криками зазывал, как было всегда, изо дня в день, из года в год... И никто из горожан даже не подозревал, что эту ночь переживет лишь один человек. Фагнир.

Веллах и Минолия быстро шли по пустующим улицам. Мужчина шагал широко, быстро, и девушка с трудом поспевала за своим спутником. Теперь, когда наводнившие Вагаран члены Ордена облачились в обычные одежды, многие смогли бы убедиться, что это самые обыкновенные люди, а вовсе не монстры, как утверждала молва, — смогли бы, знай они, что перед ними не простые запоздалые пешеходы, а именно служители пресловутого Неизвестного.

Веллах, рослый худошавый мужчина с темными волосами и небольшими светлыми усиками щеточкой, тонкими бледными губами, над которыми нависал длинный прямой нос, придававший его облику несколько птичий вид, был одет в костюм, по которому никто бы не смог угадать, к какому сословию или к какой гильдии принадлежит хозяин. Подобно мужчине, его спутница — зеленоглазая девушка с развевающейся за плечами копной соломенных волос, кажущихся золотыми в красноватом свете умирающего светила, носила неопределенное просторное платье с широкими рукавами, в которых удобно прятать небольшой дамский кинжал; платье было бледно-зеленого цвета, а голубая полоска на правом рукаве подсказала бы встречному горожанину, что она замужем, поэтому, увы, нет смысла пытаться заигрывать с этой красавицей.

Веллах приходился ей старшим братом, но об этом знали лишь он сам, сестра, да Орландар, Магистр Ордена Последнего Дня. Когда Веллаху было двенадцать, мать родила Минолию, но сама умерла при родах, и с тех пор родителей девочке заменил брат (отца он не помнил — Орландар рассказывал, что тот погиб во время неудачной попытки первого и последнего мысленного контакта с мудрецами Древних). Минолия во всем слушалась Веллаха и с младых ногтей стала верной служительницей дела Ордена. Романтик по природе, она часто представляла себе возвращение Древних — сильных, красивых, умных существ, чье знание и опыт были уничтожены слепой яростью невежественного Человека. Она не любила существующую цивилизацию; люди представлялись девушке грубыми, похотливыми, злыми и глупыми созданиями, недостойными называться хозяевами земли. Напротив, именно представители мертвой расы, те, что появились на планете задолго до человека, и должны по праву владеть ею во всем своем могуществе, мудрости и славе. Она часто расспрашивала других членов Ордена о том, как выглядят, что представляют собой Древние, но никто не мог дать ей

исчерпывающего ответа: никто и не знал этого ответа. Поэтому Минолии оставалось лишь мечтать и рисовать в воображении грядущее царство мира, покоя, справедливости. Теперь же ее переполняли радость и гордость оттого, что она стала свидетельницей исполнения предсказания.

— Веллах, ну не беги ты так, я не поспеваю. Куда ты летишь? Ведь пророчество сбылось, Древние возвращаются! Чего мы торопимся?

— Помолчи, сестренка,— на ходу ответил брат.— Нам надо отыскать кое-что. Разве ты не слышала, что сказал Магистр?

— Слышала, но зачем искать? Врата открыты, скоро Древние выйдут к нам. Скоро мир и так изменится, к чему нам какой-то старый Шлем?

— Я не знаю. Но раз Магистр сказал, значит, надо найти...— Веллах и впрямь не имел представления, почему Шлем был так важен для Орландара. Однако слово Магистра не подлежало обсуждению.— Ты ничего не чувствуешь?

— Нет. Пока нет.

— А ты правильно произнесла заклинание?

— Ну Веллах, ну что ты придираешься! Заклинание я знаю назубок, ты не раз проверял меня!

— Не сердись, Минолия. Просто я беспокоюсь. Смотри, солнце уже скрылось за стеной. А Магистр говорил, что если Шлем не будет найден к полуночи, то все наши усилия могут пропасть втуне.

Он остановился и сосредоточился на эманациях, пронизывающих все сущее и недоступных чувствам простых людей. Однако ни Веллах, ни Минолия не были простыми людьми: заклинание, которое они учили во время обряда Посвящения и повторяли каждый вечер, помогало им настроиться на магическую волну и ощутить местонахождение волшебного Шлема.

Ничего. Шлем будто в воду канул...

Впрочем, расстояние, на котором действует это заклинание, было небольшим. Возможно, Шлем находится

в другой части города. В богатых кварталах, например. Или вообще за городской чертой.

— Вот что, сестренка,— сказал Веллах, когда понял всю тщетность своих попыток отыскать пропажу.— Нам надо разделиться. Так мы только сужаем круг поисков. Отправляйся наверх, в район зажиточных горожан, а я поищу здесь, среди домов простых торговцев.

— А если я найду Шлем, как мне отнять его у этого великана?

— Ну, малыш, ты ведь знаешь заговор Разбитый Сосуд. Тот, кто украл наш Шлем, всего лишь обычный воин, не колдун, к тому же ему неизвестно, что Шлем не простой. Он не устоит против этого заклинания. А когда упадет, хватай Шлем и бегом в монастырь, к Орландару. Поняла?

— Да... А как же ты?

— Я справлюсь, Минолия. Помни, ты должна успеть до полуночи. Если Шлем не найдешь, все равно возвращайся в монастырь — возможно, кто-нибудь из братьев уже отыскал его. Может быть, это буду я.— Веллах ободряюще улыбнулся.— Торопись, малыш. Я верю, что Шлем найдешь именно ты.

Минолия едва заметно улыбнулась в ответ, приподнялась на цыпочки и чмокнула брата в щеку.

— Хорошо. Я сделаю, как ты просишь. Будь осторожен, Веллах.

— Конечно, сестренка. Что может со мной случиться в этом тихом городишке?

Они на мгновение обнялись, и каждый, на ходу внимательно прислушиваясь к эманациям, зашагал своей дорогой: Веллах направо, в кварталы торговцев, Минолия — вверх по дороге, ведущей в богатые районы.

* * *

Харчевня «Стреноженная вошь» выделялась среди подобных заведений в квартале, где лепились друг к другу лачуги бедняков, обилием входящих-выходящих людей, кои обычно именуются «всяческим сбродом». Физионо-

мии посетителей утопающей в грязи харчевни уж точно никто не назвал бы лицами, зато так и лезли на ум слова вроде «морды», «хари», «рыла», а следы на этих рылах указывали на знакомство с плетью стражников, кулаками тюремщиков, щипцами и клеймами палачей. Эти люди, как и крысы, предпочитали вести ночной образ жизни; одежда на них местами топорщилась, и только невинный младенец мог подумать, что под лохмотьями скрывается нечто безобидное.

Снаружи у двери, прислонившись к стене заросшей волосами тушей, скрестив на груди ручища, внимательно оглядывал приближающихся к порогу «Стреноженной вши» необъятный детина со рваными ноздрями и обрубками ушей. Ненароком оказавшийся у входа в харчевню случайный прохожий, узрев такую образину, вряд ли рискнул бы переступить порог. Впрочем, его — случайного — и не пустили бы.

Внутри, за замызганными столами, в незамысловатых развлечениях проводили свободное от охоты за пожилой время те, кто отлично знал и понимал друг друга; играли в кости, пили, тискали веселых женщин и тешили себя поножовщиной — не забывая также и обсуждать будущие дела.

Сейчас, побросав свои забавы, завсегдатаи «Стреноженной вши» столпились в центре зала, вокруг стола с водруженным на него стулом, на котором не менее величественно, чем Хашид на троне, восседал невысокий худощавый шемит в черных пальварах, заправленных в сапоги, и темно-красной просторной рубахе. Со своего пьедестала он ронял слова, как скупец бросает деньги нищим, редко и понемногу, и слова те внимающие ловили с такой жадностью и любовью, будто сам Митра снизошел до беседы с ними.

— ...Грязная Пасть: Рыночная площадь и Тройной квартал. Факельщик: от Юго-Восточных до храма. Гнойник: от казарм до холма Столетия. Не убивать. Увидел — пускай гонца. Я — здесь. Возьму живым. Сам.

Среди окруживших стол людей вспыхнули шепотки удивления и восторга. Давно, давно волк не покидал свое лежбище. Шемит по кличке Фенди, король вагаранских воров, правил беспрекословно подчиняющимся ему отребьем, не выходя за стены «Стреноженной вши». Зачем? До самых дальних уголков Вагарана с быстротой крылатых коней долетали процеженные им сквозь зубы слова, а приказы исполнялись еще быстрее. Власть его держалась на том, что он никогда никому ничего не прощал, даже малейшего ропота. Каждый из посещавших «Стреноженную вошь» когда-нибудь да становился свидетелем его расправ над решившими посвоевольничать. Ослушник не успевал показать свое недовольство, как дергалось красное рубашечное пятно, и, выброшенное из него, впивалось в глаз или горло строптивого блестящее стилетное лезвие. Вдобавок не было причин жаловаться на справедливость при дележе добычи или неумелую организацию воровских дел. Голова у шемита варила что надо.

Сегодня, едва прослышав про обещанную за поимку варвара-гладиатора награду, Фенди объявил сход. Описав наружность беглеца, главарь вагаранских воров распределил своих псов по городу и приказал, подняв во всех кварталах на ноги нищих, осведомителей и наводчиков, отыскать дорого оцененного раба и незамедлительно донести ему, где тот схоронился. Дальше атаман будет действовать сам. Как он замыслил взять живьем такого, судя по сведениям, опасного, непобедимого воина? Или в планы Фенди входит уговорить того вступить в шайку?.. На подобные вопросы никто, конечно, не отважился. Надо только выполнять то, что приказано. И выполнять хорошо.

— Ну? Чего ждете, гниды? Вон отсюда!

Едва было произнесено последнее слово, как харчевня «Стреноженная вошь» опустела. Лишь на своем троне остался погрубившийся в думы главарь, да у входа тоже никогда не покидавший пределов харчевни детина с рваными ноздрями.

Глава шестнадцатая

Давили шаха Джумалья стены отведенных ему во дворце сатрапа покоев, теснило в груди. Ныло сердце. Шах бродил по комнатам, не находя себе места и не в силах остановиться. Не в силах даже думать. Он мог только страдать, и мозг его жег безответный вопрос: «Как, как такое могло случиться?»

«Сын! — Такая мысль время от времени пронизывала его сознание, затянутое тучами горя. — Мой сын!»

И сразу же все его чувства вспыхивали костром жажды мщения. Такого необузданно сильного ощущения он не испытывал никогда в жизни. И рождалась надежда на то, что свершившееся возмездие погасит невыносимую боль, поможет примириться с утратой сына и защитника тела и престола шаха. Терзаемый болью правитель клял себя за то, что мало внимания уделял своему отпрыску — плоти от плоти, крови от крови (пусть даже в эту плоть и кровь примешалась черная капля потусторонних сил), — никогда не беседовал с ним по душам, не ведал, какие желания и вопросы мучили юного Амина. Он всегда принимал существование рядом с собой сына как должное, как нечто само собой разумеющееся, незыблемое и вечное... Теперь же поздно что-либо исправлять. И Джумаль чувствовал пустоту внутри себя, словно из его души, из его тела безжалостно вырвали огромный кусок, оставив ноющую, рваную рану.

За окнами темнело, до сих пор не появился гонец с вестью от Хашида, что подлый убийца изловлен, да и с другими известиями никто не приходил. Ничто не нарушало уединения туранского гостя.

До полуночи оставалось немного, когда шах бегом бросился к двери, ведущей из покоев в коридор, рывком распахнул ее и, увлекая за собой несших охрану комнат Джумалья телохранителей, помчался по проходам и лестницам к выходу из дворца.

Как леопард нападает из ночной мглы на свою жертву, так неожиданно и страшно обрушилась на шаха мысль о том, что никогда более он не увидит своего сына. Никогда. Завтра Амина похоронят — не в общей могиле, как ошибочно думал сторож покойницкой Кумарандж, а в отдельной, с отданием почестей, но он, отец, не сможет попрощаться с сыном. Нельзя шаху присутствовать на погребении простого телохранителя. Законы и обычаи его страны, его положение не позволяют это. И не увидеть ему больше... Нет! Он должен! Обязан проститься, посмотреть последний раз на того, в ком текла его кровь. Закрыть глаза. Дотронуться до него.

И шаха подтолкнуло к дверям, бросило в коридоры, понесло к выходу из дворца.

По приказу Джумалья его подданные быстро разыскали среди слуг Хашида того, кто за хорошую плату согласился провести туранцев к городской покойницкой, расположенной чуть ли не на окраине города.

И вот уже по улицам Вагарана носильщики, постоянно подменяя друг друга, несут паланкин, в котором, сокрытый от посторонних глаз опущенными занавесями, пытаясь унять взвинченные нервы, тербит четки дрожащими пальцами шах Джумаль. Впереди, позади и по бокам паланкина идут по хорайскому городу туранцы, лучшие два десятка из телохранителей шаха. Они видят то, от чего отгородился шелковыми шторами их повелитель — не по-ночному беспокойный город. Конные патрули городской стражи, освещая все окрест

себя факелами, наводняют улицы. Появляются из-за одного угла и тут же скрываются за другим те, кто облищем и повадками схожи и в Туране, и в Хоррахе — преступное отребье города. Не спится и еще какой-то из разновидностей человеческой породы, не сидится дома в эту ночь — людям с одинаково фанатично сосредоточенными лицами, какие бывают у жрецов в момент совершения ритуального действия и отрешения от всего мирского.

Телохранителям шаха Джумала определено не нравится чужой город в эту ночь.

* * *

Каждый вечер вход на трибуны запирался, но личный колдун владыки Вагарана без задержки миновал стражу, проник на арену, встал в ее центре. Он сам не знал, зачем пришел сюда, что здесь ищет, но почему-то был уверен, что ответ на все вопросы находится именно тут.

Огромное багровое солнце наполовину скрылось за трибунами, и на песок, отливающий кровью в его умирающем свете, легла черная тень от стен арены. Вечерний ветерок что-то шептал в трещинах грубой каменной кладки, вздымал крошечные песчаные вихри, шевелил длинные седые волосы и усы мага. Стояла тишина, утихли даже обычные уличные шумы. Город словно затаился, предчувствуя, что этой ночью произойдут некие события, последствия которых круто изменят не только судьбу Вагарана, но и, возможно, всего мира... Вот только что это за события?

Привычно очистив мозг от посторонних мыслей, расслабив тело и открыв разум, Ай-Берек проник в астрал. И увиденное оказалось настолько неожиданным, четким и ужасающим, что старый волшебник покачнулся; с уст его слетел невольный стон.

В реальности он по-прежнему стоял на остывающем песке гладиаторской арены, солнце все так же светило ему в спину, мир был тих и покоен...

Однако, находясь в плоскости астрала, Ай-Берек обнаружил, что парит над бездонной, пышущей обжигающим холодом ямой, расположенной посередине песчаного круга. Морозный зловонный ветер, ураганом вырывающийся из пропасти, безжалостно треплет волосы его астрального тела, рвет одежды, затрудняет дыхание. Зеленовато-черные, покрытые слизью стены этого почти круглого колодца, достающего, казалось, до центра мироздания, дрожат, ритмично сокращаются, конвульсивно изгибаются, шевелятся, словно живые, точно являются разверстым чревом некоего исполинского чудовища, названия и места для которого нет на земле. И оттуда, из этой бездны, на Ай-Берека мчатся полчища существ, что могут родиться лишь в кошмарах умалишенного. Они еще далеко, но, клубясь, как пчелиный рой, завывая на разные голоса, размахивая злое ще сверкающим оружием, они приближаются — стремительные, как полет стрелы, неукротимые, как взбесившийся тигр, и такой ненавистью к человеку, таким алчным желанием уничтожить весь род людской веет от них, что Ай-Берек в ужасе поспешил вернуться в физический мир.

В реальности ничто не изменилось. По-прежнему стояла умиротворенная тишина, солнце продолжало свой путь за горизонт и уже почти скрылось за трибунами, и ничто не указывало на скрывающуюся под ареной бездну, ждущую лишь подходящего момента, чтобы выплеснуть свое кошмарное содержимое на землю.

Ай-Берек перевел дух и оттер обильный пот со лба. Никогда до этих пор он не сталкивался со столь мощным и яростным проявлением потусторонних сил. Он чувствовал себя беспомощной букашкой, которую порывом ураганного ветра сорвало с обжитой, такой уютной и безопасной веточки и унесло в неведомое.

— Приветствую тебя на земле, исконно принадлежащей твоему народу, — вдруг раздался позади тихий почтительный голос.

Ай-Берек круто повернулся.

Перед ним стоял высокий пожилой человек с изрезанным морщинами бледным лицом и горящими ликованием глазами. Редкие рыжеватые волосы кучерявыми прядями опускались на плечи, тонкие бескровные губы под длинным бугристым носом изогнулись в улыбке. Незнакомец был одет в костюм, по которому совершенно невозможно было определить, к каким слоям общества принадлежит его хозяин.

Маг нахмурился.

— Ты кого-то встречаешь здесь?

— Да. Вас. Мы давно уже ждем вашего прихода — двести пятьдесят лет! И какое счастье, какая честь для меня быть первым, кто...

— «Мы»? — перебил его Ай-Берек, быстро изучив ауру незнакомца. Нет, он не волшебник, но кое-какие познания в магии у него, безусловно, есть. Не опасен. — Кто это — мы?

— Мы, Орден Последнего Дня, и я, Орландар, его Магистр, — сияя, отвечивал тот, даже не заметив, что его только что подвергли магическому осмотру. — Те, кто посвятил свою жизнь и всего себя вашему возвращению. И от имени всех братьев я приветствую тебя, первого из возвращающихся.

— Орден Последнего Дня... — задумчиво повторил Ай-Берек. Он никогда не слышал об этом Ордене, хотя в его названии есть что-то неуловимо знакомое... и тут он вспомнил и прошептал: — *«В День Последний, в час Спящего Света...»*

Орландар отшатнулся.

— Вам известно о предсказании? — удивленно прошептал он. Колдун усмехнулся в свои длинные седые усы.

— Ты ошибся, Орландар, Магистр Ордена Последнего Дня. Я не тот, кого вы ждете. Я- Ай-Берек, личный маг Хашида, сатрапа Вагарана.

Орландар посмотрел на мага с недоверием, потом потер лицо своими длинными пальцами и опять улыбнулся — на этот раз устало.

— Ох... Прости меня, могущественный волшебник. Сегодня для всего нашего Ордена наступил великий день, и я, наверное, немного повредился в рассудке... Я пришел сюда посмотреть, насколько далеко зашло... Впрочем, неважно. Однако что ты делаешь здесь? Или тебе также известно о Возвращении Древних?

Ай-Берек покачал головой.

— Нет. Сегодня здесь происходили события, которые заставили меня вспомнить об одном давнем предсказании. И я поспешил сюда — проверить, верны ли мои догадки. С помощью своего колдовского искусства я смог заглянуть по ту сторону реальности. Увиденное же повергло меня в ужас...

И он рассказал о кошмарных созданиях, мчащихся на него из глубин Времени и Пространства.

— Так ответь же мне, Орландар, Магистр Ордена Последнего Дня. Этих ли тварей ждешь ты и все ваши братья?

Магистр на миг задумался, но потом уверенно помотал головой.

— Нет. Нет, Ай-Берек. Мы ожидаем возвращения Древних — давно погибшей расы, красивой, мудрой, могущественной. Расы, что правила Землей задолго до появления человека и была уничтожена людьми на заре их цивилизации. — В глазах Орландара Зажегся фанатичный огонь; он обращался уже не к Ай-Береку — он вещал, проповедовал, убеждал и доказывал свою правоту всему свету. — Наш Орден полагает, что тогда свершилась великая несправедливость. Истинными хозяевами мира должны быть они, Древние, а не люди. Нынешний человек сейчас не тот, что был в пору молодости цивилизации — теперь это обленившееся, тупое, жаждущее лишь развлечений и удовольствий существо, забывшее, какой ценой ему досталась власть над этим миром... Человечество — это тупик жизни, колдун. Но вот случилось так, что у погибшей в горниле войны Древней Расы появилась возможность вернуться. Как и откуда появилась эта возможность, мы

не знаем, ибо знание это бесполезно. Главное, что теперь мы можем повернуть историю вспять и начать новую эру на Земле — Эру Древней Расы. Кто был прав, кто виновен в той давней, разразившейся тысячи лет назад войне между Древними и Человеком, неизвестно — время стерло все ответы, все следы о причинах битвы. Однако побежденные переселились в лучший мир, и Землей теперь владеют победители, расселившиеся по всем известным пространствам.

И вот настал день, когда сбудется предсказание и вернутся настоящие правители Земли. Сегодня в полночь представители Древней Расы оживут здесь, на этой арене... Знаешь ли ты монастырь, что находится к северу от Вагарана?

Нас еще называют жрецами Неизвестного. Двести пятьдесят лет назад наш Орден поселился в этой местности. Ибо сказано: «...В стране, откуда последний из Древних шагнул на Серые Равнины, явлены будут...» А легенды утверждают, что последняя битва между людьми и Древней расой, битва, которую Древние проиграли, произошла именно на месте, где тысячи лет спустя вырос город Вагаран.

Колдун слушал внимательно, не перебивая, но и не скрывая мрачного сомнения, что терзало его душу. Потом заметил с ноткой подозрительности в голосе:

— Мне известно об этом. Однако я неоднократно проверял магический слой эфира над этим монастырем и не заметил никаких возмущений.

— Правильно, ведь мы не волшебники. Мы всего лишь ожидали возвращения Древних. Ждали и готовились к нему.

— *«И взовьется Стяг Мести. И выступит Древний Легион»*, — задумчиво процитировал Ай-Берек. — Так вот, оказывается, что это означает...

— Да, мы тоже полагаем, что слова эти относятся именно к приходу Древней Расы.

— А кого же видел я в астральной плоскости? Что за чудовища несутся сюда из бездны?

— Не знаю, маг. Впрочем — помнишь? — «ступившие следом за первыми разольются черным сонмищем по миру». Первые — это наверняка сами Древние, а вот ступившие следом... Видишь ли, Врата Времени, соединяющие Настоящее и далекое Прошлое, на своем бесконечном протяжении пронзают и Мир Демонов — обитель всяческой нечисти и повелителей Черных Сил. Ни для кого не секрет, что существа Тьмы всегда стремились проникнуть на Землю и завладеть ею. И члены Ордена полагают, что следом за Древними, пока Врата не закроются, сюда попытаются вторгнуться орды демонов... Их можно было бы остановить, но произошло нечто непредвиденное: Шлем пропал из поля нашего зрения, а без него... Не знаю, не знаю, в предсказании столько недомолвок и двусмысленностей... Подробности Пришествия никто так и не смог понять. Вот, например, что это за *«Черная Сила, которая уничтожит себя самое»*...

— Ну, это просто, — махнул рукой Ай-Берек. — Амин — погибший гладиатор — был человеком лишь наполовину: в его рождении участвовали Черные Силы. Второй гладиатор, Конан, все время находился под воздействием Черного же колдовства — заклятия, которое я самолично наложил на него. Таким образом, одно проявление Черных Сил схлестнулось с другим, и, когда погиб один из гладиаторов, оба проявления взаимно уничтожились. Поэтому Конан, вырвавшись из-под власти моего заклинания, сумел бежать. А в месте, где произошло столкновение однополярных сил, возник разрыв в ткани мироздания и образовались Врата... Впрочем, это долго и скучно объяснять. Но ты прав: я тоже многое не сумел разгадать в пророчестве. Что это за Шлем, о котором говорится в нем и который упомянул ты?

Орландар помялся.

— *«А впереди — узнают кого по Шлему его»*... Не знаю, должен ли я открывать тебе правду — ведь ты непосвященный... Однако раз Шлем пропал... Слушай же меня внимательно, волшебник Ай-Берек.

Раса Древних — это не только мудрецы и мыслители, но и сильные, храбрые воины. Они жаждут отомстить людям за то, что проиграли войну и были уничтожены. Слепая, сметающая все на своем пути жажда убивать движет ими. И воинам этой армии нужен предводитель, командир, который поведет их за собой в триумфальное шествие по земле. «Прахом станут грады и веси. И падут ниц народы и расы... Покорны дабы быть Древним и заветам их». И тот, кто победит на арене, тот, чья голова увенчана Шлемом, и должен был стать Главнокомандующим Армии Древних. Ибо только с помощью Шлема возможно управлять этой Армией, держать в повиновении солдат и заставлять их выполнять приказы. И только с помощью Шлема возможно закрыть Врата Времени — до того, как Силы Тьмы попытаются вторгнуться сюда, на землю... Однако что-то пошло не так — шлемоносец погиб, а его убийца бежал вместе со Шлемом. И я не знаю, где он теперь. И не ведаю, что теперь будет.

— *«Но если велением Богов умерщвлен не тот, кому достолично...»* Ах, вот это что значит... — вспомнил Ай-Берек, задумчиво глядя на тонкую полоску солнечного света, озаряющую непроглядно черную громаду арены, и неожиданно лицо его исказилось от страшного предчувствия. — Нет, погоди, Орландар, погоди! Иными словами, раз победил не тот гладиатор, что носил ваш Шлем, Воинство Тьмы сумеет беспрепятственно проникнуть на землю и... и... — Маг произвольно сглотнул, на миг представив себе, в какую катастрофу для всего мира может обернуться пропажа Шлема.

— И *«...ступившие следом за первыми разольются черным сонмищем по миру, и не станет ни земли, ни влаги, ни человеков, ни тварей»*, — очень тихо, почти шепотом добавил Орландар. — Ты правильно догадался, что произойдет.

Старые люди посмотрели друг другу в глаза, и одинаковая волна ужаса захлестнула обоих. Только двое

их находилось на арене; вокруг все так же равнодушно шелестел в песке ветер, солнце окончательно скрылось за трибунами, и серый сумрак окутал арену. В темном небе таинственно замерцали первые звезды.

— Возможно, в том, что мы встретились, есть знамение судьбы, — хрипло сказал Ай-Берек. — Ты знаешь одно, я — другое, вместе мы можем попытаться сделать что-нибудь. Как-нибудь исправить положение. Если мы отыщем Шлем... Тебе известно, как его отыскать?

— Да, — уверенно ответил Магистр. — Я знаю заклинание, которое поможет определить его местоположение... но пока что-то не получается. Что-то мешает мне. Я ведь не маг, моих способностей хватило только на то, — Орландар горько усмехнулся, — чтобы беспрепятственно проникнуть на арену. Но, вероятно, ты, более опытный, сумеешь...

— Забудь о Шлеме, Магистр, — быстро сказал Ай-Берек. Другая мысль молнией сверкнула в его мозгу. — Я знаю, как найти Конана. Мне известны оттенки его ауры, к тому же аура эта столь сильная и яркая, что вычислить его нахождение, думаю, будет не так трудно. Найти Конана — вот что сейчас главное. Если он еще в городе... Сколько Древних должно прибыть сюда в полночь?

— Около десяти тысяч.

Ай-Берек издал бессильный стон. Десять тысяч — таковым была численность всего населения Вагарана. А боеспособных людей — от силы десятая часть. А ведь еще и Армия Черных Сил готовится к вторжению...

— Так поторопимся же, Орландар, Магистр Ордена Последнего Дня. До полуночи осталось совсем немного. Молю тебя, оставь на время своих Древних. Понятия не имею, насколько они мудры и справедливы, но... Впрочем, ладно. Сейчас нам нужен только Конан. Я только что разгадал последние слова предсказания: *«А лишь тот, кто выжил, сноровит дважды убить мертвого и смежит Врата»*. Понимаешь? — Последнюю фразу он произнес уже на бегу к воротам.

Орландар поспешал за ним.

— Ты думаешь... Ты думаешь, речь идет об этом гладиаторе, о Конане? Он сможет закрыть Врата? Но каким образом?

— Понятия не имею. Но, несомненно, это он. И только он.

— *«Дважды убить мертвого»...*— Магистр замер, потрясенный внезапной догадкой.— Скажи мне, колдун, куда унесли труп того, другого гладиатора?

— До завтрашнего утра — в городскую покойницкую. В полдень его собираются с почестями похоронить. Маг тоже остановился.— Ты хочешь сказать, что...

— Все может быть. В наше время и мертвые, бывает, восстают из могил. Значит, нам тем более необходимо отыскать Конана. Если, как ты говоришь, он еще не покинул город.

— Тогда вперед, Орландар.

— Вперед, Ай-Берек.

И они припустили к воротам, ведущим на улицы спящего города.

Глава семнадцатая

Шах Джумаль запретил кому бы то ни было следовать за ним. От забора, окружающего покойницкую, от калитки, через которую он прошел до неказистого одноэтажного строения, имеющего откровенно запущенный вид, насчитывалось пятьдесят шагов. Неведомо зачем шах принялся считать шаги. «Пятьдесят. Столько же, сколько мне лет»,— подумал он, ступив с дорожки на крыльцо мертвецкой. Поднявшаяся толкнуть дверь рука замерла в воздухе. Джумаль оглянулся. В ночной мгле не разобрать было ни калитки, ни забора, ни, тем паче, ожидающих своего повелителя телохранителей.

«Зачем мне это? Что позади, то позади»,— искоркой промелькнуло в его сознании... Но искорка тут же угасла.

Вновь всколыхнулось желание во что бы то ни стало увидеть в последний раз сына, оживило занесенную для толчка руку.

Дверь отворилась, Джумаль шагнул внутрь. И поежился. Холод обволок его. Глаза словно подернулись инеем, размывая видимость. Шах поднес ладони к лицу, принялся растирать глазные яблоки, опустив веки. И, почувствовав, что он отогнал пелену, открыл глаза.

Две площадки в противоположных углах небольшой комнаты скупо освещали небогатое убранство после-

дного приюта. У входа в ледник стоял дощатый стол, рядом — единственный в помещении стул.

На котором сидел Амин.

— Я ждал тебя, отец, — сказал сын бесцветным, холодным, как и воздух мертвецкой, голосом, но этот голос окатил шаха волной неземного жара. — Я звал тебя.

— Ты знаешь, что я твой отец? — вырвался у Джумалю вопрос. Увидев Амина, шах не испугался и даже не удивился. Наоборот, он сразу осознал, что так и должно быть, никак иначе, за тем он и шел через ночь сюда, на окраину чужого города.

Конечно, как он сразу не догадался, что его сын, наполовину человек, наполовину страшно подумать кто, может так просто погибнуть, от руки какого-то там смертного?

— Я много узнал. — Очи Амина полыхнули оранжевым пламенем, посередине которого горел ярким красным угольком зрачок. — Мои новые хозяева много рассказали мне... на многое открыли глаза. Ты предал меня.

— Нет! — Шах вскинул руки. Вылетели, упали на пол и раскатились бусинками по полу четки. — Никогда!

— Никогда и никто не должен был узнать, что я твой сын, — замогильным эхом прокатилось по мертвецкой. — А из-за тебя я теперь попал в услужение к другим владыкам, другим правителям.

Амин встал со стула.

— Мы могли быть вместе, отец.

На шаха надвигался его сын, на шее которого пульсировали проступившие толстые жилы. Поступь Амина была грозной, но после каждого шага он неуверенно покачивался. Джумалю показалось, что пальцы безвольно свисающих рук Амина удлинились... Да и все тело мертвого сына претерпело ужасающие изменения. Амин дышал тяжело, и при каждом выдохе в ноздри шаху ударял смрад.

— Ты мог бы стать моим слугой, отец.

Голос и оранжевое сияние глаз Амина гипнотизировали шаха. Ему не хотелось ни думать, ни двигаться, ни возражать. Происходящее замораживало его, как покойника в леднике. Даже сердце Джумалю стало биться реже. Застывали желания, замирали чувства, в лед превращалась память.

— Ты предал меня, отец.

Амин стоял вплотную к Джумалю, нависал над ним неохватными телесами. Поднялась рука с огромными, загибающимися крючьями ногтями и остановилась на уровне груди шаха.

— Ты предал меня, отец.

Какое-то подобие обиды пробилось сквозь лишенную эмоций речь воскресшего Амина. И в мозг шаха вдруг вернулась недавняя мысль: «Что позади, то позади». Что сделано, то сделано. Ничто не воротится, понял он, и ничего не исправить. У каждого своя судьба, и каждый — творец своей судьбы. И он, туранский шах Джумаль, свою судьбу уже сотворил. Поэтому он сумел разлепить пересохшие, онемевшие от холода губы и ответить:

— Да, сын, я предал тебя.

Рука, лишавшая жизни врагов Джумалю, отклонившая клинки и стрелы, несущие владыке смерть, впиалась в плоть шаха. Пальцы вошли в тело, как нож в сырную лепешку. Потом Амин выдернул руку, разрывая кожу, и шах увидел перед собой на огромной ладони еще пульсирующее, еще не остановившееся его, Джумалю, сердце.

Сын и телохранитель сжал пальцы в кулак, сминая отцовское сердце; во все стороны брызнули струйки крови.

И шаха Джумалю не стало.

Амин подхватил оседающего на пол отца, легко, как ребенка, поднял на руки. И жадно, точно к роднику в пустыне, припал губами к зияющей в груди мертвеца ране.

Он пил кровь отца; подбородок его покрывался красными подтеками, на широкой безволосой груди множились багровые капли.

Наконец Амин оторвался от кровавого источника, задрал голову к потолку и издал рев еще более устрашающий, еще более адский, чем тот, что несколько раньше уже был слышен во всех закоулках Вагарана. Отвечая на это зов, в центре опустевшей арены вспенился песок, заструились черные ветвящиеся молнии, и из подземных незримых ходов, тысячелетия пребывавших в запертом состоянии, хлынуло море тьмы, пробилая себе дорогу сквозь тысячелетия; змеящийся, клубящийся туман хлынул на поверхность, быстро находя себе лазейки в толще скал. И одной из таких лазеек оказался подземный лабиринт дворца Хашида. Мимолетное осознание того, что являет собой этот туман, ввергает смертного в бездны беспросветного безумия, ибо, разумом не понимая, что явлено, простой человек инстинктивно осознает, что перед ним сама Смерть.

Уже ничего человеческого не осталось в облике бывшего телохранителя, мертвого гладиатора, новоявленного слуги Черных Владык, существа, восставшего от смерти; отцовская кровь, казалось, напитала его тело новой, неземной силой. И без того гигантские мускулы увеличились втрое, шея исчезла, голова почти провалилась в нагромождение мышц. Глаза расширились на пол-лица, нос превратился в два зияющих отверстия, под которым алела широкая щель рта... Рта? — нет: пасти. Пасти, готовой поглотить все, что было рождено под солнцем. И первыми жертвами новорожденного чудовища, ставленника Темных сил и отпрыска демонов, стали ничего не подозревающие, ожидающие у калитки телохранители мертвого шаха.

* * *

Полночь пришла в город Вагаран, ветреная, безмолвная. Равнодушная полная луна заливала его холодным голубоватым светом.

Город Вагаран спал. Спали купцы и оценщики драгоценностей, спали бедняки и попрошайки. Никто из простых жителей не ведал, что эта ночь станет для них последней. А те, кто ведал, не смыкал глаз. Но тоже не мог ничего поделать.

Полночь пришла в город Вагаран.

А вместе с ней пришла и Смерть.

Способный видеть во мгле заметил бы, как центр гладиаторской арены вдруг озарился черным светом; появилась, расширилась, закрутилась воронка тьмы. И из нее начали выплывать смутные силуэты: приземистые, сутулые создания выходили из ниоткуда, разбредались по арене... Но способного видеть во мгле рядом не случилось. Как не случилось и любого другого обычного человека, хотя будь он там, то до него непременно донеслись бы звуки, издаваемые неведомыми прищельцами — кладания, пощелкивания, клекот, завывания, скрипы... Так Древние переговаривались на своем языке.

Наконец-то настал наш час...

Мы здесь...

Мы вернулись...

Наша земля...

Наше небо...

Наш воздух...

Мы снова здесь...

Мы хозяева...

Единственные...

Законные...

Настоящие...

Убить всех людей...

Вернуть наше...

Отомстить...

Отобрать предназначенное нам...

Убить...

Отомстить...

Убить...

Убить...

Но не было рядом никого, кто бы смог услышать и понять эти звуки.

Арена полыхала всполохами черных молний, сияла в свете черных вспышек, горела черным огнем. Черные блики металась по ее стенам, вспыхивали черные искры и мерцали языки черного пламени.

Члены Ордена Последнего Дня ошибались. Древние не были ни мудрыми, ни красивыми, ни справедливыми. Это оказалась раса безжалостных, кровожадных, тупых существ, единственной целью которой было уничтожить все живое на своем пути. И сегодня они вернулись на Землю. И сразу увидели ближайшее строение, населенное подлыми людишками: дворец сатрапа Хапида.

Глава восемнадцатая

Купец Махар уснул незадолго до наступления полуночи, успокоенный и убаженный стараниями магрибовских прелестниц, добрым аквилонским крепленным вином и придуманным им самим, перед уходом во владения духов сна, способе выдать дешевый аргосский шелк за дорогой и модный вендийский, что принесет ему, хитроумному торговцу, по самому скромному подсчету, полуторную прибыль. Ужасный гладиатор подзабылся, а к завтрашнему утру его уж точно поймают, Махар вернется домой, и все пойдет своим чередом.

Махара разбудила какая-то возня. «Мыши, что ли?» — испугался купец. Приподнялся на локтях. Зевая, принялся тереть глаза пухлыми, ухоженными пальцами. Опровергая подозрения торговца тканями насчет мышей, из глубины дома донесся грохот — будто уронили на пол набитый посудой шкаф.

Махара подбросили невидимые пружины. Сердце заходило ходуном, совершая попытки пробить кожу, выскочить из груди, покатиться по полу. «Взбесившийся раб пробрался в дом!» — девятым валом накатили на торговца дневные страхи. Удесятерая их, из-за стены, разделяющей гостевые и хозяйские покои, послышался стон и тут же оборвался. По ногам застывшего босиком посреди комнаты Махара потекли теплые струйки.

Но ему было не до стыда, вообще не до того, чтобы заметить такой пустяк. Девичий, мгновенно, чуть взвизываясь, смолкший визг пробился с женской половины дома, и, как ни странно, именно он вывел купца из оцепенения. Прошлепав до двери, Махар выглянул в коридор — как раз в тот момент, когда из соседней двери вылетел и, с силой ударившись о стену, стал сползать по ней один из мордоворотов Магриба, из распоротого брюха которого вытекала кровь и вываливались кишки.

Ученые лекари, может быть, и сумели бы объяснить, как насмерть, до столбнячного состояния перепуганному купцу удалось не потерять сознания от увиденной жути, как он смог сразу же перейти к активным действиям по спасению собственной и оттого чрезвычайно им любимой и ценимой жизни. Но, что бы то ни было, Махар опрометчиво кинулся к широкой кровати, дабы забиться под нее и укрыться от рыщущего по дому безумного гладиатора. Он уже откинул достающую до пола простынь, как пришло на ум соображение, что убийца может догадаться по смятой постели, что в помещении находится тот, кто спал в ней. Начнет искать и найдет.

«Остаются окно и дверь на кухню», — необъяснимо четко заработал мозг торговца тканями. Сигать через окно в ночную страшную темень он не решился и потому понесся к небольшой дверке, прикрывающей проход из комнаты прямоком на кухню.

Неизвестно зачем устроенное Магрибом сообщение между гостевыми покоями и кухонным помещением сослужило хорошую службу брату ювелира. Целым и невредимым в потемках узкого коридорчика добрался он до двух просторных комнат, где хозяину готовили изысканные блюда. Кое-где в доме слабо мерцали ночные светильники, и их отблеск позволил Махару перемещаться, не натываясь на столы, табуреты, углы, котлы и мешки. Купец подыскивал себе убежище. И торопился, поскольку пугающие звуки продолжались и

били по нервам. Единственное, на что торговец тканями не обратил внимания, — это на то, что звуки подчас доносились одновременно из двух, а то и трех концов дома.

Наконец Махар набрел на подходящее укрытие — неприметный чуланчик, в котором хранились какие-то крупы в мешках. Он взобрался на мешки, притворил за собой дверцу и затих, весь обратившись в слух. «Нет, здесь сумасшедшему рабу меня не найти», — успокаивал сам себя Махар и немного преуспел в этом.

Продолжай перепуганный торговец и дальше вглядываться в освещенный масляными светильниками коридор, он увидел бы, кто шагнул следом за выброшенным из комнаты Магриба охранником со вспоротым животом.

Замешкайся торговец и не столь поспешно покинь отведенные ему на сегодняшнюю ночь покои, он увидел бы, кто шагнул из коридора в комнату, где он только что находился. И не мог торговец себе представить, кто проник в охраняемый, казавшийся совершенно надежным дом его двоюродного брата, кто хладнокровно отрубил голову ползущему по ковру Магрибу, у которого от открывшегося перед ним ужаса парализовало ноги, кто без особого труда, жестоко расправился с теми, кого купец называл «мои головорезы», кто, выбивая двери и влезая в окна, прошелся, оставляя кровавый след, по магрибовским хоромам, кто на женской половине дома безучастно и без колебаний, точно хозяйка куриц, вырезал всех жен, наложниц, кормилиц и детей...

Все похолодело внутри у Махара, когда он осознал, что услышанный им мгновение назад звук есть не что иное, как скрип отворяемой на кухню двери. А это что? О боги, о Иштар! — тяжелые шаги, шаркающие, поскребывающие...

«Нет! — заклинал неизвестно кого сжавшийся в комок купец. — Только, пожалуйста, мимо. Только не меня...»

Шаги приближались. И вдруг затихли. Шло время — ни звука. У Махара немножко, совсем чуть-чуть, отлегло от сердца...

Как вдруг чуланная дверь распахнулась.

И торговец тканями по имени Махар умер еще до того, как его бездыханное тело выволокли из чулана и огромный бронзовый полумесяц секиры отделил голову купца от туловища. Махар умер от разрыва сердца, когда увидел, кто стоит перед ним, освещенный пламенем опрокинутых светильников, которое уже начинало жадно лизать драпировку стен.

* * *

Кальян отзывается бульканьем, сладковатый дым пробегал по трубке, наполнял легкие, вылетал наружу через ноздри и рот, взмывал к потолку. И явь опрокидывалась.

Сатрап Хашид, властелин хорайского города Вагаран, несколько месяцев назад пристрастился к курению смеси из высушенных лепестков черного лотоса и иных столь же редких и дорогих трав. И наступало сладостное время, когда он уносился в Неведомые Земли, где не был сатрапом, но тем не менее испытывал от пребывания там несказанное блаженство, которым, в отличие от всего остального, еще не успел пресытиться. За повторение дивных грез приходилось платить огромные деньги, ибо травы, доставляемые ему Ай-Береком, стоили так много, что вряд ли кому-нибудь в Вагаране, кроме самого сатрапа, было по карману подобное удовольствие.

Сегодняшний день принес Хашиду много лишних забот и волнений. Требовалось успокоение. Ничем не возмутимое забытье. Отужинав, совершив вечернюю молитву, дав Сдемаку необходимые распоряжения на ночь, сатрап поднялся к себе и достал заветный кальян.

Как всегда, с каждым глотком дыма стирались очертания знакомых предметов, поднимался и заволакивал пространство бело-розовый клубящийся туман.

Явь опрокидывалась. Туман отрывал Хашида от земли. Из бело-розовых клубов, дарящих нежные прикосновения, убажвающих слух звоном колокольчиков и далеким пением чистых женских голосов, протянулись руки, сплетенные из душистых трав, обхватили, подбросили человека в заоблачную высь. Опускаясь из поднебесья, Хашид парил в теплых голубых слоях. Его парение сопровождал то хоровод обнаженных, неземной красоты танцовщиц, движения и смех которых повергали сатрапа в конвульсии счастливых рыданий, то невиданные звери и птицы, что пели ему, Хашиду, хвалу величальную.

Время в Неведомых Землях не имело никакого значения.

Но вот плавное падение внезапно прервалось. Ноги коснулись невидимой тверди. Окружающая синева раздвинулась, и Хашид узрел перед собой лик. Знакомые черты. Всклоченная борода с проседью, насупленные брови. Что это за божество? Ведь он знает имя...

Лицо не пропало, оно приблизилось вплотную к прекратившему чудесное парение сатрапу, губы беззвучно шевелились, из открывающегося рта выстреливали верткие черные змейки и проносились мимо Хашида. Властелин Вагарана ощутил, что упоительное состояние утекает, как вода из пробитой бочки, а на смену приходит дурнота.

Хашид вспомнил имя. Сдемак! Откуда он здесь? Зачем он нужен? Надо прогнать.

— Пшел вон. Прочь. Изыди, — бормотал сатрап до тех пор, пока лицо не растворилось бесследно, вместе с чем пропала твердь под ногами и вновь пришло парение.

* * *

Военачальник Сдемак выругался длинно и вычурно. Ох, не вовремя Хашид насосался этой дряни. А все Ай-Берек, будь он проклят, он подсунул хозяину мер-

зкую отраву. Военачальник понял, что привести сатрапа в чувство ему не удастся, просто нет на это времени.

Сдемак выкрикнул имена, и сразу же в покои Хашида из коридора вбежало двое солдат.

— Сынки,— устало проговорил военачальник,— вы понесете хозяина. От меня не отставать ни на шаг. Выполнять только мои приказы. Только мои, понятно? Хозяин занедужил. Не в себе. Будет что говорить, вырваться — внимания не обращать. Ясно? Хорошо... Сынки, мы обязаны спасти нашего повелителя. Обязаны! Берите его.

Из комнат Хашида вышел Сдемак, за ним — двое дюжих солдат, которым предстояло по очереди нести на руках своего властелина.

Из пятерых вооруженных арбалетами воинов двоих военачальник определил в арьергард их маленького отряда,— и они двинулись по дворцовому коридору.

Из-за первого же поворота им навстречу выбежал запыхавшийся офицер. Сдемак не останавливаясь, приказал подчиненному идти чуть рядом.

— Западное крыло захвачено противником,— отдуваясь, тусклым голосом, в котором страх смешивался с боевым азартом, произнес воин.— Там не пробиться. Северное крыло горит. Тоже не пройти. Единственный пока свободный путь — через анфиладу приемных второго этажа, а затем по винтовой лестнице. Я уже послал туда всех своих арбалетчиков. Они должны продержаться до вашего прихода.

— Молодец.— Сдемак не зря всегда симпатизировал этому парнишке — из него получится толковый командир. Если...— Сигнальные огни на крыше?

— Господин военачальник! Там уже были демоны! Раньше наших ребят! Как? Откуда? Господин военачальник, это же не люди, Нергалье племя! — Теперь в голосе молодого офицера появилось и отчаяние.— Мы ничего не можем сделать. В каждого надо всадить десяток болтов, чтобы убить, не меньше.

— Значит, можно убить! Какие же это демоны! — рявкнул Сдемак.— Демонов железо не берет!

Они бегом спускались по лестнице на второй этаж. Сюда отчетливо доносился шум развернувшейся во дворце Хашида битвы: предсмертные вопли и стоны раненых, железный звон и лязг, переключки защитников дворца, грохот выбиваемых дверей и сооружаемых в проходах завалов.

— Ребята боятся. Кто-то бежит в панике. Кто-то цепенеет от ужаса и не может руки поднять. Вы же видели их, господин военачальник! Они из самого Мира Демонов! Они захватили дворец!

— Молчать, офицер! — грубо оборвал Сдемак, подумав при этом: «Да я и сам вижу, сынок, что дворец обречен. Оборону уже не организовать. Слишком поздно... Эх, Хашида бы спасти...»

Нападение было неожиданным и стремительным, как бросок кобры из засады. Мгновение назад дворец привычно готовился ко сну, затихали команды караула, гасли яркие вечерние светильники, зажигались светильники ночные — тусклые, редкие; все замирало в резиденции Хашида... и вдруг — какие-то твари, волосатые, с хоботами, со странно вывернутыми назад коленями, лезут в парадный вход, в боковые входы, через каждую дверь, окно, в любую щель, наводняют дворец своими жуткими телами, блеском остро отточенных секир и начищенных шлемов, опрокидываются факелы и лампы, огонь охватывает коридоры, в его отблесках мельтешат зловеющие фигуры, и нет времени организовать оборону, сплотить воинов охраны, расставить по местам...

Нет времени понять, что происходит и что за враг проник во дворец Хашида. Впрочем, ослепительной догадкой мелькнула мысль, шах Джумаль, как Сдемаку доложила стража, незадолго до нападения вышел из своих комнат и покинул дворец, причем выглядел он очень взволнованным и очень спешащим... Неужели это происки вероломного Турана? Неужели туранские

псы, переодевшись монстрами, чтобы посеять панику в рядах храбрых вагаранцев, решили захватить город? А куда подевался этот умник, маг Ай-Берек? Тоже заодно с туранцами?... Сдемак помотал головой. Не время, не время сейчас думать об этом. После. Надо спасать правителя.

На площадке второго этажа их дожидались десятка два арбалетчиков. Пожилой воин со свежими царапинами на лице, в дымящейся, покрытой подпалинами форме десятичника бросился к сбегающему по лестнице Сдемаку.

— Гады вот-вот будут здесь! Гады пробили все завалы внизу! Мне уже некого посылать вниз! Слышите?!

С лестницы, ведущей на первый этаж, послышался мерный топот ног — не спешно, но уверенно поднимающихся по ступеням.

— Беги, Сдемак! Быстро! Пятеро ко мне, остальные за сатрапом и военачальником!

Старый воин опустился на одно колено, поднял арбалет, нацеленный на лестничный проем. К нему присоединились еще пятеро солдат. Сдемак направил свой отряд по анфиладам залов для приемов и торжеств.

На бегу солдаты ненароком задевали дорогие вазы и статуи, и те с грохотом обрушивались на пол, разбивались на тысячи осколков, но никого это не беспокоило: жизнь сатрапа важнее каких-то безделушек. Сдемака обожгла мысль: не перерезан ли коридор к винтовой лестнице? Тогда они окажутся в капкане, ибо путь к потайному подземному ходу, ведущему к западной оконечности реки, уже перекрыт ревущим пожаром. Правда, попасть на эту сторону второго этажа существа могли только через окна, а те высоко над землей, но... но... Додумывать военачальник не хотел.

* * *

Хашид уже не парил в голубом эфире. Он стал дельфином и с головокружительной скоростью взрезал

ослепительный подводный мир — то ныряя на самое дно, усеянное жемчугом и кораллами, то поднимаясь к самой поверхности, откуда видно солнце. Стайки диковинных рыб приветствовали его. Кружили акулы — но их сатрап не боялся...

До винтовой лестницы оставалось проскочить два не слишком протяженных зала, а из дверей последнего им наперерез двинулись три темные широкие фигуры.

В свете пожара, поднимающегося с первого этажа, поблескивали секиры и шлемы. «Ведь только через окно, — удивился Сдемак. — Как же тварям удалось? Как же так, в самом деле?» И взревел:

— Из арбалетов! Не спать, бычьи ядра вам в глотку! Пли!

Взметнулись арбалеты. Военачальник оттеснил солдат, несущих Хашида к стене, прошипев:

— Стоять тут и не двигаться.

Первые арбалетные болты сорвались с деревянного ложа. С полутора десятка шагов вагаранские гвардейцы не могли промахнуться.

Но и после второго залпа воины-чудовища, вышедшие из Ниоткуда, продолжали надвигаться как ни в чем не бывало.

— Стрелять! Стрелять! — приказывал Сдемак.

Уже отчетливо можно было разглядеть вызывающее брезгливость и страх кошмарное обличье тех, чьи легионы вторглись во дворец и наводнили его. Вместо лиц — костяной нарост на лбу, едва заметные глаза, отросток, заменяющий подбородок, оканчивающийся у груди и отвратительно шевелящийся, будто живой. Тела покрыты бизоньей шерстью, трехпалые когтистые лапы, вывернутые назад суставы ног. Подобная мразь могла выйти только из черных бездн, откуда же еще! И тем не менее...

— Стрелять! Стрелять! Стрелять! — надрывался Сдемак. Нельзя было допустить, чтобы кто-нибудь запаниковал. — Они ранены! Добивай их, сынки!

Некоторые из арбалетных болтов вонзились в древесину щитов, иные отскакивали от бронзы шлемов, чиркали, не причиняя вреда, по костяному наросту лба, но прочие впились в уязвимые, все-таки уязвимые открытые участки тел. И каждый новый болт, попадающий в цель, приостанавливал движение уродливых воинов, чуть отбрасывал их назад, они уже едва заметно, но покачивались.

Но и расстояние неумолимо сокращалось. Семь шагов...

Сдемак оглянулся — почувствовав взвинченными нервами неладное.

В темной глубине просматривающегося сквозного прохода через множество залов и зальчиков угадывалось движение. Военачальник не сомневался, что-то не давало сомневаться — сзади надвигаются нелюди. И спереди. Но спереди — всего трое. До них остается пять шагов.

— Арбалеты в сторону! Сабли наголо! — скомандовал он, одновременно притягивая к себе за рукав молодого офицера. — Отжимай их от стены. Мы с Хашидом прорываемся. Потом сразу за нами, вниз по винтовой. Ясно?

— Слушаюсь, — привычно ответил оруженосец.

— Вперед, — толкнул его Сдемак к уже вступившему в рукопашную солдатам.

Молодой вагаранский воин прекрасно справился со своей задачей. Напав на ближайшего к стене уroda и уворачиваясь от пытающейся настичь его секиры, офицер увел монстра за собой к центру зала. Медлить было нельзя, и Сдемак с двумя солдатами, у одного из которых на плече лежал безучастный ко всему сатрап, бросился в прорыв вдоль стены к выходу из этого зала, чтобы попасть в другой, а оттуда — на винтовую лестницу. Их никто не преследовал, никто пути не преграждал. И вот они уже на винтовой лестнице.

Головокружительный, долгий бег от одного светлого факельного пятна до другого. Ниже, ниже. К подземе-

лям дворца. Лестница уткнулась во вросшую в гранитные скальные плиты железную дверь. То был вход в разветвленный лабиринт, прорубленный в толще скал глубоко под землей, войти в который, не заблудиться и выйти могли лишь немногие избранные. И один из них — военачальник Сдемак. Он выдернул из углубления факел, просунул руку в открывшееся отверстие в камне, нащупал потайной рычаг, нажал на него. Сработал безотказный механизм, изнутри поднимающий застав, и дверь отворилась.

Когда та же дверь закрылась за их спинами, вновь воздвигая препятствие перед возжелавшими попасть в подземную часть дворца, военачальник с тоской подумал о молодом офицере.

Если ему и суждено уйти от бронзовых секир и добраться до обещающего безопасность подземелья, то у входа в него несчастный воин окажется в ловушке. Тайна двери ему не известна. Но он поймет, должен понять: Сдемак не мог поступить иначе. Жизнью владыки он рисковать не вправе.

Военачальник армии Хашида вел своих заметно повеселевших солдат (они, похоже, и не чаяли остаться в живых) по извилистым коридорам. У развилки Сдемак повернул не налево, к подземной тюрьме, куда он частенько сопровождал сатрапа (Хашид любил самостоятельно пытать узников), а в правый коридор, которым никто никогда не пользовался и который вскоре привел маленький отряд в тупик. Солдаты недоуменно уставились на своего командира.

— Что смотрите? Пошли. — Сдемак вытащил свой короткий церемониальный меч, нагнулся, сунул клинок в неприметную щель между плитами пола, нажал на рукоять меча. Одна из плит поддалась и отошла в сторону. Военачальник опустил в образовавшуюся дыру руку, нащупал там кольцо, к которому крепилась толстая цепь. Дернул.

— Клянусь грудями Иштар, ничего подобного не видел! — не сдержал изумления солдат, когда кусок

казавшейся монолитной стены вдруг со скрежетом пополз куда-то внутрь, открывая темный проход.

— Спасены! — воскликнул кто-то.

— Спасли нашего правителя, — поправил Сдемак, первым вступая в убежище, приготовленное как раз на такой, самый крайний случай.

А Хашид все еще пребывал в Волшебный стране грез.

Глава девятнадцатая

Быстро остывающая земля вынудила Фагнира, наемного работника купца Махара, проснуться и подняться на ноги.

«Что я здесь делаю? — удивился он. Задрал голову к небу. — Никак глубокая ночь!.. Или не глубокая?»

Опустив глаза к бренной земле, приказчик узрел кувшины и все вспомнил. Все, кроме одного: что находится во втором кувшинчике. В первом-то ясно — белое из Шема... Фагнир нагнулся, кряхтя, поднял с земли пахивающий вином Шлем. Постоял в раздумье, после чего уселся рядом с требующим исследования сосудом.

Аромат, источаемый Шлемом, усложнился — добавился ни с чем не сравнимый букет бритунского терпкого, аквилонского сухого и... и... что же это?... а, ну конечно: стигийское яблочное. Нет, ну какое сочетание! Амброзия, нектар, напиток богов! Фагнир упоенно внюхивался в Шлем, и к нему стала возвращаться частично утерянная за время сна нетрезвость.

«Махара-то, выходит, еще нет!» — радостно бултыхнулось в груди. — Запропал наш индюк!»

Фагниру захотелось что-нибудь спеть. Что-нибудь эдакое, удалое. Но перехотелось. На ум пришло другое: пройти два квартала, перелезть через ограду, забраться в третье справа окно, разбудить ленивого ишпака, приказчика купца Эфрема, и приговорить на пару

эти кувшинчики за игрой в кости и веселым разговором.

Сказано — сделано. Нахлобучив подаренную преступниками железную шапку (она же — вместительная чаша), размахивая кувшинами, утяжелившими руки, Фагнир взял курс на ворота. Прибыл к ним, оставив за собой сложно закрученный след.

Перед носом приказчика гостеприимно распахнулась калитка. И из нее на территорию купца Махара ступило страхолюдное чудовище.

— Ай-ай-ай, — вслух огорчился Фагнир. — Надо же — допился. Не-ет, прав был зеленщик Ахмет — пора завязывать.

Он поставил кувшины на дорожку, сам уселся между. И тут же впал в глубокую задумчивость, вперив взгляд в землю. Иногда из-под опущенной головы доносилось: «...хорошо не крысы...», «...с утра же и завязываю...», «...сегодня последний раз душу отведу, а с утра — точно...», «...брошу, клянусь грудями Иштар...» и многое другое.

Наконец Фагнир покинул мир сосредоточенных раздумий и поднял голову. Чудовищ уже насчитывалось двое — к первому присоединился его приятель, такой же симпатяга: рожа, как у индюка, шерсть, как у козла, топор на плече, железная шапка на башке. Шапка та что-то напомнила Фагниру, но что именно, он понять не смог.

Наваждения стояли как вкопанные, вытянувшись по стойке «смирно».

— Да, — торжественно произнес приказчик Махара. — завязываю. Завтра. А сегодня — Праздник Прощания. Так и быть, ребятки, сегодня я вас еще потерплю. Да и куда ж вы денетесь, мерзавцы! Но учтите: больше вы не появитесь. Ни будь я Фагнир! С завтрашнего дня — ни капли. По гроб жизни! Ни-ни!.. А теперь давайте-ка, садитесь. Отметим.

Дав эту страшную клятву, Фагнир мотнул головой — Шлем, едва держащийся на ней, упал точно в подстав-

ленные руки. А наполнил столь замечательную емкость он на сей раз белым шемским.

* * *

Просторную комнату, убранную под стать помещениям надземных этажей, освещали зажженные Сдемаком и его солдатами масляные светильники, чад от которых отводился вентиляционными отверстиями в стенах.

Опустив владыку на ложе, разве что шириной уступающее тому, к которому Хашид привык, и обложив подушками, солдаты получили от военачальника разрешение пропустить по кружечке-другой вина из запасов подземного убежища.

Смежная с той, где они находились, пещера являла собой склад еды и вина, в ней же бил источник грунтовых вод; так что продержаться под землей группой из четырех человек можно было год. А то и все два.

Заслужившие отдых воины Сдемака с кружками в руках восседали на крошечном диванчике, их лица то и дело озарялись улыбками. Не могли они сдержать радость оттого, что вырвались из лап неминуемой смерти, спаслись сами и вытащили из пекла правителя — в то время как, возможно, никого больше в живых во дворце не осталось. А вот им повезло.

Но никто из них, равно как и Сдемак, как и пребывающий в блаженном неведении Хашид и не подозревал, что смерть уже присутствует среди них. И вовсе не отвратительные создания с секирами проникли в убежище. Напротив, те уроды показались бы лишь потешными зверушками по сравнению с тем, что надвигалось на затаившихся людей из глубины подземелий, из глубины самого Мира Демонов.

Сдемак понимал радость своих орлов, однако их чувств не разделял. На сердце старого вояки было тяжело. Он, командир, бросил армию. Пусть ради спасения владыки, но... Но одним этим себя не успокоить. Что там наверху? Откуда взялись эти создания,

кто они — переодетые люди или чудовища из бездны? Сумеет ли город одолеть захватчика? Сколько им придется просидеть под землей? Что они обнаружат, однажды поднявшись на поверхность? Вопросы, одни вопросы... Да и запах тут какой-то мерзкий — крыса, что ли, сдохла?..

Зашевелился Хашид. Застонал, открыл глаза. Сдемак, тяжело вздохнув, заставил себя подняться с кресла, чтобы подойти к повелителю. Старый воин знал, что сейчас ему придется иметь дело с раздраженным, озлобленным хозяином — именно таким сатрап обычно выходил из своего безмятежного забытья.

Военачальник сделал шаг... и в недоумении опустил взгляд на ноги. Сапоги словно вязли в чем-то. А в чем? Слой сажки покрывает ковер? Но сажки ведь не было. Откуда взялся этот черный налет? Сдемаку вдруг показалось, что поверхность под ногами едва заметно колыхается. Хашид вновь застонал. Послышалось сонное бормотание. Сдемак двинулся было к повелителю — и не смог оторвать ногу от пола.

— Что это еще за дерьмо! — озлобленно воскликнул он. Солдаты удивленно уставились на своего командира.

А командиру почудилось, что слой сажки утолщается и — быть того не может! — лезет вверх по его сапогам. Бред какой-то!

— На полу, господин военачальник! На ковре! — Необъяснимое явление в этот миг обнаружили и солдаты.

— Сдемак... старый ишачий хвост, это ты? — донеслось с кровати.

Военачальник почувствовал, как до кожи его ступней дотронулось что-то липкое и невероятно, невыносимо холодное — холоднее чего нет на свете. «Как же это, через сапоги-то?..» Не сдержавшись от боли, Сдемак вскрикнул.

— Господин военачальник, оно ест ваши сапоги! — наперебой заорали солдаты. — Оно ест вас!

Радость мигом улетучилась с их лиц, уступив место ужасу. Толкаясь, солдаты забралась на диванчик с ногами, чтобы укрыться от набухающей, поднимающейся, растущей жути. Один не удержался на краю, упал на пол. Заверещал — дико, пронзительно, не по-человечески. Попытался встать, но не смог: черная масса обняла его своим не имеющим формы покровом, обволокла, поглотила. Крик прервался, будто кричавшему с размаху заткнули рот.

Омерзительное желе, точно было живым и обладало разумом, быстро и умело взбиралась по телу Сдемака. Тот выхватил еще свободной рукой длинный кинжал (от церемониального меча проку мало), с размаха резанул по черным сгусткам. И ничего не произошло. Лезвие пронзило массу, словно туман, не причинив той ни малейшего вреда. А неизвестное вещество почти покрыло военачальника по самое горло. Топило его. Подбиралось ко рту. Тела своего он совсем не чувствовал, не мог пошевелиться... И осознал: это конец. Два три вдоха, и нечто заберется через рот в его тело.

«О Иштар, помоги мне умереть быстрее», — мысленно взмолился военачальник уже не существующей вагаранской армии. Все усиливающиеся вопли солдата указывали, что и его постигла та же участь.

— Эй, кто там есть? Кто-нибудь, отзовись! — В полной тишине, укрытый шелковыми простынями и обложенный атласными подушками, прохрипел припавший в себя Хашид и прислушался. Ничего. Лишь какое-то отвратительное чавканье и бульканье. Перепились все, что ли? — Ко мне, дохлые свиньи! Уж я вам задам... Где тут выход, чтоб всех вас...

Наконец он выбрался из-под простыней и туманным взором огляделся. Нет, на его покой не похоже. Подвал какой-то. Стены сырые, свету мало.

Куда это его занесло? Где слуги, охрана, наложницы, в объятиях которых он засыпал еженощно? Никого.

К горлу подкатила тошнота, и Хашид свесился с края ложа, чтобы опорожнить на пол содержимое же-

лудка. Но этого он сделать не успел. Успел он лишь подумать, что все еще пребывает в Стране Грез, внезапно и необъяснимо обернувшейся Страной Кошмаров.

Ибо пола, куда он собирался выплеснуть полупереваренный ужин, не было. Вместо него клубилась, перекатывалась, переливалась черная студенистая масса, доставая до самого края кушетки.

Едва голова сатрапа свесилась над ней, как вверх, его голове навстречу, метнулся склизкий блестящий отросток, и Хашид, повелитель города Вагаран, перестал существовать.

Расставшись с Веллахом, Минолия произнесла нужное заклинание, закрыла глаза и, сосредоточившись, попыталась выяснить, где находится пропавший Шлем. Полная, беспросветная темнота была ей ответом; однако в этом черном коконе астрального видения на миг мелькнула бронзовая искорка. Мелькнула — и исчезла, оставив лишь знак о направлении, в котором следует искать Шлем: юго-восток, почти центр города, квартал купцов... И Минолия поспешила туда.

К тому времени солнце уже скрылось за горизонтом; по улицам Вагарана струился серый сумрак, превращая здания в подобие темных валунов в пустынных предгорьях, а редких запоздалых прохожих — в призрачные тени.

Тревожное чувство охватило Минолию. Она не могла понять, чем оно вызвано, но сгущающийся ночной мрак, безлюдность, отсутствие обычного уличного гама навевало на нее беспричинную тоску. Город, казалось, замер, сжался от страха, подобно подростку, ожидающему удара под дых со стороны великовозрастного пройдохи. Неясное, невыразимое словами ощущение опасности было разлито в вечернем холодеющем воздухе.

За ближайшим поворотом вдруг процокали копыта — проезжала городская стража. Слышно было, как громко переговариваются охранники. Улица шла на спуск, и ноги невольно понесли Минолию быстрее.

У общественного колодца на земле лицом вниз лежал человек. Девушка наклонилась над ним, тронула за плечо; с ее губ готов был сорваться вопрос: «Не нужна ли помощь?»

Но вопрос застыл на губах — Минолия увидела, как из-под распростертого тела вытекает, образуя лужу, темная, густая жидкость.

Перебарывая страх, девушка рывком перевернула человека на спину.

От груди до низа живота одежда незнакомого мужчины насквозь промокла от крови. Кровь до сих пор толчками выходила из тела.

Закусив кулак, чтобы не закричать, Минолия попятилась, озираясь, потом стремглав бросилась вверх по улице. Она безотчетно побежала туда, где недавно проезжала стража, судя по услышанным голосам. Ей сразу стало невыносимо оставаться одной.

Запыхавшись, девушка добралась до перекрестка. Остановилась отдышаться. Оглянувшись, посмотрела в уличную тьму, и Минолии показалось, что снизу ей вослед поднимается нечто, сотканное из мрака и крови.

Она не могла оставаться одна. Ей нужен хоть кто-нибудь. Защита, помощь, источник сил. Если б поблизости обнаружилась стража, девушка бросилась бы к вооруженным мужчинам, чей долг — оберегать и спасать. И неважно, что она почти незаконно проникла в Вагаран, неважно, что она не нашла Шлем... главное, чтобы рядом кто-то был. А пока вокруг — ни души.

Воспоминание о Шлеме натолкнуло ее на другую мысль: Веллах! Ведь она знает где он, знает, куда тот направился. Она найдет его и, если надо, если еще не поздно, продолжит поиски злосчастного Шлема. Но только не в одиночку.

Минолия побежала по улице, ведущей в квартал, который выбрал брат. Скорее, скорее увидеть Веллаха...

На бегу она слышала, как город наполняется звуками: отрывочными, необъяснимыми, пугающими. Звуки подхлестывали ее страх, ее бег.

За время, что минуло, пока она, измученная, не чужая под собой ног, добралась до первых домов квартала, куда направился Веллах, в город вместе с ночной мглой вошла беда, чей первый знак недавно видела девушка, и растеклась по нему со стремительностью горных рек.

* * *

Яссин, начальник стражи Юго-Восточных ворот, думал, что так и придется ему просидеть до смены караула за столом из немедийского бука, дремать и отвечать на глупые вопросы капитана, без конца врывающегося в помещение и тут же вновь куда-то убегающего. Но капитан неожиданно утомился от собственной чрезмерно бурной и бестолковой деятельности и залег спать на топчане в одной из комнаток караулки. Тогда и Яссин счел возможным растянуться на широкой длинной лавке, на которой до того сидел, и едва прикрыл глаза, как тут же и уснул крепким солдатским сном.

Солдат, чуть не сорвавший с петель дверь караулки, его истошный вопль: «Тревога!» застали Яссина уже бегущим к выходу с саблей наготове. Слух начальника стражи, чуткий на непривычные для ночных дозоров звуки, встряхнул спящий мозг, и мгновение спустя офицер был на ногах. Тут и ворвался взбудораженный солдат.

К остановившемуся на крыльце Яссину выскочил запаньяный, с некоторой помятостью в лице капитан.

— Что слу... — Вопрос застрял в горле главного на сегодня у ворот командира.

Обширное пространство перед Юго-Восточными воротами освещалось факелами, укрепленными в скобах на стенах и на специально для этого врытых перед караулкой столбах; менять факелы также входило в обязанности стражи. Сейчас яркий свет преподнес для созерцания такую картину, что шлем с соболиными хвостами выпал из враз ослабевшей руки капитана и загромыхал по ступеням.

При воротах разворачивалась битва. Из темноты, почти бесшумно и совсем безмолвно выступали фигуры, вооруженные секирами и щитами, и нападали на пытающихся выстроиться в боевой порядок солдат.

— Нелюди... Демоны... — тусклым голосом выдавил из себя капитан, и, даже не глядя на него, было ясно, что он бледнее самой бледности.

Словно обретшие плоть из выкриков полоумных юродивых, обросшие шерстью, с хоботовидными отростками, продолжающими подбородок, с костяным наростом на лбу, из Неведомого появлялись воины — для того, чтобы убивать. Они и убивали. И убивали слаженно и привычно.

Яссин увидел, что чудовища уже пробились к самим воротам и сейчас оттесняют последних защитников, обороняющих подступы к подъемным механизмам. Другие твари, сомкнув строй, подступают со всех сторон, не оставляя людям возможности бежать. Яссину вдруг сделалось легко и хорошо. Все стало простым и понятным. Свалился невидимый груз, долгие годы давивший на его плечи, и дал возможность вздохнуть полной грудью и распрямить плечи.

Все ясно. Случилось то, что должно было случиться. Город, погрязший в лени, распутстве и подлости, получит по заслугам. Небеса обрушили наконец свой гнев на тех, кто позорит род людской. Он, Яссин, сегодня, очень скоро, погибнет вместе со всеми. Но ему дарован шанс сделать это достойно, как и подобает воину и мужчине. Ему, может быть, повезет, и он окажется в садах Иштар, среди героев, среди тех, кто умер с оружием в руках...

Маленькая цепкая ручонка впиалась ему в плечо.

— Бежим! Куда нам бежать? Где спрятаться? — захныкало рядом.

Яссин стряхнул ручонку, окатил капитанишку презрительным взглядом. Усмешка растянула губы начальника стражи:

— Пошел вон, дерьмо, падаль, сын козла и шлюхи, гаденыш пакостный! — Потом он обернулся к солда-

там, согласно уставу замершим около подъемного механизма ворот и по весь голос скомандовал им: — Мост поднять! Цепи рубить! Чтоб ни одна сволочь отсюда не вырвалась и сюда не вошла!

И навсегда забыв о существовании на земле такого червяка, как этот капитанчик, Яссин сошел по ступеням крыльца и двинулся навстречу смерти. Ему не терпелось сразиться с Настоящим Врагом, в единоборстве с которым он увидит, чего стоит.

Яссин зарубил двух нелюдей. Они оказались смертны, как и человек, лишь кожа их была прочнее, жестче человеческой. В бой с третьим своим противником начальник стражи вступил уже раненным. Воины обменивались ударами. Поочередно и вместе взлетали сабля и секира. Несть числа было колотым и резаным ранам на теле того и другого. «Я дождусь, когда ты умрешь!» — до хруста сжимая зубы, заставлял себя рубить и колоть вагаранский командир.

— Вот теперь все, — улыбнулся Яссин, увидев мутнеющим взором, как падает омерзительной мордой в землю его нечеловеческий враг.

Начальник стражи Юго-Восточных ворот рухнул замертво рядом с поверженным им противником. Они касались головами друг друга.

Спустя пять ударов сердца, после гибели Яссина Юго-Восточные ворота были полностью захвачены нелюдьми, и новый караул заступил на пост у выхода из города. Впрочем, чудовищам не удалось опустить подъемный мост, ведущий наружу, и они пока не сумели покинуть пределов Вагарана. Пока.

Почти одновременно пала под натиском Воинства Древних и стража Восточных ворот.

А мертвый дворец сатрапа покинула и теперь неспешно растекалась по городу омерзительная черная жижа, уже убившая Сдемака и Хашида и алчно требующая новых жертв. И жертвы ждали ее: сотни, тысячи живых существ, населяющих обреченный город Вагаран.

Голубовато-белый призрачный свет луны смешивался с багровым отблеском пожарищ и превращал гибнущий город в полуреальную панораму, словно рожденную в одурманенном мозгу курильщика пылицы черного лотоса.

По-собачьи скуля от ужаса, спотыкаясь на каждом шагу, человек в рваном, окровавленном костюме оценщика драгоценностей побежал по улице. Но далеко ему уйти не дали: красноватой разящей молнией мелькнула, прошипев в полете, пущенная могучей лапой секира и вонзилась несчастному в позвоночник. Издав слабый вскрик, человек упал, конвульсивно дернулся несколько раз, затих. Неспешной походкой к нему приблизился монстр со щитом, одним рывком выдернул свое грозное оружие из спины мертвого оценщика и оглядел пустынную улицу — в поисках новых жертв.

Орландар отпрянул за угол дома, чтобы его не заметили, и обессилено привалился к грязной каменной стене.

— Я не могу больше, колдун, — простонал он. — Не могу. Давай спрячемся где-нибудь, переждем...

— Надо идти, Магистр, — ответил стоящий рядом Ай-Берек. — Уже недалеко. Я чувствую Конана. Он где-то рядом. Затаился где-то.

— Нас же убьют! Твоей магии не хватит, чтобы защитить нас! Ты видел, сколько их? Тьма!..

— Нет. Их, как ты и говорил, всего лишь десять тысяч.

Орландар потряс головой; слипшиеся космы рыжеватых волос заметались по худым плечам.

— Не может быть... Древние не такие... Древние — прекрасные, мудрые, добрые существа. Просто они людей ненавидят... А это... это... я даже не знаю, кто...

— Тогда ты, может быть, знаешь, как выглядят эти твои Древние? — зло процедил сквозь зубы Ай-Берек. — Ты видел их когда-нибудь? Кто-нибудь из членов твоего дурацкого Ордена беседовал с ними?.. Нет, вы вби-

ли себе в голову, что люди — дикари, в неумной алчности уничтожающие все на своем пути; что те, кто жил до людей, должны быть непременно чище, светлее, умнее и добрее; что с возвращением Древних на Земле установится мир, покой и благоденствие... Да кто вам это сказал?!

Магистр заплакал от горя и бессилия.

— Колдун, ты ошибаешься. Это наверняка не Древние. Древние не такие. Может быть, это те самые... ступившие по следу... порождения Темных Сил...

— Да? А племя на их головах ты видел? Почти такие же, как и у погибшего гладиатора, что должен был возглавить Легион Древних!.. А вот черная дрянь, что лезет из всех щелей и скоро затопит весь город, это и есть ступившие по следу, Потусторонний Мир воочию, который сейчас приникает на землю и покрывает собою все вокруг. Загляни в сердце свое, Орландар, и ты поймешь, что я прав.

Магистр продолжал молча плакать. Он и сам догадался (просто боялся признаться себе в этом), что Древние на деле оказались всего лишь дикими безмозглыми тварями, охваченными одной только страстью — слепой страстью убийства; что Орден в течение двухсот пятидесяти лет заблуждался, полагая, будто приход на землю Древней Расы восстановит справедливость и позволит исчезнувшей цивилизации достигнуть утраченных по вине людей высот в науках, искусстве и ремеслах... Он понимал, что проклятый колдун прав, но не мог смириться с очевидным.

— Идем же, — торопил Ай-Берек. — Еще не все потеряно. Еще можно остановить и Древних, и ступивших следом. Осталось совсем немного. Я ощущаю присутствие Конана. Он где-то здесь, возможно, за ближайшим же поворотом. Идем, Магистр Орландар.

Всклипнув, старик кивнул. Колдун опять оказался прав: если они найдут беглеца, то найдут Шлем, и, может быть, Врата удастся закрыть. Вот только каким образом?..

Они осторожно вышли из-за угла здания, огляделись.

В самом начале поисков как сквозь землю провалившегося Конана Ай-Берек припомнил все известные ему заклинания, что могли бы оградить, защитить, спасти их от непобедимых воинов армии Древних. И, к собственному удивлению, таких заклинаний оказалось много; они практически беспрепятственно продвигались по улицам Вагарана, не замечаемые отвратительными захватчиками, что наводнили весь город... Однако у этой медали была и обратная сторона: постоянная подпитка волшебного поля вокруг двух стариков отнимала много сил у Ай-Берека, и ему все труднее становилось разглядеть ауру варвара в астральной плоскости; к тому же область астрального видения была затянута серой пеленой — несомненно, следствие мощного всплеска напряженности магического поля, — и изредка в дрожащем мареве беспроглядной серости вспыхивали кляксы такой жуткой, такой нечеловечески отвратительной черноты, что колдуна начинало тошнить. Он знал, что эти кляксы суть проявления силы более злобной, более жуткой, более древней, нежели сами Древние. Так, по-видимому, выглядели на астральном уровне отвратительно пузырящиеся черные лужи, мелкие ручейки черной жижи и странные черные сосульки, местами свисающие с карнизов и крыш; магия Ай-Берека на них не действовала, при появлении людей лужи, ручейки и сосульки начинали шевелиться, жадно тянуться к живой плоти, и колдун чувствовал, что с каждым мигом черных болезненных пятен на теле города становится все больше, их движения делаются более осмысленными, быстрыми и целенаправленными, и вскоре они покроют собой весь Вагаран, а за ним — и весь мир... что это и есть Смерть, вторгшаяся на землю...

Глава двадцатая

Город наводнили пьяные факельщики! Вдрызг пьяные. Это ж надо так надраться! Запалить столько факелов! Огромные какие... Дыму напустили, подавохи...

Во, стража натрескалась в хлам. Ха-ха, в обнимку с лошадьми падают... И валяются... Все валяются. Куда ни глянь. Весь город перепился. Сегодня же праздник! Вот только какой?

— Какой сегодня праздник? — Фагнир локтем ткнул в мохнатый живот. Не получив ответа, ухватился за хобот и повис, поджав ноги. — Праздник... пей до дна... вина... Махар, вина! — Опять все закрутилось и перевернулось. Опять удар. Теперь — спиной и затылком. И чистый, долго не стихающий звон вокруг головы.

Небо, отсвечивающее красным, заполняют хоботы, шерсть, красиво блестящие железки, глаза под костью... Они — друзья! Тихие и добрые... единственные... Хорошо, что их все больше и больше... Протяни руки, и они поднимут тебя...

Фагнир протянул руки.

Усвоившие за проведенное вместе время, что от них требуется, воины Легиона Древних подхватили Хозяина и поставили на ноги. Хозяин хлопнул в ладоши — к нему приблизился удостоенный чести нести кувшины. Хозяин поднес руку к Шлему, снял его с головы —

воины почтительно склонили головы. Хозяин стукнул Шлемом об кувшин — хмельная струя хлынула из узкого горлышка в подставленную бронзу.

— Др... рузья! — крикнул что есть мочи Фагнир и уронил губы в вино. Он всасывал в себя божественный напиток, пока не устал. Затем запрокинул голову вместе со Шлемом — на лицо, плечи, грудь хлынули ароматные струи. — Хочу схас... Хсс... с Хас... идом выпить, — Фагнир высунул язык, лова капли, стекающие с водруженного на нужное место Шлема. Поймав одну, вернулся к родившейся идее. — Вдво... Впред в двор... ед... К Хапиду! Пить... Он и я... До дна...

Мир качало, как висячий мост над пропастью. Хорошо, что рядом друзья. Они подставляют животы, разрешают цепляться за волосы, хоботы... хоботы...

«Индюки! — ужаснулся Фагнир. — Мои друзья — индюки?!»

Он не успел как следует поужасаться, потому что из-за белого пятна впереди выглянул Хапид.

— Ха-а-а-сид! — радостно завопил приказчик.

* * *

Один из людей Фенди безуспешно, хотя и старательно искавший беглого гладиатора, вовремя увидел демонов и то, что они творят с людьми. Он бросился бежать сперва в направлении «Стреноженной вши», но вскоре лишь просто уносил ноги от ползших отовсюду чудовищ с топорами.

Несся куда глаза глядят. Высунувшись из-за угла какого-то дома, он напоролся взглядом на странную компанию: в его сторону шла и уже находилась в двадцати шагах от него орава демонов, и ее возглавлял в труху пьяный человек, одетый как купеческий слуга, которого чудища так бережно поддерживали под локотки и сопровождали с такой важностью, будто он — главарь их шайки.

Мутный, плавающий кругами взгляд предводителя демонов вдруг застрял на порученце Фенди, не успев-

шем скрыться за углом, и пропитое лицо засветилось радостью.

— Ха-а-а-сид! — заголосил главарь чудовищ, пялясь на него во все глаза и вытягивая в его сторону руку. Человек Фенди в полном смятении и ужасе бросился наутек. Прочь, куда попало.

Он пеглял как заяц. Едва завидев отблески бронзовых секир и шлемов, кидался в сторону, не разбирая дороги.

Высокие ограды давались легко. Широкие канавы и ямы перескакивал одним прыжком. Но везде вновь и вновь он наталкивался на них. Воришка напрочь забыл о поручении, о каком-то варваре, плохо понимал, в какие кварталы его занесло, не знал, что делать дальше. Хотя бы получить небольшую передышку...

И вот вроде бы вокруг никого. Человек прислонился к высокой каменной ограде, вытирая пот и успокаивая дыхание. Сейчас он соберется с мыслями и...

Каменная ограда разлетелась, как под ударом могучего, предназначенного для пробивания крепостных стен тарана. Один из камней разбил голову подданному Фенди. Тот упал без сознания, но живой. На его грудь наступила огромная, когтистая лапа, ломая кости, сминая внутренности, выдавливая жизнь.

* * *

Амин, бывший телохранитель мертвого шаха Джумала, не заметил, что кого-то раздавил. Не для того, чтоб лишить жизни жалкое существо, разломал он стену — это была помеха, и только. Но не одна. А они его не интересовали. Он не вглядывался в них, а ломал, сминал, крушил. Он расчищал себе дорогу и искал. Ему нужен человек, убивший его. Амин узнает его по запаху, дыханию, под любой одеждой, по хрусту гравия под сапогами. Амин найдет его и выпьет его кровь.

Что-то искало и Амина. Что-то нужное ему самому, без чего ему плохо. Амин чувствовал: это рядом. Скоро они встретятся. Очень скоро.

Убившего его человека нигде не было. Ни под крышами жилых коробок, которые Амин раздавливал до основания, ни на залитых светом пожаров улицах, ни там, где можно укрыться в темноте, которую Амин рассеивал своим факелом: в руке он держал выдранное с корнем горящее дерево. И чтобы становилось посветлее, он зажигал от него новые факелы. Пускай горят помехи. Чем меньше помех, тем скорее он увидит человека, убившего его. И выпьет его кровь.

Амин брел по улице. Но пока навстречу попадались только свои. Их можно не трогать: не мешают. Амин направился к новой стене — сломать ее и посмотреть, нет ли за ней того, чьей крови он жаждет.

Вдруг Амин остановился. Почувствовал. Увидел. Понял. Наконец-то. Они отыскиали друг друга.

Амин взревел.

* * *

Минолия нашла его, своего брата Веллаха. Ища спасения от кошмара, захлестнувшего город, она бросалась от стены к стене, от дома к дому, из переулка на улицу. Везде проливающие кровь чудовища в шлемах, похожих на пропавший Шлем. Пламя пожаров освещает ночной Вагаран.

В его неверном оранжевом свете мелькают силуэты мечущихся в панике людей, возникают и снова пропадают во тьме зловещие, молчаливые фигуры отвратительных тварей, словно выпедивших из ночного кошмара, размахивающих бронзовыми секирами, потрясающих деревянными щитами, убивающих каждого, кто попадется им на пути...

Свернув в открытую калитку в ограде одного из домов, она увидела на крыльце скрюченную фигуру брата. Внутри дома разгорался пожар. Минолия ухватила Веллаха под мышки и потащила прочь от огня, к улице. Красные языки высывались вслед из окон, похотливо облизывали стены приговоренного жилища.

Никогда еще Минолия не имела дела с тяжестями, с физической работой. Поэтому от перенапряжения голова шла кругом, внизу живота что-то грозило вот-вот оборваться. Она сжала зубы. Вытащила брата через калитку на улицу, прислонила к стене и только тогда освободила руки от тяжелого груза. Опустилась рядом, мгновение переводила дух, затем склонилась над Веллахом.

У убийц с секирами прослеживался свой почерк — по крайней мере, судя по тем трупам, что видела Минолия: жертвам они либо отрубали головы, либо вспарывали животы. Ее родному брату попытались вспороть живот. Видимо, чудовищный полумесяц прошелся лишь краем. Брат ли уклонился, или монстра что-то подвело? Веллах был жив, но без сознания. И без надежды выжить. Ему подарили лишь каплю времени и море мучений. Такие раны, как увидела Минолия, распахнув его взрезанную одежду, можно лишь зажать руками, не дав кишкам вывалиться наружу и умереть.

Веллах поднял веки. Глаза его страшно скосились к переносице, голова моталась из стороны в сторону, как у тряпичной куклы. Но наконец он узнал девушку и попытался улыбнуться.

— Сестра... — прохрипел он. Вдруг издал булькающий звук, и из уголка рта потекла кровь вперемешку со слюной. — Сестра... Разб... раз...

Слова давались с трудом. Минолия обхватила его голову руками, прижалась к щеке, шепча: «Тише, тише...»

— Заговор... Разбитый... Сосуд не... действует...

Веллах захлебывался кровью.

— Беги отсюда... Забудь про Шл... Шлем... Беги... Древ... Древние вернулись...

— Это и есть Древние? — Глаза Минолии раскрылись от изумления.

— Д-да... Нас... обману...

И вдруг — громкий и страшный крик:

— Беги отсюда!

Веллах кричал, почувствовав наступление агонии, и вложил в крик остаток сил, остаток жизни. Он еще кричал, а тело скрутили предсмертные судороги.

А потом он умер.

Минолия плакала, прижимая голову брата к своей груди.

Стена ограды через дорогу будто взорвалась, разлетелась камнями во все стороны. Из пролома, из поднявшейся пыли шагнуло на улицу нечто, превосходящее все кошмары, увиденные Минолией доселе.

В три человеческих роста высотой, под кожей переливаются валуны мышц, ладони огромны и увесисты, как гранитные плиты, где-то наверху утопает в плечах маленькая голова, скалящаяся зубастой пастью. Что-то неуловимо знакомое в облике монстра видится Минолии. Она не отрывает взора от демонического создания и вместо того, чтобы бежать прочь, вспоминает с безумным упорством, почему ей кажется, будто она где-то уже видела это чудовище.

Монстр, оставив за собой раздавленное тело какого-то человека, двинулся в сторону Минолии. Девушка должна была спастись, но она не двигалась, по-прежнему прижимая голову мертвого брата к груди и рассматривая демона. У нее отнялись ноги и пропал страх перед смертью. Чуть раньше она умрет или чуть позже, от лап этого демона или другого — какая разница...

Монстр уже дошел до середины улицы.

И вдруг замер.

От ближайшего сточного люка к его ногам бежал тонкий ручеек. Черная (почему-то это сразу ясно, несмотря на ночной мрак) густая жидкость подобралась к укрепившейся когтями за землю ступне и поползла вверх по ноге чудовища. Темный ручеек достиг живота, поднялся до пупка... и впился в него. Именно впился, Минолия была уверена, что не ошиблась. А спустя мгновение демон взревел торжествующим ревом убаженного зверя из лесов Потустороннего Мрака. Ревом,

который ни один человек не в силах вытерпеть. От такого звука должно либо сойти с ума, либо бежать прочь сломя голову.

И Минолия побежала. И только в конце улицы оглянулась. И увидела, что происходит с демоном. Плоть чудовища напоминала сырую глину, смятую руками невидимого гончара, сочилась черными каплями, оплывала...

Девушка бросилась прочь, не зная — куда, не зная — от чего.

Он нашел и его нашли. Он чувствовал упоительное Воссоединение, дарящее Силу, равной которой нет, устоять против которой невозможно. Он, Амин, вырастет до неба, раздавит землю; он становится Великим Ничем. И он убьет человека, убившего его.

Минолия упала — уставшие ноги подвели. Девушка лежала, почти касаясь каменного постамента, на который ежедневно взбирался очередной жрец из Храма Иштар и до вечера простаивал там с кружкой для подаяний.

Пока Минолия бежала, ей хотелось бороться за жизнь. Однако стоило упасть, как силы — не только физические, но и душевные — покинули ее.

Поэтому, когда из мрака выступили три зловещие, освещенные всполохами пожаров и светом луны фигуры с секирами в лапах, она лишь обреченно подумала, что смерть на таком месте, вероятно, зачтется как жертва Иштар. Двое секироносцев застыли в отдалении, а к Минолии направился один.

«Последние его шаги — последние мои мгновения, — промелькнуло в самом дальнем уголке сознания. — Это и есть Древние... Это и есть те, кого мы ждали двести пятьдесят лет. Палачи. Все напрасно. Вся жизнь зря. Умер мой Веллах. Теперь и моя очередь...»

Уже за два шага до жертвы секира была занесена для удара. Остается лишь опустить ее на хрупкую шею. И девушка сама, покорно опустила голову, чтобы палачу было сподручнее рубить.

Большими беззвучными шагами откуда-то из-за постамента вынырнул и бросился к монстру рослый человек с поднятым над головой мечом, сжимаемым обеими руками. Древний заметил опасность и повернулся к ней лицом, разворачивая свою секиру так, чтобы заблокировать опускающийся меч.

Замах был ложным, и чудовище на него купилось, выставив перед собой секиру для защиты от удара сверху. Вместо этого человек, остановив рубящее падение клинка, мгновенно изменил положение ног и плеч и сделал выпад, всадив острие своего оружия как раз под костяной нарост на лбу.

Древний воин рухнул как подкошенный.

— Я был прав! — закричал человек, похоже, обращаясь непосредственно к ночи. — У носатых хлипкое место под нащепкой, на лбу!

Минолия признала человека: гладиатор, убивший туранца сегодня на арене.

Гладиатор же, взглянув на Минолию и подмигнув ей, ринулся навстречу другим двум Древним, теперь уже надвигающимся на него. Когда он сблизился с секироносцами на дистанцию, годную для ведения рукопашной схватки, за спинами Древних воинов показался еще один человеческий силуэт — женщина, вооруженная саблей.

Они ударили одновременно в одного и того же противника — мужчину и женщину, мечом и саблей, в грудь и в спину. Гибкая сабля выгнулась дугой, встретившись с толстой, жесткой кожей, но металл победил, и хорайская сталь погрузилась в тело чужака. Дважды пораженный Древний запнулся, выронил бронзовый полумесяц.

А мужчина и женщина (ее Минолия тоже вспомнила — воительница с арены, победившая казака) сразу повернули к третьему противнику и атаковали его так же, как и первого, с обеих сторон. И столь же победоносно.

— Вот видишь, стоило рухнуть на землю их последнему врагу,— громко произнесла женщина,— такая тактика — самая уместная против них.

— Такая — что? Впрочем, ладно... Но не по душе мне это.— Мужчина, попинав ногой, проверил жизнеспособность поверженных.— Не люблю нападать со спины.

Они, видимо, продолжали какой-то прерванный спор.

— Они — нелюди! — горячилась женщина.— И к ним правила чести неприменимы! Зато точным ударом промеж шейных позвонков убиваешь их сразу, наповал...

Они спорили, будто не горели вокруг них дома, не маячили в отдалении безжалостные твари.

— Спасибо! Вы спасли меня! — Минолия поднялась на ноги и, покачиваясь, шла к сохранившим ей жизнь людям. Силы начали возвращаться к девушке, когда она увидела поражение Древних и услышала человеческую речь... Будто выпила чашу подбадривающего бальзама из самых сильнодействующих трав.

Гладиатор обратил на нее внимание.

— Не за что, девочка. Ты видела черные лужи?

— Нет,— ответила Минолия... и тут вспомнила черный ручей, сливающийся с демоном.

«Не о том ли он говорит?»

— Какая-то дрянь вытекает отовсюду. Похожа на смолу,— объяснил мужчина.— Вот ее и обходи, не наступай ни в коем случае. Видели мы, что происходит с людьми, которые вляпались в нее...

Минолия уже была рядом с варваром и его спутницей. Женщина-воин взглянула снизу вверх на своего широкоплечего товарища по оружию («По оружию ли только?» — помимо воли и уж точно ни к месту, ни ко времени подумалось Минолии) и насмешливо произнесла:

— Мы всех женщин города будем спасать?

Конан ничего не успел ответить — словно молния вспыхнула в голове девушки, и Минолия вдруг вспом-

нила, что именно на поиски этого человека Орландар и отправил весь Орден. Вот так удача! Но на голове варвара нет никакого Шлема...

— Шлем! — закричала она так неожиданно и громко, что оба ее новых знакомых вздрогнули.— Где Шлем, о воин, победивший туранца? Ты же унес его с собой!

Киммериец взглянул на спасенную девушку не без жалости, потом обернулся к амазонке:

— Пошли, зря время тратим. Нам еще до стены добраться надо...

— Давно пора,— хмыкнула амазонка.

И Минолия увидела спины своих спасителей.

— Стойте! Да стойте же! Шлем! Он дает власть над Древними! — в отчаянии кричала девушка, не отставая от быстро, но без паники уходящей в ночь пары гладиаторов.— Вы же ничего не знаете!

Конан на ходу обернулся и уже более заинтересованно спросил:

— Над кем он дает власть?

— Над Древними! Ну, этими, с хоботами... Мы думали, что они добрые, а они — злые, людей убивают! А Шлем — он может заставить их слушаться! Поэтому Орландар и послал нас искать тебя...

— Ясно,— прервал Конан ее словоизлияния. Бедная девочка, совсем умом тронулась от страха.— Короткую дорогу до городской стены знаешь?

— Знаю,— быстро соврала Минолия, чтобы ее не бросили одну. На самом деле она вообще имела смутное представление о том, где сама находится.

— Показывай. А по дороге расскажешь об этом своем Шлеме.

Амазонка смолчала, но довольно выразительно хмыкнула. А впрочем, стоят ли мужчины слов?

Присоединившейся к ним девушке киммериец грозно напомнил:

— Под ноги смотри и берегись смолы! Ну и всего остального тоже...

«Стреноженная вошь» была пуста как никогда. Фенди в одиночестве сидел за столом; перед ним нетронутыми стояли кружка с вином и тарелка с остывшим мясом. Он напряженно думал. О чем — не родилось и не рождалось такого человека, кому будет позволено познакомиться с его мыслями. Дверь открылась. Быстро. И все-таки не успела отвориться раньше броска. Серебристой рыбкой мелькнул метательный нож и вонзился точно на уровне груди вошедшего: никто из псов Фенди не посмел бы так рвать дверь на себя. Значит, чужак. Чужакам — смерть. Если б между рождением мысли и воплощением ее в действие у Фенди случалась хоть какая-то пауза, не занял бы он и не удержал трон короля вагаранских воров. Разворачиваясь на скрип, атаман одновременно выбросил руку с невесть откуда появившимся в ладони метательным ножом.

С таким переживанием, как удивление, Фенди раззнакомился давно и навсегда. С детских лет его мотало по миру, окуная в самые жестокие передраги, и он всякого насмотрелся. В том числе и на всякое колдовство, и на всяких чудовищ.

Ввалившаяся тварь держала перед собой щит с воткнувшимся в него ножом. Устрашающий вид адского порождения и безуспешный бросок ножа не вызвал у Фенди ничего, кроме устремления к действию. Невысокий, подвижный шемит за время, потребовавшееся чужаку на один шаг по заплеванному полу харчевни, преодолел разделявшее их расстояние, и вот уже узкие жилистые руки короля воров вынули из-под просторной красной рубахи два стилета. Тварюга, видимо, так и не поняла, куда подевался человек, только мелькавший перед глазами.

Но два — один за другим — укола в спину указали куда. Украшенная костяной нащепкой голова стала поворачиваться в поисках наглой жертвы, секира отводилась волосатыми лапами для рубящего удара, когда

правую ступню одновременно ужалили два тонких острых лезвия.

Как убивают moskitov, — не глядя шлепая себя по тому месту, где ощущается присутствие инородного тела и следующий за тем укус, — точно так же тварюга махнула секирой, не глядя, направляя полумесяц туда, где должен был находиться дерзкий человек.

Если б Фенди умел смеяться, то сейчас непременно доставил бы себе такое удовольствие, наблюдая, как чудовище, взрезав воздух своим огромным топором, поворачивается следом и таращится на то место, где по его, чудовища, разумению должен валяться располовиненный труп. В созданной для наведения ужаса башке свершается, видимо, осмысление того, куда посмело деться насекомое с несерьезными ножиками и как ему это удалось. Фенди же стоял за мохнатой спиной твари, разве что не облокотившись на нее. Не торопясь, он выбирал точки для нанесения новых ударов. Человек ясно видел исход поединка.

Тварюга обречена. Чересчур неповоротлива. С теми, кто уступал ловкому, гибкотелому шемиту в быстроте реакции и внезапности действий, он расправлялся безукоризненно, не оставляя противнику ни единой возможности выжить. Те же, кто не уступал, ошибались в чем-то другом — раз Фенди до сих пор жив и здоров. И никто — ни в Вагаране, ни где-нибудь еще — не имеет права считать себя лучшим бойцом, пока дышит одним с Фенди воздухом. А ежели кто-то возомнит о себе слишком много, то должен умереть или же попытаться счастья и умертвить самого Фенди. Однако в Вагаране такие давно перевелись...

Остались, правда, залетные пташки. Например, хваленый варвар-гладиатор, которому, судя по рассказам, нет равных и который, конечно, так о себе и думает. Но ничего: скоро мы выясним, кто лучше умеет убивать. Встреча их уже не за горами.

Ну а прежде — эта ящерица с топором. Тут все до скуки понятно. Несмотря на прочную, как скорлупа ста-

рого ореха, кожу, он истыкает эту погань стилетами, выколет глаза. И пугало, превратившись в слепое решето, будь оно хоть из самого Мира Демонов, туда и отправится. А он не получит и царапины. Не тот случай.

Почти так и произошло.

Нанеся еще три стремительных удара ножами — в бок, спину и мохнатую лажку бестии, Фенди совершенно неожиданно для нее оказался спереди и подпрыгнул.

Холодный блеск металла — вот последнее, что увидел Древний. Точно раскаленные прутья вонзились ему в глаза, и мир померк. От боли, внезапности нападения и страха чудовище впервые в жизни издало хриплый, истощенный вопль, закрутилось волчком, круша секирой все, что оказывалось на пути; выколотые глаза сочились мутной желтоватой кашицей.

Отпрыгнув на безопасное расстояние, Фенди выбрал место для следующего, последнего удара, когда краем глаза вдруг уловил движение в дверном проеме.

Повернулся, пригляделся — такое же пугало, а за его плечами отсвечивает шлем третьего.

Решение было принято моментально. Что ж, первому чудовищу повезло. Вновь прибывшим — тоже. Фенди совершенно не интересовало, что это за твари и откуда они взялись в резиденции короля воров; главное, что врагов было много. «Бросаться в бой с превосходящими силами противника — это тупость, а не храбрость» — так звучал его девиз, и он тут же надумал бежать из «Стреноженной вши», избрав для вынужденного и позорного бегства самый надежный путь.

Из обеденного зала — на кухню. С кухни — в пристройку, где разделявают туши. Все двери за собой он успевал закрывать на засовы. В пристройке шемит отодвинул стол, распахнул крышку потайного люка и нырнул в подземный ход, соединяющий харчевню с расположенной в пятидесяти шагах конюшней. Тоннель вырыли для ухода от облав, то и дело учиняемых

городской стражей, но пользовались редко — разногласия со стражниками чаще всего улаживались по-мирному, по-свойски.

«Вода. Никто не следит. Разгиляйя. Я им устрою». Фенди сделал два шага в воде, которой набралось по щиколотку, и на третьем шаге почувствовал, что не может выдернуть ногу.

Шемита всегда выручало безотказно срабатывающее правило «ощущение опасности — молниеносное действие». Высвободив в прыжке ноги из сафьяновых сапог, атаман уперся руками и ногами в стены узкого лаза. Он не знал почему, но чувствовал: прикосновение к тому, в чем увязли его ноги, смертельно.

Протацииться, перебирая конечностями, до конюшен представлялось более опасным и утомительным занятием, чем вернуться и покинуть харчевню через крышу на веревке. От ящериц с топорами, сколько бы тех ни было, он уйдет. Да и к чему уродам лезть на крышу, скажите на милость?

И Фенди, как муха по стене, двинулся обратно.

Вот и люк над головой. Макушкой он приподнял крышку, просунул правую руку под нее, ухватился за край. Лево́й распахнул люк настежь, потом вцепился в доски рядом с правой. Принялся вытаскивать тело наверх.

Как они успели, медлительные, нерасторопные — не должны ведь были успеть!...

Но сверкнул над головой бронзовый полумесяц, и обрубленные кисти скользнули в провал люка. Сорвавшееся тело издало звучный шлепок, соприкоснувшись с вязкой жижей.

Что-то похожее на тихое, удовлетворенное урчание издавало как мед густое, черное липкое вещество, в котором увяз человек с покалеченными руками. Он еще пытался вырвать тело из вязущих объятий, но с каждым новым судорожным движением чувствовал себя все менее свободным — и скоро оказался в полной власти черной жижи. Муха, попавшая в мед...

Одновременно в ноздри Фенди ударила тошнотворная вонища, и тело пробрал холод — или то, что походило на холод, вгрызающийся в каждую пору, врывающийся в кровеносные вены, тисками сдавливающий мозг. Последним испытанным шепитом в этой жизни чувством оказалась досада. На то, что так и не доказал зазнавшемуся гладиатору, кто лучший из живущих на свете боец.

И пришла Боль, затмившая все. Она царила в теле человека, пока жизнь по каплям вытекала из него. Пока размягчались кости, лопалась кожа, выпуская кровь, растекался по черепной коробке мозг. Пока человек не стал тем, что захватило его — вязкой, вонючей жижей.

* * *

— Стой! — неожиданно выдохнул Ай-Берек. — Здесь! Запыхавшийся Орландар замер около своего спутника.

— Что... здесь? — выдавил он.

— Конан. Совсем рядом. Я чувствую его. Он либо в этом доме, либо вон в том... Либо где-то у нас под ногами. Мы нашли его, Магистр.

Старцы находились в одном из кварталов, где обитали бедняки, — совсем недалеко от городской стены. В бесплодных поисках сбежавшего гладиатора прошла большая часть ночи, и вскоре должен был забрезжить рассвет... последний рассвет Человека. Однако по-прежнему было темно, и лишь пламя пожаров освещало улицы, уже полузатопленные черным шевелящимся студнем, поглотившим людей, лошадей, верблюдов, бродячих собак и самих Древних.

— Колдун, смотри! — вдруг крикнул Орландар, указывая на покосившуюся, выцветшую вывеску на стене у входа в ближайшее здание без окон, с одной прочной дубовой дверью. Ай-Берек поднял голову и в изумлении застыл с открытым ртом.

«Дешиво, сыто и пьяно!» — было написано в самом низу вывески. «Холодное вино и горячая закуска!» —

значилось чуть повыше и буквами чуть покрупнее. «Питейное завидение Старика Кафарал» — выведено еще выше и поразмашистей.

А на самом верху, обозначенное огромными корявыми буквами, красовалось название этого кабака: «Бронзовый шлем».

— Как же это... — потрясенно прошептал Орландар, опираясь о плечо мага; при каждом выдохе воздух с хрипом и клекотом вылетал из его пересохшей гортани.

Пришедший в себя от удивления Ай-Берек пожал плечами.

— Не знаю, Магистр. Возможно, это случайность. Или, возможно, в этом проявляется рука судьбы. Или помыслы Богов. Или... Ну, не знаю. Уверен я только в одном: нам сюда. Никаких сомнений. Идем быстрее.

Он подошел к двери и попытался открыть. Заперто. Толкнул плечом. Дверь не поддавалась. Однако Ай-Берек отчетливо уловил шум, на какой-то миг долетевший изнутри.

— Конан! — крикнул он, и голос его от волнения сорвался. — Конан, открой! Здесь друзья! Мы знаем, что ты там! Мы можем помочь! Открой, Конан, варвар из Киммерии! Непобедимый гладиатор, никогда не бывший покорным рабом!

Шум стал яснее — как будто от двери оттаскивали какой-то тяжелый груз. И дверь распахнулась. Перед магом и Магистром, с обнаженным мечом, готовый к бою с кем бы то ни было, появился тот, кого они искали всю эту кошмарную, бесконечную ночь.

— Магистр Орландар! — послышался из глубины полутемного помещения знакомый радостный голос.

— Минолия? — удивился тот, уж кого-кого, а девушку никак не ожидая встретить в компании беглого варвара.

— Хвала Богине, в этой дыре еще остались живые люди... — донесся изнутри другой голос — женский, хриплый, неимоверно уставший.

— Конан, — облегченно прошептал Ай-Берек и почувствовал, как груз беды свалился с его плеч.

— Колдунишка! — прорычал непобедимый гладиатор, втащил неготового к такому повороту событий Ай-Берека внутрь «Бронзового шлема» и приставил клинок к его горлу. — Кром, наконец-то я добрался до тебя!

Глава двадцать первая

Черная масса медленно, неукротимо растекалась по городу, поглощая все на своем пути — от резиденции Хашида по кварталам знати и вельмож, по районам, где обитали купцы и богатые ростовщики, направляясь к обиталищам торговцев победнее и ремесленников, и дальше — к домам проституток и воров, и дальше — к хижинам бедняков и пьянчуг, и дальше — к лачугам попрошаек и бродяг, до самой городской стены. И, захваченные этой черной массой, растворялись в ней дворцы и минареты, таяли жилые строения и бараки, исчезали склады и лавки, бесследно пропадали мастерские и таверны... Ничего не оставалось после нее — лишь булькающее, колышущееся море абсолютной черноты.

В просторном, но непритязательном питейном заведении «Бронзовый шлем» царили полумрак и полное разрушение. Грубые деревянные столы перевернуты, скамейки разбросаны по углам, стойка разрублена надвое чьим-то могучим ударом то ли меча, то ли секиры. Пол усеян осколками посуды, кусками жареной баранины... и отсеченными частями тел — человеческих тел. Впрочем, события сегодняшней ночи, свидетелями и участниками которых стали укрывшиеся в кабаке люди, оказались настолько кошмарными и отвратительными, что никто уже не обращал внимания на то, что кровь смешалась с пролитым вином, человеческие останки

валяются вперемешку с остатками блюд и закусок... Бойня, да и только,— однако здесь безопаснее, чем на улицах взбесившегося города. Дверь снова была завалена длинными тяжелыми скамьями и дубовыми столами.

Амазонка сидела на высоком табурете, в мрачном раздумье глядя на своего спутника и прижимая к боку окровавленную повязку — она была ранена в одной из стычек с Древними, и Конан, решив передохнуть и переждать в каком-нибудь темном уголке, затащил женщин в первое попавшееся здание. Тут уже никого не было, все было кончено, и для начала ему пришлось отволочь в кладовку наиболее обезображенные тела, чтобы впечатлительная Минолия не хлопнулась в обморок. Потом он завалил дверь и только тогда занялся раной амазонки.

Сама Минолия сейчас стояла в углу и распиравшись от страха глазами смотрела на Конана. Смотрел на киммерийца и Магистр Орландар — умоляюще прижав руки к груди; на лице его застыло выражение беспомощности.

А киммериец в это время грозной громадой возвышался посреди зала. В левой руке он крепко держал за волосы Ай-Берека, а в правой сжимал рукоять своего меча, приставленного к горлу колдуна и зловеще поблескивающего в свете тусклой масляной лампы.

— Конан, что ты... — пискнула Минолия.

— Молчать, женщина! — рявкнул варвар, не поворачивая головы, потом близко наклонился к лицу мага. — Я тебя сразу узнал, мерзкий колдун! Там, на гребне Завывающего Ущелья — это ведь ты наслал на меня чары, да? Отвечай, ну!

И он сильно потрянул старика.

Ай-Берек громко сглотнул, но когда из уст его донесся ответ, голос оказался спокойным, а взгляд полуприкрытых глаз — равнодушным.

— Да,— сказал колдун.— Это я, защищая своего хозяина, сатрапа Хашида, остановил тебя заклинани-

ем... Ты воюешь по-своему, Конан, а я — по-своему. Мы, конечно, можем сравнить наши методы и обсудить, который из них справедливее...

Варвар еще раз встряхнул старика — на это раз сильнее, так, что лязгнули зубы мага. Глаза северянина метали молнии, костяшки пальцев, сжимающие рукоять меча, побелели от напряжения. Чудовищным усилием воли он сдерживался, чтобы не перерезать горло подлому чародею немедленно, тут же, без разговоров.

— Ты говоришь мне о справедливости! Ты! — прорычал Конан.

— Досточтимый воин,— робко решил вмешаться Орландар, делая шаг к киммерийцу,— мы пришли сюда не для того, чтобы... Поверь мне, сейчас не время, чтобы...

— Назад, старик! — крикнул тот, на миг отстранив меч от шеи колдуна и направляя его в сторону Магистра. — Назад, если не хочешь быть следующим! — Северянин с шумом перевел дыхание. Ярость душила его, ярость и радость оттого, что вот-вот сможет отомстить за все, что ему пришлось пережить в этом городишке. И он снова обратился к Ай-Береку, снова приставил клинок к его горлу: — Ты, мерзкий чернокнижник, любовник демонов и пожиратель падали, ты смеешь сравнивать себя и меня? Я — воин, я сражаюсь честно, открыто, лицом к лицу с врагом и не использую всякое там колдовское дерьмо!

— Я выполнял приказ своего хозяина: охранять его от опасностей,— тихо и столь же спокойно, не делая ни малейшей попытки вырваться, отвечал Ай-Берек. — А ты — выполнял приказ своего хозяина: убить сатрапа Хашида, напасть на Вагаран, разграбить его. Хотя бы в этом нас справедливо можно сравнить.

— Верно, колдун,— прошипел киммериец. — Верно. Я наемник, я делаю то, что приказывают мне другие, и не рассуждаю. Прикажут — убью, прикажут — пойду на штурм любого города... Но я никогда — слышишь? — никогда не глумлюсь над поверженным про-

тивником, не играю с ним, как кот играет с пойманной мышью, не заставляю его, беспомощного, плясать под чужую дудку — себе на потеху... В отличие от тебя и твоего сволочного сатрапа. И поэтому я поступаю более справедливо.

— Я выполнял приказ,— только и смог выдавить из себя Ай-Берек.

Северянин криво ухмыльнулся.

— И это все, что ты можешь сказать в ответ? Достаточно. Вырвавшийся из клетки тигр нападает на того, кто заточил его в эту клетку, и ему плевать, чей приказ исполнял мучитель. Вот это-то и справедливо. Помолись напоследок своему черному богу, колдун.— И Конан из Киммерии отвел меч для последнего удара.

Орландар в ужасе закрыл лицо руками, Минолия беспомощно закусила кулак; в глазах ее стояли слезы.

* * *

— Конан, ты поступаешь как распоследний мужчина,— раздался уставший, презрительный голос.

— Что такое?! — вскинувшись, варвар обернулся к амазонке. Та сидела в расслабленной позе, по-прежнему прижимая к ране окровавленную повязку. Лицо воительницы было бледным, на губах кривилась брезгливая усмешка, но глядела она твердо и злобно прямо в глаза киммерийцу.

— Как распоследний мужчина,— повторила она,— который является не более чем придатком собственного члена. Ты разозлен, ты хочешь мести; ты даже не пытаешься думать тем, что находится у тебя между ушей.— Она на мгновение смолкла, сморщившись от боли в боку.

— Да ведь по вине этого слизняка и его хозяина ты тоже билась на арене! — крикнул северянин.— Ты, как и я, могла погибнуть на потеху этим гадам! Неужели ты не хочешь отплатить им той же монетой?!

— Хочу, варвар. Но сначала я бы задала себе несколько вопросов. Эти люди искали Конана — зачем?

Они нашли Конана — как? Они пришли к Конану сами, по доброй воле — для чего? Колдун сумел бы утихомирить Конана одним движением пальца, но не сделал этого — почему? Они сказали, что могут помочь — каким образом?.. Так не кажется ли тебе, о мудрый мужчина, что сперва неплохо бы получить ответы на эти и другие вопросы, а уж потом вершить «справедливый» суд? Убить кого бы то ни было ты всегда успеешь... но как ты будешь разгребать дерьмо, что плещется снаружи?

Повисла напряженная тишина. Киммериец, не двигаясь, сосредоточенно думал о чем-то. Потом вполголо-са выругался и отшвырнул от себя Ай-Берека.

Маг отлетел в угол «Бронзового шлема», туда, где стояла Минолия, споткнулся, но девушка подхватила его под мышки, и старик устоял на ногах.

— Ладно, колдун,— выдохнул Конан.— Твоя взяла. Скажи спасибо этой женщине.— Он махнул мечом в сторону амазонки.— Если ты действительно знаешь, что происходит, и знаешь, как нам выбраться из всей этой дряни,— говори. И учти: если я заподозрю в твоих словах хотя бы толику фальши, хотя бы намек на то, что опять начинаешь свои магические штучки, ты умрешь, не успев договорить фразу.

— Нынче смерть повсюду вокруг нас,— ответил Ай-Берек.— Я не боюсь ее. Однако на карту поставлено больше, нежели твоя или моя жизнь, варвар... Выслушай меня спокойно и внимательно; надеюсь, что тыверишь мне... У нас очень мало времени, поэтому я постараюсь быть кратким. Итак, задолго до появления людей, на Земле господствовала нечеловеческая раса — она называлась Древние...

* * *

Ай-Берек, окончив свой рассказ, умолк.

Конан сидел на табурете, крепко сцепив пальцы. Никто не проронил ни слова; слышно было, как потрескивает фитиль в масляной лампе, да снаружи раздаются стран-

ные шебуршащие звуки. Минолия, обняв амазонку, безмолвно оплакивала крушение всех своих надежд и мечтаний, Орландар понуро прихлебывал из треснутой кружки обнаруженное за стойкой кислое вино.

— Ты веришь ему, женщина, не называющая имени? — наконец хрипло спросил киммериец.

Амазонка кивнула.

— А ты, служительница Ордена Последнего Дня?

Минолия кивнула.

— А ты, Магистр Ордена Последнего Дня?

Орландар кивнул.

Конан низко опустил голову. Опять сгустилась тишина.

— Справедливость... — тихо проговорил варвар, меняя позы. — Моя стихия — война, а не философствование. Я знаю, что белое — это белое, а черное — черное... и все оттенки выше моего разумения. — Он помолчал. — Поступил ли справедливо Орландар, помогая возвращению мудрой, как он полагал, Древней Расы, что на деле оказалась бандой тупых головорезов?.. Поступил ли справедливо ты, колдун, по приказу Хашиды державший меня в оковах чар после боя в Завывающем Ущелье?.. — Он поднял голову и едва слышно закончил: — Справедливо ли поступил я, убив Амина и тем самым пособив Черным Силам воцариться на земле?.. — В глазах его застыло отчаяние. — Что скажете, господа мудрецы и волшебники?

И Ай-Берек, и Орландар подавленно молчали.

— Все ошибались от незнания, — вдруг подала голос Минолия. — Виноваты все... и никто. Что сделано, то сделано. И если мы еще в состоянии исправить положение, то нужно решить, как это сделать. А уж справедливости можно поискать и потом.

— «Дважды убить мертвого», — задумчиво проговорил Конан. — Ты думаешь, колдун, это про меня?

— Да, варвар.

— Ты думаешь, Амин ожил?

— Да, варвар.

— Ты думаешь, я должен еще раз убить его?

— Да, варвар.

— Ты думаешь, тогда все кончится?

— Да, варвар.

— Ты знаешь, как его убить?

— Нет, варвар.

Киммериец невесело рассмеялся.

— Ненавижу колдунов, магов и прочих волшебников! Сначала заварят кашу, а я потом расхлебывай...

— Амин действительно жив, — вдруг несмело произнесла Минолия. — Я видела его. Он... он преобразился. И слился с этой черной гадостью, что затопляет город.

После небольшой паузы Конан хлопнул себя ладонями по коленям и громко произнес:

— Ну, раз, кроме меня, больше некому спасать мир, то, так уж и быть, спасу. В очередной раз. Надеюсь, кто-нибудь да помянет и мое имя спустя эдак три-четыре тысячелетия... Колдунишка задрипанный, ты хоть знаешь, где прячется этот пока еще единожды мертвый Амин?

— Нет, варвар.

— Конечно. Дурацкий вопрос. Откуда тебе знать... Кром великий, ведь все самому приходится делать!

— Вы забыли о Шлеме, — несмело вставил Орландар. — Возможно, с его помощью и удастся одолеть Амина...

— У нас нет Шлема и нет времени на его поиски. Плевать. Сами справимся. — Конан упруго вскочил на ноги, будто и не устал вовсе, и сунул меч в ножны. — В общем, так, мои справедливые друзья. Сейчас мы выходим отсюда и движемся к городской стене — бегом, пока черное дерьмо не нагнало нас. Если кто отстанет, ждать не будем: не до того. Сами выбирайтесь. Затем лезем на стену и оттуда смотрим, что и как. И где наш воскресший друг. А там...

Он внезапно умолк, прислушавшись. Остальные замерли, также напрягая слух. Но вокруг по-прежнему

царила тишина; потом одновременно раздались два скрежещущих звука: это Конан, закрипев зубами от досады, с лязгом вытащил свой меч из ножен.

— В задние комнаты. Быстро. Если что, уходите через кухню. Ну!..

Его спутники поспешно, все еще не понимая, что происходит, двинулись к темнеющей позади стойки двери на кухню. А потом и они услышали: снаружи, совсем рядом раздался дробный топот, будто десятка солдат марширует по улице мертвого города. Люди замерли. Конан, стоя с мечом наизготовку, почувствовал, как по лицу течет холодный пот, однако не было возможности стереть его. Весь он превратился в комок напряженных нервов, готовый тут же броситься в бой — пусть даже с самим Верховным Демоном, ежели такой существует и отважится принять вызов... Но как не вовремя, Бел поberi, как не вовремя!

Вот шаги приблизились... затихли... кто-то пнул заложенную дверь... не поддается... толкнул плечом... упал... с трудом встал на ноги...

И зло просипел, запинаясь:

— И здесь заперто! Без-здельники... У меня в горле перле... перлесохла... Короче, ребята, ломай.

На вход обрушился сокрушительный удар, и с той стороны, где укрылись беглецы, в образовавшуюся в дубовых досках щель просунулся краешек бронзовой секиры. Следом за первым последовал второй удар, потом еще и еще... Брешь в двери все ширилась.

Минолия зажала себе рот обеими руками, чтобы не завизжать от ужаса, амазонка выхватила саблю, готовая к бою насмерть, Ай-Берек, шепотом произнес несколько магических Слов, воздел руки к потолку, решив израсходовать весь свой оставшийся запас магической силы на борьбу с беспощадным врагом, Орландар съехал за их спинами, а Конан...

А Конан бессильно опустил на пол. Меч выпал из его ослабевших пальцев, и все увидели, что тело его сотрясают конвульсии.

Одна из петель двери, не выдержав напора, слетела. Вторая — последняя — еще держалась.

— Конан! — крикнула амазонка. — Конан! Встань, воин!

Конан откинулся на спину, из горла доносились булькающие звуки, словно агония душила его.

— Конан!..

Безрезультатно.

— Конец... — прошептал Орландар.

Тут дверь рухнула, и в кабак ворвалась ватага чудовищ, вооруженных бронзовыми секирами и деревянными щитами. Они слаженно распределились вдоль стен трактира, заняв круговую оборону, и воинственно выставили перед собой секиры. А следом за ними в «Бронзовый шлем» ввалился высокий, неимоверно худой человек, чью голову украшал лихо заломленный набекрень Шлем.

— О, мужики! — заплетающимся языком произнес он, устремляя ословевший взор в сторону Минолии и амазонки и старательно пытаясь сосредоточить взгляд, но зрачки глаз, предательски то разъезжались к вискам, то скатывались к самой переносице. Потом он почти упал. Но удержался. — Наливают здесь доброн... п... п... порядоч... ным гражданам, или как?

И тут Конан, все еще сидящий на земляном полу питейного заведения, разразился совершенно безумным смехом.

— Что все это значит? — увидев, что никто не собирается их рубить на куски, шепотом поинтересовался битый с толку Орландар.

— Это значит... — простонал, не в силах унять хохот, киммериец. — Ох... Это значит — Фагнир...

В этот момент приказчик купца Махара и обладатель могущественного Шлема с громким шумом повалился на грязный пол.

— И этому человеку ты доверил Шлем! — хохотнула амазонка, когда Конан закончил объяснять, кто такой Фагнир, и предложил план действий.

Киммериец пожал плечами.

— Ну, я ж не знал, что шлем — это Шлем... Между прочим, могла бы меня и предупредить.

— Между прочим, я в это время принимала ванну.

Минолия с ужасом косилась на Древних Воинов.

— Почему... почему они на нас не нападают? — прошептала она. — Почему вы сами не убьете их?..

Никто не обратил на нее внимания.

Ай-Берек задумчиво посмотрел на мирно храпящего под скамьей приказчика купца Махара.

— Думаешь, это поможет? — с сомнением спросил он.

— Понятия не имею, — честно ответил Конан. — Но, как видишь, уродцы нас пока не трогают. А в пути, глядишь, и спасут от этого черного дерьма, что пожирает город.

Действительно, шестеро образин с секирами как выстроились вдоль стен питейного заведения, так с тех пор и не шевелились, будто почетный караул возле смертного одра покойного монарха; взгляд их остеклевших глаз был тупым и застывшим, как у кукол. «Покойный монарх» в это время беззащитно спал, распространяя вокруг себя ароматы разнообразнейших виноградных вин.

— Тот, кто обладает Шлемом, обладает и властью над Древними, — шепотом произнес Орландар. — Какая мощь... И в таких руках...

— Да уж, — согласился Конан. — Шлем, за которым гоняются все Черные Силы — на проспиритованной головенке пропойцы. Было бы очень смешно... в другом месте. Но как бедняга Фагнир оказался здесь?

— Просто искал ближайшее место, где можно спокойно выпить, — ответила амазонка и грустно улыбнулась. — О, эти мужчины! Мир рушится, а он слоняется по гибнущему городу в поисках открытой пивнушки и даже не подозревает, что на его голове — ключ к спасению...

— Он не просто искал пивнушку, — возразил Ай-Берек. — Его вела рука Провидения. Не случайно все

мы — Конан, способный убить мертвого дважды, я, способный в меру своих слабых сил помочь ему, ты, Орландар, знающий все о Шлеме, и сам Шлем оказались в этом заведении — так же неслучайно названном «Бронзовый шлем». Боги дают нам понять, что еще не все потеряно, что у нас еще есть возможность спасти мир... И мы обязаны этой возможностью воспользоваться.

— Так давайте же воспользуемся, а не будем тут переливать из пустого в порожнее, — раздраженно бросила амазонка.

— Орландар, надевай Шлем, — приказал Ай-Берек. — Ты тут единственный, кто знает, как им пользоваться.

— Я? Я не знаю — как... — поднял брови Магистр. — Мне всего-навсего известно, что именно с помощью Шлема можно повелевать Древними...

— Вот и повелевай. Прикажи им охранять нас на пути к городской стене, — поддержал колдуна киммериец.

Поколебавшись, Орландар оглядел молча ожидающих спутников, безмолвно стоящих вдоль стен Древних, потом снял Шлем с выводящего рулады Фагнира и водрузил себе на голову. Покачнулся. Застонал. Взгляд его устремился в бесконечность.

— Вижу... — прошептали его губы. — Вижу глазами Древних... Остались только мы шестеро, остальные погибли в черной пучине... Никого, даже мерзких людшек... Темно... Холодно... Страшно... Непонятно... Мир стал совсем другим с тех пор, как мы ушли на Серые Равнины... Чернота ползет сюда... Нам страшно...

— Ты можешь приказывать им? — спросил Ай-Берек.

— Сейчас-сейчас... — Орландар сосредоточился, и вдруг Древние ожили — вскинули секиры, дружно повернулись налево.

— Получилось! — захлопала в ладоши Минолия.

Однажды на городской ярмарке в Тарантии Конан видел представление: три металлических истукана поднимали и опускали руки, вертели головой, наклоня-

лись и поворачивались — сила пара, вырывающегося через сложную систему клапанов и заслонок, оживляла их. Древние вели точно так же: движения их были такими же отрывистыми и бессмысленными. Но постепенно Орландар научился более точно отдавать команды, предоставляя подчиненным больше свободы выбора — вроде «сражаться», «в поход» или «отдых», — и можно было выступать.

— Но почему же Древние убивали людей, если ими командовал этот пьяница? Разве он мог приказывать им убивать? — спросила Минолия у Ай-Берека.

Колдун пожал плечами.

— Кто знает, что у пьяного на уме... С другой стороны, он мог и вообще ничего не приказывать, и те действовали так, как считали нужным. А эти шестеро просто охраняли носителя Шлема... Не забивай себе голову такими мелочами, девочка. Нам предстоит трудный путь, и никто не знает, что ждет нас впереди...

— Тогда давайте двигаться. — Конан наклонился над Фагниром, поднял, взвалил на плечо, как мешок.

— Этого что, — удивилась амазонка, — с собой?

— Однажды он меня выручил. — Большого ничего Конан объяснять был не намерен. — Ну? Идем или нет? Пора бы наконец убраться из этого гнилого городишки.

— Да, — согласился Ай-Берек. — И побыстрее. Неизвестно, сколько у нас осталось времени.

* * *

Странная процессия покинула своды кабачка «Бронзовый шлем» и направилась к городским воротам: выстроившиеся в каре, по улицам неслись шестеро чудовищ, вооруженные секирами и щитами; хрупкая светловолосая девушка бежала внутри этого строя, у самой вершины. За ней следовали двое старцев, голову одного из которых венчал шлем — почти такой же, как на уродливых головах их охранников. Процессию замыкали черноволосый гигант с обнаженным мечом в правой руке и безвольным телом на левом плече

и высокая смуглая женщина с саблей наперевес, прижимающая к боку окровавленную повязку. Последние то и дело озирались по сторонам, ожидая нападения. Но нападения не было: погруженный в ночь гибнущий город был пустынен и безмолвен. Со стороны дворца Хашида, уже растворенного черным потоком, не торопясь, зная, что ничто не может противостоять ей, их догоняла сама Смерть. Быстрее, чем полагали беглецы.

И они знали, что могут не успеть. И все же неслись со всех ног. Смерть обтекала их с флангов, волнами бросалась наперерез, отвратительными языками сползала с крыш домов, под которыми пробегали люди, стремясь обнять их, приласкать, поцеловать, уложить на свое липкое любовное смертное ложе, утопить и навеки погрузить в беспросветный сон... Черная пакость не тронет Орландара, на голове которого красуется Шлем, но остальные наверняка окажутся погребенными под смертным одеялом желеподобного вещества... И люди бежали вперед, к городской стене, что возвышалась перед ними. Совсем близко, вот видна уже узкая деревянная лестница, по которой на ее гребень поднималась стража, видны даже выщербинки на ступенях.

Одного за другим Орландар оставлял Древних прикрывать их отход — не чувствуя жалости, как не чувствовали жалости к людям сами Древние. И воины Прошлого вступали в неравную схватку с черной силой, рубили черную массу секирами, отталкивали щитами... И черная дрянь ненадолго задерживалась — чтобы пожрать новое лакомство; для нее не было разницы, кто попадает в ее объятия — человек, Древний, животное, дерево или постройка; но заминка давала людям несколько мгновений. До лестницы всего лишь двадцать шагов, пятнадцать...

Последний Древний остался позади, чтобы вступить в единоборство с выползком из Мира Демонов, когда беглецы наконец достигли лестницы и начали подъем. Бесконечный подъем по бесконечным ступеням. Ко-

нан, пыхтя под тяжестью Фагнира, клял себя, что позволил так долго и нудно рассусоливать в «Бронзовом шлеме» — поговорить-то можно было и на верху стены... ну да что теперь жалеть. Вперед, вперед, вперед!

Черный студень деловито крался за ним по ступеням — по вертикальной поверхности он еще не научился взбираться, силенок не хватало. Ничего, еще немного, и он доберется до непокорных людишек и докажет преимущества Тьмы перед жалким Светом.

Люди добрались до гребня стены. Киммериец не очень бережно сбросил Фагнира с плеча. Колдун, Магистр и Минолия уселись прямо на камни, тяжело дыша. Амазонка...

— Быстрее, что ты там застряла! — закричал варвар и подскочил обратно к лестнице, видя, что воительница поднимается не бегом, а шагом и все время оглядывается. — Стой, дура! Куда!

Обернувшись в очередной раз, амазонка вдруг кинулась вниз по ступеням, навстречу черной смерти.

На какой-то миг Конан опешил. И только потом ринулся следом.

Опоры деревянной лестницы ходили ходуном, трещали со звуком, будто разрывают кусок прочной ткани, — студень поглощал ее, в своем слепом голоде не осознавая, что тогда подняться за более вкусными людьми ему будет не по чему: камень пожирается не так быстро, как дерево.

Три первых пролета рухнули вниз. Черная масса, зацепившись за нижнюю ступеньку уцелевшей части лестницы, растянулась, как нагретый воск. И принялась подтягивать себя кверху. Медленно, но неотвратимо. Впрочем, можно успеть. Всего два удара саблей, вряд ли потребуется больше. И на какое-то время проклятое желе перестанет угрожать им. Ох, как болят... И амазонка бросилась вниз по ступеням, к наступающей массе.

Четыре раза сверкнула в лунном свете сабля. Затрещали ломающиеся балки, и часть лестницы, которую

ужехватило вещество из Потустороннего Мира, ухнула вместе с ним вниз, в черноту.

Но и всю остальную лестницу сильно потрянуло. Конан вцепился в перила, чтобы не загреметь по ступенькам. Амазонка потеряла равновесие, однако в последний миг исхитрилась схватиться за какой-то торчащий из стены обломок одной рукой, кончиками пальцев.

Она висела над бездной и чувствовала, как скользят по дереву пальцы. И ничего не поделать.

— Держись! Еще немного!

К ней летел ее мужчина с красивым именем Конан. С ним не хотелось расставаться. Однако он не успеет. Она держится над бездной буквально кусочками кожи. Все...

Конан стремительно нагнулся над висящей над тьмой амазонкой и выбросил в ее сторону руку как раз в тот момент, когда женщина сорвалась в пропасть.

Казалось, несколько тошнотворно долгих мгновений она висела в воздухе; взгляд спокойных, огромных черных глаз был устремлен на киммерийца.

— Мое имя — Зейра, воин, — услышал (или ему показалось, что услышал?) Конан бесстрастный голос в тот момент, когда храбрая амазонка исчезла в черной пучине, что поглотила весь город.

Киммериец застонал от досады и беспомощности и обрушил на перила удар кулака, не чувствуя боли, не осознавая, что любое резкое движение может стать роковым для хлипкой предательской лестницы.

Глава двадцать вторая

Никто в мире не сумеет уйти от этой напасти. Она растет, становится прозорливее, а насытить голод не сможет никогда.

— Говори яснее, колдун.

— То смолоподобное вещество, что заполнило Вагаран и уничтожило его, выплеснулось из Потустороннего, созданное им самим. Оно заглатывает вещества этого мира и, переваривая, наращивает свою собственную ткань. Его цель и цель Мира Демонов — заполнить весь мир. Оно растечется во все края, поглощая все на своем пути, все время становясь сильнее. Если ты... или любой другой... уйдет от него сегодня, завтра оно его... или тебя... настигнет.

— Оно что, непобедимо?

— В мире нет ни одной силы, варвар, которую бы не смогла победить другая сила. А у нас есть Шлем. Тот, чью голову он венчает, не может, не должен быть уязвим для этой... этого зла. Посмотри: стена, на которой мы стоим, еще не рухнула. Потому что на ней находится Шлем. И его владелец.

Четверо человек стояли на гребне стены, некогда окружавшей Вагаран. Стена была безлюдна — стража по приказу Сдемака спустилась вниз, на бой с чудовищами... и погибла в объятиях черной массы.

Всего пятеро живых людей добрались до стены, всего пятеро. Единственные, кому удалось спастись из лап

смерти. Четверо из них стояли на гребне стены и смотрели туда, где несколько часов назад находился богатый, могущественный, сильный город. Пятый беспробудно спал.

Теперь же перед ними раскинулся океан тьмы. Ни движения, ни огонька не видно было в крошечной мгле, в которую превратился Вагаран, и даже голубоватобелый свет луны безвозвратно тонул в этой тьме. Распались, растворились в черной потусторонней массе дома, дворцы, минареты; утонули в зловонной жиже люди и Древние, горожане, гости, члены Ордена; упали, лишившись корней, деревья, и все, все поглотила ненасытная чернота. Орландар и Минолия потрясенно молчали.

Конан сплюнул вниз и долго смотрел, как его слюна, посверкивая при луне, летит вниз, пока не исчезает в полной тьме. Потом он снова повернулся к Ай-Береку.

— Ну? И дальше что? Как прикажешь биться со смолой?

— Это не смола. Это что-то... что-то живое. Хотя слово «жизнь», конечно, к этому неприменимо. Но и оно имеет уязвимые места. Их надо только увидеть.

— Как?

— С помощью магического зрения — Вторых Глаз.

— И где мне купить эти глаза?

— Я дам их тебе. Я умею видеть Вторыми Глазами. У нас с тобой должна была остаться астральная... ну, магическая связь с той поры, как... э-э...

— Ясно. Давай дальше.

— Я открою тебе магическое зрение. В Шлеме ты должен быть неуязвим. И вместе мы можем попробовать одолеть Зло. Оно всему миру угрожает, Конан! Ты должен спуститься вниз и сразиться с ним. С Амином, который стал, как сказала Минолия, частью этой силы. Его можно победить. Ибо — помни, варвар! — четыре первоэлемента — земля и огонь, вода и воздух — лежат в основе как нашего мира, так и инобытия.

— Ничего не понял. Ну, не суть. Что ж. Я говорю «да», колдун. Но если ты попытаешься обмануть меня,

клянусь Кромом, я вылезу обратно из этой дряни и затолкаю ее тебе в...

— Я отобманивался, варвар,— устало проговорил Ай-Берек.— Мне мало что нужно от жизни. И уж точно не сводить с кем-то мелочные счета. Да еще таким громоздким способом.

— А у меня к тебе довольно крупный счет, колдун. Однако я прощу тебя, если ты все сделаешь так, как наговорил тут... Ладно, хватит. К делу. Сперва отыщем веревку. В любом городе — а я их повидал немало — здесь наверху, у стражи всегда хранится моток-другой. На всякий случай. Вот случай и настал... Нет, ну как я ненавижу колдунов, кто б знал...

* * *

От рассвета до заката со всех сторон их обрабатывало жаром светило; от заката до рассвета они переводили дух: остывали, нежились в обожаемой ими прохладе. Они, вырванные из родных обиталищ в горах валуны, сведенные некогда в единое целое, именуемое городской стеной. Мимо их мертвенно-холодных тел, отталкиваясь ногами, скользил на веревке человек, который там, внизу, у подножия стены, найдет или мгновенную гибель, или возможность побороться за жизнь.

Решение принято, другого выхода нет, поэтому Конан даже не гадал о том, какая участь ожидает его внизу. Лезть в пасть самой Смерти почти без надежды выбраться оттуда ему не привыкать. Он по-прежнему не до конца доверял колдунушке, но ничего не мог поделать. Приходилось рисковать: если Ай-Берек прав, то судьба мира в его, Конана, руках. Если нет, если обманывает, то...

Киммериец решил подумать о чем-нибудь другом.

Наверху-то небось решили, что варвар использует последние мгновения, дабы заручиться поддержкой своих варварских богов. Пожалуй, неплохо бы. «Эй, Кром, слышишь? Ты как, поможешь, или мне опять выпутываться самому?.. Молчит...»

Он достиг уже черной массы, поглотившей город. Зловонная булькающая жижа поджидала в двух ладонях от обутых в прочные сапоги ног киммерийца. В последний раз оттолкнувшись от каменной кладки, Конан отпустил веревку и спрыгнул.

Позвоночник Ай-Берека словно превратился в стальной стержень. Маг точно окаменел. Будто жизнь на время покинула и вытянутые перед собой тонкие, болезненно-бледные руки, и остальные части его тела. Усиливая впечатление окаменелости, ветер огибал ушедшего в инобытие волшебника, не трепал его одежд, не ерошил усы, не играл в волосах. В образовавшемся внутри и вокруг чародея омертвелом пространстве жил и работал на пределе своих возможностей один только мозг Ай-Берека, мага, от которого не меньше, чем от Конана, зависела участь и этих людей на гребне городской стены, и судьба пока еще ни о чем не подозревающего человечества.

Орландар сидел, прислонившись спиной к холодным камням парапета. Чувствовал он себя прескверно. К горлу то и дело подкатывала волна тошноты. Магистр боялся, что может вот-вот свалиться в обморок.

Беревка, по которой спускался варвар, ослабла. Минолия, опасно нагнувшись в застенный мрак, старалась даже не дышать, чтобы дыхание не помешало остроте зрения. Она силилась высмотреть — что там, внизу. Жив ли Конан. Блеснет ли, перемещаясь, Шлем. Или — уже все, и последняя надежда испарилась, как туман на рассвете. Единственным человеком на городской стене, остающимся безучастным ко всему происходящему, был Фагнир. Свернувшись калачиком около Орландара, ласково обняв пустой кувшинчик из-под вина, он безмятежно спал. И тихо посапывал во сне.

Минолия вскрикнула. Орландар вонзил в нее взгляд... И сразу догадался, чем вызван этот крик.

Ноги северянина воткнулись в разостлавшуюся сколь хватало глаз черноту, глубина которой была неизвестна.

Не встретив никакого сопротивления — ни того, что оказывает вода, ни того, что можно было ждать от смолянистой по виду массы, — Конан неожиданно быстро и вообще неожиданно ударился ступнями о твердь. Спружинил, присев. Чтобы не завалиться ничком, пришлось выбросить вперед руки. Ладони зарылись во что-то ласково теплое, на ощупь напоминающее золу.

Взгляд вниз и по сторонам.

Под ним — опустошенная дотла земля.

Вокруг — непроницаемо черная масса, отступившая от попавшего в нее человека в Шлеме шага на три во все стороны, глубиной, ему по колено. Масса колыбалась, как студень, вздымаясь по краям, — создавалось впечатление, что она тужится сомкнуться вновь, восстановить свою разорванную ткань, но что-то препятствует ей.

Конан стоял на расставленных широко ногах, спиной к уходящей к небу стене, изготовив к бою меч. Взгляд его бежал по поверхности порожденной потусторонним миром жижи.

Что-то изменилось в окружающей обстановке. Где-то вдалеке, на самой границе ощущений, появилась некая помеха, едва заметная, но неприятная. То, что некогда именовалось Амином, мысленно ощущало свое бесконечное тело, нашло место, куда вонзилась живая заноза, и медленно двинулось в ту сторону. Мозг, сплавленный из трех, нашел имя помехе, и в нечеловеческом разуме Амина, ставшего Троединым, полыхнуло пламя прежней ненависти.

«К-о-о-а-а-н...» — рябью прокатился по астральному полю шепот, похожий, если б человеческое ухо могло уловить его, на шорох камыша в полуночной болотной воде.

Правы оказались колдуны: Шлем спасал своего владельца от соприкосновения с этим черным жидким дерьмом. Не уберегал он, правда, от тошнотворной вони, от которой кружилась голова и слезились глаза.

Тишина стояла такая, словно Конан оказался в непроницаемом душном коконе; аж уши заложило, и

любой звук, будь то шарканье подошв, или громкий вздох, или бульканье редких пузырей в поглотившем Вагаран студне, немедленно тонул в этом могильном безмолвии. Где же обещанное чернокнижником новое зрение? Все вокруг выглядит по-старому. Опять обман? «Эх, надо было все-таки прирезать эту хитрую бес-тию», — с досадой подумал киммериец...

Вырвись неподготовленное сознание в субстанцию, не имеющую ничего общего с обыденными представлениями о времени и пространстве, в мир, который не знает границ, не ведает, что есть прошлое и будущее, — такое сознание было бы, в лучшем случае, поглощено, растворено астралом, а его обладатель сошел бы с ума; в худшем же случае его ждала гибель столь мучительная, о которой и подумать без содрогания невозможно.

Отыскать в бесконечности инобытия порванную паутинку, связывающую когда-то палача и жертву, нащупать ее среди мириад разнородных сущностей — работа, сравнимая разве с поисками иголки в горах сена. Ай-Берек никого не известил о своих сомнениях, даже намеком не дал понять: то, за что он взялся, имеет лишь призрачные шансы на успех. Так пусть уж лучше они верят в этот успех, все равно ничего другого не остается. Ничего другого просто не придумать.

Ай-Берек, конечно, не был одним из всесильных магов подлунного мира, из тех, кто умеет подчинять себе астральные сущности, но достигнутая старым чародеем полная концентрация умений и способностей на заданной цели, освобождение от препятствующих поиску инородных примесей сознания вели его правильной дорогой. Он уже начинал улавливать в окружающем Универсуме присутствие необходимой ему материи. Из мерцаний и проявлений, из теней и полутонов он складывал, как мозаику, картину Ушедшего, в которой должен отыскать утерянный кончик нити. Реальное время осталось в реальном мире, и невозможно было сказать, сколько утекло мгновений, дней или лет, когда Ай-Берек

завладел наконец тончайшей желтой паутинкой, восстановил утраченную магическую связь с человеком по имени Конан и направил к нему истечения астрала, впитываемые его, Ай-Берека, мозгом. Не поздно ли уже? Жив ли человек, у которого должны открыться Вторые Глаза?..

Конан не двигался, не покидал пятачок открывшейся обожженной земли. Двигаться было не к чему: противник направлялся в его сторону и, судя по всему, торопился.

Киммериец увидел, как на поле черноты вздулся огромный, раза в два выше человеческого роста, пузырь, напоминающий нарыв, гнойный прыщ, отвратительный фурункул на больном теле. Неторопливо покачиваясь из стороны в сторону, пузырь медленно двинулся к киммерийцу. Конан приготовился. И тут словно игла вошла в его затылок, проткнула мозг насквозь и вышла, раздвоясь, из глаз. От неожиданной боли он вскрикнул, сжал веки, вскинул руку к лицу.

Триединое нечто, раньше звавшееся Амином, скользило к своей жертве все быстрее, и с каждым мигом, пока сокращалось расстояние между ними, все сильнее и ярче разгоралась его ярость. Подаренным ему новыми повелителями зрением оно видело едва заметную черточку голубого огня на фоне абсолютного мрака. Глупый человечешко, как посмел ты проникнуть во владения его, Триединого Амина, хозяев? Впрочем, хорошо, что ты здесь, безмозглый червячок, мы еще не поскитались с тобой. Так что не огорчайся и не суетись: скоро все будет кончено.

* * *

Боль отпустила так же неожиданно, как и пришла. Конан открыл глаза и, снимая напряжение, разразился самой отборной бранью в адрес мерзкого колдуна и ему подобных, в адрес этого опостылевшего города, всяческой дьявольщины и попустительствующих ей богов. Разрядившись, вернув спокойствие, киммериец взгляделся

в окружающее новыми (или как их обозвал колдун?), Вторыми Глазами.

Преображенный магическим зрением мир озарялся свечением всех предметов, в него входящих, что с непривычки резало глаза.

Заполонившая город, напоминающая смолу смрадная жижа излучала изжелта-красное, с бурым отливом на излете свечение и не походила на себя прежнюю. Создавалось ощущение, будто это не что иное, как толстая кожа некоего непредставимо огромного существа — испещренная морщинами, покрытая невысокими волосками, произрастающими каждый из своей впадинки, с разбросанными там и сям родимыми пятнами, с проступающими венами, иногда идущая складками. Она ритмично вздымалась-опускалась, словно под ней работали исполинские легкие. Место, где находился Конан и где жижа разошлась под воздействием Шлема, теперь выглядело как слоистый разрез кожного покрова: обвисали лоскутки, торчали, мерно покачиваясь, трубчатые отростки, из которых редкими каплями сочилась багряная жидкость.

Конан посмотрел себе под ноги, на тот единственный клочок земли на территории исчезнувшего города, который не скрыла жижа-кожа... и его замутило. Киммериец поспешно поднял взгляд. Да, трудно приходится человеку, впервые столкнувшись с подобными штучками. Требуется время, чтоб свыкнуться и не свихнуться. Правда, у него времени почти не осталось.

А увидел северянин под собой бешено вертящуюся воронку, уходящую в неизмеримую глубину. Он стоял над ней, отделенный хрустально-прозрачным твердым слоем чего-то, а под ним вращались, образуя стенки воронки, дома, дворцы, минареты, деревья, лица, тела. И из глубины этого водоворота вверх поднималась жижа-кожа, и не было ей конца и края, и готова она была поглотить землю, погасить солнце и звезды, утопить в своей беспроглядной черноте весь мир. Зрелище притягивало, завораживало, голова шла кругом...

«Хватит любоваться колдовской дрянью! После полюбуемся, — приказал себе Конан. — Что нужно повнимательнее рассмотреть, так это вон того уroda. Кроме него, биться тут не с кем...»

Оно находилось в семи десятках шагов от него и стремительно сокращало расстояние. Сравнить это порождение Темных Сил с чем-либо существовавшим до сего дня на земле не представлялось возможным.

В один организм сплелись три. Три сущности слились в одну, в одно триединое существо по имени Амин.

* * *

Спазмы разрывали желудок Орландара. Магистр рвало, и облегчения не наступало. Начались спазмы в горле, и дышать стало тяжело. Сгустившийся магический эфир, пронизанный энергетическими разрядами колоссальной мощи, терзали восприимчивого к проявлениям инобытия человека. Перед глазами Орландара висела пелена цвета крови, в ушах бился сводящий с ума гул. Вдруг гул стих, и отчетливо прозвучало произнесенное надтреснутым старческим голосом: «...имя ему — Ничто».

«Амин» — вспыхнуло огненными буквами перед мысленным взором Магистра. И чьей-то волей перевернулось слово, и горело теми же буквами уже «Нима».

Мозг Орландара раскололся болью пополам, как раскалываемый молотком орех, не в силах принять нахлынувшие видения и стоящую за ними догадку.

Та страница из книги «Гхрамар», настольной книги всех магов, где рассказывается о гибели мира. Наставник читал этот фолиант ему еще в детстве. Он сам перечитывал и книгу, и страницу не один десяток раз. Явились в памяти строки: «...и выползет из нор самое Зло. Детеныш то Властелина Тьмы. И имя ему — Ничто...»

«Нима» на одном из забытых хайборийских языков, которыми и писались все книги пророчеств, как раз и обозначает «ничто».

— Нима, — выговорили губы Орландара. — Он выполз из нор. Детеныш Тьмы здесь. Я знаю. Всю жизнь, оказалось, я ждал Его. Именно Его! Я верил в приход Детеныша Тьмы! Я служил Детенышу Тьмы!

Заорал, разрывая на себе одежды, Орландар. Мозг его dokonало последнее открытие, последняя капля в переполненную чашу боли, разочарования и ощущения неискупимой вины. Мозг его превратился в костер.

Магистр ринулся к внешнему краю стены, перевалялся через парапет и прыгнул вниз. Он разбился о камни на берегу рва, опоясывающего город.

Минолия, единственная теперь представительница Ордена Последнего Дня, вскрикнула и зарыдала, закрыв лицо руками.

Ай-Берек не видел и не слышал ничего. Находясь далеко отсюда, он чувствовал, что развязка вот-вот наступит.

* * *

Вторыми Глазами Конан рассматривал надвигающееся на него существо. Таких образин ему еще не приходилось видеть даже на картинках, какими разукрашен сверху донизу мрачный храм каких-то неизвестных богов в одном заброшенном, разрушенном древнем городе, полном теней и всякой нечисти. А рукой тех, давно умерших художников, казалось, водил сам темный Мир Демонов.

Взору киммерийца было открыто все нутро наступающего существа, вплоть до мельчайшего органа. Он узнал туранца, противостоявшего ему на арене, туловищем сросшегося с созданием, какими наводнен был недавно погибший Вагаран. Две головы, человеческая и нечеловеческая (с хоботом и костяным наростом на лбу) венчали обоюдное тулово, в котором переплелись органы людей и нелюдей. Одна рука и нога были безволосые, другая пара — покрыты густой шерстью; обе руки сжимали по бронзовой секире. Эта чудовищная помесь, ростом в полтора раза выше человека, передви-

галась на еще одной паре массивных ног, оканчивающихся копытами, а из ее бочкообразной груди торчало третье порождение потустороннего безумия: голова на длинной, извивающейся, чешуйчатой и бородавчатой шее, представляющая собой почти одну только пасть, испускающую зеленоватый дым, украшенную невообразимо искривленными рогами. Заполняющая все вокруг жижа-кожа, казалось, обтекает передвигающийся Кошмар. От нее к существу тянулись, соединялись с органами чудовища тысячи сосудов и сосуликов, по которым бежала и наполняла эти органы багровая жидкость. Сосуды сопровождали приближающегося монстра, нисколько не мешая его движению.

«Вот оно! — осенило киммерийца. — Вот его уязвимое место. Он подпитывается от дерьма, в котором плавает, каким-то другим дерьмом. Эти трубки и надо перерубить... Да уж, что и говорить, без Вторых Глаз поди догадайся, что к чему у этой дряни. Но чем и как сражаться, интересно?»

— М-я-а-а-с-о-о-о! — прогрохотало в мозгу северянина. — Т-ы-ы-ы н-а-ш-ш-ш! М-е-е-сть, м-е-с-сть! Ты н-а-а-а-ш! М-ы-ы-ы по-з-з-а-б-а-а-а-вимс-я-а-а с-с-с тоб-о-о-ой!

— Да пошел ты, — вслух негромко отозвался Конан и сплюнул. И выставил перед собой сжимаемый обеими руками меч. — Ого! — вырвалось у киммерийца.

Таким свое оружие он еще никогда не видел.

По длинному, сияющему ярко-голубым светом лезвию проплывали видения всех битв, в которых участвовал меч. Скрещенные лезвия, перекошенные лица, залитые кровью доспехи, пожары, руины городов... Клинок, казалось, вибрировал, пытаясь вырваться из рук хозяина и ринуться в бой, применить все те приемы, что применял Конан, побеждая противников, использовать всю ту силу, что использовал Конан в бесконечных стычках и драках... Любопытная штука, это магическое зрение!

Чудовище, потрясая секирами, по-паучьи передвигаясь на двух парах ног, находилось уже в десяти шагах

от киммерийца. Конан поднял меч и принял боевую стойку.

— Ш-ш-ш-лем-м-м! — звенело у него в голове. — Н-а-а-а теб-е-е-е Ш-ш-ш-ле-е-е-м-м-м! В-о-о-о-р! В-о-р-р-р!

— Ну так подойди и заberi его, — спокойно ответил варвар.

Холодная желтоватая молния сверкнула в призрачном свете луны, зависшей над мертвым городом. Конан тут же пригнулся — и остро отточенное лезвие секиры просвистело в двух пальцах от его макушки. И не успело грозное оружие Порождения Демонов завершить смертоносную дугу, как киммериец бросился вперед с поднятым мечом, намереваясь перерубить хотя бы одну трубку, связывающую монстра с жижей.

Несмотря на рост, чудовище оказалось проворным: стремительно взметнувшись, вооруженная раздвоенным копытом нога ударила варвара в живот, и тот отлетел в сторону. Жижа-кожа послушно разошлась в стороны, и Конан рухнул на выжженную мостовую Вагарана. Перекатился набок, прыжком вскочил. Поправил съехавший на ухо и сильно мешающий Шлем. Боли ни животе, ни в ободранном локте он не почувствовал.

Покачиваясь из стороны в сторону на расставленных крестом уродливых ногах, Триединый Амин выжидал. Ждал и варвар, полуприсев, выставив перед собой меч.

— В-е-е-е-рни-и-и н-а-а-а-м-м-м Ш-ш-ш-л-е-м-м-м, червя-а-а-к! — точно звон надтреснутого колокола, разнеслось над миром. — И-и-и тогдаа м-ы-ы-ы убьео-о-о-м-м-м тебя-а-а б-ы-ы-ы-стр-о-о-о!..

— Хвост Нергала тебе, — спокойно отозвался Конан. — Убей меня медленно.

Чудовище взревело, как сотня взбесившихся ураганов, и бросилось на человека, дерзнувшего возражать самому Злу. Со стороны казалось, что киммериец борется с разъяренным океаном — волны тошнотворной жижи вздымались вокруг него, норовя утопить в своих безжизненных глубинах, обрушивались девятым валом,

закручивались бурными водоворотами, плевались ошметками черной пены... Но одинокий воин то и дело выныривал на поверхность и, без устали работая мечом, отражал атаку за атакой.

В плоскости же инобытия было видно, как взлетают и падают сверкающие секиры Триединого, как летят во все стороны искры, когда металл, не найдя своей жертвы, ударяет о мостовую, как, проворно уворачиваясь от разящих полумесяцев, человек взмахивает своим мечом, похожим на кусочек яркого огня — единственного живого огня в этом Царстве Мрака.

Равнодушная луна заливала картину боя своим холодным голубоватым светом.

Амин на мгновение раскрылся, чем Конан не замедлил воспользоваться: его меч ударил по испускающей дым башке на груди уроды, — да с такой силой, что раздался звук, будто лопнула струна на кифаре великана; над бурным черным морем зазмеились красные ветвящиеся молнии, видные даже с городской стены.

— Он жив, — прошептала Минолия, до рези в глазах всматривающаяся в ночную тьму. — Он сражается...

Ай-Берек не слышал ее, но и до него долетел этот звук. «Не то, варвар, не то! — мысленно прокричал он. — Так его не взять!»

* * *

Мысленный призыв не достиг ушей Конана, однако киммериец и сам понял, что, будь его оружие хоть трижды волшебным, против силы демонического выкорыща ему не устоять. Но тогда как же, хитроумный Бел, бороться с этой тварью?!

Как только сверкающий меч отлетел от чешуйчатой морды, не нанеся той никакого ущерба, он уклонился от падающих крест-накрест секир, нырнул под струю едкого дыма, выпущенную демонической частью создания, рубанул мечом по одному из сосудов, отскочил в сторону и вновь замер.

Триединый Амин буравил его двумя парами нали-тых кровью глаз. Открывались и закрывались три зловонные пасти, копыта неистово рыли камень мостовой. Из разрезанной артерии точками выплескивалась наружу багровое, густое как патока вещество. При соприкосновении с землей оно начинало дымиться, шло пузырями и без следа впитывалось в камни мостовой. Чудовище, казалось, даже не заметило повреждения.

«Плохо дело, — подумал варвар, тяжело дыша. Он чувствовал, как по его спине стекают струйки пота. — Сколько ж сосудов надо рассечь, чтобы этот красавчик наконец угомонился?..»

Ему удалось разрубить пока только одну артерию, связывающую существо с жижей-кожей, — а он уже устал. И пять неглубоких, но болезненных царапин, оставленных секирами, сочились кровью на его теле.

— Мя-а-а-с-о-о-о, ты-ы-ы сейча-а-а-с-с-с умреш-ш-ш! — Голос, как булыжники, падающие на металлический лист.

Новая пляска сияющих секир и полыхающего меча. Стремительно красивый танец разящего оружия. Выпад, уход, парирование, глухая защита, удар — совсем как тогда, вечность назад, на залитой солнцем арене... только теперь на кону стояла не только жизнь Амина или Конана: на карту были поставлены судьбы тысяч людей. Поединчики безостановочно наносили удары; словно подчиняясь ритму звенящей стали, перемещались по пятакку, некогда бывшему городской площадью, и черный студень расступался перед ними, освобождая место для схватки непримиримых врагов.

Описав в ночном прохладном воздухе замысловатую кривую, секира Триединого обрушилась сбоку на человека. Конан успел подставить под нее меч, отвести в сторону разящую бронзу. Вторая секира уже падала сверху. Киммериец поднял меч над головой, парируя удар... И тут усеянная множеством кривых зубов пасть, торчащая из тела чудовища, выплюнула струю обжигающе холодного зеленого дыма прямо в открытую грудь

Удар спиной о мостовую — настолько мощный, что у Конана на мгновение помутилось в глазах и перехватило дыхание. Меч вылетел из разжавшихся пальцев, со звоном упал где-то в стороне. Чудовище разразилось громоподобным хохотом в два голоса. Придвинулось вплотную. Башка с рогами отвратительно шипела. Конан попытался встать на ноги, но поскользнулся и снова растянулся на земле. Попытался отползти подальше, укрыться под покровом черного студня, но тот расступался перед человеком в Шлеме. А монстр наступал, и каждый шаг его необъятного тела сотрясал почву.

Вдруг десяток булыжников мостовой, с треском вырванных незримой силой из своего многолетнего обиталища, взвился в воздух, закрутился бешеным вихрем в совершенно недвижимом воздухе и обрушился на Конана. Варвар попытался уклониться от падающих камней, закрыться руками, однако три из них все же попали в цель: северянин почувствовал, как хрустнули под ударами ребра; один камень угодил Конану в висок, и окружающее на миг померкло. И уже новые камни взвивались в воздух.

Взлетела секира, чтобы располовинить безоружного, беспомощного, искалеченного человека. На миг замерла в наивысшей точке. И ухнула вниз.

Ай-Берек громко застонал: это был первый звук, который он издал за последние часы. Колдун отчетливо увидел, как пал человек, как чудовище, это порождение Черных сил, наносит свой последний удар. Миг — и человек умрет. И Мир Демонов будет властвовать на Земле до скончания веков.

Минолия увидела, как призрачным зеленовато-желтым, колеблющимся ореолом со рваными краями озарилась фигура колдуна, как сморщилось, в мгновение ока почернело его тело, и на холодный камень стены с тихим шумом упала почти невесомая, почерневшая, высохшая мумия.

Она осталась одна, наедине с черной массой, жадно лижущей подножия городской стены.

«Помни, варвар: четыре первоэлемента — земля и огонь, вода и воздух — лежат в основе как нашего мира, так и инобытия...» — услышал Конан отчетливый, спокойный голос Ай-Берека.

И будто волна жара неожиданно окатила его тело и разум, сверх меры напивая их невиданной силой. Чувствуя, как небывалая мощь переполняет его, киммериец непроизвольно закричал — долго, протяжно, неистово... и вместе с криком из его легких вырвался штормовой поток воздуха, который ударил в плоскость падающей секиры, развернул ее, как флюгер, отклонил в сторону (полумесяц вонзился в землю на расстоянии двух ладоней от головы Конана), отшвырнул монстра на несколько шагов. Триединый Амин, не ожидавший этого, запатался, пытаясь сохранить равновесие выронил обе секиры, со звоном ударившиеся оземь, но устоял на своих уродливых ногах. Вихрь камней и поднятой вместе с ними земли улегся, булыжники глухо попадали вниз. Вновь повисла тишина — всего лишь на миг.

Мимолетная пауза дала Конану возможность вскочить, поискать глазами меч — нет нигде — и принять стойку кулачных бойцов, хотя он прекрасно понимал, что это бесполезно. Однако мощь раздирала его на куски, рвалась наружу через каждую пору тела, уверяя, что и голыми руками варвар сумеет совладать с дюжиной Аминов.

«Земля и воздух, огонь и вода... — лихорадочно билось в его мозгу. — Что это значит? Земля — царство Темных Сил, что обитают в ее черных глубинах. Урод швырялся в меня камнями... Воздух — то, чем мы дышим и чем живем, обитель света и добрых богов... Я отогнал его криком... Огонь и вода... Что же это получается...»

Додумать мысль ему не дали. Чудовище издало звук, в котором смешались гнев, изумление и боль, и вдруг вспыхнуло ярким белым, гудящим пламенем. По жижекоже заскользили смутные тени, колеблющиеся в отблеске этого нечеловеческого огня. Миг — и струя пламени рванулась в сторону застывшего человека.

Конан отпрыгнул, упал, перекатился в сторону — и вовремя: раскаленный поток пронесся совсем рядом,

опалив кожу на лице и ослепив своим немилосердным сиянием; одежда на спине задымилась.

«Огонь... Тот, что слепо пожирает все на своем пути... Оружие демонов, их стихия... Что остается мне? Вода, питающая сады и утоляющая жажду?.. Но откуда, Кром всемогущий, здесь взяться воде?!»

Новая вспышка, и еще один огненный вихрь метнулся к киммерийцу. Обуглилась земля, по которой он катился, зашипели в безжалостном горниле пламени капли крови из многочисленных ран.

Снова пауза.

И довольный хохот, раздающийся из двух глоток, и радостное шипение из глотки третьей.

«Т-ы-ы на-ш-ш-ш, мя-а-а-с-с-о-о-о! Т-е-е-е-б-е-е-е не-е-е уйт-и-и-и! Ш-ш-ш-лем-м-м на-ш-ш-ш!»

Конан тупо смотрел на кровавый след, который он оставляет за собой. Кровь чернела, свертывалась от невыносимого жара. И тут до него дошло. Все было именно так, как тогда — на проклятой арене. Не сумев одержать победу с помощью оружия, поединщики сошлись в рукопашной. Однако тогда Конану противостоял, пусть и наполовину, но человек. Теперь же поединщик превратился в бестию из Мира Демонов. Оружием его не взять. Голыми руками — тоже. Нужно кое-что посерьезнее...

Он с трудом, медленно, пошатываясь, поднялся на ноги, сложил руки горстью, подождал, пока скопится немного крови (чем не вода?), и заорал — так, словно этот крик был последним в его жизни... Хотя так оно и могло случиться.

То существо, часть которого не давно звалась Амином, торжествовало. Пусть человечешко оказался не таким уж слабаком, пусть сумел выбить секиры из наших рук, но все равно с нами ему не совладать.

И оно глубоко вдохнуло, чтобы в следующий миг обрушить на червяка очередной, последний удар. Поток пробужденной земли в огненном вихре — против такого не устоять никому.

Две силы — пламя, несущее смесь горячей земли и раскаленных добела камней, и струя кровавых капель, устремленная с невообразимой скоростью вперед вырвавшимся из глотки киммерийца ветром, — столкнулись. Будто взрыв вулкана, жерло которого захлестнула приливная волна, будто полконтинента разом обрушилось в бездну — таков был результат этого столкновения. Столб оранжевого света взметнулся над городом и пронзил небо. Раздался грохот, словно треснуло по шву само Мироздание. Почва заходила ходуном, и Минолия на городской стене ухватила за парапет, чтобы не сорваться вниз. Расширенными от ужаса глазами она смотрела, как меркнет в ночи этот безумный свет, и не знала, радоваться ей или плакать, погиб киммериец или победил.

* * *

Конан поднялся на ноги первым. Оглушенный, израненный, потерявший много крови, он доковылял до своего меча, трясущимися руками поднял его. Повернулся к поверженному наземь монстру.

Тот валялся шагах в двадцати от него, беспомощно сучил двумя парами ног, мотал головами, беспорядочно шарил по земле уродливыми руками.

Волшебное сверкание двуручного меча погасло. Вся сила Ай-Берека ушла на этот последний удар, и он чувствовал, что и Второе Зрение меркнет — черная кожа вновь превращалась в черный студень, очертания триединого Амина расплывались, наливались темнью; гасло сияние и окружающего мира. Надо торопиться.

На негнущихся ногах Конан приблизился к поверженному противнику. Пятью ударами отсек все питавшие его артерии. Потом заглянул в человеческое лицо чудовища.

Потускневшие глаза Амина медленно сосредоточились на киммерийце. Раскрылась щель рта. Донесся булькающий звук. Наконец в мозгу северянина прошестело:

«К-о-о-о-н-н-н-а-а-а-н-н-н... П-о-о-о-ща-а-а-д-и-и-и...»

— Три головы, а такой глупый, — потрескавшимися губами, хрипло ответил варвар.

И вонзил меч в то место, где, как он полагал, находилось сердце чудовища.

Мир зашатался. Мир заходил ходуном. Долгий, печальный вздох разнесся над миром.

Конан озадаченно огляделся.

Та самая бездонная, бешено кружащаяся воронка, которую он видел Вторым Зрением в инобытии и в которую ушел Вагаран, проявлялась в реальности. Киммериец почувствовал, как почва под ним прогнулась в сторону центра некогда процветавшего города, и черная масса, поначалу медленно, словно нехотя, но с каждым мгновением все быстрее, устремилась туда, откуда пришла — к арене, к Вратам Времени. Труп Триединого Амина дернулся и заскользил в том же направлении. Со скрежетом сдвинулись с места огромные секиры.

Конан ругнулся. Так, чего доброго, еще и засосет в щель между Мирами...

Не удостоив дважды мертвого даже взгляда, он со всей скоростью, которую позволяло ему израненное тело, бросился к виднеющейся неподалеку громаде городской стены.

Наклон воронки, ведущей в небытие, становился все больше, и все труднее было киммерийцу карабкаться по изгибающейся земле. Черный студень уже единым потоком несли к своему истоку, к гладиаторской арене, но огибал бегущего в противоположном направлении человека — ведь голову того венчает Шлем...

До стены двадцать шагов... Пятнадцать... А склон все круче, и все, кажется, не успеть, уже скользят сапоги по предательски выгнувшейся мостовой, и он сейчас упадет, и покатится по почти отвесному склону в бездну, ну еще немного, пять шагов... два...

Выкрикнув что-то нечленораздельное, Конан собрал в кулак весь остаток своих сил и прыгнул. Пальцы его

ухватились за кончик веревки, свисающей с гребня стены, вцепились в него мертвой хваткой...

И тут земля, на которой некогда стоял город Вагаран, полностью провалилась в Ничто.

Рыдая и смеясь, то ли от горя, то ли от радости, Минолия помогла киммерийцу перевернуться через парапет.

Глухо застонав, когда девушка слишком сильно обхватила его за бок, варвар опустился на землю и привалился к восхитительно твердой, прохладной стене. Стащил с головы проклятуший Шлем, отбросил его подальше.

— Ты ранен? — с тревогой спросила Минолия.

— Пустяки, царапины, — с трудом ответил Конан, не открывая глаз. — А где Ай-Берек и Орландар?

В ответ Минолия всхлипнула.

— Никого нет... Все умерли... Я одна осталась...

— Почему же... А я?

— Да. И ты... Ты победил?

— А то. Делов-то — раз, и готово.

Кружилась голова, горели раны, кровь (сколько ее там осталось, глотка два, не больше) гулко стучала в висках.

— Что там, внутри за стенами?

— Ничего... Темно и пусто...

— Понятно... Вот что, деточка... Я пока посплю немного, а?

— Конечно, господин Конан, конечно...

И киммериец тут же провалился в беспамятство. Никакой радости от очередного спасения мира он не испытывал. Он даже не почувствовал, как к нему прижалось хрупкое девичье тело, согревая его своим теплом, ограждая от ночной прохлады.

На востоке занималась заря нового дня.

Глава двадцать четвертая

Первым очнулся Конан.

С наступления рассвета прошло много времени; утро заканчивалось, надвигалась дневная жара.

Тело не слушалось — мышцы молили оставить их в покое, дать расслабиться еще хоть на мгновение. Им потакал слаженный хор ноющей боли ран и ожогов: и свежих, и давно затянувшихся, и тех, о которых он и вовсе забыл.

Варвар с трудом выгнул шею — посмотреть, что осталось от славного города Вагарана.

Ничего не осталось. Высокая городская стена бесмысленно окружала исполинскую песчаную воронку глубиной в пол-лиги, с плавно изогнутыми склонами, над которой поднимался сияющий круг солнца.

— Был город — и нет города, — вслух сказал Конан, и не узнал собственного голоса — хриплый, надтреснутый; во рту ощущался вкус крови. Он сплюнул, посмотрел на слюну. Так и есть: кровь. Э-хе-хе...

Встряхнуться в таких случаях киммерийцу зачастую помогала ругань — самая грязная, отборная, произнесенная в полный голос. Он набрал в легкие побольше воздуха и на выдохе прошелся по событиям прошедшей ночи, по городу, получившему свое, но заслуживающему вдогонку самых отборных ругательств, по колдунам любых мастей и окраса.

Полегчало.

Северянин поднялся на ноги, повернул голову — и натолкнулся на негодующий, возмущенный взор пробудившейся Минолии. Конан ответил ей взглядом, не скрывающим недоумения, а потом вдруг понял: девушку разбудила, а главное, разгневала его брань, и ничто иное. Не привыкла она к таким выражениям в своем Ордене, и наплевать, что рядом воронка вместо города, а мир чудом спасен им, варваром. Сейчас Конан — плохой, и злиться надо на него.

Северянин не мог устоять на ногах. Его трясло от смеха. Со смехом выходили ужас пережитой ночи, остатки боли в ранах, усталость. И он хохотал все громче, не в силах остановиться, не видя ничего вокруг. Даже не заметив, как вновь опустился на уже теплые камни, сотрясаемый волнами накатившего хохота. Слезы застилали глаза; держась за живот, киммериец повалился набок.

Поначалу Минолия смотрела на спасителя мира с недоумением, потом — со злостью, потом — с обидой... но и она не выдержала, заразившись от варвара смеховыми судорогами, догадавшись, чем вызван этот приступ. Смехом они отсекли от себя, оставили в далеком Прошлом минувшую ночь, возвратились к новой жизни.

И смехом разбудили Фагнира.

Разлепив глаза, плохо или, вернее, ничего не понимая — кто? чего? где? зачем? — приказчик открыл рот, из которого сам собой вылетел вопрос:

— Махар еще не вернулся?..

Конан уже катался по пыльным камням, сотрясаемый новым приступом смеха. Минолия уткнулась головой в колени, плечи ее судорожно вздрагивали.

— Ребята, вы кто? — звучал над ними раздраженный с похмелья голос. — А Вагаран где? Куда это вы меня затащили?

Потом гневно:

— Да хватит ржать! И без того голова трещит! Ой, как больно... Ну и набрался я вчера... Ничего не по-

мню... Рожи какие-то с хоботами всю ночь мерещились... Хватит ржать, кому говорю!

И, наконец, умоляюще:

— Ребятки, а кружечки винца не найдется? Ну хоть глоточка, а?..

* * *

...Спустившись с холма, они перестанут видеть то, что некогда было Вагараном. И не сговариваясь, троица остановилась для короткого отдыха. Позади молчаливая, ничего не окружающая городская стена, позади могила, где похоронены маг Ай-Берек и Магистр Орландар — два несчастных, запутавшихся старика. А впереди... Кто знает, что ждет их впереди?

— Откуда не больше пяти лиг до ближайшего жилья, — сообщил Фагнир. — Надеюсь, что уж с деревней-то ничего не случилось. Или, по крайней мере, вино не прокисло... Ну надо ж так — целый город развалить!..

— Держи, — Конан кинул под ноги бывшему приказчику бесполезный отныне и вовеки веков Шлем. — Он твой. Можешь его пропить.

Фагнир задумался, потом хитро ухмыльнулся щербатым ртом.

— Не-е. Оставлю на память о Вагаране, о службе у Махара... и о его погребке. — Он поднял бронзовое изделие древних мастеров. — Покажу кому — не поверят. А, и ну их... Спасибо, господин щедрый гладиатор.

— Конан, что ты собираешься делать дальше? — тихо спросила Минолия, не глядя на варвара.

Тот пожал плечами и ухмыльнулся.

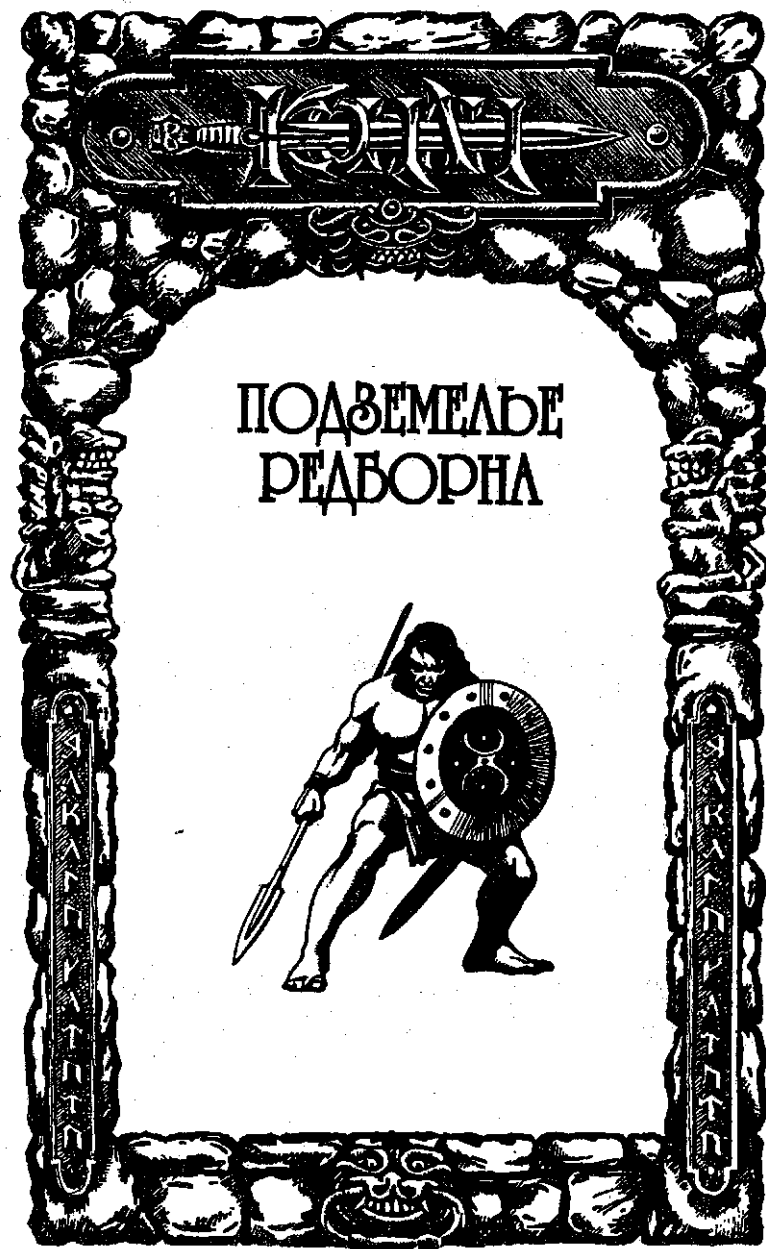
— Ну... Наверное, вернусь в Шем, разыщу князя Баруха, у которого я наемничал, потребую заплатить мне, — ведь я, как-никак, выполнил его приказ. Можно сказать, в одиночку снес город с лица земли...

— Ты... ты возьмешь меня с собой?

— Конечно, девочка. Отдохнем в деревне и двинемся.

— У меня никого и ничего не осталось,— всхлинула Минолия.— Брат погиб. Ордена нет. То, чем мы жили...— Она умолкла, готовая расплакаться.

— Все будет в порядке,— Конан поднялся с земли, протянул ей руку.— Идем. Поверь мне, Минолия, теперь все будет просто замечательно.

Глава первая

Лес сплошной стеной вставал перед одиноким путником, и дорога, до сих пор такая широкая и надежная, здесь, в сумрачной тени вековых сосен и елей, казалась узкой стежкой, готовой разбежаться на мелкие тропки и затеряться среди невысоких лесных трав и колючих кустов, покрытых спелыми красными ягодами. Однако всадник, неспешно углублявшийся в лес, похоже, неплохо знал путь. Он ехал, отпустив поводья, с удовольствием осматриваясь по сторонам и полной грудью вдыхая живительный лесной воздух.

Яркие блики нежаркого солнца, сумевшие все же пробиться сквозь густую завесу ветвей, золотистыми пятнами трепетали на заросших травой колеях. Могучий жеребец неслышно ступал по мягкой земле, а всадник успевал на ходу сорвать несколько душистых ягод со склонившихся над дорогой кустов. Этот лес, через который пролегла его дорога, был так похож на густые леса его родной Киммерии, что временами он даже забывал, где он и куда направляется.

Суровое лицо всадника озарялось мягкой улыбкой, когда он отправлял в рот очередную горсть ягод, их знакомый с детства вкус будил у путника воспоминания о родных краях. Яркие голубые глаза под густыми бровями, в минуты гнева ослепительно сверкавшие, устрашая врагов светом ненависти, сейчас глядели мирно и мягко, как будто видели перед собой женщину или

ребенка. Непокорные черные волосы рассыпались по плечам, скрывая от глаз мощную шею.

На вид всаднику можно было дать лет тридцать, но многочисленных рубцов и шрамов, покрывавших руки и лицо, хватило бы трем убеленным сединами воинам, чтобы вечерами, за кружкой доброго вина, с гордостью рассказывать о своих славных подвигах. Шрамы не портили, а, скорее, подчеркивали гордую и мужественную красоту его лица: твердые властные губы и энергичный подбородок говорили о не знающей сомнений внутренней силе и непреклонной воле. Это был воин, бродяга, искатель приключений, для которого весь мир — дом, но который нигде не задержится надолго.

Добротная и удобная дорожная одежда, защищавшая от жары и холода его могучее выносливое тело, пара кожаных сумок с припасами, притороченных к седлу огромного вороного жеребца, широкий меч, видневшийся из-под плаща и пара кинжалов на поясе — все говорило о том, что путник — человек бывалый.

Конан — так звали всадника, пробиравшегося в одиночку по густому лесу — тряхнул головой, вытер руку о край туники и пришпорил медленно шагавшего коня. Нет, это еще не Киммерия, конечная цель его пути, но до нее отсюда не так уж и далеко... Кроме того, в этих краях у него были еще кое-какие дела.

Несколько дней назад он покинул Бельверус, немецкую столицу, и сейчас направлялся прямой дорогой в северное герцогство Бергхейм. Кончалось лето, и приближался праздник Изобилия Митры. А у Конана были причины попасть в Мэнору, главный город герцогства, именно накануне этого праздника, и теперь, вспомнив об этом, он весело улыбнулся, сверкнув зубами, и снова пришпорил коня.

Поглощенный своими мыслями, киммериец некоторое время скакал, не замечая ни солнечных бликов, ни кустов со спелыми ягодами, ни птичьих голосов в кронах деревьев, как вдруг какой-то звук, совершенно чуждый этому лесу, привлек его внимание. Вот опять раз-

дался этот странный звук, отдаленно напоминающий человеческий голос, и снова, уже ближе... Конан пустил коня шагом, осторожно приближаясь к кому-то, кто шел или ехал по тропе там, впереди, и хрипло что-то выкрикивал, время от времени замолкая.

Вскоре перед Конаном замаячил круп гнедой лошади, не спеша шагавшей по лесной дороге. Всадник, небрежно державшийся в седле, ехал, бросив поводья и безжалостно терзая струны эрты. Ее дребезжащее треньканье, как видно, вполне его устраивало, и он, то умолкая, чтобы отдышаться, то набрав полную грудь воздуха, вопил на весь лес:

...Лишь месяц взойдет —
Я к тебе тороплюсь,
Только надо сначала выпить!
Когда время придет,
На тебе я женюсь,
Только надо сначала выпить!
Чтоб детей прокормить,
Я работать начну,
Только надо сначала выпить!
А как жизнь проживу,
Я в могилу сойду,
Только надо сначала выпить!...

Проорав последние слова, путник, видимо, решил, что хоть смерть еще и не пришла, но выпить все равно не помешает, и стал напаривать за спиной кожаную флягу с вином. Лошадь, как видно, хорошо знавшая привычки хозяина, остановилась, и Конан, подъехав к чудной парочке почти вплотную, с интересом разглядывал незнакомца.

Это был рыжеволосый круглолицый горожанин, не бедный, судя по его когда-то щегольскому зеленому плащу и мягким сапожкам с верхом из тисненой кожи. Рубаху из тонкого полотна и коричневую кожаную безрукавку сплошь покрывали бесчисленные жирные пятна и подтеки от красного вина. Добротные штаны из дорогой ткани также носили на себе немало следов разгульной жизни своего хозяина. Конану хорошо был

знаком этот тип людей: сегодня в кошельке есть монеты — значит, можно выбросить все старье и придется не хуже всех тех, кто дерет нос на главных улицах... А потом, хлебнув винца, просыпается такой щеголь поутру в канаве и идет в харчевню пропивать остатки монет...

И эту ночь он провел, наверное, где-нибудь в стогу — из рыжих всклокоченных волос во все стороны торчали соломинки, а помятое лицо не оставляло сомнений, что подружкой на душистом ложе ему служила все та же кожаная фляга...

Почувствовав наконец на себе чужой любопытный взгляд, незнакомец круто обернулся, зажав под мышкой старенькую эртру и неловко пытаясь вытащить меч, застрявший в ножнах. Его сердитые прозрачно-серые глаза встретились со смеющимися голубыми глазами Конана.

— Ну, чего уставился, проезжай, что ли! Дорога широкая, объедешь! — Ему, как видно, не очень хотелось предаваться любимому занятию на глазах незнакомого путника, но Конан не торопился вперед:

— Я, может, нарочно спешил за тобой, чтобы послушать, как ты поешь! Э-э-э, да у тебя еще и эрта в придачу, то-то я слышу — прямо небесная музыка раздается по всему лесу!

Незнакомец тряхнул лохматой головой, оставил свой меч в покое и с гордостью достал из-под мышки эрту:

— Да, моя маленькая подружка помогает мне сократить самый долгий путь! И песен я знаю столько, что мог бы не умолкая обойти всю Немедию!

— Лишь бы фляжка за спиной не пустовала, а?! — И Конан лукаво подмигнул, подтолкнув его коленом.

Лошади спокойно шли рядом, и путники, почувствовав неожиданную симпатию друг к другу, которая часто возникает у людей, едущих длинной дорогой в одну сторону, с облегчением рассмеялись. Рыжеволосый, решив, что с этим попутчиком можно не церемониться, достал флягу, ласково похлопал по двум дру-

гим, болтавшимся с другой стороны седла, и нетерпеливо приложился к горлышку. Вино с бульканьем стало перетекать из одной обширной емкости в другую, не менее обширную. Утолив жажду, он вытер губы и, глядя на Конана умиротворенным взглядом, протянул ему флягу:

— Освежись, если хочешь! И поверь — если угощает Рыжий Бёрри, то вино будешь пить превосходное! У меня всего две слабости — хорошее вино и хорошая лошадь!

Конан засмеялся, похлопав его по плечу, и показал на эрту, висевшую теперь у весельчака за спиной, наподобие лука:

— Ну, нет, у Рыжего Бёрри не две, а три слабости — вино, лошадь и хорошая песня — разве я не прав?!

— Да, незнакомец, как я мог забыть мою маленькую подружку, мою эрту с серебристым голосом утренней птицы! Слушай, я тебе сейчас сыграю! — и он, путаясь в складках плаща, стал было доставать инструмент из-за спины.

Конан, уже видевший, как он безжалостно терзает тугие струны, поспешил отвлечь внимание спутника, отхлебнув из фляги добрый глоток вина, и довольно хмыкнул:

— Ого, а винцо, винцо-то у тебя каково! Из королевских погребов, что ли?! В харчевнях ничего подобного не подают, да и в лавках я такого не пробовал!

Тут же забыв про несчастную эрту, Рыжий Бёрри круто повернулся к Конану:

— Слушай, попутчик, скажи, как тебя зовут, и дай мне флягу — я хлебну за твоё здоровье! Вот уж сказал так сказал! Не в бровь, а в глаз! Именно что из королевских! Ну? давай флягу! Как тебя там?..

— Я — Конан, приятель, Конан-киммериец!

— И так вижу, что киммериец! Что ж, Конан, твоё здоровье, и дай тебе Митра всегда видеть то, что видно, и еще то, что за этим! — И вино снова весело забулькало, наполняя бездонную утробу.

Наконец, несколько раз перейдя от одного к другому, фляга, изрядно похудевшая, обрела покой, привязанная к седлу, и всадники, в наилучшем настроении, продолжили путь. Рыжий Бёрри не мог сидеть в седле спокойно, он ехал, бросив поводья, предоставив лошади самой выбирать дорогу, а сам размахивал руками, крутился, вертелся и разве что не сползал кобыле под брюхо, заваливался ей на шею — можно было подумать, что он ерзает на трактирной лавке, а в штанах у него — колючка. Лошадь же невозмутимо шла вперед, аккуратно переставляя стройные ноги, обходя ямы и кочки, и ее совершенно не смущал веселый седок, то и дело вцеплявшийся в шелковистую гриву.

— Слушай, Бёрри, ну и лошадка у тебя! Смотрю я и удивляюсь, как это она до сих пор терпит твои выкрутасы! По моему разумению, ей давно стоит тебя скинуть, да и дело концом!

— Ишь сказанул! Скинуть! Это чтобы моя-то Зольда, голубка, девочка моя любимая, скинула своего непутевого Бёрри — да быть того не может! Не-е-е, приятель, сколько угодно жди — не дождешься! Ха, скинуть! Вот ведь шутник! — И он нежно похлопал кобылу по гордой шее.

Та тихонько заржала в ответ на ласку и встряхнула головой, звякая удилами. Тонкие ноги все так же мерно шагали по дороге, и Рыжий Бёрри теперь важно и спокойно восседал в седле.

— А знаешь, как она ко мне попала, звездочка моя?! Я никому об этом не рассказывал, все думают, что купил, когда был при деньгах. Ну, при таких деньгах, чтобы купить добрую лошадь, я, положим, никогда не был. Деньжата, правда, водились, но не ахти какие... Эх, Зольда, стой, надо выпить за тебя! — И он опять потянулся к фляге.

Лошадь послушно замерла, изредка встряхивая золотистой гривой.

— Ну, Зольда, чтоб нам вовек не расстаться! — И он с жадностью присосался к фляге. — На, киммериец,

хлебни и ты за мою Зольду, за своего вороного, за всех славных лошадок! — На его светлых глазах блеснула слеза, скатилась на красный вспотевший нос и капнула на штаны.

Лошади снова пошли рядом, а он, покашляв и пошмыгав носом, начал:

— Да, приятель, такая вот вышла история... Всяко мне в жизни промышлять доводилось, бывало, и песни попоешь, и копелек где свистнешь, но вот коней красть не приходилось. Не чувствовал никогда в себе такой ловкости. Знал: если попробую — то сразу и попадусь... Каждый свое должен делать, мое — это песни петь да байки рассказывать... Ну, так что с моей Зольдой? Ведь украл я ее, все-таки украл! Или она сама укралась? До сих пор не пойму. Однажды я сидел себе на постоялом дворе, пил вино и ждал вечера, чтобы, когда соберется побольше народу, побренчать на моей эрте, спеть несколько старинных песен да рассказать про похождения славного разбойника Карраса и его товарищей, как вдруг на улице застучали копыта, послышалось ржание, громкие голоса, и хозяин сломя голову кинулся во двор. Ох и бестия был, за целую лигу поживу чуял!

Ну, как я и думал, ввел он в зал, без передышки кланаясь, четверых богато одетых путников. Служанки сразу кинулись накрывать им стол перед очагом, а уж нам пришлось потесниться. Одно слово — господа...

Я сразу понял, что сегодня мне здесь не петь. Господа оказались хмурые, важные, ели молча и почти не разговаривали. Хозяин метался как ошпаренный, готовил им лучшие комнаты, а я потихоньку допил свое вино, прихватил с соседнего стола жареную утку и под шумок выбрался во двор. Ах, Митра, что я там увидел, во дворе! Слушай, давай еще по глоточку, а?! — И фляга, плеща остатками вина, снова пошла по рукам, освежая пересохшие рты.

Конан ехал рядом с Рыжим Бёрри и радовался незатейливой болтовне неожиданного попутчика. Хорошо

рассказывает, и вино у него доброе, лишь бы только не пел!

— Да, так о чем я говорил? А, вспомнил — во дворе у коновязи стояли четыре лошади. Хозяйские мальчишки сустились около кухни, а я стоял и разинув рот любовался на лошадок. Вернее, на нее... Слушай, киммериец, ты влюблялся когда-нибудь в женщину сразу, с первого взгляда, чтобы как удар молнии: бах-тарах — и готово, на всю жизнь?!

— Ну, бывало и с одного взгляда, но чтобы на всю жизнь...

— Ничего, раз все-таки бывало, значит, поймешь. Вот эта самая лошадка, эта проказница, — он любовно потрепал кобылу между ушей, — смотрит на меня так нежно, так призывно и мордой ко мне тянется, а я, дурак, подхожу к ней все ближе и ближе... В голове шумит, уже сам не соображаю, что делаю. Короче, отвязал я повод от коновязи прямо среди бела дня, на глазах у шныряющих мальчишек. Ну, и что дальше? Взять ее за узды и вести? Честно говоря, хотел, но побоялся. Гости — с ног до головы в оружии, догонят — изрубят в капусту. Тут на крыльцо вышел хозяин и заорал: «Эй, Климе, Жедир, бездельники, быстро поймайте на лугу пару гусей да заведите лошадей в конюшню! А то сначала я, а потом и господа с вас шкуру спустят! А ты чего стоишь, горластый? — Это он мне, жирная скотина! — Давай проваливай, сегодня не до твоих песен! Господа устали, хотят тишины!»

И он опять ушел в харчевню.

Ну, я так обозлился, что забыл и про лошадь, и про повод и, ругая хозяина последними словами, поплелся по улицам искать другой постоялый двор. Отошел уже довольно далеко, вдруг слышу: сзади постукивают копыта, будто кто-то не спеша едет на лошади. Я посторожился, обернулся и — о боги, это она, моя красавица! Подошла и остановилась, смотрит, словно верная жена! Ну, я скорей верхом и дай бог ноги из этого городишки! Вот так с тех пор и не расстаемся. Она у меня прямо как

нянька. Если я перебрал и из седла валюсь — сама меня на постоялый двор довезет или под куст какой-нибудь... Так-то, брат... И он снова захлюпал носом.

Солнце клонилось к закату, вершины деревьев позолотили его последние лучи, а внизу, у корней, уже сгустились вечерние тени. Конан, внимательно вглядываясь в заросли по краям дороги, спросил притихшего Бёрри:

— Похоже, ты не первый раз едешь этим путем? Как тут у вас — спокойно? Или твои славные разбойнички промышляют в лесах, отдаленных от столицы?

— Раньше, при старом герцоге Дарсино, бывало, нападали. В герцогство из столицы приходилось пробираться большими обозами, в полном вооружении. Даже король ничего не мог поделывать — леса как были, так и оставались опасными. Когда старый герцог умер, его сын, молодой герцог Оргельд, живо навел везде порядок — сторожевые вышки поставил, конные патрули завел, чуть где беспокойно — из Мэноры высылались большие отряды... Ну, вот везде и стало безопасно... Я уже который год езжу из Бельверуса на праздник Изобилия Митры — и ни разу никого не встретил, я имею в виду разбойников...

— Сколько нам еще ехать до Мэноры? Вон уже темнеет, а лесу еще конца не видать. Пора бы и отдохнуть, я думаю!

— Подожди немного, скоро тут в кустах обозначится тропочка... Ага, вот же она, чуть не проехали! Давай за мной, есть здесь одна полянка — я на ней всегда останавливаюсь!

И, треща ветками кустов, Бёрри полез, как показалось Конану, напролом через густые заросли и невысокие папоротники.

Но это и в самом деле была тропинка, что вывела их на небольшую поляну со старыми следами кострища, обложенного по кругу камнями. Вокруг трех росших совсем рядом сосен виднелось что-то вроде шалаша, тоже давно заброшенного.

— Ну, что я тебе говорил, друг Конан! Все так, как я оставил в прошлый раз! Вот здесь привяжем коней, а для нас — зеленый дворец, только надо его подновить маленько... Ты давай тащи папоротники, а я наломаю веток. — И он легко соскочил с лошади, как будто и не прикладывался целый день к своей бездонной фляге.

До темноты они успели привести в порядок шалаш, подкинуть лошадям по охапке травы, и вскоре уже сидели у костра: Конан — задумавшись о своем, а Рыжий Бёрри — тренькая на своей зрте.

Глава вторая

Конан неплохо знал Немедию, но здесь, на севере, в окруженном густыми лесами небольшом герцогстве Бергхейм, оказался впервые. Новые места, незнакомые города всегда возбуждали его любопытство, и он с жадностью присматривался ко всему, впитывая впечатления и откладывая увиденное в цепкой памяти. Сейчас он невольно сравнивал то, что увидел в пути, с окрестностями Бельверуса, немедийской столицы. Видно было, что нынешний герцог завел у себя порядки на манер столичных, и когда-то захудалая провинция теперь поражала разумным обустройством. Дороги, ведущие к городу, были кое-где даже замощены, не давая весенней или осенней распутице отрезать Мэнору от сердца страны — Бельверуса и других городов.

Отряды вооруженных стражников, несколько раз промчавшиеся мимо путников, подтверждали слова Бёрри о безопасности здешних дорог. Харчевни и постоялые дворы радовали опрятностью и дешевизной — рыжий выпивоха рассказал, что раньше хозяева драли с путников три шкуры и тем, кто победнее, нередко приходилось ночевать под кустом, на радость вора и разбойникам.

Широкая грунтовая дорога пересекла небольшой ручей с добротным деревянным мостом, охраняемым двумя скучающими стражниками, а на другом берегу совершенно преобразилась. Подковы лошадей звонко

застучали по гладким камням, плотно пригнанным друг к другу. Сразу стало веселее, и всадники невольно начали поторапливать лошадей, чувствуя, что до Мэноры уже совсем недалеко.

— Вот что значит Королевская дорога! Несколько лет назад сам король почтил приездом молодого герцога, прибыв на праздник Изобилия Митры. Даже в самом Бельверусе храмовые праздники не заканчиваются рыцарскими играми, только здесь, в Мэноре! Хочешь, я угадаю, зачем ты едешь в город? — Бёрри лукаво покосился на своего могучего спутника.

— Да ты, плут, давно уже все угадал! Зачем еще может ехать в Мэнору воин накануне такого праздника? А вот сам-то ты почему каждый год гоняешь свою драгоценную Зольду по темным лесам?

— Ну, тут тоже нетрудно догадаться! Я же тебе говорил, что знаю уйму песен и сказаний! А рыцари накануне боя, а еще пуще после любят посидеть за кружкой крепкого вина и послушать о чужих славных подвигах... Я каждый год увожу отсюда пару полных кошелей, и хвала Митре, что дороги теперь безопасны! Ну, вот мы и подъезжаем — готовь монеты, стража здесь шутить не любит!

Слушая болтовню Бёрри, Конан уже давно поглядывал на выроставшие перед ними мощные стены. С высоких дозорных башен, в честь приближавшегося праздника, свешивались длинные пестрые вымпелы с герцогскими гербами. Время от времени сверкала алебарда и мелькал шлем часового, прохаживавшегося по гребню крепостных стен. Крепость опоясывал широкий ров с мутной зеленоватой водой. Подъемный мост был опущен, и по нему грохотали телеги крестьян, полные овощей, фруктов, дичи — в город на базар, и пустые — обратно в деревни, за новым товаром. Видно было, что торговля идет здесь очень бойкая.

Конан сразу понял, что Мэнора — город сильный и богатый. Значит, он не зря сюда приехал, и раз уж сам король когда-то посетил праздник Митры, то и ему

здесь будет на что посмотреть. И, может быть, показать... Конан тряхнул головой и весело усмехнулся.

Из задумчивости его вывел знакомый голос, без труда заглушивший шум толпы у ворот и скрип повозок:

— Давай-давай, поспевай за мной, я тебя сейчас в такое местечко приведу — век будешь благодарить судьбу за встречу с Рыжим Бёрри!

Конан, лавируя и уворачиваясь, проскочил между двумя телегами и поспешил за мелькавшим впереди крупом гнедой кобылы и лохматой рыжей головой, ярко выделявшейся в толпе. Вскоре они свернули на спокойную улочку, застроенную небогатыми домами, и поехали рядом.

— Постоялых дворов здесь много, но не всякий нам годится! Первое — вино должно быть хорошим, второе — чтоб хозяин был не пройдоха, и третье — чтоб девчонки были на подбор...

— Ну, с такими замашками ты и в Бельверусе вряд ли найдешь пристанище! Ишь чего захотел — хозяин харчевни, да не пройдоха! Такого не бывает на свете, или я ничего не смыслю в постоялых дворах! Да еще и вино, да еще и девчонки! Кстати, ты мне так и не рассказал, откуда у тебя было это винцо замечательное, которое мы вчера допили. Ты вроде говорил — из королевских погребов?

— Ну, это долгая история... Как-нибудь расскажу. А пока — вот оно то, что нам надо! Постоялый двор «Старый Лис»! Прошу любить и жаловать!

Конан оглушительно расхохотался, откинувшись в седле:

— Ох, уморил! «Старый Лис»! Хозяин — честный человек, не пройдоха! Старый честный Лис хо-хо-хо! Ну, Бёрри, ты и шутник!

Отсмеявшись, он взглянул на ухмылявшегося Бёрри, а тот рукой показал на верхний угол позолоченной вывески. Над толстой рыжей лисьей мордой, изображенной на лазурном фоне, красовалась причудливая надпись: «Старый Лис», а еще выше сверкала небольшая герцогская корона.

— Кром, такого я еще не видал! Чтоб какая-то харчевня, постоянный двор на самой окраине города находился под герцогским покровительством! Нет, Бёрри, мы вчера, наверное, перебрали, и я до сих пор еще толком не проспался!

Конан все еще изумленно таращился на вывеску, а его вороной, чувствуя близкий отдых, нетерпеливо постукивал копытами и прял ушами, торопя своего хозяина. Рыжий Бёрри постучал в ворота, которые тут же гостеприимно распахнулись. Они въехали во двор, кое-где заросший невысокой травой, спешили, передав поводья подбежавшим слугам. На крыльцо не спеша вышел важный хозяин, когда-то, несомненно, такой же рыжий, как Бёрри, а сейчас сверкавший на солнце потной лысиной с остатками рыжих вихров за ушами.

Как только он увидел Бёрри, всю его важность как ветром сдуло.

— Наконец-то! Наконец-то ты здесь! Как я тебе рад, старина, ты и не представляешь! Эй, ребята, Зольду — в дальнее стойло, и овса ей побольше!

— Слушай, Лис, я на этот раз не один, а с приятелем, так что ты уж и его прими, как меня или как герцога, на худой конец!

— Ах ты, разбойник, все у тебя шуточки! Ну, ладно, ладно! Ведите вороного в конец конюшни — и тоже овса побольше! Ишь какой красавец! — И он с видом знатока похлопал жеребца по крутой шее.

Конан, улыбаясь, слушал разговор и с интересом разглядывал хозяина, честного плута. Он, как и Бёрри, ему почему-то сразу понравился. Чем-то они были похожи: оба рыжие, круглолицые и, несомненно, каждый себе на уме. Хозяину самому очень подходило название его постоянного двора — «Старый Лис». Толстый, лысый, с щелочками черных плутовских глаз, он не казался старым, но если присмотреться внимательно, то становилось заметно, как время избородило неглубокими морщинами его лицо, как спокойно и мудро временами смотрят маленькие глазки.

Он казался настоящим щеголем, хотя одет был в простые штаны из зеленой добротной ткани, свежую рубашу из тонкого полотна, распахнутую на жирной груди. Но уж очень ладно выглядели на нем короткие сапожки из светло-коричневой мягкой кожи, шелковый пояс с кистями, туго охватывающий толстый живот, массивная золотая цепь, поблескивающая на мощной шее.

— Заходите же, заходите! Бёрри, ты, конечно, как всегда, для начала — в уголок, а?!

— Похоже, ты мои привычки знаешь лучше меня! Вот за что люблю так люблю!

— А я, дружок, помню привычки всех своих постоянных гостей, иначе мне тут делать нечего! Ты вот песни свои поешь, ни одной ведь за год не забыл, верно? Ну, а я привычки твои помню. По мне, что ты, что знатный нобиль — все одно: вы мои гости! Бочка с лучшим вином у меня одна, да и ягнята все одинаковы!

За разговорами путники и не заметили, что проворные девушки уже устали стол закусками и кувшинами. Вскоре подоспело и жаркое, оказавшееся на редкость вкусным и умело приготовленным.

Хозяин отошел, занявшись другими посетителями, а Бёрри поскорее налил вина в большие серебряные кубки. Утолив первую жажду, он, зажмурившись, с удовольствием покрутил головой, налил себе еще и сказал:

— Что я тебе говорил?! Где еще тебе подадут герцогского вина да еще поставят на стол серебряные кубки? Только здесь, и только для нас с тобой... Да еще, может, для герцога, если он снова захочет вспомнить молодость! Ну-ка, подвинь мне барашка — я мечтал о нем целый год и сейчас один опустошу целое блюдо! Так что не зевай, киммериец!

Конану было очень любопытно узнать, почему и Бёрри, и хозяин постоянно упоминают герцога, но заразительный пример приятеля и быстро убывающее жаркое заставили его отвлечься от посторонних мыслей. В конце концов, герцог никуда не исчезнет, а вот вино и

барашек... Вскоре пустые блюда на их столе опять сменились полными, появились новые кувшины с вином, а они все сидели, наслаждаясь звоном кружек, громким смехом веселой компании за длинным столом посреди зала, запахами горящих смолистых поленьев, жареного лука и густым ароматом отличного вина. Наконец оба откинулись на спинки скамей, обводя харчевню один — сытым и благосклонным, другой — сытым и любопытным взглядом.

Конан привык, что, подняв глаза, увидит в любой харчевне жирный закопченный потолок и почерневшие балки. Но здесь не обнаружил над своей головой ни следа копоти и грязи. Потолок между темными балками из благородного дуба оказался свежетыбелен, отчего все помещение казалось выше и просторнее. На стенах рукой явно полупьяного художника были безыскусно, но очень живо намалеваны сцены охоты и рыцарских игр. Краски ярко горели в лучах солнца, сквозившего сквозь узкие оконца с мелкими стеклами, забранными в фигурные медные переплеты.

— Куда это ты меня привел, Бёрри? Да я тут половину кошелька оставляю! Такие харчевни не для нашего брата, а разве что для знатных рыцарей!

— Ха, для знатных рыцарей! Ты только что разглядывал этих знатных рыцарей там, за большим столом! Они что, выглядят богаче нас, что ли?

Конан присмотрелся внимательней: действительно, компания, про которую говорил Бёрри, ничем особенным не отличалась — лохматые головы, поношенные штаны, рубахи из грубого серого полотна, оружие в потертых кожаных ножнах... Зато их веселья хватило бы на целый королевский пир. Оттуда только и слышалось:

— Эй, Лис, присядь-ка с нами! Кружечку за тебя и твое заведение!

— Лис, дружище, вели еще кувшинчик! И барашка! У нас сегодня удачный день — все продали без остатка!

— Девчонки, девчонки, не убегайте, посидите с нами, а то без вас и винцо не сладко! Ха-ха-ха!

Приближался вечер, и гостей становилось все больше. Были тут и торговцы, приехавшие издалека и остановившиеся у «Старого Лиса», и жители соседних улиц, которых каждый вечер тянуло сюда видение полных кувшинов и дымящихся блюд, а особенно — хорошеньких пухлых служанок, со смехом уворачивающихся от шлепков и поцелуев.

Несколько стражников, звеня алебардами, ставили оружие в угол, чтобы поудобнее усесться за стол, перед тем как заступить в дозор по вечерним улицам.

Вскоре харчевня была полна народу, девчонки и несколько расторопных поварят так и мелькали между столами с кувшинами и закусками. Все шло своим чередом, и Старый Лис, осмотрев свои владения и сочтя, что все в порядке, направился к дальнему столу в уголке зала.

— Ну, приятель, смотри — сам Лис к нам идет! Эх, и соскучился же я за год по старику и его харчевне! Если бы не моя проклятая неутомимость — тут бы и осел, попивая его винцо и толстая от его стряпни! Да дело в том, что у меня без счету таких приятелей, и везде надо побывать... Ну, сейчас он с нами выпьет, а ты давай спрашивай про герцога — вижу ведь, что любопытство тебя так и распирает! Спрашивай, спрашивай, уж о чем о чем, а о герцоге Лис поговорить любит!

Бёрри успел ухватить за подол хорошенькую девчонку и, легонько хлопнув ее по задку, потребовал третий кубок для хозяина. Сверкнув глазами и заулыбавшись, она, юркая, как птичка, быстренько куда-то слетала, и, когда Лис наконец до них добрался, третий кубок уже красовался на столе. Девчонка оказалась сообразительной и принесла заодно еще и новый кувшин вина.

Лис, улыбаясь, сел на лавку рядом с Бёрри, напротив Конана, и выразительно посмотрел на пустые кубки:

— Бёрри, мой мальчик, еще солнце не село, а ты уже утомился? Не узнаю, не узнаю! И друг твой, по виду крепкий молодец, сидит с пустым кубком и разглядывает потолок — да это позор для «Старого Лиса»! Как

тебя зовут, сынок? — спросил он у Конана, придвигая к себе кувшин.

— Мое имя — Конан, отец! И прости, что смотрел не на то, на что надо! Значит, действительно, мы с Бёрри слишком увлеклись барашком, а слишком сытная еда всегда заставляет почему-то смотреть на потолок, а не на девочек! Позволь, я наполню кубки!

— Нет, парень, теперь моя очередь наливать вино. Ты прав, барашка нужно есть, не забывая надолго о кубке. Я вижу, ты понимаешь толк в хорошем угощении! Бёрри, где ты подхватил такого славного парня? С ним приятно и поговорить, и выпить!

— А когда это я, старый плут, приводил к тебе плохих гостей? Вспомни, в прошлом году с кем я пришел? Забыл, правда, как зовут, но ведь тоже был парень хоть куда! Хотя на третий день чуть не сломал мою эрту, когда сам вздумал петь, но ведь не всякому дано... Зато пил он знатно!

— Я впервые в Мэноре и очень рад, что попал в твою харчевню, на твой постоялый двор! Выпьем, хозяин, чтобы он процветал и чтобы всякие герцоги — кстати, ты расскажешь мне о короне над входом? — да, и чтоб всякие герцоги почаще выходили из своих дворцов и заходили сюда!

— Ну, Бёрри, что за молодец этот Конан! Как сказал-то — «...чтоб почаще заходили!» Самую суть понял, еще ничего не зная! Ведь ты ему не говорил?

— Нет, Лис, не говорил, только ты можешь рассказать эту историю как следует, и вон он как ждет, посмотри, даже глаза загорелись! Нет, пожалуй, нам нужен еще кувшинчик! Эй, красавица, быстренько неси кувшин — или лучше сразу два! Здесь скоро начнется засуха!

— Да, так вот, значит, герцог... Ну, сначала за его здоровье! — И хозяин осушил кубок.

Конан и Бёрри немедленно последовали его примеру.

— Это случилось давно, лет пятнадцать тому назад, когда еще управлял здесь мой батюшка, отстроивший

этот постоялый двор. Я тогда был довольно молод — мне и пятидесяти еще не исполнилось — и ходил в первых задирах и гуляках в Мэноре. Батюшка, помню, даже тревожился, что мне проломят лихую голову в какой-нибудь стычке и останется он без наследника. Все грозил мне дубиной и наказывал быть осторожнее... Ну, с годами я, конечно, остепенился, да речь сейчас не об этом...

Однажды, когда мне не удалось улизнуть из харчевни и пришлось помогать служанкам разносить вино, зашел к нам и остановился у порога бедно одетый юноша. На него никто и не посмотрел, кроме меня — а я вдруг остановился с кувшином, как вкопанный, и забыл, куда бежал. Ну, когда батюшка подтолкнул меня коленом пониже спины — тогда опомнился и отнес кувшин. А парнишка все стоит у двери, осматривается, а войти не решается.

И что вдруг меня так к нему потянуло? Ведь вроде ничего особенного — светлые волосы до плеч, серые удивленные глаза, румяные щеки, на голове — старая шляпа без пера, поношенный плащ, дырявые сапоги... И сразу видно, что в харчевнях он никогда не бывал! Встретились мы с ним глазами, и юнец, улыбнувшись, сказал: «Мне бы хотелось выпить вина... И поесть чего-нибудь — я с утра не ел...»

Другой бы просто растолкал гуляк, сел на лавку и крикнул: «Эй, кто там! Поесть и выпить!» — а этот... Я сразу почувствовал, что здесь что-то не так.

И вот усадил я его за этот самый столик, принес вина и жареного гуся с капустой — как сейчас помню! И стал этот мальчик есть... Ну, тут я все и понял: наверное, удрал он от богатых родителей и пошел по свету приключений искать. И добрал до первой в жизни харчевни. Так я ему тогда прямо все и выложил. И вдруг он как расхохочется! Всю его робость как ветром сдуло! Посмотрел он по сторонам, увидел, как простые люди с дичью и вином расправляются, хлопнул меня по плечу и сказал: «Ну, видно, сам Митра привел меня

в эту харчевню! Ты-то, плут, мне и нужен! Сейчас выпьем еще вашей кислятины, доедим этого тощего гуся — и ты пойдешь со мной на лужок, тот, что позади вашего постоянного двора. Я желаю с тобой поговорить! Ну, это ж надо — он *желает* со мной поговорить! Я чуть не захлебнулся вином от смеха, но на лужок все-таки пошел: что-то в нем было такое, что заставило меня повиноваться...

Сели мы там на травке за кустом, чтобы отец мой не увидел, и юноша начал говорить, а я как раскрыл рот, так и не смог закрыть, пока он не закончил. Да, никогда не знаешь, когда боги пошлют счастье, а когда напасть... Ведь это оказался не какой-то шалопай, из тех, что с жиру бесятся, а сын самого герцога! Единственный сын, наш нынешний повелитель... Бёрри, ты слышал эту историю уже много раз, так что тебе непрослительно забывать про кубки! Видишь ведь — у старика в горле пересохло, а сам сидишь и тарачишься на Синту! Никуда она не денется, вся ночь у вас впереди!

Да, так на чем я остановился? Сидим мы, значит, на травке, а юноша мне рассказывает, что отец его, старый герцог, очень болен и жить ему осталось, наверное, недолго. И скоро уже ему, Оргельду, придется править герцогством. А из всяких старинных книг и легенд он узнал, что лучший правитель тот, кто не только на троне сидеть умеет, а сам доподлинно знает, что кругом творится, как простые люди живут и о чем думают... Короче, мудреный парнишка, но я его понял. «Да, — говорю, — господин герцогский сын, ты прав! На троне сидеть — тут задница нужна, а с народом ладить — это голову иметь надо!» Так мы и подружились. Сказал он, что придет завтра, и ушел, оставив золотую монету. Это за нашего-то гуся! А когда я вернулся в харчевню, батюшка встретил меня с поленом. Ха, вот тут-то я и вспомнил, что уже не мальчик! Я сказал ему, что у меня появился богатый приятель и я буду с ним пропадать по нескольку дней. Он опять с поленом — а я ему золотой. Ну, он и отстал, а когда потом я по сек-

рету сказал ему, что за приятель, — и вовсе растаял. «Теперь, — говорит, — я за тебя спокоен! Ты — настоящий Лис, и да хранит тебя Митра!»

Ох и неугомонным же оказался этот мальчишка, молодой наследник Оргельд! Все ему надо было знать — и про дороги, и про разбойников, и кто чем промышляет... Облазили мы с ним за год все герцогство, это вдвоем-то, без всякой стражи! Потом он надолго исчез, как вдруг — известие: старый герцог умер. Ну, думаю, прощай, друг, больше не увидимся! — Старик перевел дух и уткнулся в кубок, остужая пересохшее горло.

Бёрри подмигнул Конану, ухмыльнулся и толкнул его под столом ногой. Конан с уважением смотрел на лысого старика, когда-то учившего юного герцога уму-разуму.

— Да, мы тут с Бёрри ехали по здешним дорогам, и я все удивлялся — порядок не хуже, чем в столице. Тут нужна железная рука и хорошая голова, а не задница, как ты верно заметил! Ну, теперь-то я знаю, кто истинный благодетель этого края — мудрый Старый Лис! За это надо выпить!

— Да, много я повозился с этим юнцом, но он все хватал на лету! Вот что значит — прирожденный правитель! Выпьем, потом я сбегаю на кухню, проверю, все ли там в порядке, и опять вернусь. Бёрри, смотри, чтоб кубки не пустовали, а то я подумаю, что ты стареешь!

Хозяин встал и, подходя то к одному, то к другому столу, здоровался с гостями, хлопая кого по плечу, кого по спине огромной ручищей с рыжими волосами, а в конце концов скрылся за небольшой дверцей в противоположном конце харчевни.

— Ну, теперь его из кухни не скоро дождешься! Ладно, остальное я сам доскажу — старик не обидится!

Не забыл его молодой герцог, не забыл. Объявил, что берет его постоянный двор под свое особое покровительство, пожаловал Лису разрешение изобразить на вывеске герцогскую корону, погреба у него с тех пор ломаются от герцогского вина и дичи, а на кухне заправляет

лучший ученик герцогского повара. Да и сам герцог иногда, по старой памяти, заглядывает сюда в драной шляпе, правда, за воротами его теперь ждет отряд стражников, но что делать — ему по-другому уже нельзя...

Они еще раз осушили кубки, и черноглазая Синта предложила им показать комнаты. Конан поднялся и пошел за ней, почувствовав острое желание растянуться на мягком ложе, а неугомонного Бёрри уже кто-то тащил в компанию, и он вытаскивал из-за плеча эрту.

Синта привела Конана в просторную чистую комнату с широким ложем, большим столом и парой резных стульев. На полу около ложа лежала хорошо выделанная медвежья шкура.

— Ты, красавица, принеси-ка сюда еще винца и скажи, чтоб тебя там скоро не ждали! Мы тут с тобой посидим, поболтаем о том о сем...

Девушка засмеялась, кивнула и побежала за вином. Конан не спеша снял плащ, пояс с мечом и кинжалами, сапоги. Ноги приятно щекотала густая медвежья шерсть.

А снизу, из зала, слышалось треньканье эрты и неожиданно сильный, густой баритон Рыжего Бёрри:

Добрый я не стану,
Это мне негоже.
Был отец разбойник —
Я разбойник тоже.
Добрый я не стану,
Не к лицу мне это.
Нет во взгляде темном
Ласкового света.
Есть лихое дело,
Есть рукам потеха...
При такой-то жизни
Доброта — помеха!

Глава третья

В этом году, как, впрочем, и всегда, летние дни накануне праздника Изобилия Митры стояли ясные и жаркие. Крестьяне радовались на редкость богатому урожаю, а горожане и ремесленники — обилию тепла и света.

Для Оргельда, молодого властителя Бергхейма, наступала самая любимая пора — приближался долгожданный праздник. В этот день нарядные горожане пестрой толпой высыпали на улицы Мэноры, собираясь на площади у храма. После торжественных обрядов и жертвоприношений сам герцог возлагал на алтарь Митры богатые дары, и тогда в городе начиналось веселье, длящееся до утра. А следующий день был днем начала Большого Турнира, любимого зрелища герцога Оргельда. К началу праздника в город стекались гости со всего герцогства, и даже из самого Бельверуса приезжали именитые рыцари, желая принять участие в знаменитом турнире. Наградой победителю служил меч с герцогским девизом, который давал право на получение особых милостей — титулов и поместий, а кроме того, великолепный конь из герцогских конюшен и полный боевой доспех из позолоченной стали удивительно тонкой работы.

Потом, после турнира, начинались бесчисленные балы, охоты, пиры и другие увеселения, которые, сменяя друг друга, продолжались, бывало, по две седмицы.

Герцогиня Лавиния не меньше своего владетельного супруга любила эти турниры. Вид сражающихся рыцарей наполнял восторгом ее горячее сердце, и она часто сожалела, что не родилась мужчиной — так хотелось ей самой сесть на коня и принять участие в этой кровавой забаве! И нередко случалось, что победитель, помимо герцогской награды, получал и еще один драгоценный приз — от прекрасной Лавинии.

Молодая герцогиня была такой же отважной и страстной на ложе любви, как ее избранник на поле боя. И рыцари, удостоившиеся подобной награды, на следующий год снова рвались в бой, чтобы опять заслужить ее благосклонность.

Интересно, кто на этот раз добьется победы? Герцогиня тихо засмеялась, вспомнив юного Брайна, столь неукротимого в бою и так неискушенного в любви. Тогда они на несколько дней уединились в глубине леса, в одном из многочисленных охотничьих приютов, пока герцог и все его гости пропадали в диких чащах, загоняя оленей.

Стоя у открытого окна, глядя вдаль, на зеленые холмы и темные рощи, молодая герцогиня с радостью думала о предстоящем празднике и турнире. Легкий ветерок, нежно играя выбившейся из прически темной прядкой, ласкал стройную шею, румянил щеки, манил туда, на простор. Ей хотелось чувствовать себя беззаботной, как птица, но какая-то тревожная мысль время от времени заставляла хмуриться брови, а только что улыбавшиеся губы складывались в горькую гримасу.

Она отошла от окна, сразу забыв и о юном Брайне, и о турнире. Дамы, стоявшие поодаль, заметили перемену в настроении госпожи и, повинувшись небрежному взмаху руки, заспешили покинуть покои Лавинии.

В последнее время герцогиня часто их отсылала, оставаясь наедине со своими невеселыми думами. С раннего детства все в ее жизни складывалось как нельзя удачно, и, несомненно, самой большой удачей стал ее брак. Герцог и герцогиня, молодые и прекрасные, были

для народа олицетворением идеальной властительной пары: герцогом Оргельдом восхищались, его уважали за твердое и мудрое правление, а ее, герцогиню Лавинию, боготворили за красоту и живой веселый нрав.

До сих пор они с герцогом прекрасно понимали друг друга, закрывая глаза на маленькие слабости, неизбежные в жизни двора, и находя поддержку друг у друга в трудных ситуациях. А теперь — теперь все стало шатко и неопределенно, она, кажется, теряла доверие супруга и сама попадала в неприятную зависимость... И если бы здесь была замешана женщина — это она хоть как-то могла бы понять! Но то, что происходило сейчас, было так необъяснимо, так непонятно, омрачая ее собственную жизнь и тая угрозу для герцога...

Лавиния, кусая губы и комкая кружевной платок, быстрыми шагами ходила по комнате, не находя себе места. От недавних приятных мыслей не осталось и следа. Наконец она села в кресло, привычным жестом расправив тяжелые складки роскошного платья, такого же синего, как ее глаза. Герцогиня попыталась успокоиться, отгоняя тревожные мысли, но они камнем давили на сердце, а ненависть накатывала багровой волной, путая мысли.

Лавиния порывисто вскочила с кресла и вышла через распахнутую дверь на широкую, увитую зеленью террасу. Прохладный ветер, неведь откуда взявшийся в этот жаркий день, охладил ее пылающее лицо. Она прошла по террасе, невидящим взглядом скользнув по каменным чашам с растущими в них кустами пышных роз и подошла к балюстраде.

Перед ней расстился прекрасный вид на окрестности Мэноры, вид, которым она ранее не уставала любоваться. Широкая долина, окаймленная у горизонта сине-зеленой полосой густого леса, с небольшими пологими холмами и редкими рощами, огромное бездонное небо, всегда будившее в ней зависть к простокрылым птицам, узкая полоска реки, питавшей

своей водой городской ров — все это сегодня исчезло, заслоненное тревогой и болью. Ах, Оргельд, Оргельд! Как он переменялся в последнее время, как стал не похож на того прежнего, рассудительного и спокойного герцога! Сколько она его знала, Оргельд всегда тянулся к людям опытным и разумным, которые могли в сомнительных случаях поддержать его мудрым советом. Лучшим из них, бесспорно, был барон Дисс из Редборна. Ах, как жаль, что он умер год тому назад! Так загадочно была его смерть, а вскоре и странное исчезновение его жены и семерых взрослых сыновей! Весь двор, как встревоженный улей, гудел, потрясенный этими событиями; а герцога в это время больше интересовало совсем другое! Герцогиня еще тогда почувствовала, что здесь дело нечисто, но герцог как будто ослеп, оглох и ничего не хотел видеть и слышать.

Небывалое дело — они с герцогом даже начали ссориться из-за этого... И подумать только, что виной всему — лишь один человек. Всего один — но сколько зла он принес с собой! Да будь он проклят во веки веков!

Да, все меньше в последнее время остается вокруг герцога людей, на которых можно положиться. Они либо покидают Мэнору, удаляясь в свои поместья, либо таинственно исчезают. Взамен них появляются новые люди, и вот уже не за горами либо бунт, либо... Герцогиня прижала к пылающему лбу ледяные руки и опустила на колени.

Митра, Митра, Отец всего живущего! Помоги дочери твоей! Помоги Оргельду и маленькому сыну его!

Она распласталась на ковре, и плечи ее вздрагивали от беззвучных рыданий. Но постепенно буря в душе ее затихла, герцогиня обессиленно приподнялась, села, и синие глаза, совершенно сухие, вдруг мрачно сверкнули. Раз она одна во дворце чувствует и видит надвигающуюся опасность, значит, именно ей и должно действовать!

Нужно только затаиться, выждать, а решение придет само собой! С ней не раз уже такое случалось, нужно только уметь видеть и слышать, видеть и слышать... А сейчас надо немного отвлечься... Боль словно железным обручем сжимала виски, давила на лоб, туманила глаза... Лавиния медленно поднялась с пола и стала вытаскивать из прически драгоценные гребни и заколки. Блестящие волосы тяжелыми каптановыми волнами упали ей на плечи, спустившись до пояса.

Потом она подошла к зеркалу, хмуро глядя на свое отражение. Но вот безмятежная улыбка снова засияла на ее лице, и лишь в самой глубине глаз вспыхивали опасные искры. Она ударила золотым молоточком в маленький гонг, висящий рядом, и в комнату торопливо вошли служанки. Герцогиня села в кресло перед зеркалом и приказала:

— Причешите меня! К этому платью нужна совсем другая прическа! Сзади волосы поднимите высоко, а с боков — мелкие косы переплетите с жемчугом. И принесите того легкого искристого вина, которое я люблю, и сладости. Мне сегодня грустно, вы будете развлекать меня беседой!

Вскоре светлое вино уже лилось в изящный кубок, и блюдо с различными сладостями стояло на низком резном столике справа от герцогини. Она встряхнула волосами и лукаво взглянула на одну из служанок:

— Йонда, плутовка, сейчас ты мне расскажешь, чем причаровала красавца Лограса, ведь еще совсем недавно он и не смотрел в твою сторону, хоть ты и стремилась попадаться ему на каждом шагу! Я буду рада, если дело кончится свадьбой, и даже дам тебе приданое: ты славная девочка, и руки у тебя ловкие! Ну, что же ты уронила гребень? Расчесывай мои волосы и не молчи, я хочу знать, как тебе это удалось! Правда, ты очень миленькая, но ведь раньше-то он, как мне кажется, поглядывал на Бригинду!

Девушка, пунцово покраснев, подняла костяной гребень и, осторожно проводя им по волосам Лавинии, робко стала рассказывать:

— Да, моя госпожа, я так в него влюбилась, что мне и свет стал немил. А он, как на какую-то богиню, смотрел на эту гордячку Бригинду. Ах, сколько я слез пролила по моему Лограсу, как старалась одеться покрасивей — ничего не помогало, не замечал он меня, да и все тут!

Герцогиня, поставив кубок с недопитым вином и взяв горсть засахаренных орехов, ободряюще улыбнулась смущенной девушке. Та, потупившись, продолжала:

— И ничем эта Бригинда не лучше меня! Подумаешь — первая ученица главной вышивальщицы! Разве что выступает важно, как знатная дама, может, это ему в ней понравилось? Но ведь и я так могу, если захочу!

Лавиния не выдержала и засмеялась:

— Ну-ка, ну-ка, брось гребень и покажи нам, как выступает эта гордячка и как выступаешь ты, маленькая проказница!

Йонда, окончательно осмелев, положила гребень на столик, отошла на середину комнаты, кончиками пальцев приподняла юбки и, высоко подняв подбородок, сделала несколько медленных шажков в сторону герцогини. Это получилось у нее так забавно и так похоже, что Лавиния опять рассмеялась, рассыпав орехи по полу. Девушки бросились их поднимать, а Йонда, сделав небольшой круг по комнате, остановилась и важно поклонилась своей госпоже.

— Ты просто прелесть, и я рада, что парень достанется тебе, а не Бригинде! А теперь скорей расскажи, в чем тут секрет — ведь без секрета не обошлось, правда, Йонда?

— Да, госпожа, не обошлось, но уж очень это было страшно... Я решилась... Я слышала... — девушка замялась, не зная, как сказать.

— Что же ты?! Мне интересно, и я велю тебе продолжать! — Герцогиня притворно нахмурилась и сердито притопнула ножкой.

— Я сейчас... Сейчас расскажу, — пролепетала девушка, подходя ближе. Лавиния кивнула одной из служанок, и та поставила у ее ног низенькую скамеечку, обитую серебристой парчой. Йонда послушно села, обхватив руками колени, и начала рассказывать. Служанки, забыв про гребни и волосы своей госпожи, притихли, а она сама, отвернувшись от зеркала, впиалась внимательными взором в испуганные и счастливые глаза Йонды.

— Я... я ходила к колдунье... к самой старухе Вегде... — прошептала девушка, пряча лицо в ладонях. За спиной у герцогини раздалось испуганное возгласы служанок. Она подняла руку, приказывая им замолчать, и удивленно спросила:

— К колдунье? Вегде? Никогда про такую не слышала! И что, она хорошо помогает влюбленным? — а сердце в груди отчаянно встрепенулось, и беззвучный голос в душе уверенно произнес: «Вот оно! Вот то, что тебе нужно! Не упusti!»

— О госпожа, она появилась в Мэноре совсем недавно, не больше года, но о ней знают многие! Она помогает всем — и влюбленным, и ревнивым, и тем, кто хочет сжить со света своего врага, и тем, кто хочет узнать свою судьбу. Она сначала мне погадала и сказала, что Лограс — моя судьба, а не Бригинды, и только потому согласилась устроить мое счастье. Она не идет против судьбы, а только ей помогает — так она сама сказала...

Я ходила к ней ночью, совсем одна, даже без факела. Как мне удалось найти в темноте ее домик — знаю только я да луна, которая выглянула из-за туч как раз тогда, когда я чуть было не прошла мимо... Ух и страшно ночью в городе, особенно когда идешь к колдунье! Кажется, что за тобой кто-то крадется, в кустах вдоль дороги что-то все время трещит и попискивает. Я десять раз готова была повернуть обратно, но как только увижу перед собой торжествующую улыбку Бригинды и Лограса рядом с ней — сразу у меня смелости прибавится, и я иду дальше...

— А потом что? Вот ты дошла до ее дома...

— Дошла я, госпожа, до ее дома, тут и луна из-за туч выглянула. Остановилась я у крыльца и постучала в дверь. В домике было темно, не светилося ни одно окошко, но дверь сразу же распахнулась, и скрипучий голос негромко так сказал: «Входи, входи, девушка, сегодня — твоя ночь, я тебя жду!» Ох и испугалась же я, но отступать было уже поздно. Дверь за мной захлопнулась, и на какой-то миг я оказалась в полной темноте. Сердце готово было выпрыгнуть у меня из груди, я думала, что вот-вот умру от страха. Но вдруг, сама не знаю как, зажегся сначала один светильник, потом другой, третий...

Я оказалась посреди огромной комнаты, намного больше, чем могла поместиться в том покосившемся домишке, в который я только что вошла. А рядом со мной стояла худая высокая старуха в черном платье с красной бахромой. Она молча повела меня в дальний угол комнаты, усадила на стул, сама села рядом и стала разглядывать мою руку. Я такого страху натерпелась, пока она ее разглядывала, — прямо и сказать не могу!

— Что же там было такого страшного? — с любопытством спросила герцогиня.

Девушки за ее спиной замерли, боясь шелохнуться.

— Ты сидишь, старуха разглядывает твою руку, и что?

— А то, что по этой громадной комнате все время летали то ли птицы, то ли летучие мыши и задевали крыльями мои плечи и голову. Я вздрагивала, а старуха сердито сверкала на меня красными глазами. Клянусь Пресветлым Митрой, у нее были красные глаза, когда она тогда на меня взглядывала!

У Лавинии холодок пробежал по спине, но она все так же спокойно продолжала расспрашивать взволнованную девушку:

— Что же ты замолчала? Мне так интересно! Продолжай, чего ты боишься, ведь все уже позади!

— Ах, госпожа, позади-то позади, а как вспомню — так вся и холодею! Потом, как она мне сказала, что Лограс — это моя судьба, сразу куда-то исчезли и птицы, и мыши, а глаза у колдуньи сделались обыкновенными, черными и совсем не злыми. Она погладила меня по голове и сказала: «Ты — храбрая девушка, раз пришла ко мне! Это ты правильно сделала, за счастье надо бороться! Если оно твое, никому его не отдавай!» Она долго еще что-то бормотала и ласково гладила меня по голове. Я так разомлела, что чуть не уснула. А когда я с трудом открыла глаза, у старухи на ладони лежал медальон, вот этот. — Йонда показала простенький медальончик, висевший на ее шее. Ничего особенного, тускло поблескивающий овал из светлого металла с маленьким цветком из голубых камешков посередине. Черный шелковый шнурок, на котором он висел, ярко выделялся на нежной коже, отчего шейка девушки казалась еще белее.

— И на другой день, госпожа, он вдруг так переменялся, мой Лограс. Когда я шла мимо него, он вдруг остановился и посмотрел на меня таким взглядом, что я подумала: может, он принял меня за мою госпожу, прекрасную герцогиню?!

Лавиния, смеясь, потрепала девушку по щеке:

— Ну, вот ты уже и шутишь, значит, все страхи прошли! Так, выходит, теперь он смотрит только на тебя? А как же гордячка Бригинда?

— Она поглядывает на меня, словно взбесившаяся кошка, но после старухиных страхов я уже ничего не боюсь, лишь бы мой Лограс был со мною! А он будет со мною, и больше мне ничего не надо!

— А где, ты говоришь, живет старуха? Я что-то забыла... Представляю, как было страшно идти туда одной в темноте! Ты из какой калитки вышла?

— Из западной, потом прошла всю аллею до конца, вышла на улицу Алой Башни и свернула в третий переулок. А там, в самом конце, перешла через овраг и повернула направо. Отсчитала почти на ощупь пятый

дом — и вот тут-то и выглянула луна. Я ведь сначала днем туда сходила, чтобы ночью не заплутать, и запомнила этот дом по высокому засохшему дереву во дворе. Там больше нигде таких нет, везде только низкие кусты. Ох как было страшно ночью! — И она опять вздрогнула, вспоминая свое приключение.

Лавиния тряхнула так и не причесанной головой, промолвив:

— Йонда, ты так меня развлекла, что я и про прическу забыла! Вот тебе на счастье мой любимый перстень, а перед свадьбой я тебе еще кое-что подарю. А сейчас быстро расчешите мои волосы и уберите их в сетку с мелкими жемчужинами, я передумала делать высокую прическу!

Счастливая Йонда и остальные служанки занялись волосами своей госпожи, а она, задумчиво грызя засахаренные орехи и допивая из кубка вино, изредка невесело улыбалась своим мыслям.

Глава четвертая

До праздника Изобилия Митры оставалось всего три дня, и эта ночь была последней, когда герцогиня Лавиния могла осуществить задуманное. Всем было хорошо известно, что колдуны, маги и прорицатели теряли за три дня до праздника свою силу, и если пытались что-то сотворить или предсказать, то гнев Пресветлого оказывался страшен: кучка пепла — вот все, что оставалось от послушника. Лишь жрецы Храма Митры в эти дни совершали свои торжественные выходы на поля и пастбища, проводя обряды и моля бога о даровании богатого урожая и приплода на следующий год.

Лавиния, едва дождавшись, пока девушки уберут ее волосы, опять услала их прочь и, оставшись одна, надолго задумалась. До вечера еще далеко, но она не может днем, как какая-нибудь служанка, незамеченной выскользнуть из дворца, чтобы при свете осмотреть дорогу. Значит, придется идти ночью, пробираться по незнакомым темным удочкам, переходить через какой-то овраг — и все без факела! Хотя без факела даже лучше: никто не увидит одинокий огонек, мелькающий в темноте, никто не последует за ней. Она одна сделает это. Одна...

Теперь одна во всем дворце... Нет, не одна! Маленький герцог, будущий властелин Бергхейма, крошечный живой комочек, ее радость и надежда. Но ведь он так

беззащитен, и ничего не стоит подкупить няньку... или служанку...

Герцогиня порывисто вскочила и, во власти самых страшных предчувствий, бросилась в покои маленького герцога. Пробежав по узкому коридору, напугав служанок, неспих блюдо с фруктами и живого зайчонка, она распахнула дверь и стремительно вошла в спальню. На мягком ковре посреди комнаты сидел трехлетний золотоволосый мальчик и весело смеялся, глядя большими серыми глазами на ручную сойку, примостившуюся на спинке стула. Птица вертелась, помахивала хвостом и трещала, невнятно выговаривая слова, которым ее научили служанки:

— Гер-р-р-цог, гер-р-р-цог, куш-ш-шать, куш-ш-шать!

Она перепорхнула на подушку, лежавшую у ног мальчика, и вертела головой, поглядывая на него хитрыми блестящими глазками. Заметив герцогиню, птица несколько раз подпрыгнула на подушке, перелетела на полог высокой кровати и оттуда еще громче затрещала:

— Гер-р-р-цог, куш-ш-ш-шать, куш-ш-ш-шать, куш-ш-ш-шать!

Эта мирная картина успокоила встревоженную герцогиню, и она присела на подушки рядом с мальчиком. Он, все еще смеясь, уткнулся лицом в пышные складки ее платья. А Лавиния, взяв из рук служанки маленького зайчонка, посадила зверька на ковер и сказала сыну:

— Посмотри, Эйрик, кого для тебя принесли из леса!

— Ой, он прыгает! Мама, мама, он убежит!

Служанки обступили их со всех сторон, растянув в стороны широкие подолы юбок и не давая зайчонку забиться в угол, а маленький Эйрик, топая крепкими ножками, стал гоняться за живой игрушкой по всей спальне.

До самого вечера Лавиния пробыла с сыном, а когда мальчик наконец уснул, ушла к себе. Служанки помогли ей раздеться и оставили ее одну. Герцога этим вечером не было во дворце — егеря обложили медве-

дей, и они еще с утра, прихватив десяток баронов и дюжину стрелков, усаkali в северный лес. Эта ночь принадлежала ей.

Она надела простое темное платье, крепкие охотничьи сапоги и широкий темный плащ с капюшоном. Заперев дверь изнутри, она неслышными шагами подошла к резной деревянной панели в углу спальни. Легко нажав круглую розетку, почти незаметную среди пышных листьев орнамента, она улыбнулась, увидев, как медленно распахивается перед ней потайная дверь, ведущая в сад. В дальнем его конце, в искусно сооруженном гроте, где так приятно отдыхать жаркими днями, был выход из дворца, о котором знали лишь она и герцог.

Неслышно выйдя из заросшей плющом пещеры, она быстро пошла к калитке. Ключ дважды повернулся в замке, и она, не скрипнув, отворилась. Мгновение — и герцогиня, как ночная бабочка, растаяла в темноте, слившись с деревьями и кустами.

Лавиния почти летела по темной аллее, едва касаясь ногами земли, но ни тени страха не было в ее душе. Казалось, что пламя ненависти, сжигавшее ее сердце, лучше всякого факела освещало дорогу. Ни один камешек не покатылся в сторону с предательским шорохом, ни один сучок не затрещал под ее легкими шагами.

И вокруг нее тоже стояла тишина. Йонда испуганно говорила, что ей мерещились страшные шаги и таинственные звуки за спиной и в кустах — герцогиня, как ни прислушивалась, не слышала ничего. Вот она свернула в третий переулочек от улицы Алой Башни и вскоре увидела или, вернее, почувствовала, что дорога впереди резко обрывается вниз. Наконец-то овраг! Теперь — на другую сторону и вправо, а там — пятый дом...

Лавиния осторожно, держась за ветки чахлах кустиков и стебли высоких жестких трав, стала спускаться по смутно белеющей тропинке.

Громко захлопав крыльями, почти из-под самых ног женщины вспорхнула какая-то большая птица и, ша-

рахнувшись вбок, скрылась в темноте. Постояв несколько мгновений, чтобы унять вдруг бешено заколотившееся сердце, герцогиня поспешила дальше.

С трудом вскарабкавшись по крутому склону оврага, она остановилась, осматриваясь. Где-то за облаками едва заметным пятном светлела луна, не помогая ночным путникам, а лишь дразня и вызывая досаду. Тропинка едва заметной полоской терялась в густых кустах. Лавиния, поколебавшись, пошла по ней, раздвигая ветки, и вскоре вышла на тихую улочку. В голове ее гулко звучало: «Направо... Пятый дом... Сухое дерево...» И она медленно повернула, всматриваясь в смутные очертания крыш.

Чем дальше она шла по узкой, как будто вымершей улочке, тем светлее становилось вокруг. Тучи, плотной завесой прикрывавшие луну, вдруг стали распадаться на клочья, и ветер, пронесясь где-то там, в небесной выси, разметал их в стороны, открыв кусок чистого неба и ослепительный жемчужный диск. Вся улица осветилась серебристым светом, стали видны даже мелкие камешки под ногами. И перед ее глазами замаячило путеводной вехой высокое засохшее дерево с голыми ветвями, задранными вверх, как костлявые руки.

Герцогиня медленно подошла к покосившейся ограде, немного постояла, оглядываясь, и увидела почти спрятавшийся в густых кустах маленький домик. При лунном свете он казался совсем крошечным, с кривой ветхой крышей и двумя окошками, тускло блестевшими по обе стороны крыльца. Ступеньки чуть слышно скрипнули под ее осторожными шагами, и она, почувствовав, что вся дрожит, робко взялась рукой за дверное кольцо. Но гордость и отчаяние заставили гулко забиться ее сердце, и Лавиния решительно постучала в дверь. На ее стук никто не отзывался. Тогда она, кусая губы от гнева на собственное малодушие, на эту ночь, на весь мир, изо всех сил забарабанила кулаком по ветхим доскам.

Из глубины домика слышались шаркающие шаги, скрипнула половица, раздалось невнятное бормотание, и кто-то стал отпирать многочисленные засовы. Наконец дверь беззвучно отворилась, и герцогиня решительно вошла в темный дом.

— Иди прямо вперед, не бойся и не оглядывайся! — вдруг раздался у нее за спиной звучный женский голос. Лавиния судорожно ухватила руками за завязки плаща и осторожно пошла вперед, пытаясь хоть что-то разглядеть в полной темноте.

Неожиданно справа от нее затеплилась сверкающая точка, потом слева, а несколько огоньков засияло впереди, и вскоре она увидела, что стоит посреди огромного зала, такого же, как парадные залы герцогского дворца. С изумлением осматриваясь, она смутно вспомнила, что рассказывала Йонда об этом колдовском месте. Да, в этом зале поместился бы добрый десяток таких жалких лачуг, как та, в которую она только что вошла! И как богато он отделан! Кто бы мог подумать, что кособокий домишко скрывает за почерневшей дверью такое великолепие! словно в ответ на ее мысли, прозвучал голос:

— Это не для всех, моя герцогиня, а лишь для самых дорогих гостей! Только их я принимаю в залах моего дворца!

Лавиния резко обернулась и невольно сделала шаг назад — перед ней стояла немолодая величественная женщина с черными, с легкой проседью волосами, свободно рассыпавшимися по плечам. Что за глупости говорила Йонда?! Старуха?! Похоже, что девчонка с перепугу и глаз-то не поднимала на колдунью!

Сама же герцогиня не могла отвести взгляда от спокойного властного лица, от стройной фигуры, облаченной в свободное платье из черного струящегося шелка, с богатой красной вышивкой, пылающей, как языки пламени. Улыбнувшись, хозяйка приветливым жестом указала Лавинии на одно из позолоченных кресел у огромного камина, сложенного из грубых чер-

ных камней. В его зияющей пасти тотчас же вспыхнул жаркий огонь, и герцогиня почувствовала, как живительное тепло согревает ее. Она свободно опустилась в кресло, откинув капюшон, и стала с восхищением осматриваться.

Светильники, так таинственно вспыхнувшие в темноте, освещали великолепный зал, достойный самой королевы. Высокий потолок поддерживали колонны, облицованные драгоценной яшмой, снизу доверху стены украшали узкие панели из позолоченного резного дуба. Высокие окна выходили в какой-то неведомый сад, из которого доносился аромат ночных цветов и стрекот влюбленных сверчков.

Колдунья не торопила ее, сидела напротив и не мигая смотрела на герцогиню черными, задумчивыми глазами. Лавиния не заметила, как между ними оказался стол с двумя кубками.

— Выпей моего вина, герцогиня, за то, чтобы твое желание исполнилось! И я с удовольствием выпью с тобой за смерть проклятого Ферндина! — Глаза колдуньи сверкнули красным огнем, и она подняла свой кубок.

Герцогиня вздрогнула: колдунья прочитала ее мысли, высказав за нее то, с чем она сюда пришла... Видит Митра, она не была кровожадной злодейкой. Но иного пути не было! Вспыхнув, она решительно взяла в руки тяжелую чашу и, глядя в глаза Вегды, повторила со всей силой переполнявшего ее чувства:

— За смерть проклятого Ферндина!

Молодая герцогиня и загадочная женщина, сидевшая напротив нее, молча пили терпкое вино, словно совершая какой-то обряд. Громко трещали толстые поленья в огромном камине, и снопы искр, взрываясь, освещали золотистыми бликами два лица, с одинаковым выражением смотревших на огонь.

По суровому лицу Вегды, со сведенными к переносице черными бровями, было видно, что и у нее есть свои счеты с Ферндином. Здесь была какая-то тайна, и

она смутно тревожила Лавинию. Допив вино и поставив на стол пустой кубок, она прямо взглянула в глаза колдунье и сказала:

— Я вижу, люди не зря превозносят твое могущество! Не успела я постучать в твою дверь, а ты уже знала, что меня привело к тебе!

— Ну, это я знала давно! — хрипловато засмеялась колдунья. — Подлый негодяй! Он — истинная причина твоих бед. И всего герцогства. Но, увы, он умрет не от твоей и не от моей руки, хотя я с большим наслаждением вонзила бы в него кинжал... или подала отравленное питье... У него другая судьба, и не мне ее менять! Что предначертано — то да свершится! Я лишь чуть-чуть подправляю судьбу, чтобы задуманное богами свершилось скорей! — Она помолчала, снова отвернувшись к огню, словно читая в его отблесках волю небес. — Сядь поближе к камину, я посмотрю твою руку и тогда скажу, что ты, отважная женщина, можешь сделать, чтобы приблизить его конец!

Лавиния, уже не удивляясь тому, что стол, на котором только что стояли кубки, истаял у нее на глазах, а кресло оказалось почти вплотную придвинутым к креслу колдуньи, протянула ей узкую сильную руку и тоже стала вглядываться в переплетение линий на своей ладони, пытаясь что-то увидеть и понять.

Вегда взяла руку герцогини своими горячими руками, наклонила голову, так, что волосы, упав, почти скрыли ее лицо, и тихо стала водить пальцем поперек ладони:

— Безмятежное детство... Счастливая юность... удачный брак... Вот, вот оно — роковая встреча! Встреча, несущая смерть! И другая встреча — несущая долгую счастливую жизнь! Они сшибутся, сшибутся и тут два пути... И только ты, герцогиня, только ты можешь помочь судьбе! Клубок ненависти наматывается, наматывается, пламя все пожирает, все уносит! Только тогда души обретут покой, а к герцогу вернется разум...

Лавиния слушала оцепенев, стараясь не пропустить ни слова. Ей одновременно казалось, что она не понимает ничего и что она понимает все. Линии на ладони мелькали перед глазами, то складываясь в образы скрещенных мечей, то образуя очертания незнакомого лица, то вдруг перед ней вставали оскаленные собачьи морды...

Она наконец в изнеможении закрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Колдунья положила что-то ей на ладонь и сжала ее руку в кулак. Лавиния вздрогнула, подняла отяжелевшие веки и увидела прямо перед собой осунувшееся лицо с горящими глазами. Волосы, свисавшие вдоль впалых щек, шевелились, колыхаемые порывами легкого ветра, вдруг закружившегося по залу. Язычки пламени в светильниках испуганно трепетали, огонь в камине бешено завывал.

— Возьми, герцогиня, и береги это, как своего ребенка! В коробочке — мазь, составленная по старинному колдовскому рецепту! Если голову мертвеца приставить к телу и обмазать этой мазью шею, то голова прирастет, а убитый оживет! А уж если раненый едва жив, то он не умрет от ран, а быстро выздоровеет! Возьми, это то, что должна сделать ты! Скоро, скоро все свершится! Ты сама все поймешь! А теперь поспеши домой, я сама провожу тебя! — Колдунья встала и пошла вперед.

За спиной герцогини исчез камин, стали один за другим гаснуть светильники, и скоро она опять оказалась в полной темноте. Вдруг впереди со скрипом распахнулась дверь, и перед ней возник двор, залитый лунным светом, и сухое дерево, казавшееся серебряным.

Она шла не чуя под собой ног, и луна ярко освещала дорогу. Тучи серыми клубами мчались по небу, обходя стороной сияющий лунный диск, овраг, казалось, потерял свою крутизну, или это призрачный ветер нес ее над самой землей, не давая споткнуться. Вскоре ключ повернулся два раза, запирая калитку в дворцовой ограде. Лавиния бесшумной тенью проскользнула в грот и вошла в потайную дверь. Тут же бешеный порыв

ветра закрутил облака в вышине, и луна скрылась за их плотной завесой.

Лишь в спальне, сбросив с себя плащ и сапоги, герцогиня вдруг вспомнила, что ни она, ни сама колдунья не заговорили о плате. Как же так, ведь она специально захватила с собой увесистый кошель с золотыми монетами! Вот он и сейчас висит у нее на поясе! О боги, какая оплошность! Герцогиня, не помня себя от огорчения и растерянности, зачем-то подошла к зеркалу и стала снимать с волос жемчужную сетку. Волосы рассыпались по плечам. «Как у колдуньи!» — невесело усмехнулась она и взглянула в темный овал зеркальной рамы. В спальне не горел ни один светильник, но зеркало вдруг отразило большую, тускло освещенную комнату и женщину в черном платье, с распущенными волосами.

— Вегда! — тихо вскрикнула герцогиня.

— Да, это я! Мне тоже не чужды человеческие слабости, я, как и ты, забыла про золото, но без платы мое колдовство не имеет силы! Того, что висит у тебя на поясе, будет достаточно, подай кошель и не забудь — все теперь в твоих руках! Лишь ты сможешь направить судьбу по нужному пути! Береги коробочку!

Лавиния, дрожа от холода, вдруг пронзившего все ее тело, отвязала от пояса кошель и положила его в руку, протянувшуюся к ней из зеркала. Светильники за спиной колдуньи тотчас погасли, и на герцогиню смотрело уже ее собственное отражение, едва различимое в темноте спальни.

Глава пятая

— Эй, рыжий, вставай! Просыпайся, тебе говорю, плут! Ну, погоди, сейчас ты у меня вскочишь!

Конан уже который раз пытался разбудить Рыжего Бёрри, но ответом ему были только могучий храп и невнятное бормотание. Певец лежал ничком на низком ложе, уткнувшись лицом в измятую подушку, и никакими силами его не удавалось поднять. А ведь вчера вечером они договорились, что Бёрри сведет Конана с лучшим оружейником Мэноры, который был, по его словам, крепким орешком. И вот теперь, просидев почти всю ночь со старыми приятелями, которые требовали от него все новых и новых песен, неутомимый певец лежал как бревно, даже не чувствуя крепких тычков киммерийца.

— Ну, нет, ты у меня проснешься! Солнце уже высоко, а ты все дрыхнешь, как герцог! Хотя я думаю, что и герцог уже давно уже встал!

С этими словами Конан взял большой кувшин с водой, скромно стоявший в углу, стащил Рыжего Бёрри с постели на пол и стал щедро поливать его голову. Храп тут же прекратился, мутные глаза на мгновение приоткрылись, рука заскребла по доскам пола, как бы перебирая струны невидимой эрты, и комната огласилась воплем:

— Нас было восемь за столом... Тра-ля-ля да тра-ля-ля! К утру остался я один... Тра-ля-ля... хр-р-р...

Конан еще разок плеснул приятелю в лицо водой из кувшина и услышал продолжение:

— ... А остальные под столом... Тра-ля-ля да тра-ля-ля! Эй, каналья, ты что мне льешь в кубок?! Я воду пил только в детстве да еще в прошлом году, когда фляга прохудилась... нет, отвязалась... нет, вино слишком быстро кончилось, а я все ехал... ехал... ехал... хр-р-р...

Уже не в силах удержаться от смеха, Конан выплеснул ему на голову добрую половину кувшина и вдруг услышал:

— Я уже проснулся. Все помню. Пора вставать. Надо идти к оружейнику, а то настает вечер. А чтобы идти, опять же надо встать. Конан, ты что, не догадался послать девчонку за вином?! Пусть несет, а я еще досплю...

Веселая служанка быстро притащила полный кувшин, и Бёрри, едва услышав, как она наливает вино, сразу стал подниматься на четвереньки:

— Ну-ка, ну-ка, птичка, куда, ко мне поближе... Давай, где там кубок?

Он с закрытыми глазами ловил рукой воздух, а служанка, смеясь, водила кубком перед его носом. Наконец он разлепил веки и стал вертеть головой, следя за ее движениями.

— Ну, зачем же сразу два? Давай сначала один, потом другой... Нет, я скажу Лису, что у него бестолковые служанки, ничего толком не умеют!

Конан силой всунул кубок в его блуждающую руку и поднес к жаждущему рту. Мгновение — и он опустел. Девчонка налила еще, и этот опустел так же быстро.

— Все. Теперь можно вставать. Похоже, я уже умылся, так что, голубка, дай-ка мне полотенце! И принеси чего-нибудь поесть. — Он посмотрел на Конана почти совсем прояснившимися глазами и ухмыльнулся: — Забыл тебя предупредить, что по утрам у меня очень крепкий сон! Матушка, помню, пока добудится,

так все кулаки об меня отобьет, а поленом будить жалела... Добрая она у меня была... Ну, так что, поедим и пойдем?

— Что-то гляжу я на тебя, Рыжий, и думаю: как еще примет нас твой «крепкий орешек», ведь ты говорил, что он и для герцога делал доспехи, и для заезжих рыцарей? А с тебя вон до сих пор капает... И штаны... Кром! Бёрри, ты что, вчера барашка из блюда себе на колени переложил? Ну и пятно! Тебя в таких штанах и близко нельзя подпускать к приличным лавкам!

— Ха, штаны! Подумаешь, штаны! — Бёрри был явно задет насмешкой, но жаркое уплетал с большим удовольствием, облизывая жирные пальцы и вытирая их о безрукавку. — Штаны ему мои не нравятся! Доедай, и пошли, я покажу тебе, кто такой Рыжий Бёрри!

Он еще долго не мог успокоиться и все продолжал ворчать, пока они наконец не вышли из харчевни. На улице Бёрри немного постоял, как бы что-то вспоминая, потом расцвел улыбкой и уверенно пошел вперед. Конан шагал рядом, с удовольствием посматривая на этого лохматого пьяницу с бездонной утробой, которого любили во всех харчевнях и который везде был дома.

Изрядно поплутав, они оказались в каком-то тупичке, где крыши чистеньких домов мирно выглядывали из густой зелени.

— Слушай, друг, ты куда меня завел? С каких это пор оружейники селятся в таких углах? Где тут кузница, где мастерские?

— погоди, всему свое время! Ты там что-то говорил про мои штаны, да? Может, и моя рубашка, и моя прекрасная безрукавка тебе тоже не по вкусу? Может, и башмаки такие не смеют ступать по славным улицам Мэноры? — Он говорил сердито, притопывал ногой и размахивал руками, а серые глаза искрились такой плутовской усмешкой, что Конан, ничего не понимая, только развел руками:

— Так ты что, завел меня сюда, чтобы поговорить о своем наряде? Вижу, что кувшина холодной воды тебе

было маловато, чтобы проснуться! Надо было тебя еще поленом приголубить, тогда бы вспомнил, куда меня ведешь! Эх, и зачем я с тобой только связался, бочка ты бездонная!

Конан уже хотел было повернуться и уйти, но Бёрри вдруг расхохотался, хлопнул киммерийца по плечу и сказал:

— Подожди здесь немного, скоро пойдем к оружейнику. Это отсюда совсем недалеко! — И проскользнул в калитку.

Конан задумчиво побродил по заросшей лопухами улочке, полюбовался яблонями, ветви которых пригибались к самой земле под тяжестью румяных плодов, спугнул двух готовых вцепиться друг в друга котов и, услышав негромкий разговор, вернулся к калитке, за которой скрылся Рыжий Бёрри. Взглянув в сад поверх невысокой ограды, он в изумлении присвистнул и спрятался за стволом высокого дерева, росшего неподалеку.

По саду от дома важно вышагивал рыжий щеголь с тщательно расчесанными кудрями, в маленькой синей бархатной шапке, лихо сдвинутой на ухо. Белоснежная рубашка, добротные синие штаны, заправленные в новенькие сапоги, и расшитая золотым шнуром безрукавка делали его совершенно неотразимым.

Рядом с ним, не сводя с Бёрри сияющих влюбленных глаз, шла пышная красотка, уже не очень молоденькая, но все еще аппетитная. Видно было, что больше всего на свете ей хочется повиснуть на шее у рыжего плута.

— Да приду я, приду к тебе вечером. Ведь я только что с лошади — и сразу к тебе! Только о тебе весь год и думал, радость моя! Нет, нет, не висни на мне сейчас, у меня важное дело в городе. Жди меня, как стемнеет! — И он смачно поцеловал красавицу в румяные губы.

— Бёрри, шалопад ты этакий, знаешь ведь, как я тебя люблю! Буду ждать, твое любимое вино у меня к празднику всегда наготове!

— Ну, хоть и не уходи! И ты сама, и вино, и гуся, небось, зажаришь, а?

— Да уж зажарю! — Она засмеялась и все-таки повисла у него на шее.

Конан стоял за деревом и с удовольствием наблюдал, как Бёрри отчаянно вырывается из ее пылких объятий. Наконец он освободился и бросился к калитке, махнув на прощание рукой:

— Главное, про гуся не забудь!

Он выскочил за калитку, увидел Конана и, беззвучно смеясь, ткнул его в бок кулаком. Отойдя от дома подалее, они расхохотались во весь голос.

— Кто тут был недоволен моим видом? Кого тут не устраивали мои прекрасные штаны? Нет, друг, хоть ты и силен и, может быть, даже хитер, но по сравнению с Рыжим Бёрри ты — сопливый младенец! Пошли к оружейнику, и предоставь все разговоры мне, понял?

Пока они выбирались из тихих улиц окраины, Конан шел, не переставая удивляться перемене, происшедшей с его спутником. От ленивой походки вразвалку не осталось и следа — рыжий молодчик шагал бодро и упруго, и его голос, когда он рассказывал о своей прекрасной вдовушке, хранительнице парадного наряда, звучал густо и сочно. Конан вспомнил, что как раз это поразило его в первый же вечер, когда они приехали в Мэнору.

— Послушай, приятель, с твоими штанами мне теперь все понятно — я уверен, что в каждом городе, куда ты заглядываешь попеть и выпить, ждет тебя такая вот красotka с кувшином вина, гусем и сундуком, набитым твоим барахлом. Но вот объясни мне, как это у тебя получается: когда ты просто так поешь, для себя или с похмелья, — это и пением-то назвать нельзя, ты, между нами, отвратительно орешь, хуже ослов, которых я видал на юге. А когда вокруг тебя собирается компания — твой голос гудит, как колокол, и руки сами тянутся к мечу... или к кубку, смотря о чем твоя песня. Что скажешь?

— Меня, между прочим, многие об этом спрашивали. Хотя я и сам не знаю, почему так получается, но, как человек очень умный, я объясняю это дело так: есть у меня одежда, чтобы пить, есть и в канаве валяться — и есть другая одежда, в которой не стыдно и во дворец показаться. Так вот и два моих голоса: один на каждый день, когда никто не слышит, а другой — для хорошей компании, которая и винцом угостит, и кошель мой наполнит. Ну, теперь понял, друг Конан?

— Честно тебе скажу, Бёрри: много я успел перевидал плутов за свою жизнь, но такого забавного, как ты, вижу впервые! А до оружейника-то твоего мы дойдем сегодня или нет? Иначе, смотри, окуну я тебя в твоём наряде в канаву, будешь сидеть голый у своей вдовушки, пока она все тебе перестирает!

— Остановись и прислушайся! Что ты слышишь на этой улице? Правильно! Звон молотков и бряцание доспехов! А насчет канавы — неужели ты думаешь, что у меня здесь, в Мэноре, только одна подружка и только один сундук? Ну, вот мы и пришли. Нам сюда, в эти ворота!

Улица, на которую они вышли из тишины сонных садов, была довольно оживленной. По ней взад-вперед сновали шустрые подмастерья, сгибаясь под тяжестью седел, ковровых попон, щитов и ножен. Отовсюду слышались веселый перестук молотков и волнующий кровь звон мечей: рыцари, заказавшие доспехи и оружие, проверяли их здесь же, во дворах перед мастерскими.

И на том дворе, куда они вошли, стройный рыцарь, высекая искры, изо всех сил рубился с дюжим подмастерьем, а потом вдруг остановился и стал осматривать клинок:

— Знатная работа! Не зря мастер Кларс берет так дорого! Теперь пошли, посмотрим кольчуги! — И они ушли, оживленно переговариваясь.

Конан хотел было пройти к мастерским, откуда то и дело выбегали проворные мальчишки, принося и унося

шлемы, кинжалы, наколенники и прочие части доспехов. Но Бёрри удержал его за рукав и отступил в тень навеса для лошадей.

Из дома, громко переговариваясь, вышли двое: породный господин с красным от гнева лицом, сжимавший в руках туго набитый кошель, и коренастый широкоплечий мастер в потертых кожаных штанах и простой рубахе навыпуск. Из-под копны кудрявых черных с проседью волос насмешливо сверкали умные карие глаза, густая борода шевелилась, скрывая улыбку.

— Нет, господин, у меня только заказное оружие и доспехи. Готовое поищи в соседних мастерских, там тебе и подправят, и подгонят, и герб любой на щит поставят, а я делаю каждому рыцарю свое оружие, по руке и по мерке!

— Так сделай и мне! Я же тебе который раз говорю: сделай — и этот кошель твой! Ведь еще целых три дня до турнира!

— Нет, господин, я тебе уже все сказал. За три дня пусть тебе кто угодно делает, только не мастер Кларс! И не нужен мне твой кошель, господин, я сам тебе заплачу, только иди и не мешай мне работать!

— Ах ты, дерзкий простолудин! Да ты знаешь ли, с кем говоришь! Тебе это даром не пройдет, я не посмотрю, что ты любимчик герцога! Скоро, скоро тебе это уже не поможет! — Бормоча проклятия, толстяк вскочил на лошадь, которую ему подвел мальчишка-конюх, и галопом выехал за ворота.

— Каков, а? — Бёрри с восхищением смотрел из-под навеса на мастера, все так же спокойно стоявшего на крыльце и насмешливо глядевшего вслед разгневанному всаднику. — Если ему что не по нраву, ни за что не продаст оружие и не возьмется за работу! Ха, не может он сделать доспехи за три дня! Да он и за одну ночь все может, если только захочет! Ну а теперь пошли, пора и нам с ним потолковать!

С этими словами он вышел на середину двора, подбоченился и воскликнул:

— Пресветлый Митра! Сам мастер Кларс стоит на крыльце и встречает почтенного Бёрри! А почему ты один? Где Альтус, Минк, Эргон и другие мастера? Я прибыл издалека и жду радостной встречи!

— Ого, вот так гости! Бёрри, мы тебя как раз вчера вспоминали — куда, дескать, запропастился этот бездельник, праздник на носу, а его все нет! Ну, дружище, здравствуй, как же я рад тебя видеть!

Мастер Кларс спустился с крыльца и поспешил навстречу Бёрри. Они обнялись, гулко хлопая друг друга ладонями по спине и плечам. Несколько подмастерьев остановились было, чтоб поглазеть на это небывалое зрелище, но мастер метнул на них такой взгляд, что они поспешили скрыться.

— Хорошо, что не забываешь старых друзей. Пойдем, посидим, поговорим, ведь целый год не виделись!

— И посидим, и поговорим, но сначала я хочу тебя кое о чем попросить...

— Для тебя, Рыжий, все, что захочешь! Даже ожерелье для твоей красотки могу сделать, хоть я и оружейник! Выкладывай, что за нужда у тебя?

Бёрри повернулся к навесу и призывно махнул рукой. Конан вышел из укрытия и приблизился к мастеру Кларсу.

— Ого-го, это кто же такой будет? Твой приятель, что ли? Ну, здравствуй! Не знаю, как тебя звать, а меня — мастер Кларс.

— А я — Конан-киммериец. Рад встрече с тобой, а еще больше рад, что меня к тебе привел этот плут, распеваящий песни!

— Ну, так у кого же из вас ко мне дело? Чувствую я, что тут не ожерельем пахнет, а добрым мечом... Угадал?

— Кларс, мы тут только что видели, как ты выставил этого красномордого, который тряс перед тобой толстым кошельком. Не вздумай так же ответить моему другу! Не для того он спешил на турнир, чтобы здесь остаться с носом! Видишь, какой славный молодец, так

приодень его хорошенько! А кошель у него не хуже, чем у этого, который тебе грозился!

Мастер вдруг перестал улыбаться, посерьезнел и оглядел Конана с ног до головы придирчивым взглядом. Потом лицо его снова прояснилось, и он протянул киммерийцу широкую ладонь:

— Договорились! Для такого бойца и работать будет приятно! Это не какой-то там прихвостень проклятого Ферндина! И даст мне Митра увидеть, как ты побьешь на турнире этого поганого выродка! Тьфу, надо поскорее прополоскать горло после его мерзкого имени! Пойдемте со мной, там обо всем и договоримся.

Они прошли мимо конюшни, кузницы, миновали мастерскую, где собирали кольчуги, и подошли к небольшому дому, за которым начинался плодовый сад. Хозяин распахнул дверь и пригласил их войти.

— Цени Рыжего Бёрри,— прошептал Конану его спутник,— мастер пригласил нас к себе домой! Даже я тут никогда не был, нутром чую, что ты ему приглянулся!

Немолодая, но все еще очень привлекательная женщина в коричневом платье с узким лифом, напоминающем платья знатных дам, молча поклонилась гостям и вышла, повинувшись властному взгляду мужа. Вскоре она вернулась с кувшином вина, а молоденькая служанка, то появляясь, то убегая на кухню, устала стол всевозможной снедью. Накрыв на стол, женщины ушли, а мастер, сев на стул с высокой спинкой, начал разливать вино.

— Сейчас выпьем, закусим и начнем снимать мерки. Завтра к вечеру все будет готово. Утром приведи свою лошадь, у нее наверняка сбиты подковы. Ты откуда добирался-то?

— Из Бельверуса, но коня ковал еще раньше. Так что с подковами ты попал в самую точку. Слушай, ты тут говорил про какого-то Ферндина, это что еще за птица?

Рыжий Бёрри вмешался в разговор:

— Эх, Конан, тут такое творится! Мне вчера Лис все рассказал! Давайте сначала выпьем за встречу, а потом уже поговорим об этом шакальем отродье!

— Да, Бёрри, ты прав! Нечего мешать чистое вино и разговоры об этом... тьфу, ну его, давайте выпьем!

Они с удовольствием осушили кубки и принялись за еду. И хотя совсем недавно они плотно позавтракали у Лиса, аромат кушаний, стоявших на столе, заставил их забыть обо всем. Перед Конаном в глубокой миске дымилось жаркое с овощами, политое острым соусом, от которого щипало язык и на глаза наворачивались слезы. Этот жар можно было остудить только вином, и кувшин, не останавливаясь, ходил по кругу, пока не опустел.

Хозяин не торопил своих гостей, но глаза его время от времени мечтательно пробегали по широкой груди и могучим рукам киммерийца. С трудом дождавшись, пока миски и кубки опустеют, он в нетерпении вскочил со стула:

— Бёрри, ты ему про Ферндина лучше меня потом расскажешь, у тебя язык хорошо подвешен! Но смотри, расскажи так, чтобы у твоего друга кровь загорелась и чтобы ему передалась хоть частица нашей ненависти! А уж я сделаю ему такие доспехи, каких нет у самого герцога Оргельда! Пошли, киммериец, пошли скорей, нельзя терять времени!

Они пробыли у Кларса до самого вечера. Конану всегда нравились оружейные мастерские, но то, что он увидел здесь, привело его в полное восхищение. Это было крошечное королевство, и мастер Кларс был его грозным владыкой. Его любили и боялись все, начиная от седобородых мастеров, ближайших помощников Кларса, и кончая шустрыми мальчишками, только что поступившими к нему в учение и пока что с большим рвением подметавшими двор. Один из них со всех ног бросился выполнять какое-то его приказание, отданное чуть слышным голосом, и вскоре из всех мастерских вышли серьезные оружейники в прожженных пере-

дниках и с руками, почерневшими от работы с металлом. Как свита за королем, они прошли за мастером Кларсом и его гостями в большую комнату с простыми лавками вдоль стен, на которых были разложены различные кольчуги, шлемы, подшлемники, а на обшитых простыми деревянными панелями стенах висели всевозможные мечи и кинжалы. В одном углу красовались, укрепленные в специальной стойке, сверкающие секиры, а другой угол оцетинился боевыми топорами. Луки и стрелы разных видов притягивали взгляд, казалось, они так и просятся в битву, чтобы запеть свою вечную песню смерти.

Здесь же можно было заказать боевое снаряжение для коней — седла, приспособленные для всадников в доспехах, массивные стремяна, стеганные попоны и множество вещей и вещей, назначение которых понятно только настоящему воину.

Они долго выбирали, примеряли, прикидывали, потом пошли в кузницу, и мастер Кларс сам достал клинок из кучи заготовок, приготовленных для последней закалки. У Конана от звона молотов, смеха кузнецов, шипения воздуха в мехах, брызжащих искр и запаха горячего металла просто руки зачесались, и он подхватил огромный молот, стоявший у стены.

— А, ну-ка, давай покажи, на что способен! Вижу хватку. Кузнецом был, что ли?

— И это приходилось! Эй, ребята, поддайте огоньку!

Клинок, вынутый из чана с соленой водой, докрасна раскалился в горне, и Конан стал аккуратно отбивать его огромным молотом, а мастер Кларс доводил его своим молоточком.

Бёрри, покрутившись немного возле горна, вскоре исчез, не выдержав жара и шума.

Так он и пропадал где-то до самого вечера, когда потные и усталые мастер и его могучий помощник вышли во двор. А в кузнице за их спинами продолжал пылать огонь и неугомонно перестукивались молоты, большой и малый.

— Значит, договорились. С утра приводишь коня, меняем подковы, выбираешь сбрую. А сейчас надо малость отдохнуть. Эй, Бёрри, старый гуляка, куда тебя демоны утащили?

Его громовой голос разнесся над всей улицей, и собаки во дворах ответили бешеным лаем.

Дверь конюшни скрипнула, и на пороге показался Бёрри. Великолепный щеголь, похоже, неплохо выспался на сене и сейчас, с соломинками, приставшими к штанам, безрукавке, шапке, зажатой под мышкой, растерял половину своей важности. Конан не выдержал и расхохотался.

— Теперь тебе осталось поужинать у «Старого Лиса», и можно будет наведаться к другой вдовушке с сундуком, а?

— Хорошо, что напомнил! Чуть не забыл, а я ведь ей обещал! Пойдем, провожу тебя до харчевни, по дороге расскажу про этого Фердинана, а потом к ней! Ведь жареный гусь это тебе не шутка! Да и сама она... м-м-м... — Бёрри замотал головой, зажмурился и выразительно причмокнул.

Тут уже и мастер Кларс засмеялся и ткнул его в живот могучим кулаком:

— Ну ладно, раз уж обещал, то иди! А завтра приходишь к нам, и мы тебя отсюда не выпустим, пока не пропоешь все, что знаешь. Особенно про короля Грегора! Ладно, идите, вон уже почти стемнело. Эй, Арнольф, бери факел и проводи этих господ! Живо, постреленок!

Мальчишка с зажженным факелом, Конан и Бёрри вышли за ворота, а мастер Кларс еще долго смотрел им вслед, то хмураясь от невеселых дум, то вдруг чему-то улыбаясь. Потом вернулся в кузницу, и к стуку молотов присоединился его властный рокошующий голос.

Глава шестая

Праздник Изобилия Митры исстари был для жителей Мэноры и всего герцогства Бергхеймского самым радостным событием года. Земледельцы собирали урожай, пастухи подсчитывали подросший приплод, и все они возносили моления Митре о даровании благ на будущий год.

Браки, заключенные сразу после праздника, считались самыми крепкими и счастливыми. Поэтому еще много дней после совершения всех обрядов и церемоний, посвященных Пресветлому Митре, город и вся провинция праздновали бесчисленные бракосочетания. Но в этом году, несмотря на обычное оживление, царившее в Мэноре накануне праздника, все же чувствовалось какое-то напряжение, смутная тревога, ожидание несчастья. Город по-прежнему жил, торговал, улицы полнились народом, но не слышно было ни громких голосов, ни смеха. Сидя в харчевнях, горожане о чем-то тихо переговаривались, сокрушенно качая головами, а в разговорах только и слышалось упование на справедливость Всеблагого Митры, который не допустит такой напасти.

Ферндин — вот было имя, растревожившее весь город, имя этой напасти, которой, как чумы, боялись все жители. Герцог, их мудрый молодой герцог Оргельд, который преобразил все герцогство за такое еще недолгое время своего правления, вдруг стал послушной

игрушкой в руках безродного проходимца! Куда подевались его спокойствие и рассудительность в делах правления, где теперь его мудрые приговоры в делах суда! Нескончаемые пиры, охоты, бешеный разгул — и все дела в забросе, а если что и приходится решать, то герцог сначала спрашивает совета у своего незаменимого Ферндина, а потом повторяет его слова как результат собственной мудрости.

И вот теперь Ферндин собирается участвовать в Большом Турнире! Когда эта новость облетела город, он стал похож на растревоженный муравейник. Ведь Турнир, вернее, победа на Турнире, посвященном Всемогущему Митре, — единственная возможность для низкороджденного обрести титул, который в ином случае передавался только по наследству. В Турнире могли принимать участие воины любого звания — графы, бароны, а также простолюдины. И тот, кто становился единственным победителем, считался избранником Митры. Если в жилах победителя текла благородная кровь, герцогская награда придавала больший вес его титулу и преумножала его богатства. Если же Митра даровал победу простолюдину — тот сразу же становился благородным рыцарем, а титул и богатство, которые он при сем получал, делали его влиятельным человеком.

Этого и добивался Ферндин. Без титула и поместий он был подобен легкой щепке, пляшущей на гребне волны. В любой момент герцогский каприз или происки придворных могли вышвырнуть его прочь из дворца, а вот если бы у него был титул... О, тогда он мог бы побороться с любыми недоброжелателями! Закрепить то, чего уже добился, и стать главным советником герцога по государственным делам, заняв то место, которое занимал когда-то барон Дисс из Редборна. А дальше...

Дальше — он стал бы истинным правителем Бергхейма, вертя герцогом, как красивая любовница вертит старым сластолюбцем...

Это видели и чувствовали все — и приближенные герцога, и простой народ. Праздник Митры приближался, как громадная грозовая туча, и было неизвестно, пройдет ли гроза стороной или спалит своими молниями весь город.

Такую удручающую картину нарисовал перед Конаном красноречивый Бёрри, когда они вечером возвращались в харчевню старого Лиса. И Конан, в глаза не видевший ни молодого герцога, ни коварного Ферндина, уже вполне отчетливо представлял своего будущего противника. Рассказав все это, Бёрри на мгновение остановился и спросил:

— Теперь понял, почему мастер Кларс смотрел на тебя такими глазами?! Руку даю на отсечение, воинов, подобных тебе, не будет на этом турнире! Поверь бродяге Бёрри, я ведь много лет смотрю эти состязания! Господа прекрасно владеют оружием, но все они узки в кости, ни у кого из них нет таких широченных плеч и могучих рук, как у тебя! А простолюдины вообще редко суются на эти турниры — ведь правила здесь достаточно жестоки: воинам дозволяется сражаться до смертельного исхода. В последние годы многие бойцы предпочитают признать себя побежденными, чем лишиться жизни, но все же... Кому из простых воинов захочется рисковать головой, сражаясь с ловким рыцарем, с детства приученным сидеть на коне и каждый день упражняющимся в боевых искусствах! Но ты... Таких молодцов Мэнора, пожалуй, еще не видала, и, может, это сам Митра привел тебя сюда в нынешнем году!

Он задумался и шел молча всю дорогу до постоялого двора. У ворот Бёрри сказал:

— Я сейчас к Лису не пойду, а то потом мне будет уже не выбраться к моей красотке! Завтра утром жди, я за тобой заскочу, пойдем ковать твоего жеребца! А ты, малец, посвети-ка теперь мне, чтобы ненароком не споткнуться по дороге! — И, подтолкнув мальчишку с факелом, он скрылся за углом.

Умывшись на заднем дворе и как следует закусив в компании крестьян, собиравшихся удачно поторговать после праздника, Конан отправился наверх, попросив хозяина разбудить его пораньше. Но, проснувшись наутро от довольно увесистых тумачков и нехотя открыв глаза, он, к своему удивлению, увидел Бёрри, сияющего чистотой своего наряда. Рыжие его волосы были чисто вымыты и светились в солнечных лучах, словно пламя костра.

— Давай-давай, просыпайся! Я нарочно вышел пораньше, чтобы поквитаться за вчерашнее! Ты, приятель, тоже спать будь здоров. Еще немного — и кувшин опрокинулся бы на твою голову!

Конан сгреб его в охапку и повалил на ложе, которое застонало и заскрипело от их возни.

Но запах горячего жаркого, разливавшийся по комнате, привлек внимание киммерийца, и, пару раз стукнув Рыжего подушкой, он быстро сел за стол.

— Ты, наверное, сыт: не может быть, чтобы вдовушка отпустила тебя на голодный желудок!

— Ну, нет, не думай, что все это только для тебя! Я так торопился, что толком и не поел, к тому же она все время требовала поцелуев, и я несколько раз чуть не подавился — такая еда, сам знаешь, не в прок!

— А как же твоя безрукавка? Что теперь будет с рукавами? А штаны, ты о них подумал?! Нет, я ничего тебе не оставлю, сиди тихо и украшай мою трапезу своим великолепием!

— Эх, киммериец, молод ты еще так говорить о Рыжем Бёрри! Что ты, собственно, обо мне знаешь? Ничего! Смотри, как едят знатные господа, и Рыжий Бёрри в том числе!

И он, подсев к столу, начал есть так важно и чинно, не проливая ни капли соуса и не пачкая рук, что Конан, забыв про жаркое, с восхищением уставился на своего приятеля. Изящным движением Бёрри поднял кубок и стал медленно пить вино небольшими глотками. Этого Конан вынести уже не смог — Бёрри, пьяница Бёрри

цедит вино, как старый барон на поминках! Мощный хохот сотряс стены комнаты, и Бёрри, не выдержав, оставил кубок и тоже захохотал.

Наскоро покончив с едой, они поспешили оседлать лошадей и отправились к мастеру Кларсу.

— Пусть-ка он заодно и мою легконогую Зольду перекует, а то начнется праздник, потом турнир, и неизвестно, что и как там еще будет... — рассудительно заметил Бёрри.

Они галопом промчались по утренним улицам и остановились у знакомых ворот.

Мастер уже ждал их и, когда мальчишки увели лошадей в кузницу, сказал:

— Они там сами все сделают! А я ведь так и знал, Рыжий, что ты приведешь ко мне свою красавицу кобылку. Ну, пошли, кое-что посмотрим!

И они направились в комнату, где на стенах было развешено оружие. Там их ждал высокий темноволосый юноша с серьезными глазами.

— Это мой старший сын, Риальт. Если хочешь, он будет твоим оруженосцем. Ну а теперь — за дело. Давай, киммериец, надевай доспехи!

Сразу же, как только они вошли в комнату, Конан заметил в углу, где вчера грозно топорщились секиры, аккуратно разложенные на широкой лавке готовые доспехи. Их размеры и отделка не оставляли места сомнениям: они были сделаны именно для киммерийца. Значит, мастер и его работники не спали всю ночь, торопясь выполнить заказ к утру.

Конан подошел к лавке и со знанием дела стал осматривать доспехи. Он сразу же оценил и плотное тонкое плетение колец, из которых была собрана кольчуга, и удобные пряжки, и латы, которые надежно защитят тело, не стесняя движений. Тут же на лавке лежали большой тяжелый щит с изображением солнечного диска и сияющий меч с массивной рукоятью.

Рядом с мечом мастер положил ножны с богатой золотой насечкой.

Облачившись с помощью Риальта, очень ловко застегнувшего все пряжки, в свои новые доспехи, Конан с удовольствием прошелся по комнате. Он любил это ощущение железной тяжести на своем теле — так он еще острее чувствовал свою силу, и кровь невольно вскипала в жилах от предвкушения битвы.

Мастер подал ему щит, и Конан, вынув меч из ножен, несколько раз со свистом взмахнул им в воздухе.

— Мне кажется, что я родился в этих доспехах! Мастер Кларс, ты — король всех оружейников! Ну, теперь-то я потешусь на Большом Турнире, посмотрю, что за рыцари сражаются во имя Светлого Митры!

— Но сначала ты опробуешь оружие и доспехи в схватке со мной. Не надо, чтобы тебя раньше времени видели на Священном Ристалище — там сейчас множество приезжих рыцарей пробуют свои силы и хвастаются ловкостью на потеху простому народу. У проклятого Ферндина развелось слишком много прихвостней, и они тоже наверняка вертятся там, высматривая слабые места противников. Никто не знает, каков он в бою, говорят всякое — и что владеет мечом, как знатный рыцарь, и что не выдержит первого же поединка. Но я не сомневаюсь, что противник он опасный! А сейчас, Риальт, проводи гостей на задний двор и скажи подмастерьям, чтоб туда не совались — иначе шкуру спущу! Подождите меня там, я скоро приду.

Конан еще вчера понял, что ему предстоит не просто герцогский турнир, а нечто гораздо более серьезное и опасное. А после суровых слов мастера Кларса предчувствие смертельной схватки жаркой волной прошло по всему телу, заставив руки крепче сжать кожаные петли щита и рукоять меча, ноги — напряжиться, а глаза — вспыхнуть голубыми холодными искрами.

То, что мастер Кларс назвал «задним двором», было идеально ровной площадкой, со всех сторон огорожен-

ной крепким деревянным барьером. Здесь можно было опробовать коня, доспехи или провести настоящий бой, не опасаясь лишних глаз — со всех сторон площадку окружали глухие стены построек и высокие деревья густого сада.

Сюда и привели конюхи могучего вороного жеребца и игривую гнедую кобылу. На спине жеребца красовалась плотная попона, защищавшая бока и ноги благородного животного. На его голову был надет налобник с прорезями для глаз, а кожаному седлу с позолоченными стремянами мог бы позавидовать любой барон. Конь нетерпеливо скреб землю копытом и тряс головой, позвякивая уздечкой. Конан обошел вокруг него, любуясь упряжью. Все было сделано на редкость добротно, украшено чернью и блестящими

металлическими накладками. Осмотрев подковы и оценив чистую работу кузнецов, аккуратно подпиливших копыта, он, несмотря на тяжелые доспехи, легко вскочил в седло и пару раз проехал по кругу, проверяя, все ли удобно. Конь, словно разделяя удовольствие своего хозяина, бежал по площадке, словно не чувствуя на широкой спине тяжести седока.

Бёрри, стоя рядом со своей кобылой, любовно похлопывал ее по крутой шее и восхищенно приговаривал:

— Ай да старина Кларс, надо же, за одну ночь все сделал! Ну, Фердин, теперь берегись!

Конюхи вывели во двор еще одну лошадь, для мастера Кларса. Широкая в кости, золотисто-рыжая кобыла смиренно стояла, пока на нее надевали сбрую. Из неприметной боковой двери вышел сам мастер, облаченный в доспехи. Они, как видно, побывали во многих схватках здесь, на заднем дворе, их отделка, когда-то богатая, изрядно побилась и помялась, но меч, висевший в ножнах у бедра Кларса, производил нешуточное впечатление.

— Ну, киммериец, сейчас ты мне покажешь, на что способен! Правда, сила у тебя такая, что ты ненароком

можешь и пришибить старого Кларса, но здесь — не герцогское ристалище, держись спокойно и хладнокровно! Давай, начали! — Он взял из рук сына шлем, надел на голову, вскочил на лошадь и отъехал в противоположный конец двора.

Подмастерья, не в силах сдержатъ любопытства, подглядывали за ними из-за чуть приоткрытых дверей и углов хозяйственных построек. Звон стали, топот копыт и резкие выкрики мастера Кларса, требовавшего от Конана все новых приемов боя, заглушали их восхищенные голоса. Но, когда мастер остановился и отдал щит Риальту, их тут же словно ветром сдуло.

Сняв шлем и тряхнув слипшимися от пота волосами, мастер, отдышавшись, подъехал к Конану:

— Вижу, ты — прирожденный воин, как я — прирожденный оружейник! Я еще не встречал человека, который владел бы всеми приемами, какие ты мне показал! Слезай с коня, раздевайся, а я пошлю Риальта к Лису: с сегодняшнего дня ты — мой гость! И не спорь, не спорь — так для тебя будет лучше. Я и сам люблю Старого Лиса, пропустить у него стаканчик — настоящее удовольствие, но постоянный двор — это постоянный двор, войти туда может всякий. Думаю, ты меня понимаешь. Эй, Бёрри, поставь свою Зольду в мою конюшню и тоже перебирайся сюда — я предупреждал, что теперь ты мой: хватит, потешил гуляк в харчевне!

Он спешил, и конюхи тут же приняли повод его спокойной лошади. Горячий вороной жеребец, все еще возбужденный схваткой, ржал и пытался встать на дыбы, но и его вскоре увели со двора.

Риальт помог снять доспехи и, передав их подбежавшим мальчишкам-ученикам, отправился в заведение Старого Лиса. Мастер Кларс, Конан и Бёрри не спеша шли по саду, и оружейник говорил:

— Я хорошо знаю молодого герцога и характер его изучил достаточно. Он горячий, вспыльчивый, но, когда это нужно, сохраняет непоколебимое спокойствие и

выдержку. Он всегда знал, чего хочет, и мог этого добиться. А теперь вдруг все полетело кувырком, появился этот Фердин — и герцога как подменили! Нет, тут дело нечисто! Я даже думаю, не обошлось без колдовства. Ты, киммериец, будь начеку, у тебя нынче страшный противник! Эх, если бы я мог дать в придачу к своей сиде свою ненависть! Если бы мог!

Глава седьмая

Его разбудил осторожный стук в дверь. Сон улетучился сразу, сменившись холодной ясностью пробудившегося сознания. Да, уже утро, скоро взойдет солнце и начнутся все эти дурацкие церемонии с поклонами и жертвоприношениями. Фердин резко сел, спустил ноги на мягкий ковер и одним махом осушил заранее приготовленный кубок вина с растворенным в нем крошечным кусочком кеубы — плотной красноватой массы, изготавливаемой в подземных кельях нелюдыми жрецами Сета.

Сет — вот кто истинный владыка этого мира, могучий загадочный змей, хозяин жизни и смерти! Лишь он достоин поклонения и почитания, а не этот безликий идол, которого слабые людишки ублажают невинными жертвами! Митра, Податель Жизни, Изобильный Бог, и Солнце — око Его... Чего только не выдумает человек, лишь бы урожай на его поле мог прокормить семью и коровы хорошо плодились!

Фердин усмехнулся, чувствуя, как жар кеубы разливается по всему телу, наполняя члены молодой силой и легкостью. Сколько же ему лет? Трудно сказать... Пожалуй, не меньше восьмидесяти. А зеркало отражает черноволосого мужчину с жестким хищным лицом, которому больше сорока никак не дашь. Славный уголок это захолустное герцогство, славный и очень богатый! Скоро он, Фердин, станет его полновластным хозяином,

тогда можно будет подумать о других праздниках для народа и других богах! Вернее — Боге! И уж, конечно, не ягнят и фрукты будут приносить ему в жертву, а таких вот тепленьких смуглых овечек, как та, что досматривает последние сны на его ложе. Какие же славеньские служанки у этого простофили Оргельда!

Он подошел к спящей девушке, резко отбросил покрывало и, заглушив жадным поцелуем испуганный вскрик, бешено овладел бьющимся телом — это кеуба, клопочущая в крови, требовала выхода.

Удовлетворив неистовый порыв утренней страсти, он оставил разметавшуюся на ложе, совершенно обессиленную девушку и, быстро одевшись, вышел за дверь.

Не глядя на слуг и испуганных служанок, почти уступавших ему дорогу, он прошел прямо в покои герцога. Оргельд стоял у большого зеркала и поправлял вышитый воротник парадного наряда, надевавшегося лишь раз в году, в праздник Изобилия Митры.

Старинный головной убор из голубого бархата, расшитый золотом, оттенял красоту светлых волнистых волос, падавших на плечи. Широкая куртка с пышными рукавами, перехваченными голубыми лентами чуть выше локтя, и короткие штаны сверкали в свете восходящего солнца богатой золотой вышивкой и драгоценными камнями.

Герцогу Оргельду этой весной исполнилось тридцать лет, и выглядел бы он совсем неплохо, если бы не припухшие от разгульных ночей веки и не сероватый цвет лица, сменивший с недавних пор здоровую белизну кожи. Глаза, раньше такие живые и веселые, потухли и смотрели на мир со скукой и отвращением.

Похоже, жизнь потеряла для него всякий интерес, и ему приходилось взбадривать себя самыми нелепыми развлечениями, которые с таким искусством придумывал неутомимый Ферндин. И сейчас, увидев его, Оргельд сразу оживился:

— Наконец-то ты пришел! Ты будешь сегодня все время со мной — этот праздник, который раньше так

меня радовал, теперь ничего, кроме скуки, не вызывает. И глаза... Так ломит глаза от этого яркого солнечного света! Я бы лучше проспал весь день, а вечером в нижних залах можно было бы что-нибудь устроить... Но нет, только не сегодня... И герцогиня... Она в последнее время совсем мне разонравилась! Что бы это значило, друг Ферндин? Ответь, а то я сам себя не понимаю...

— Мой герцог, я на своем веку повидал немало людей и к тому же сам прошел через это. Как мальчик становится юношей, так и молодой человек становится зрелым мужем, и это подобно тяжелой болезни. Все пройдет, все встанет на свои места, просто мир будет казаться совсем другим, и то, что раньше было дорого, развеется как дым, а полюбится что-то совсем другое...

— Как точно описал ты то, что со мной происходит! Я каждый день благословляю судьбу, пославшую мне тебя, мой разумный Ферндин! Твои слова успокаивают, и жизнь не кажется такой пресной! А как хороша вчера была та, черноволосая, что отплясывала на столе, а?! — И он, засмеявшись, вышел на галерею.

«Глупый щенок, пока ты еще уверен, что если вырядишься в платье, сверкающее, как солнце, то милость богов тебе обеспечена! Но погоди, очень скоро сомнение совсем отравит твою душу, солнечный свет станет невыносим, и ты будешь принадлежать только Сету, могучему Змею Вечной Ночи, а всякое упоминание о Митре будет изгнано отсюда навсегда!» Ферндин, не сводя глаз с двери, ведущей на галерею, неслышными шагами подошел к изголовью герцогского ложа и резко взмахнул рукой, очертив в воздухе причудливую фигуру. Тотчас же стала смутно видна огромная прозрачная змея, свернувшаяся клубком на подушке. Она приподняла треугольную голову, несколько раз молниеносно высунула и убрала раздвоенный язык и снова свернулась клубком.

— Очень хорошо! Лежи здесь, усыпляй его разум, высасывай его мозг, пусть останется лишь послушная

мне оболочка! Герцог пока мне нужен, а потом... — он засмеялся зловещим каркающим смехом, — потом я отдам его тебе, малышка!

Змея сверкнула желтым глазом и еще туже свернулась в клубок. Фердин снова махнул рукой, и видение пропало.

— Ах, как жаль, что она у меня всего одна, эта колдовская змея, порождение огненных глубин! Без нее я не могу покорить герцогиню так же легко, как ее доверчивого супруга! Я мог бы, конечно, приказать ей прийти, как любой из служанок, но я хочу не этого... Мне нужно не только тело, мне нужна и живая душа, а ее душа полна ненависти... Она ускользает, ускользает от меня! О, каких невероятных усилий мне стоит заставить человека бездумно повиноваться! И как это было трудно тогда, год назад... — он нахмурился и прикусил губу. — Ну, ничего, время — мой союзник, скоро герцог перестанет быть помехой на моем пути, ненависть сменится страхом, и тогда, прекрасная герцогиня, придет твой черед! Ха-ха-ха! А хороша, клянусь кольцами Сета, до чего хороша! И какую страсть сулят ее глаза, ее гибкое тело! Нет, прекрасная герцогиня, ты все равно от меня не уйдешь, я выпью тебя до дна!

Он отошел от ложа и снова остановился около зеркала. Герцог, вернувшись в спальню со свежей, обрызганной каплями легкого ночного дождя розой, задумчиво сказал:

— Какой прекрасный запах у цветка! Он будит во мне тоску по былому, и сердце сжимается от предчувствия чего-то ужасного... Однако все это — мальчишество, не так ли, Фердин? Пойдем, уже пора, скоро выход жрецов. Ах как он пахнет, этот цветок! Пойдем скорее, я подарю его герцогине!

Фердин изобразил на лице понимающую улыбку, хотя в груди у него бушевали яростные вихри. Столько сил потрачено, а какой-то там цветок, который ничего не стоит смять в руке, способен своим запахом воскресить воспоминания и почти угасший разум!

Проклятие! Этот мальчишка не так слаб, как казалось сначала. Нет, победа в турнире и титул нужно добыть любой ценой, тогда, бывая при герцоге неотлучно, он сможет сделать с ним все, что угодно. Да, все!

Герцог Оргельд ждал герцогиню на нижней галерее дворца. Она немного задержалась в Угловой Башне, откуда наследник желал посмотреть на праздничную процессию и жертвоприношение. Оставив мальчика на попечение многочисленных нянек и служанок, Лавиния поспешно спустилась вниз.

На ней был такой же старинный наряд, как и на герцоге. Широкое от самой груди платье из голубого бархата столь густо усыпали драгоценные камни и покрывало золотое шитье, что оно почти не гнулось при ходьбе. Мягкая шапочка из золотой парчи двумя валиками обрамляла бледное лицо и чистый высокий лоб, на спину спускалась легкая белая накидка.

Герцогиня вышла на галерею, зажмурившись от яркого солнца. Она была изумительно хороша в этом сияющем одеянии и прекрасно это знала. Как и в прошлые годы, со всех сторон раздавался восхищенный шепот придворных и слуг, приятно волнуя кровь. Герцог с внезапно вспыхнувшими щеками подошел к ней и порывисто взял за руку:

— Как ты прекрасна сегодня, Лавиния! Ты — как цветок, сияющий каплями росы!

И он протянул ей розу. Лавиния, давно уже не слышавшая от герцога подобных слов, улыбнулась благодарной улыбкой и прикрепила розу к груди.

Взявшись за руки, они медленно стали спускаться во двор по широкой мраморной лестнице. Внизу их ждала позолоченная колесница с впряженной в нее парой ослепительно белых коней, украшенных султанами голубых перьев.

Герцог и герцогиня рука об руку обошли вокруг двора, величественно отвечая на поклоны слуг. Наконец они взошли на колесницу и выехали за украшенные венками и цветочными гирляндами ворота дворца.

Фердин оказался зажат где-то в углу двора, между воротами конюшни и проходом, ведущим на кухню. Герцог, как влюбленный мальчишка, смотрел только на герцогиню и даже не вспомнил о нем, Фердине! А все эти графы и бароны, конечно же, норовили протолкаться поближе к властелину, не без злорадства оттирая ненавистного Фердина туда, где жались конюхи и повара.

В этом темном углу никто не обращал на него внимания, никто не видел его страшного, искаженного злобой лица, а он стоял, прижавшись спиной к стене, и яростно шептал побелевшими губами: «Скоро, скоро все будет не так, все будет по-другому! Около герцога останусь только я и послушные мне люди! Завтра турнир, он все решит. Победа будет за мной, ибо я — избранный Сета, и такова воля Его!»

Слуги между тем поспешили подняться на дворцовые стены и облепили окна сторожевых башен, стараясь разглядеть процессию жрецов, возвращавшихся с полей в храм.

Уже три дня жрецы Митры обходили близлежащие селения, совершая обряды, принимая дары и благословляя поля и пастбища. Теперь их ждали здесь, в Мэноре.

На площади перед храмом был сооружен величественный жертвенник, на котором несколько раз в году приносились жертвы Митре. Сегодня, в день Изобилия Светлого Бога, жертвенник был украшен грудями цветов и развевающимися пестрыми лентами. По краю золотой чаши, где скоро должен будет вспыхнуть Священный Огонь, лежал венок из роз, полевых цветов и злаков.

Возничий, трижды объехав площадь под восторженные крики толпы, остановил герцогскую колесницу неподалеку от входа в храм, у белой мраморной стены сада, посвященного Митре. Свита, скакавшая на конях следом за колесницей, остановилась поодаль, и народ, плотным кольцом окруживший площадь, жадно любо-

вался сверкающими нарядами герцога и герцогини, а также роскошными одеждами придворных.

Вдруг где-то далеко послышалось пение множества голосов, гулкие удары гонгов и нестройные возгласы. Это издали, часто останавливаясь, медленно приближалась процессия, а горожане, прославляя Митру, возлагали на жертвенные повозки свои дары.

Улицы, по которым проходили жрецы, были тщательно подметены и обрызганы водой, на гладкие камни мостовой со всех сторон сыпались живые цветы. Повсюду развевались разноцветные ленты и флаги, а радостные толпы горожан в праздничных одеждах с нетерпением ожидали очередной остановки процессии.

Впереди, олицетворяя собой Светлого Митру, шествовал в белоснежных одеждах сам Верховный Жрец. Его голова была украшена большим золотым диском с множеством дрожащих сияющих лучей, а по спине спускалась широкая лента из золотой парчи, подобная ослепительной солнечной дорожке на тихой поверхности воды.

Его приветливое лицо и улыбающиеся голубые глаза вызвали ответные улыбки и восторженные крики горожан. Время от времени он взмахивал руками, благословляя толпу, а служки, важно шедшие по бокам, разбрызгивали во все стороны ароматическую воду из широких сосудов.

Сзади следовали жрецы в зеленых, алых, желтых и голубых одеждах. На их головах красовались искусно сделанные маски различных животных, героев и демонов. Они непрерывно кружились и пританцовывали, подчиняясь ритму флейт и барабанов.

Музыканты, все в ярко-красных коротких туниках, в венках из колосьев, тоже танцевали вместе с ними. Вдруг, перекрывая людской гомон и веселую музыку, раздавались удары гонгов. Чистый звон плыл над толпой, и процессия останавливалась. Верховный жрец выходил вперед, поворачивался лицом к служителям,

одетым в ритуальные маски, и величественным жестом поднимал руки к небу. Музыканты, на мгновение умолкнув, начинали играть одну и ту же повторяющуюся мелодию, а многочисленные служки, стоя по обе стороны жреца, запевали древнее славословие Митре — Творцу Сущего, Митре — Подателю Жизни, Митре — Изобильному Богу. В это время жрецы в масках начинали свое действо, сложную пантомиму, где силы Света борются с силами Тьмы и побеждают их во славу Великого Митры.

Когда замолкал последний звук песнопения, горожане, напротив которых останавливались пестро раскрашенные повозки, возлагали на них свои дары. И чего только здесь не было! Щедрое лето словно хвалилось румяными яблоками, золотистыми ароматными грушами, вокруг которых вились жадные осы, сизыми сливами, наполнявшими увитые лентами корзины. Крутобокие желтые тыквы казались вызолоченными, гордо выглядывая из охапок свежей огородной зелени.

Другие повозки везли дары ремесленников — свертки добротных тканей, покрывала и попоны с богатой вышивкой, праздничные головные уборы, изящные блюда, кувшины, кубки и чаши — словом, все, чем славилась и была богата Мэнора. Последняя повозка всегда вызывала самый большой восторг горожан: многочисленные ларцы, пустые при въезде в город, постепенно наполнялись золотыми, серебряными и медными монетами, а укрепленные между ними небольшие шесты с фигурными поперечинами так же, как деревья весной покрываются листьями, обрастали ожерельями, браслетами, подвесками, сверкая на солнце золотом и драгоценными камнями.

Как раз эта повозка остановилась там, где стоял мастер Кларс с подмастерьями и учениками. Горожане уважительно перешептывались, с любопытством поглядывая на мальчишек, которые с трудом держали что-то, прикрытое ярко-синим покрывалом с роскошной золотой каймой и диковинными цветами посередине.

Мастер, встряхнув волосами, обильно обрызганными водой из священного источника Митры, не спеша снял покрывало и повесил его на одну из поперечен, рядом с жемчужным ожерельем и тугим бархатным кошельком с бесценной вышивкой, над которой неизвестная мастерица трудилась, наверное, весь год. Под покрывалом оказался большой ларец из розового дерева, покрытый затейливой резьбой и украшенный коваными уголками в форме причудливых листьев. Мальчики-ученики с трудом поставили его на повозку и откинули крышку. Со всех сторон слышались восхищенные возгласы — ларец был доверху наполнен золотыми монетами, а сверху на них лежал венец с темно-красными вендийскими рубинами, достойными самого короля.

Конан и Бёрри стояли неподалеку: один — невольно представляя себя обладателем всех этих несметных богатств, а другой — радуясь погожему дню, музыке, пляскам жрецов и предвкушая то, что будет позже.

— Если бы такие праздники устраивали хотя бы дважды в год, — с восторгом говорил Бёрри, проталкиваясь сквозь толпу вслед за мастером Кларсом, — я остался бы здесь навсегда и перестал бродить по свету! Забыл тебе сказать, что после жертвоприношения из сада Митры выезжает великое множество повозок с вином и угощением, и праздник продолжается до утра. А потом те, кто еще стоит на ногах, отправляются к Священному Ристалищу смотреть поединки. После этого, сам понимаешь, опять угощение, да какое! Это уже от самого герцога. Ну ладно, не зевай, вон и площадь видна, надо встать поближе к жертвеннику!

Но им уже не было нужды толкаться — перед мастером Кларсом люди почтительно расступались, а видя рядом с ним внушительную фигуру Конана и плутовское ухмыляющееся лицо Рыжего Бёрри, приветствовали их так, как будто они тоже были участниками процессии. Бёрри только успевал кивать, здороваться и хлопать по плечам своих многочисленных приятелей.

Они вышли на площадь и остановились возле большого ясения, крона которого, взметнувшись высоко над белой стеной священного сада, давала густую прохладную тень. Отсюда была хорошо видна вся площадь и медленно продвигавшаяся по ней процессия жрецов, торжественно огибавшая жертвенник. Совсем недалеко от них, окруженная придворными в пышных нарядах и неподвижно замершими воинами, стояла герцогская колесница.

Белые кони, блеск золота и сияние драгоценных камней на одеждах герцога и герцогини, голубые султаны перьев и голубая туника возницы — все это привлекало к себе внимание не меньшее, чем вереница служителей Митры во главе с Верховным Жрецом и доверху наполненные повозки с дарами. Герцог и герцогиня стояли неподвижно, возвышаясь над толпой как прекрасные изваяния. Народ на площади притих, ожидая главного момента праздника. В наступившей тишине было слышно, как поскрипывают колеса повозок, медленно въезжавших в распахнувшиеся ворота храмового сада. Жрецы успели снять маски и остались лишь с золотыми обручами на головах. Они так же неподвижно встали по другую сторону жертвенника, не сводя глаз с Верховного Жреца.

Вдруг как бы издалека зарокотали барабаны, флейты ответили им легким писком испуганных птиц — музыка становилась все громче и неожиданно смолкла. Опять стало тихо, и хлопанье крыльев стайки диких голубей, пролетевших над площадью в сторону герцогского дворца, показалось всем оглушительно громким.

Верховный Жрец шагнул вперед и, поднявшись на возвышение около жертвенника, резко поднял руки:

— Хвала всесильному Митре! Он посылает доброе знамение для герцогства! Стая голубей, летящих с полей в город — знак процветания и победы Света над Тьмой! Да свершится воля Митры!

С этими словами он повернулся ко входу в храм. Высокие ворота открылись, и юноши, почти еще маль-

чики, в белых с золотом одеждах, вынесли чаши с жертвенным вином и маслом, корзины с плодами и клетки с птицами.

Они окружили жертвенник плотным кольцом и замерли с протянутыми к чаше руками. Верховный Жрец сошел вниз, и юноши по одному стали подниматься на возвышение, складывая дары в чашу. Вскоре она была наполнена до краев, и возле нее остались стоять лишь юноши, державшие клетки с птицами.

В это время к колеснице подбежали служки и помогли герцогу и герцогине сойти на землю. Медленно двинувшись вокруг жертвенника, властители подходили к клеткам и открывали дверцы. Птицы, пометавшись немного, одна за другой находили путь к свободе и вылетали на волю. Покружив над замершей площадью, они уносились туда же, где только что скрылась стайка голубей, — к стенам дворца.

— Это знамение Митры! Грядут великие события! — послышался за спиной Конана взволнованный шепот. — Неужто Податель Жизни избавит нас от этого выроodka? Хоть бы он шею свернул завтра на ристалище!

— И хорошо бы снова наш славный герцог стал таким, как прежде! — ответил ему другой голос. Конану хотелось обернуться, чтобы взглянуть на говоривших, но тут Бёрри подтолкнул его в бок.

В руках у Верховного Жреца уже был зажженный факел, и служитель Митры, стоя на возвышении, под звуки рокочущего песнопения медленно подносил его к яркой груди плодов, украшенных цветами. Пламя вспыхнуло высоко и ярко, над чашей взметнулся столб огня, лепестки цветов сразу обуглились и почернели.

— Жертва принята! Радуйтесь, жители Бергхейма! Радуйтесь, горожане! Следующий год сулит изобилие и покой! Заключайте браки, они будут счастливыми, а дети родятся здоровыми! Восславим же Митру, Светлого Бога, и воздадим хвалу Ему!

И снова над площадью поплыли стройные звуки песнопения, продолжавшегося, пока последняя искра

священного пламени не погасла в чаше. Служки в белом так и стояли вокруг нее, охраняя жертвенник от толпы, — ведь зола, оставшаяся на дне, обладала чудесными свойствами исцелять любые болезни, и жрецы тщательно собирали ее после праздника в драгоценный сосуд, чтобы лечить страждущих.

Шум, гам, радостные выкрики, оглушительный перезвон разноголосых гонгов, укрепленных на резной раме у входа в храм, цветы, летящие со всех сторон под ноги жрецов, в последний раз обходящих площадь перед тем, как удалиться, — все это пьянило и будоражило кровь не хуже вина. Конан любил такие праздники, подобные этому, когда кругом веселятся толпы народа, отовсюду несутся шутки и смех, а заботы и тревоги, кажется, рассеиваются, словно утренний туман под лучами жаркого солнца. Киммериец невольно усмехнулся, подумав, как неплохо он мог бы пожить в такой беспечной нарядной толпе лет десять тому назад. Правда, и сейчас мог бы, но... Но теперь, когда жизнь провела его по стольким дорогам, приподняла столько тайных завес и открыла кое-какие свои секреты — теперь мелкое воровство представлялось ему недостойной детской забавой. А вот драгоценные уборы, как у этих разряженных правителей, что сейчас приближаются к ним на ослепительной колеснице, он бы еще попытался раздобыть...

Так вот он какой, герцог Оргельд, — когда-то отчаянный, но умный мальчишка, теперь попавший в лапы злодея Феридина! Конан смотрел на герцога с внезапно возникшей симпатией: этот правитель, его ровесник, с немного усталым лицом, на котором силился сохранить приветливую улыбку, был в точности таким, каким представлялся по рассказам Лиса и Бэрри. А рядом... Конан невольно повел плечами, проталкиваясь вперед и не замечая удивленных взглядов Бэрри и Кларса. Лишь подойдя вплотную к стражникам, замершим вокруг площади, он остановился, не сводя глаз с женщины, неподвижно стоявшей в колеснице, опираясь на руку герцога.

Словно почувствовав восхищенный взгляд северянина, герцогиня едва уловимым движением повернула голову, и словно жаркая молния пронзила все ее тело. Кровь, закипев, забилась горячими толчками в кончиках пальцев и окрасила румянцем бледные щеки. Колесница уже давно миновала высокий ясень и стоявших под ним людей, а Лавиния все еще видела перед собой эти зовущие голубые глаза, смуглое властное лицо, непокорные черные волосы и могучие плечи.

Судя по виду, это был простолюдин, и не стоило бы обращать на него внимания, но неожиданно возникшее в сердце герцогини смешанное чувство радости и тревоги не покидало ее весь день.

— Кром! До чего же хороша ваша герцогиня! — сказал Конан, пробравшись обратно через толпу к Рыжему Бэрри, когда колесница скрылась из виду и народ хлынул на площадь. — Правда, эта сверкающая скорлупа, в которую она забралась, не дала мне ее как следует рассмотреть, но какие глаза! Какие губы! Счастливчик этот герцог!

— Ого, я вижу, что и ты не уцелел! Многие знатные рыцари носят в сердце такую же занозу, и для кое-кого из этих несчастных я даже сочинял славословия в честь обожаемой богини! Вот послушай:

О Лавиния, богиня,
Свет очей моих плененных,
Восхвалять я не устану...

Эй, Конан, я же еще не кончил, куда ты меня тащишь?! — Бэрри с хохотом отбивался от могучих рук киммерийца, пытавшегося заставить его замолчать.

— У меня от твоих стихов сразу во рту пересохло! Хотя я и не барон, но знаю, что для женщины такие вирши — все равно как побрякушка: позабавилась и забыла. Так что побереги их для знатных болванов, а сейчас пойдем выпьем. Ты говорил, будут повозки с угощением? Ну и где же они?

Но отвечать Бёрри не пришлось: со всех сторон раздались ликующие вопли, народ на площади расступился, и из ворот сада одна за другой стали выезжать телеги, запряженные быками, рога и шеи которых были обильно украшены цветами. Возницы в пестрых одеждах с гирляндами плоских звенящих бляшек на рукавах весело покрикивали на животных, и вскоре повозки, груженные пузатыми бочками и ароматной снедью, покатались по улицам Мэноры, уводя за собой толпы жаждущих вина и закуски горожан.

Глава восьмая

Лишь небо на востоке заалело в предвестии близкого восхода, а на широком лугу у Священного Ристалища уже забурило утренняя жизнь. Горели костры, и в их ярком свете сновали герцогские слуги, устанавливая последние палатки. Когда взойдет солнце, глазам гостей и горожан откроется красочный, радующий глаз полукруг нарядных маленьких шатров, украшенных всевозможными вымпелами,— здесь будут облачаться в доспехи и отдыхать участники турнира.

С другой стороны луга, сбоку от Ристалища, расположились кузнецы и оружейники с переносными горнами и наковальнями. Ведь кому-то из рыцарей в этот день доведется сразиться всего лишь один раз, а кто-то будет рубиться до конца, добиваясь милости Митры и желанной награды. И, конечно, дело не обойдется без помощи умелых мастеров, способных быстро выпрямить погнутые доспехи, заточить меч, перековать лошадь.

Само Ристалище представляло собой обширную площадку, посыпанную чистым речным песком. В последние годы рыцарей, желавших принять участие в Состязании Митры, становилось все больше, приезжали бойцы из Бельверуса, Нумадии и даже из соседних королевств. Поэтому Ристалище в первый день разделялось низкими барьерами на четыре части для проведения одновременно нескольких поединков.

Со стороны, где к полю примыкала небольшая рощица, для герцога и его свиты соорудили довольно высокий помост с деревянным навесом. Ниже располагались скамьи для именитых гостей, а дальше, за невысокой оградой, толпились нетерпеливо горожане, с ночи поспешившие занять лучшие места.

Для жрецов Митры, как раз напротив яркого ряда шатров, возвели некое подобие храма: легкая крыша на резных столбах, низкие ажурные ворота, ступени, ведущие прямо к Ристалищу, и две бронзовые чаши по бокам, в которых будет гореть Священный огонь Митры.

Сейчас, при тусклом свете начинающегося дня, когда не сверкала позолота доспехов, не трепетали на ветру цветные вымпелы и ленты, не слышались зычные выкрики герольдов и звон оружия, весь луг напоминал, скорее, какую-то ярмарку. Перекликались мастера и слуги. Оруженосцы, прибывшие пораньше, занимали палатки и, нервничая, громко ссорились между собой. Торговцы, нигде не упускающие своей выгоды, разложили всевозможные товары и лакомства, громко подзывая горожан, толкающихся на лугу в ожидании турнира.

Становилось светлее, и народ все прибывал. Хотя до полудня, Священного Часа Митры, было еще далеко, казалось, что половина жителей Мэноры собралась здесь, на широкой зеленой поляне.

С самого утра шум и суeta заполнили герцогский дворец. Пока властители Мэноры и придворные рассаживались за столами в огромной пиршественной зале, окна которой выходили на восток, слуги и конюхи сновали во дворе, готовя лошадей к торжественному выезду.

В распахнутые окна огромной, украшенной на старинный манер залы вливался прозрачный утренний воздух. Герцогу Оргельду раньше очень нравились темные, без позолоты и резьбы, толстые балки потолка, а тяжелые бронзовые светильники с торчащими, как лучи, наконечниками боевых копий всегда вызывали у него

гордость за славных предков. Но сегодня все казалось ему простым и убогим, как убранство придорожной харчевни, он сидел нахмурившись и с тоской ожидал восхода солнца. Солнце — вот что в последнее время раздражало его больше всего, и уже с раннего утра он с нетерпением ожидал прихода ночи, с ее легкими прохладными тенями, игрой пламени на стенах и лицах и тем чудесным, оживляющим кровь чувством всесильности, когда он ощущал себя не правителем, а хозяином Бергхейма. Фердин — единственный, кто понимает его чувства, угадывает самые сокровенные желания! И скоро он тоже будет сидеть здесь, среди этих притихших графов и баронов, вгоняя злость в краску своими шутками! Хотя нет, ему, пожалуй, придется остепениться и найти другой повод для шуток...

От этих мыслей Оргельда отвлекло легкое прикосновение нежной руки. Лавиния смотрела на него спокойными ясными глазами, но в глубине их легкой тенью притаилась тревога.

— Солнце восходит! Пора наполнять кубки! Все ждут твоих слов, утренних слов повелителя Бергхейма!

Оргельд вздохнул, поднял руку, и тотчас кравчие, только и ждавшие этого знака, стали наполнять золотые кубки пенистым вином Митры. Этот напиток, секрет которого хранили жрецы Светлого Бога, готовился здесь, в Мэноре, из терпких вин, закупленных в Пуантене. Никакое другое вино не могло сравниться с ним в легкости и не давало такого искристого радостного хмеля. И в день начала Турнира Митры утренний пир всегда начинался с кубка этого вина, выпитого с первыми лучами солнца. Край золотого диска выглянул из-за горизонта, позолотив безоблачное небо.

— Хвала Пресветлому Митре, да будет с нами благословение Его, пусть не оставит славный Бергхейм милость Подающего Жизнь, чтобы и в следующем году, как и раньше, ничто не омрачило нашей радости!

Слова, которые герцог всегда произносил так легко и приветливо, сейчас давались ему с трудом, и губы с

усилием растягивались, изображая улыбку. Лавиния смотрела на мужа, безмятежно улыбаясь, но сердце ее сжималось от страха и ярости.

Словно сбросив с плеч тяжелый груз, герцог обессиленно опустился в кресло. Кубок прохладного вина освежил его, и он, не прикасаясь к купаньям, осушил еще два. Но в этот раз желанный радостный хмель не разбежался по телу колючими искрами, не затуманил голову розовым облаком. Солнце неумолимо поднималось над горизонтом, слепя глаза.

Кругом сновали слуги, разнося праздничные яства на золотых и серебряных блюдах. Придворные оживленно переговаривались, предвкушая любимое зрелище. Имя Ферндина здесь произносилось скорее с насмешкой — никто из сидящих за столом не верил в победу жалкого проходимца, невесть как ухитрившегося заслужить благосклонность герцога, все были уверены, что Священный Турнир принесет бесславное поражение назойливому выскочке и он будет с позором изгнан из герцогства.

Утренний пир шел своим чередом, на хорах негромко пересвистывались флейты и свирели. А тот, кто так жаждал занять свое место в этой зале рядом с герцогом, сидел один в своей спальне, с ненавистью глядя на красноватое утреннее солнце. Вино с кеубой, дающей силу и молодость старому телу, было уже выпито, и смуглый молчаливый слуга дожидался Ферндина, стоя около широкой скамьи, накрытой мягким ковром.

— Проклятое солнце! Я полночи молил Сета, чтобы тучи заволокли небо и этот желтый шар не пылал над головой! Но скоро настанут другие времена, солнце будет скрываться за тучами по моему желанию! Бергхейм — лишь плата за знание, и Сет ее получит! Делай свое дело, Акрус, и разотри меня как следует. Ты приготовил кошачьи шкурки?

— Да, господин, как было приказано, две рыжих и три черных!

— Ты легко их поймал?

— Черные кидались на приманку, как голодные тигры, а потом смиренно сидели в мешке — с ними все было просто...

— А что было не просто?! Говори, это важно!

— С рыжими я намучился, о мой господин! Сначала мне никак не удавалось найти хоть одного рыжего, а когда я их нашел — они не пошли на приманку. Такого еще не бывало! Обоих пришлось ловить сетью, и коты ободрали мне все руки.

— Ободрали руки, говоришь? Значит, меня ждут какие-то неожиданные трудности... Ну, а потом?

— Когда я ночью положил их внутренности на Черный Алтарь и зажег жертвенный огонь, он не хотел загораться, пока я не подлил в него несколько капель змеиного яда... Тогда огонь полыхнул до вершины дерева, и жертва была принята!

— Так... Победа будет за мной, но мне придется... Хорошо, начинай, потом разотрешь мазь шкурками, сначала рыжими, потом черными!

Ферндин разделся и лег на скамью. Слуга снял с пояса пузатый флакон с серебряной крышкой и стал густо намазывать кожу господина отвратительно пахнущим зельем. Но Ферндин с наслаждением вдыхал тошнотворный запах, зажмурив глаза и постанывая от удовольствия. И сам слуга, растирая крепкими руками тело хозяина, принюхивался жадно трепещущими ноздрями, то и дело проводя языком по узким губам.

Вскоре тело Ферндина заблестело от буровой жирной мази. Слуга достал из небольшого кожаного мешочка тщательно обработанные кошачьи шкурки и разложил их на полу. На руках Акруса, до локтя покрытых глубокими свежими царапинами, изредка появлялись капли крови, и он их поспешно слизывал.

— Там, должно быть, осталось немного мази — можешь смазать свои царапины! — милостиво разрешил Ферндин.

Слуга почтительно поклонился:

— Благодарю, о мой господин! Но, если мне будет позволено, я смажу их потом, когда кровь остановится!

— Да уж ясно, что не сейчас! Тебе что чужая, что своя — лишь бы крови! Давай растирай, не медли!

Рыжие шкурки так и замелькали в руках Акруса, а Фердин, прикусив губу, терпел, изредка глухо вскрикивая:

— О, Всемогущий Сет! Не так сильно! Мягче, мягче! О! Они жгут, как огонь! О-о-о! Быстрее, теперь ноги! И ступни не забудь! О, проклятие!

Не в силах больше терпеть, он резко оттолкнул слугу ногой, вскочил и забегал по комнате, стараясь остудить жар. Все тело колдуна покрыли багровые пятна, он подпрыгивал, как на раскаленных угольях, и сыпал проклятиями. Слуга, поднявшись с пола, невозмутимо взял одну из черных шкурок и, улучив момент, прижал ее к спине господина.

— Наконец-то! Давай скорей, а то этот жар сведет меня с ума! О, как хорошо! Какая прохлада! Я снова чувствую себя юным и готов сражаться хоть с сотней баронов! Еще, еще, ну что ты еле гладишь мне спину! Сильнее, тебе говорят! Вот так, о Сет, благодарю тебя за мудрость твою! Брось эту шкурку, возьми теперь другую!

Он распластался прямо на полу, и слуга, стоя на коленях, бешено растирал ему грудь, живот, ноги. Руки, все еще покрытые красными пятнами, нетерпеливо скребли пол, но Акрус, опасливо косясь на сильные пальцы господина, и не думал прикасаться к ним кошачьей шкуркой. Наконец, растерев ступни, слуга ловко отскочил в сторону, схватил последнюю черную шкурку и бросил Фердину, а тот ловко поймал ее на лету и, сидя на ковре, стал сам растирать себе руки.

— Ха-ха-ха! Я вижу, ты не забыл прошлого раза! Да, еще немного, и я лишился бы верного слуги! Зато ты кое-чему научился, и я рад, что не свернул тебе тогда шею... Ну, вот и все, теперь можно одеваться!

Фердин упругими шагами подошел к зеркалу и с удовольствием стал разглядывать крепкое мускулистое

тело со стальными буграми мышц и кожей, свежей, как у семнадцатилетнего юноши. Акрус почтительно стоял сзади с тонкой рубашкой, преданно глядя ему в спину.

— Я могу быть уверен в этом... как его? Гордионе, которого молва прозвала Неподкупным?

Фердин не спеша надел рубашку, наслаждаясь прохладным прикосновением ткани к разгоряченному телу.

— Хм, Неподкупный! Его никто еще не подкупал, вот он и Неподкупный! Я рассказывал господину, как он перепугался, когда несколько дней назад потерял свой зычный голос!

— Да, это было забавно! Кого бы тогда Верховный Жрец назначил на жеребьевку? Какого-нибудь мальчишку-герольда, который поголосистей, а Гордиона ждала прямая дорога в простые стражники...

— Этот бедняга после того, как вместе с вином проглотил черную жемчужину владыки нашего Сета, совсем осип. И чего только он не перепробовал, чтобы снова разбудить свою глотку!

— Ну, а как он принял твои слова обо мне? Я знаю, все слуги во дворце и даже горожане настроены против меня, а гонору у этих манорцев — хоть отбавляй! Как же, сам Митра решает судьбы поединков! Так что он сказал?!

— Теперь Гордион Неподкупный — один из преданнейших слуг моего господина! Когда он услышал, что сам Фердин, друг герцога Оргельда, желает ему помочь, тупица вытаращил свои круглые глаза и поклялся жизнью матери — о, хозяин, это для них самая крепкая клятва, — поклялся выполнить все, что изволит приказать господин!

— Он, похоже, смысленный малый! Понял, каналья, что даром ничего не делается!

— Да, и теперь, о мой господин, ты можешь выбирать противников по своему желанию, а славный Гордион, вынимая из чаши пластины, зычно прокричит об этом на радость толпы!

— Хорошо, я сегодня тобой очень доволен, Акрус! Пора выходить... А сейчас исчезни, сделайся неприметным горожанином и вертись возле этого Неподкупного. Я подам тебе знак, кто меня не устраивает как противник... Знамения подсказывают, что какая-то сила вмешалась в мои планы, поэтому будь начеку! Вечером тебя ждет награда, помни!

Ферндин, уже готовый к выходу, в последний раз взглянул в зеркало, подкрутил усы и расцвел улыбкой, которую по утрам надевал на свое лицо, как щеголь надевает бархатную шапку.

Они вышли из комнаты, и паж, приставленный к Ферндину, сломя голову побежал на конюшню с приказом выводить лошадь, а желтокожий слуга незаметно исчез в одном из многочисленных переходов дворца.

Когда Ферндин подъехал к Ристалищу, рыцари, желавшие принять участие в турнире, уже собрались. Зрители, окружившие поляну, начали было злорадно перешептываться, что герцогский любимец в последний момент струсил и испугался за свою жизнь, но, увидев его у крайней палатки, испуганно притихли.

Затрубили трубы, возвещая прибытие герцога и герцогини. Солнце, приближаясь к зениту, весело играло в трепещущих на ветру вымпелах, сверкало на золотом шитье нарядов. Вскоре скамьи, покрытые дорогими коврами и бархатными подушечками для дам, заняли люди из герцогской свиты и почетные гости.

Народ встретил появление герцога и герцогини приветственными криками, в воздух полетели шапки, а трубы оглушительно звывли. Опустившись в кресло, герцог медленно поднял руку — это был знак к началу Большого Турнира.

Радостная музыка труб сменилась мелодичным перезвоном гонгов, раздавшимся из деревянного храма. На Ристалище вышли служители Митры во главе с Верховным Жрецом. В это время в широкие ворота, открывшиеся на другом конце ограды, медленно выехали рыцари. Их было тридцать; ожидая благослове-

ния, бойцы выстроились напротив жрецов в бело-золотых одеяниях.

Рядом с Верховным Жрецом стоял с большой серебряной чашей в руках сам Неподкупный Гордион. Он каждый год вытаскивал из этой чаши золотые пластины и выкрикивал на все Ристалище волю Пресветлого Митры. Птицы, и без того встревоженные ревом труб и звоном гонгов, в испуге улетали из рощи, заслышав его могучий голос.

Гордион был такой же неотъемлемой частью Большого Турнира, как сам великий герцог и даже как Верховный Жрец. Этот тощий человек, с круглыми навывкате глазами, отличался способностью перекричать гомон возбужденной толпы и рев труб. И сейчас народ, притихнув, ждал любимого развлечения: Гордион достал из чаши свиток с правилами Митры. По этим правилам из года в год, из поколения в поколение проводились турниры на Священном Ристалище.

Рыцари, стоя напротив, замерли, изредка, краем глаза, поглядывая на возможных противников. Зрители, перешептываясь, разглядывали грозную шеренгу. Самое большое внимание приковывали к себе два бойца, стоящие по краям: Ферндин в роскошных, вызывающе раззолоченных доспехах на горячем молодом жеребце редкой для этих мест серой масти и могучий воин на тяжелом вороном коне, в черненых доспехах — его впервые увидели на Ристалище этим утром. Никто не знал, кто он и откуда прибыл, но для многих рыцарей появление незнакомца означало крушение всех надежд на победу.

Солнце достигло зенита, многоголосый звон гонгов проплыл над широкой поляной, Верховный Жрец поднял и опустил жезл с золотым диском, а Гордион, важно выступив вперед, провозгласил:

— Пресветлый Митра. Изобильный Бог, Податель и Хранитель Жизни, повелевает начать угодное ему состязание достойных мужей, чтобы один из них, храб-

рейший и искуснейший в бою, избранный самим Богом, получил свою награду!

— Муж сей, одержавший победу, получает титул и становится знатным рыцарем, если в бой он вступил простолюдином.

— Благодородный же рыцарь получает награду, умножающую его богатства, и жалуются титулом, добавляющим славы к его собственному.

— Победитель верно служит герцогу славного Бергхейма, ибо такова воля Митры, даровавшего ему победу.

— Рыцари, пожелавшие принять участие в Турнире, объявляют народу свое имя и звание и получают золотой медальон с изображением Знака Митры.

— Такие же медальоны кладутся в серебряную чашу для жеребьевки.

— Рыцари по жребию Митры делятся на пары и бьются до полной победы.

— Победившие вновь делятся на пары и сражаются между собой до победы.

— Рыцари сражаются боевым оружием: мечами, булавами, кинжалами, и никто не вправе прервать поединок.

— Победитель, если его соперник не может более сопротивляться, вправе сохранить ему жизнь.

— Рыцарь может признать себя побежденным, тогда поединок прекращается.

— Двое рыцарей, победившие всех остальных, сходятся на решающий бой завтра в полдень.

— Всякий, добивающийся победы бесчестным путем, несет на себе проклятие Митры.

— Никто не скажет, что не слышал правил Турнира!

— Да будет с нами благословение Светлого Бога! — И с этими словами Гордион, отдав свиток одному из жрецов, отступил в сторону.

Стоя со своей чашей позади Верховного Жреца, он хорошо видел всех бойцов, но глаза его настороженно

оглядывали толпу, в безуспешной попытке разыскать кого-то. Наконец бегающие глазки глашатая натолкнулись на маленького, вертлявого старикашку, и Гордион облегченно вздохнул. А старик-нищий, то и дело мелькал за спинами воинов, что-то бормоча и размахивая руками. Никто не пытался прогнать его от палаток, а торговцы наперебой предлагали полоумному еду. В Маноре, как, собственно, и во всей Немедии, к сумасшедшим относились с особым почтением: считалось, что они стоят к богам ближе, чем простые смертные, и даже могут предсказывать будущее. Сердить убогого было так же опасно, как дразнить демона, — ведь проклятие его могло навлечь беду на любой дом, на всякого, кто пожалеет для старика кусок хлеба.

И вот сейчас юркий нищий, скалясь и гримасничая, вертелся позади могучего рыцаря, стоявшего с правого края шеренги. Гордион перевел взгляд с него на Ферндина, и они обменялись едва заметными кивками.

Жрец постоял несколько мгновений в глубоком раздумье, а потом протянул жезл в сторону незнакомого воина на вороном жеребце, давая знак приблизиться. Почти не прикасаясь к поводьям, воин направил коня к группе жрецов, спешил и склонил голову в приветствии.

— Как тебя зовут и откуда ты родом? — спросил Верховный Жрец.

— Конан из Киммерии, — ответил черноволосый гигант, сверкнув холодными голубыми глазами.

— Поклянись, следуя Правилам Митры, вести честный бой!

— Клянусь! — Северянин, как учил его накануне мастер Кларс, опустился на одно колено, вынул из ножен меч и опустил клинок острием на песок.

Верховный Жрец протянул руку, и служки поднесли ему широкую чашу с водой Источника Митры. Брызги ароматной воды заблестели на лице и волосах киммерийца, окропили меч и доспехи, смочили гриву коня.

Один из служителей, негромко напевая песнопение Митры, подошел к Верховному Жрецу с другим сосудом, отдаленно похожим на узкогорлый кувшин. Опустив туда руку, жрец достал круглую золотую пластинку на витом шелковом шнурке.

— Митра дарует тебе Знак Птицы! Наклони голову, киммериец! — И он надел на шею Конану звякнувший медальон. Тут же другой служитель опустил в сосуд Неподкупного Гордиона такую же золотую пластинку.

— Конан, родом из Киммерии! Знак Птицы! — оглушительно возвестил Гордион, выступив вперед. Конан вскочил на коня и занял свое место в шеренге воинов.

На середину ристалища уже выезжал следующий рыцарь.

Глава девятая

Посмотри, моя прекрасная герцогиня, сколько в этот раз собралось рыцарей! Уже несколько лет, с тех пор как нас посетил король, Турнир не привлекал столько желающих! Поистине этот год во всем изобилует — и в плодах земных, и в храбрости!

— Да, герцог, сейчас все, кто верен тебе и достаточно силен для поединка, стоят на ристалище!

Слова герцогини таили насмешку и намек, но герцог не понял ни того, ни другого.

— Я и сам так думаю, дорогая! Ведь даже Ферндин, весельчак Ферндин захотел принять участие! Ах, Лавиния, до чего он умен! Когда он мне что-то советует, я убеждаюсь, что это — единственно правильный путь для действия. Не то что старина Дисс: тот всегда заставлял меня самого искать решение, а потом не оставлял от него камня на камне! Тоже мне советник! Ну, да мир праху его... Ферндин надеется, что Митра поможет ему одержать победу, и тогда, дорогая, он сможет занять место бедняги Дисса!

— О, Пресветлый Митра! Я так и думала, что он именно этого добивается! — Лицо герцогини от гнева вспыхнуло густым румянцем, глаза потемнели. — Оргельд, неужели ты так слеп и ничего не видишь?! Эти люди собрались на Ристалище, чтобы не допустить к власти недостойного, чтобы спасти Бергхейм и тебя!

Герцог досадливо отмахнулся от нее, как от назойливой мухи:

— Ты умна, Лавиния, очень умна, но все же ум у тебя женский! Ты, как любая женщина, пугаешься теней и видишь призраки несуществующей угрозы! В последний раз тебе говорю — оставь Фердинанда в покое, или я рассержусь! Не мешай мне смотреть Турнир, не отвлекай глупыми подозрениями!

Герцогиня невидящим взором смотрела на толпу перед собой и кусала губы, чтобы удержать готовые сорваться гневные слова. Но тут раздался громовой рык Неподкупного Гордиона, от которого молодая женщина невольно вздрогнула. И снова перед ней возникло Ристалище, жрецы в белоснежных одеждах, сверкающий грозной сталью ряд бойцов.

— Конан, родом из Киммерии! Знак Птицы!

Герцогиня рассеянно посмотрела на воина, поднимавшегося с колена, чтобы вскочить на коня, и почувствовала, как теплая рука сжала на мгновение затрепетавшее сердце и тут же отпустила. Конечно, она узнала его! Это был тот самый гигант с сияющими голубыми глазами, который смутил ее вчера на площади восхищенным взглядом. И еще какое-то неясное воспоминание примешивалось к этому. Невольно Лавиния взглянула на ладонь, и из переплетения линий на нее глянуло лицо. Да, это было то же лицо, которое мелькнуло тогда, у колдуньи! И скрещенные мечи! Значит, здесь, на Турнире, решается судьба герцогства! И она, уже не обращая внимания на герцога, продолжавшего что-то говорить, впилась глазами в могучего рыцаря.

Между тем бойцы один за другим выезжали на середину поля и, преклоняя колена перед Верховным Жрецом, приносили клятву Митре. Над Ристалищем то и дело возносился оглушительный рык Гордиона, слышный чуть ли не у городской стены:

— Благородный рыцарь, граф Маркус из Сатона! Знак Дождя!

— Благородный рыцарь, барон Рифсайн из Беркета! Знак Рыбы!

— Благородный рыцарь, граф Брайн из Мердифа! Знак Ветра!

Имя Брайна на какое-то мгновение привлекло внимание герцогини. Она скользнула равнодушным взглядом по ладной фигуре молодого рыцаря, глядевшего не на Верховного Жреца, а на нее, Лавинию, и, слегка ему улыбнулась. И снова взор ее устремился на черноволосого воина, пытаясь поймать ответный взгляд северянина. Конан! Так вот как его зовут! Из холодной варварской Киммерии! Он даже не смотрит в сторону герцогской ложи, видно, для него уже не существует ничего, кроме предстоящей битвы, и никакие мысли о женщинах не тревожат сейчас его душу.

Лавиния смотрела на могучего бойца и удивлялась внезапно возникшим ощущениям: ей казалось, что она всем своим существом сливается с гигантом киммерийцем, что это ее ноги сжимают крутые бока боевого коня, что это ее руки жаждут выхватить меч и опустить его на голову ненавистного врага. Никогда еще Турнир не волновал так сильно горячую кровь герцогини и не оставлял таким холодным сердце.

— Фердинанд, родом из Заморы! Знак Змеи! — громогласно провозгласил Гордион и подставил чашу, принимая последнюю золотую пластинку. И никто, даже стоявшие совсем рядом служки, не заметили, как она перекочевала в рукав глашатая, а в другом рукаве уже давно лежала припрятанная пластинка со Знаком Птицы.

Вновь затрубили трубы, и герольды рассыпались вокруг всего Ристалища, собирали кошель и монеты, щедро посыпавшиеся со всех сторон.

— Щедрость и Изобилие! — громко провозглашали они, проезжая мимо оживленно переговаривающихся зрителей. — Щедрость и Изобилие! Победа достойнейшему! Слава и Почести!

Тем временем бойцы покинули Ристалище и в ожидании жеребьевки выстроились за воротами. Гер-

цогские слуги проворно укрепили снятое на время церемонии ограждение, делившее Ристалище на четыре части. Сейчас Митра голосом Гордиона возвестит свою волю — первые четыре пары сражающихся.

Неподкупный Гордион, испытывая терпение замершей толпы, долго шарил рукой в чаше, наконец медленно извлек из нее блеснувшую на солнце золотую пластинку и огласил имя первого бойца:

— Знак Ветра! Благородный рыцарь, граф Брайн! — И передал пластинку службе.

Потом так же медленно опустил руку в чашу и снова стал звенеть пластинками. И вот в его руке сверкает знак противника юного Брайна:

— Знак Птицы! Конан из Киммерии!

Бойцы, не мешкая, надели поданные оруженосцами шлемы, подхватили щиты и заняли место у ворот. Вот и вторая пара встала за ними, следом третья и четвертая.

Толпа, заглушая рев труб, завопила, радостно приветствуя первых бойцов. Герольды торжественно проводили каждую пару на место, и бойцы, повернув коней в сторону герцогской ложи, замерли в ожидании знака.

Герцог Оргельд, забыв про тоску и скуку, которые так мучили его в последнее время, заставив оставить привычные развлечения, горящими глазами смотрел на всадников в блестящих доспехах. Встав с кресла, он кивнул герольду, замершему рядом с ложей. Тот громко воскликнул:

— Разъезжайтесь! — И затрубил.

Рыцари повернули коней и разъехались в противоположные концы своих площадок.

Рука герцога с зажатым в ней красным кожаным мячом на несколько мгновений замерла в воздухе — и вот уже мяч падает вниз, сопровождаемый резким вскриком труб. И тут же поле битвы огласилось ржанием коней и звоном стали. Рыцари бились, изумляя зрителей проворством и ловкостью, на первых порах не нанося друг другу мощных, решающих ударов, а как бы прощупывая слабые места противника.

Но спустя некоторое время внимание толпы, гостей, придворных, а также герцога и герцогини было приковано лишь к одной сражающейся паре — к гиганту киммерийцу и худощавому ловкому Брайну. Все помнили, что в прошлом году юноша одержал блестящую победу, не убив ни одного из своих соперников. И на этот раз горожане желали удачи ему, молодому красавцу, верному слуге герцога Оргельда. Но противник ему попался нешуточный — здесь, в Немедии, как и повсюду в Хайбории, были наслышаны о бесстрашии и силе киммерийских воинов, которым нипочем ни ледяные демоны, ни огненные драконы. И вот теперь судьба забросила в их маленькое герцогство одного из таких искателей приключений. Кто таков этот варвар с покрытым шрамами лицом? Вдруг этот пришелец окажется еще похлеще проклятого Фердина?! И вдруг он, чего доброго, одержит победу!

На трех площадках поединки закончились довольно быстро — бойцы, получив небольшие раны, благородно признали себя побежденными. В последние годы подобное повторялось довольно часто и приветствовалось как жрецами Митры, так и самим герцогом: ни к чему было терять верных вассалов.

Но бой на четвертом поле, приковавший к себе внимание всех зрителей, обещал быть долгим. Оба противника, похоже, старались продемонстрировать все свое умение, нападая и искусно обороняясь.

Конан сразу узнал своего соперника: это был тот самый юноша, который испытывал мечи во дворе у мастера Кларса. Еще тогда киммериец оценил ловкость и быстроту удара молодого рыцаря, а сейчас ему самому приходилось отражать молниеносные атаки Брайна. Но для северянина, прошедшего суровый путь бесчисленных схваток, где честный бой легко мог оказаться губительной роскошью, для него, опытного воина, даже за короткое время поединка открылась не одна возможность поразить мощным ударом шустрого мальчишку. Краем глаза Конан видел, чем закончились

сражения на соседних полях, да и юноша этот, горячий и отчаянно смелый, нравился ему с каждым мгновением все больше и больше. Нет, надо еще поиграть с ним, пусть покажет все, на что способен, а там... Конан уже знал, как закончит поединок.

Мечи со звоном спшибались, высекая искры, разгоряченные кони вставали на дыбы, а поединок все не кончался. Народ, вначале с недоверием смотревший на киммерийца, ожидая от него грубого боя и бесчестных приемов, постепенно принял его сторону. Жители Мэноры, искушенные ценители рыцарских боев, прекрасно видели все возможности, которыми этот огромный варвар не пожелал воспользоваться. И вскоре крики, подбадривавшие Брайна, сменились восторженными воплями:

— Конан, руби! Смелее, киммериец! Слава и Победа! Хей, хей!

Герцог сидел в высоком кресле как на иголках, привставал, перегибался через барьер, негромко вскрикивал:

— Какой удар! Митра, ну и боец! Давай, киммериец! Руби!

Лавиния не сводила с Конана восхищенных глаз, уверенная в его победе, и шевелила губами, беззвучно повторяя имя варвара.

Всадники, распаленные затянувшимся боем, разъехались по углам площадки для новой атаки. Конан сильно прищипорил своего жеребца и, как на кровного врага, бросился на молодого рыцаря. Сокрушительный удар меча северянина обрушился на щит соперника так, что лопнула стальная обшивка. Широкая грудь вороного, направляемого умелой рукой киммерийца, врезалась в бок развернувшейся лошади Брайна — и конь, и всадник рухнули на землю.

Рыцарь не успел освободиться от стремян, и конь, падая, придавил юноше ногу. Конану оставалось занести меч и нанести последний удар, ведь противник не просил пощады, не признавал себя побежденным. Но

вместо этого он спешил и хладнокровно ждал, пока Брайн встанет на ноги. Толпа вокруг Ристалища взорвалась криком:

— Конан! Конан победитель! Победа Конану! Хей, хей!

Брайн, шатаясь, поднялся на ноги и, прихрамывая, сделал несколько шагов навстречу киммерийцу. Нестерпимая боль застилала глаза юноши багровыми кругами, но он, не дрогнув, ожидал последнего удара. Противник почему-то медлил, и Брайн, усилием воли преодолевая боль, посмотрел на него. Конан стоял перед ним, опустив меч на песок, и спокойно глядел на юношу. Не в силах поднять меч для удара, Брайн, скрипнув зубами от ярости и позора, швырнул клинок к ногам киммерийца, признав этим свое поражение. Не глядя в сторону герцогской ложи, он с трудом, опираясь на плечо подоспевшего оруженосца, пошел к Воротам Побежденных.

Конан, легко вскочив в седло, поднял вороного на дыбы и под восторженные крики покинул Ристалище.

Гордион снова выступил вперед, выкликая имена следующих участников турнира. Народ вопил, подбадривая рыцарей, но ни один бой не вызывал уже такого взрыва страстей. Герцог и герцогиня негромко переговаривались, обсуждая удачи и промахи сражающихся. Победители покидали Ристалище, провожаемые приветственными криками, побежденных уносили или они сами, склонив головы, выходили за ограду через Ворота Побежденных.

Каждый раз, когда Гордион начинал выкрикивать имена рыцарей, у Лавинии внутри все сжималось в комок, а герцог Оргельд нетерпеливо постукивал рукой по барьеру. Но на Ристалище выходили все новые пары рыцарей, а Фердин все стоял за воротами, глядя на сражающихся холодными глазами.

Осталось шестеро бойцов, из которых составятся последние три пары. Зрители, возбужденные поединками, громко переговаривались, гадая, кто из оставшихся

рыцарей сразится с ненавистным Ферндином. Но все сколько-нибудь стоящие воины уже покинули ристалище, и, как нарочно, возможным противником для любимца герцога мог стать либо совсем молодой воин, либо убеленный сединами рыцарь.

Перебивая гомон толпы, над Ристалищем разнесся голос Гордиона, возвестившего:

— Знак Рыбы! Благородный рыцарь, барон Рифсайн!

— Знак Змеи! Ферндин, родом из Заморы!

Толпа недовольно гудела, и Гордиону пришлось напирать глотку, чтобы объявить две последние пары.

Барон Рифсайн, когда-то лихой боец, гроза турниров, один из ближайших к герцогу людей, был единственным, кто радовался результатам жеребьевки: только для того, чтобы иметь возможность, скрестив мечи, изгнать герцогство от опасного пришельца, сел он на коня, забыв про годы. Торжествующая улыбка топорщила седые усы, когда барон надевал поданный оруженосцем шлем, и старик не заметил взгляда, полного ненависти и презрения, который бросил на него стоявший неподалеку Ферндин.

Завыли трубы, рыцари заняли места на своих полях и замерли, ожидая сигнала к началу поединка; герцог, сжимая в руке красный мяч, медлил, словно испытывая терпение зрителей, но вот рука разжалась, мяч упал на песок, и трубы коротко протрубили боевой сигнал.

И опять, как в начале турнира, все глаза смотрели лишь на одну пару рыцарей — на барона Рифсайна, бросившегося в бой со всей силой накопившейся ярости, и Ферндина, невольно попятившегося в угол от его бешеной атаки.

Герцогиня радостно вскрикнула: ей показалось, что еще немного — и Ферндин будет повержен, не выдержав могучих ударов старого Рифсайна. Герцог в порыве досады стукнул кулаком по барьеру и потребовал кубок вина. Но, когда слуга поднес ему полный кубок, герцог уже видел только сражающихся, забыв обо всем на свете.

Ферндин, в первое мгновение показавшийся таким неуклюжим, вдруг, с неожиданной легкостью орудуя тяжелым мечом, отразил натиск барона и, горяча коня, сам кинулся в атаку. Теперь уже он наносил барону сокрушительные удары, и старик только успевал обороняться. Но вот барон ловко уклонился от удара, и меч Ферндина, занесенный над головой рыцаря, лишь скользнул, звеня, по щиту. С торжествующим криком барон Рифсайн опустил меч на врага — казалось, удар такой мощи способен сокрушить любого противника. Зрители, ожидая, что Ферндин, обливаясь кровью, рухнет на песок, восторженно завопили. Но случилось неожиданное: клинок зазвенел, будто наткнувшись на камень, а перед растерянным бароном, вложившим все силы в решающий удар, сверкнуло лезвие врага. Это было последнее, что увидел старый барон: через мгновение Рифсайн уже медленно оседал на песок с раздробленным черепом.

Со всех сторон раздавался свист, неслись проклятия, толпа бесновалась, готовая в щепки разнести ограду. Герольдам стоило немалого труда утихомирить народ. Поединки на соседних полях закончились тихо и незаметно, бойцы поспешно покинули Ристалище, и на песок, обгаренный кровью, вышел Верховный Жрец. Гордион стоял немного позади, готовый подхватить негромкие слова Жреца и швырнуть их, подобно ядрам аркбаллисты, на головы бушующей толпы. И вот зашевелились бледные губы служителя Митры, а над Ристалищем оглушительно пронесся голос глашатая:

— Бой велся честно! Победитель — Ферндин из Заморы! Такова воля Митры! Состязание продолжается!

Пятнадцать рыцарей выстроились у Ворот Победителей, ожидая жеребьевки. Их оказалось нечетное количество, и это означало, что последний боец, оставшийся без противника, будет сражаться с Рыцарем Митры — одним из служителей Храма. Рыцарь Митры, даже победив в поединке, не имел права на награду: он мог участвовать в следующем бою только как

недостающий соперник. И если из двоих оставшихся рыцарей один был служителем Храма, то победа при-суждалась второму и на следующий день поединок не проводился.

Неподкупный Гордион, глядя выпуклыми глазами куда-то вдаль, поверх голов волнующейся толпы, вновь подошел с чашей к одному из служителей Митры и стал брать из его рук золотые пластинки, зычно выкрикивая знаки и имена. И снова две из них неувли-мым движением перекинулись в длинные, расшитые блестящим шелком рукава праздничного одеяния гла-шатая. Золотые пластинки звенели в чаше, а Гордион, медленно перебирая их, все так же невозмутимо смот-рел вдаль неподвижным взглядом, приводя в восторг зрителей.

Кто-кто, а уж он-то хорошо знал, как быстро толпа меняет настроение, как мгновенно люди переходят от бешеной ярости, которую, кажется, ничто не может укротить, к радостному ожиданию еще не закончивше-гося зрелища. Гордион, чувствуя себя в этот момент тишины единственным властителем пестрого моря голов и тысяч устремленных на него напряженных глаз, испытывал одновременно торжество и презрение. Простаки! Всеми собравшимися здесь движет лишь одно-единственное чувство, уподобляя взрослых и серьезных людей неразумным детям. Любопытство — вот что приводит их сюда, оставляет то бешено биться, то зами-рать сердца. И он, Гордион, благостью Митры наделен-ный чудесным голосом и, как никто другой, умеющий проводить жеребьевки, с легкостью играл на этой сла-бости человеческой.

Негромко позвякивали пластинки в серебряной чаше, но на Ристалище стало так тихо, что даже те, кто стоял в задних рядах, слышали этот волнующий звон. Нако-нец рука Гордиона стала медленно подниматься, и пер-вая пластинка блеснула в его пальцах.

Наслаждаясь тишиной, беззвучно пульсирующей ударами множества сердец, Гордион опустил глаза на

пластинку, немного помолчал, шевеля губами, и нако-нец взревел, вспугнув осмелевшую стаю ворон и заста-вив вздрогнуть многотысячную толпу:

— Знак Дерева! Благородный рыцарь, барон Фрос-тус из Хаторы!

Герцогиня, сжав руки и стараясь не смотреть в сто-рону рыцарей, прислушивалась к выкрикам Гордиона. Герцог, потрясенный не столько гибелью барона Риф-сайна, сколько бешеной вспышкой ярости горожан, шептал, кусая губы:

— Я же его предупреждал! Клянусь Митрой, еще одна такая победа — и толпа разнесет все барьеры! Нет, этого нельзя допустить! Эй, мальчик, поди сюда!

Паж подошел и склонился в поклоне, ожидая при-казаний. Герцог велел ему приблизиться и что-то про-шептал на ухо, нетерпеливо махнув рукой в сторону рыцарей.

— Быстрее, слышишь?! Быстрее!

Не чуя под собой ног, паж сбежал со ступеней и, стараясь не привлекать к себе внимания, что есть духу помчался к Воротам Победителей. Но все равно опоз-дал — над толпой загремел могучий голос Гордиона:

— Знак Змеи! Ферндин из Заморы!

Под торжественное пение труб четыре пары бойцов выехали на Ристалище и остановились. Герцогиня подняла голову и встретила с торжествующим взгля-дом Ферндина. Похоже, он и на этот раз был уверен в победе! Губы Лавинии сложились в презрительную улыбку, и она перевела глаза на соперника ненавистно-го выскочки. Мальчишка, совсем мальчишка! Юный рыцарь, недавно представленный ко двору! Это его пер-вый турнир, и как же он горд своей недавней победой! Митра, неужели и он погибнет так же, как старый барон?! Молодая женщина невольно зажмурилась и потрясла головой, отгоняя страшное видение.

Взрели трубы, возвещая начало поединка, и вновь над поляной раздались боевые кличи. Воины ринулись в атаку, сверкнули мечи — и внезапно все смолкло.

Лишь слабый стон умирающего юноши на мгновение нарушил тишину, Фростус упал грудью на шею коня, меч выпал из разжавшихся пальцев... И тут толпа вновь взорвалась негодующим криком.

Герцог, казалось, пришел в меньшую ярость, чем его подданные. С его губ слетали гневные слова и проклятия, руки сжимались в кулаки, глаза метали молнии. Лавиния с радостным изумлением глядела на мужа: ей вдруг показалось, что Ферндин своими страшными победами сам вырыл себе яму и герцог теперь навсегда отвернется от своего прежнего любимца, но уже следующие слова герцога заставили похолодеть и сжаться ее сердце.

— Но каков боец! Не чета этим слюнтяям! Один удар — и противник мертв! Нет, я не буду осуждать Ферндина за эти победы! Такой воин стоит десятка тех, кто просит пощады! Что встали?! Продолжайте бой! — Последние слова герцог Бернхейма выкрикнул громко, так громко, что замершие на мгновение рыцари вновь бросились друг на друга.

Конан со своим противником, рослым рыцарем примерно одних с ним лет, снова скрестили мечи. Через несколько мгновений Конан, забыв про Ферндина, отдался бою, с удовольствием отражая атаки соперника. Это был не горячий Брайн, все время старавшийся заставить киммерийца врасплох, — этот боец рубился, неумоимо опуская тяжелый, как молот, меч, словно каждый раз собираясь разрубить соперника надвое. Вскоре Конану надоело обмениваться тяжелыми ударами, от которых было много звона, но мало толка. Вонзив шипы на пятках в бока своего вороного, он стал кружить вокруг рыцаря, не давая тому возможности опустить меч. Вороной, с виду такой огромный и неповоротливый, был послушен легчайшему движению хозяйской руки, и вскоре противник Конана перестал соображать, куда опускать меч и откуда ждать удара.

Развернув своего коня, рыцарь все же размахнулся мечом, но опустить его не успел — варвар ловким при-

емом, позаимствованным у шемитов, мастеров на такие штучки, выбил клинок из руки соперника. Описав в воздухе крутую дугу, меч упал на песок неподалеку от герцогской ложи.

Противник киммерийца, открыв от неожиданности рот, переводил изумленный взгляд со своей пустой рукавицы на Конана и обратно. Зрители, только что заходившиеся яростными криками, теперь уже оглушительно хохотали, и перила трещали, на этот раз едва выдерживая восторженные хлопки горожан.

Лавиния сияющими глазами глядела на Конана, и он наконец, словно почувствовав спиной жар ее взгляда, повернул коня в сторону ложи правителя Бернхейма. В это время его соперник, разразившись восхищенными проклятиями, послал оруженосца за мечом и покинул Ристалище, все еще изумленно разглядывая свою руку.

— Каков, каков, а?! Душа моя, посмотри на этого бойца — как он украсил наш Турнир! Мне кажется, что именно киммериец будет завтра соперником славного Ферндина! Вот это будет бой, хвала Митре! И знаешь, дорогая, сейчас я не могу даже решить, кто из них больше достоин победы... Пожалуй, все-таки Ферндин! У него поистине государственный ум, а этот варвар...

Герцог Ольгерд продолжал еще что-то возбужденно говорить, вертя в руках кожаный шар, но Лавиния уже ничего не слышала. Ее глаза вели свой неслышный разговор с улыбающимися глазами киммерийца. В одно мгновение был задан извечный вопрос: «Да?» — и получен извечный ответ: «Да!», и никакие другие слова оказались уже не нужны.

Чем кончились остальные два поединка — Лавиния не заметила: перед ней стоял лишь он, черноволосый гигант с суровым лицом и ласковыми зовущими глазами.

Гремели трубы, соревнуясь с глоткой Гордиона, выкрикивавшего имена последних пар, орали толпы зрителей, а Лавиния все грезил наяву. Но вот трубы взре-

вели, возвещая начало поединка, и она, вздрогнув, посмотрела на Ристалище.

По песку гарцевали последние две пары, и, хвала Митре, Конан не бьется с Ферндином. Ей не хотелось, чтобы они сражались сегодня, она боялась того страшного, что вскоре выпадет ей на долю. Еще один день, пусть все решится завтра, а сейчас она будет смотреть, смотреть, смотреть на этого киммерийца...

Глава десятая

Горожане, возвращаясь с турнира, шумными ручейками растекались по улицам Мэноры. На Ристалище оставались лишь служки Храма и герцогские слуги, наводившие порядок. Кое-где спешно чинились поломанные барьеры, которые возбужденная толпа все равно сокрушит на следующий день.

Вслед за зрителями, неохотно покинувшими поляну, чтобы как следует подкрепиться и обсудить поединки за кружкой вина, к городу двинулась небольшая группа всадников, горожане, которых они обгоняли на широкой дороге, конечно, узнавали среди них того, кто сегодня завоевал всеобщие симпатии, — киммерийского варвара, одержавшего три блестящие победы, — он спокойно ехал на своем вороном между рыжим певцом, которого в Мэноре знала каждая собака, и мастером Кларсом, герцогским оружейником. За ними следовал юный оруженосец, поглядывая по сторонам так гордо, словно это он сам победил трех славных рыцарей.

Копыта равномерно постукивали по светлым камням мощеной дороги, и всадники, не спеша двигаясь к городу, вели неторопливый разговор.

— Я говорил тебе, киммериец, этот Ферндин — не тот, за кого себя выдает! Слуги, которые видели, как он махал мечом, упражняясь с наставником герцога, со смехом говорили, что его ничего не стоит выбить из седла, да и сам наставник, когда был в настроении,

проговорился, что такого недотепы в ратном деле еще не встречал. Козла, дескать, легче научить ездить верхом и управляться с оружием, чем герцогского любимца... А на самом-то деле вон что вышло... — Мастер Кларс замолчал и нахмурился.

— Я даже не успел глазом моргнуть, как мальчишка уже был мертв! Клянусь Митрой, никто не смог даже понять, как он его?.. Разъехались, съехались — все! И вот вам еще один покойник! — Рыжий Бёрри, все еще разгоряченный картинами турнира и содержимым уже пустой фляжки, уныло хлопавшей по его бедру, снова начал, не в силах остановиться: — А старый барон Рифсайн?! Хотя он и сед, но сил-то ему было не занимать — он мог оказаться, пожалуй, самым опасным противником на этом турнире! Конечно, кроме тебя, друг Конан! Но о тебе ведь до сегодняшнего утра никто и не знал! Да, так я говорю...

— Отдохни, приятель, а то у тебя совсем во рту пересохнет! Вот прополощем горло, тогда и поговорим. А ты, Конан, видел, как Ферндин сразил мальчишку? — Кларс пытливо взглянул на киммерийца.

— Знаешь, мастер, мне и самому это непонятно... Когда затрубили трубы, я следил за своим противником, но все же видел и остальных... Я тогда чуть не крикнул юнцу: «Куда несешься! Держи правее!» Он явно забирал в сторону от Ферндина, замахиваясь не на него, будто видел перед собой другого противника... А тот даже не ударил, а просто ткнул мечом ему в горло, тут мы столкнулись с моим соперником, опять разъехались и увидели, что рядом все кончено...

Некоторое время спутники ехали молча, но вскоре Бёрри не выдержал:

— Ха-ха-ха! А этот последний бой! Митра свидетель, ничего подобного я отродясь не видывал! И если бы не Ферндин с его подлой удачей, тебя бы вынесли с Ристалища на руках!

— Да, Рыжий, ты прав, проклятый Ферндин, как демон-убийца, лишил Бергхейм трех славных рыцарей!

И одна победа гнуснее другой! Чего стоило герольдам и стражникам утихомирить толпу — я думал, они растерзают самого Верховного Жреца! Но, в конце концов, только ему и удалось успокоить горожан. Сегодня вечером Мэнора будет похожа на растревоженный улей. Так что ты, Рыжий, сиди у меня тихо и не высовывайся!

— Да, приятель, сегодня, пожалуй, и я послушаю твои песни, а то смотри, что получается: столько времени мы вместе, а ты для меня еще не пел!

— Ну, наконец-то дождался! Сам Конан Непобедимый просит ничтожнейшего из певцов побренчать на эрте и показать свое немудреное искусство! А я уж думал, что ты упи затыкаешь, когда я разливаюсь соловьем! Ну, вот мы и доехали. Смотрите: Риальт, плутишка, нас как-то ухитрился обогнать и теперь распахивает ворота, как перед королем и его свитой! Молодец, мальчик, из тебя будет толк, это я, Рыжий Бёрри, тебе говорю!

Они въехали во двор, не заметив, как за ними серой тенью проскочил невзрачный старикашка в рваной, надвинутой на глаза шапчонке. Крадучись, он подошел к навесу для лошадей и скрылся из виду, как будто слившись с темной стеной конюшни.

Тем временем во дворе собрались все мастера и подмастерья, мальчишки-ученики стояли в сторонке, не смея приблизиться к грозному хозяину и его могучему гостю. Все они были на Ристалище и видели, чем закончились поединки. И вот герой сегодняшнего дня, славный воин, возможно, тот, кто завтра станет избранником Митры, стоит совсем рядом и смеется какой-то соленой шутке Рыжего Бёрри.

Мастер Кларс махнул рукой, подзывая мальчишек. Но не успел он приказать шустрым ученикам, чтобы они разнуздали и вывели коней, как вдруг за спинами подмастерьев раздалось гнусавое пение, они расступились, и на середине двора оказался нищий, тот самый, что сегодня с утра вертелся около палаток, выпрашивая

подавание. В тусклом свете гаснущего дня он казался тенью: серые морщинистые щеки, серый балахон из грубой ткани, грязная кожаная сума, болтающаяся на поясе, и светло-серые, почти незрячие глаза.

Его лицо все время подергивалось в жалкой улыбке, а сам он приплясывал, напевая Песнопение Митры. Но губы его, силясь произнести что-то членораздельное, выговаривали совсем непонятные слова и издавали диковинные звуки.

Один из подмастерьев, повинувшись кивку мастера Кларса, поспешил на кухню, чтобы вынести старику еды. Здесь нищим никогда не отказывали, но и поче-вать никогда не оставляли: мастер Кларс не любил гневить богов излишней доверчивостью.

Вскоре нищий кружился в своей безумной пляске около самых ног вороного. Тот косил сердитым глазом, фыркал и прижимал уши, но стоял возле хозяина неподвижно, как каменное изваяние. И все же, когда нищий, споткнувшись, ухватился за попону, чтобы не упасть, конь не выдержал и взвился на дыбы. Конан схватил старика за шиворот, пару раз встряхнул и гаркнул:

— Эй, убогий, тебе что, жизнь надоела?! Смотреть надо, куда идешь! Это боевой конь, а не телега! Да ты хоть слышишь, что я тебе говорю?!

Нищий, все так же монотонно напевая, ухватился за широкий пояс киммерийца, пытаясь покрепче встать на ноги. Конан еще раз нетерпеливо встряхнул старика, и рваная шапка упала на землю. Венчик седого пуха встал торчком на непокрытой голове, отчего старик казался совсем беззащитным в огромных руках киммерийца,

— Эй, друг, полегче трясина старца, а то душу из него вытрясешь! Тогда мастеру Кларсу не видать больше удачи! Пусть лучше умрет, если ему это суждено, в какой-нибудь канаве или на дороге, но только не в доме у добрых людей!

Но старик уже опомнился и, держась одной рукой за меч, пытался найти на земле свою шапку. Кто-то из

мальчишек подобрал ее и с опаской сунул в трясущуюся руку. Лицо нищего озарилось блаженной улыбкой, он отцепился от Конана и медленно натянул на себя шапку.

Тут подоспел подмастерье, посланный Кларсом на кухню, и доверху набил котомку старика. Это было щедрое подавание: румяный свежий хлеб, большой кусок ароматного сыра, горячее, только что с вертела, мясо и кожаная фляжка с вином.

Старик, все так же ни на кого ни глядя, похлопал по набитой до отказа суме и, что-то невнятно бормоча, заковылял к конюшне. Кто-то из мастеров осторожно повернул его к воротам, он закивал трясущейся головой и покорно вышел со двора.

— Хвала Митре, ушел восвояси! Я уж думал, разразится проклятиями или помрет на месте, когда ты его потряхнул своими ручищами! — мастер Кларс, которого непросто было испугать, с явным облегчением перевел дух. — Ты, Конан, поосторожнее с

убогими! В них порой такие демоны сидят, что и последний кусок хлеба отдашь, лишь бы со двора убрался!

— Да, похоже, старик чуть в штаны не напустил, когда я его слегка потряс! Но ведь ворота же напел, а коня, болван, не видит! Да он не проклинать, а благодарить меня должен! Ну, ладно, вон ребята ворота заперли, больше не вернется! Будет теперь где-нибудь под кустом сосать твоё вино. Кстати, и нам бы это не помешало, как ты думаешь, Бёрри?!

— Да я уже давно ни о чем другом не думаю... Кларс, разгоняй своих молодцов да веди нас к столу — с тебя причитается!

— Пошли, пошли, там у женщин давно уже все готово! Конан, отдай меч Риальту да сними кольчугу — он все отнесет в твою комнату.

Ужин их ждал поистине великолепный — огромный стол ломился от множества блюд с жареным мясом и запеченной дичью; широкие площадки были наполнены

кушаньями, запахи которых могли свести с ума проголодавшегося человека. Но высокие кувшины и серебряные кубки могли быть уверены, что руки мужчин, рассевшихся вокруг стола, в первую очередь потянутся именно к ним, и душистое вино первым проложит дорогу к голодным желудкам, взбодрит кровь и развяжет языки.

Осушив в одиночку почти целый кувшин вина и разделившись с блюдом жареной дичи, Бёрри, куском хлеба добывая жирный соус со дна глубокой миски, вдруг вспомнил:

— Я же обещал тебе спеть, друг Конан! Ты как, не передумал слушать бедного певца? Ну, тогда сбегайте кто-нибудь за эртой, а то мне уже не подняться! А я пока хлебну маленько для прочистки горла. — Он решительно забрал кувшин у одного из мастеров, наполнил свой кубок и стал тянуть вино, прикрыв от удовольствия серые глаза.

Когда кубок наконец опустел, эрта уже лежала у него на коленях, а все вокруг затихли. Потрескивали фитили в светильниках, ночные бабочки залетали в открытые окна, а Бёрри не спеша настраивал эрту.

Но вот его пальцы забегали по струнам, и полились звуки старинной песни о мудром и храбром короле Грегоре, о трех его сыновьях, одного из которых сгубила жадность, другого — любовь, а третьего — глупость...

Потом, немного отдышавшись, Бёрри лукаво подмигнул киммерийцу. Пальцы рыжего выпивохи, как будто взбесившись, рванули струны, и он завел такую непристойную песню про старого жениха, выбиравшего невест, что ему приходилось то и дело умолкать, пережидая хохот.

Тяжелая рука мастера Кларса легла Конану на плечо:

— Пойдем, сынок, пора! Они тут будут петь до утра, а тебе надо отдохнуть!

Они пробрались к двери и вышли в ночной сад. Свежий прохладный ветер донес запах яблок, где-то

над головой сонно завозилась птица, а из открытых окон слышался звон кубков и треньканье эрты.

С наслаждением сбросив одежду, Конан растянулся на широком ложе. Ему казалось, что он уснет сразу же, как только усталая голова опустится на подушку, но сон, скользнув по глазам, улетел, как испуганная птица. И вновь перед ним замелькали мечи, загремели трубы, взревел голос Гордиона, возвещая последний поединок... Конан улыбнулся, подложил руки под голову и закрыл глаза, вспоминая этот бой.

«Забавная штука — жребий!» — подумал киммериец, все еще усмехаясь. Сегодня судьба, волею Митры, свела его с теми, кого он первыми увидел во дворе у мастера Кларса. Сначала молодой Брайн, потом этот, красномордый... Конан беспокойно поворочался, пытаясь вспомнить имя толстяка или хотя бы его Знак, но потом послал всю эту чепуху к Нергалу и снова мысленно вернулся на Ристалище.

Его противник, грузный рыцарь с тяжелым брюхом и налитыми кровью глазами, похоже, исходил от ярости, увидев, с кем ему придется сражаться. Конан, в такие мгновения на лету ловивший настроение и мысли соперника, сразу ощутил перед собой враждебную силу. Этот воин наверняка был человеком Ферндина и мечтал, конечно же, попасть с ним в пару, чтобы, для порядка помахав мечом, изобразить полное поражение. Уж ему-то, наверное, не грозила ни смерть, ни рана, скорее, наоборот — щедрая награда за помощь. А теперь, когда благополучный конец был так близок, приходится сражаться с этим диким киммерийцем, и никто не знает, чем может кончиться бой...

Сейчас, как и днем, Конан всем своим существом чувствовал и эти мысли, вихрем пронесившиеся в чужом мозгу, и волны чужой ярости, будящей его собственную. Настоящая боевая ярость здесь, на Священном Ристалище, могла стоять жизни этому борову, взгромоздившемуся на коня. Правда, он одержал две победы, но для Конана это не очень-то много значило.

Гораздо важнее было другое: сияющий взгляд и чуть заметно шевельнувшиеся губы, ответившие на призыв. Поэтому его победа не должна обогреться кровью, пусть даже такой смердящей, как у этого... Тьфу, никак не вспомнить проклятое имя!

Похоже, ненависть совсем заслонила глаза жирному храбрецу! Рубился он неплохо, но каждый удар сопровождал ядреными ругательствами. Конан, уняв вспыхнувший гнев, теперь холодно улыбался, жестко глядя в вытаращенные от злобы глаза противника. Мечи звенели, выискивая слабые места в обороне сражавшихся, кони кружили на месте, взрывая копытами белый песок.

Наконец Конан, пролетев мимо соперника, на всем скаку повернул вороного назад и крепко стукнул булавой по круглому шлему. Меч тут же выпал из разжавшейся руки толстяка, глаза совсем вылезли из орбит, рот захлебнулся последним проклятием, и он, потеряв стремя, мешком вылетел из седла. Испуганный конь отбежал в противоположный угол поля и стал носить-ся вдоль ограды, ища выход.

Поверженный боец, слегка очухавшись, стал медленно подниматься на четвереньки. И тут Конан, забыв о своем намерении не проливать на турнире кровь, не сдержал нахлынувшего вдруг озорства и сделал то, что привело зрителей, а особенно Рыжего Бёрри, в неистовый восторг: он опустил шипастую булаву на торчащий кверху жирный зад и слегка огладил толстые ляжки. Но этого оказалось достаточно — прочные штаны из толстой кожи с треском лопнули и повисли клочьями.

Бедняга распластался на песке и даже не пытался встать, громко визжа на радость толпе. Из распоротой задницы хлестала кровь, и слугам стоило большого труда унести его с Ристалища.

Но был еще и другой бой — на соседнем поле... Конан, вертясь вокруг своего толстомордого противника, успевал видеть все: и выпады грузного рыцаря, и то,

что происходило рядом, за невысокой оградой. И события, развернувшиеся на соседней площадке, привели северянина в нешуточную ярость.

Фердину, проклятому Фердину, как уже и Конан называл этого человека с холодным лицом и зловещей улыбкой, достался немолодой и не очень ловкий противник. Похоже, что лишь благодаря удаче он добрался до последнего боя. Всем было ясно, что Фердин одержит легкую победу, и зрители во все глаза смотрели на киммерийца, наслаждаясь жаркой схваткой, хотя над ругательствами его соперника.

Но, когда толстяк рухнул на песок, Фердин, тоже косившийся в их сторону, пришел в неистовство. Это было видно по вспыхнувшим глазам и злобной ухмылке бледных губ. Он воспользовался тем же приемом, каким Конан в прошлый раз вышиб меч из руки верзилы.

Немолодой рыцарь, уже порядком измотанный и не надеявшийся на победу, поднял было руку в знак своего поражения, но не успел произнести ни слова: меч Фердина, свистя, рассек ему череп от уха до уха. Шлем, не выдержав страшного удара, отлетел далеко в сторону, и мертвец повис в стремени, обагрив песок алой кровью, пока стражники ловили взбесившегося коня.

И прав был Бёрри, когда говорил, что еще немного — и толпа разнесла бы все: ограды, деревянный храм, скамьи... Но, когда страсти утихли, Верховный Жрец велел продолжить ритуал. И вот они, победители сегодняшнего дня, двое соперников пред Очами Митры, подъехали к возвышению, чтобы принять из рук герцога чаши со Священным вином.

Герцогиня сама наливала его из золотого кувшина, обильно украшенного сверкающими камнями. Но ее глаза, глядевшие только на киммерийца, сияли ярче этих камней, ибо никакие алмазы не сравнятся с блеском глаз влюбленной женщины...

Они поднялись на три невысокие ступени и оказались на небольшой, покрытой ковром площадке, почти

вровень с герцогским возвышением. И сам герцог протянул им золотой поднос с двумя тяжелыми чашами.

Толпа глухо роптала за спиной, герцог смотрел на бойцов, невольно сравнивая их друг с другом, а герцогиня не отрывала взора от голубых глаз, улыбавшихся ей поверх чаши. От Ферндина, похоже, не ускользнул их немой разговор, и он, допивая последние глотки Вина Митры, вдруг подавился и закашлялся. Чаша чуть не выпала из его рук, но он усилием воли сдержался и выпил все до дна.

Взгляд, которым он обжег Конана и герцогиню, сказал киммерийцу многое... Вот, значит, чего добывается этот негодяй, кроме титула и власти!

От этого воспоминания руки Конана сжались в кулаки, варвару захотелось немедленно вскочить с ложа и кинуться в бой, но тут сон, успокаивая встревоженную душу, разогнал все образы, выдул легким ветром тревожные мысли, и вскоре в ночной тишине раздавались лишь равномерное дыхание спящего киммерийца да тихий шорох мышей под полом.

Стемнело, и в герцогском дворце, так же как и в домах простых горожан, постепенно затихла шумная дневная жизнь. Правда, с появлением Ферндина при дворе, бывало, что по ночам в огромной трапезной шум стоял такой, что древние стены дрожали от пьяных выкриков и пьяного визга. Но в дни праздника Митры герцог не рискнул затеять подобную пирушку, да и не было с ним рядом того, кто обычно подбивал Ольгерда на такие развлечения.

В спальне Ферндина тоже было тихо. Горел одинокий светильник, а на растерзанном ложе, с выражением бесконечного страдания на лице, крепким сном спала юная служанка герцогини. Едва вернувшись во дворец, Ферндин поймал ее в коридоре, затащил к себе в спальню, запер дверь и что-то негромко сказал, глядя в круглые от ужаса глаза. После этого девушка покорно сбросила с себя платье и, дрожа, подошла к ложу. Колдун набросился на нее сзади и, рыча, как голодный

волк, грубо овладел нежным, трепещущим телом, вымещая на безвольно лежащей служанке всю свою ярость и досаду.

Ему представлялось, что это герцогиня слабо бьется в его руках, не в силах сопротивляться, и слезы, ручейками бежавшие из-под сжатых век девушки, лишь распалили звериное желание насильника.

Когда уже совсем стемнело, он встал, провел рукой над измученным лицом своей жертвы и, слегка приведя себя в порядок, вышел в маленькую, смежную со спальней комнатку. Там, примостившись у самой двери и жадно ловя каждый звук, доносившийся из спальни, его ждал старик в сером рубище, тот самый, кто потешал толпу на Ристалище, прыгая около палаток.

— Ну, Акрус, ты сумел это сделать?! Говори скорей, я жду!

Старик посмотрел на Ферндина прищуренными глазами и жалобно проскрипел:

— О, мой господин, сначала дай мне сбросить эту личину, и я тотчас все расскажу!

— Ах ты, упрямый мерзавец! Мне давно бы следовало скормить тебя змеям, но уж больно ты ловок... Ладно, сейчас ты сбросишь маску!

Он достал из стоявшего в углу резного шкафчика кусок тончайшей серебристой ткани и разложил на полу.

— Вставай на середину! Что ты тянешь, можно подумать, в первый раз видишь Платок Сета! Поторопись!

Акрус с опаской встал на середину серебристого квадрата, и его углы тотчас стали медленно подниматься вверх, пока не сомкнулись в узел над головой слуги. Ферндин стоял, заложив руки под пояс, и с жестокой усмешкой смотрел на приплясывающий по полу серебристый сверток. Изнутри доносились сдавленные стоны, Акрус размахивал руками, словно отбиваясь от невидимого врага, пока наконец не затих, сжавшись в комок. Тогда тугой узел наверху развязался, и ткань с

тихим шорохом упала на пол. Желтокожий слуга, все еще постанывая, с трудом поднялся с колен и поспешил сойти с колдовского полотнища на ковер.

— Ну, теперь ты снова в своем обличье, — сказал Фердин, пряча серебристую ткань в крошечный ящичек, — рассказывай, что тебе удалось сделать!

— Благодарю, мой господин! Как хорошо вновь оказаться в своем теле и говорить своим голосом!

— Болван, я это и так знаю! Что за болтливость на тебя нападает всякий раз после превращения! Говори, а не то... — И он впился в глаза слуги угрожающим взглядом.

Отступив подальше, тот накинул на обнаженные плечи короткую зеленую тунику и начал:

— Ты можешь быть мною доволен, господин! Эти простофили ничего не заподозрили и даже насовали мне полную суму всякой снеди! — Он захихикал, вспоминая щедрое подаяние мастера Кларса.

— Нет, ты все-таки поглупел в маске старого дурня! Я что, за снедью тебя посылал?! Не сердь меня, Акрус, такие шутки тебе дорого обойдутся! Ведь знаешь — я все поставил на кон, и вдруг появляется такой противник! О Сет, почему варвар не сломал себе шею где-нибудь в горах своей Киммерии!

— Только потому, мой господин, что судьба уготовила ему другое место, чтобы сломать шею! И это произойдет завтра, по воле Черного Владыки!

— Так тебе это удалось?! Говори — как? Ведь киммерийцы так недоверчивы, а мастер Кларс тоже далеко не простак!

— Здесь, как и везде, люди боятся безумцев и стараются их задобрить. Я мог зайти в любой двор, прикоснуться к любой вещи, даже взять, что захочу — а эти людишки старались бы меня ублажить или потихоньку выпроводить со двора. И мастер Кларс такой же!

— Варвар тоже?

— Нет, господин, он другой... Его ручки чуть не вытрясли из меня душу, зато бедному испуганному

старикуну пришлось крепко ухватиться за меч, гордость мастера Кларса! Я держался за самое его основание, возле рукоятки!

— Хвалю тебя, Акрус, это даже больше, чем я хотел! Ну а что с конем?

— А с конем вышло совсем просто. Я шел по двору и сослепу налетел прямо на коня. Промаяхнуться было невозможно! Правда, эта скотина чуть не затоптала меня копытами, так что киммериец, можно сказать, спас бедного старика от смерти! Но зато я успел ненароком прикоснуться к подпруге!

— Ну, варвар, спи последнюю ночь, завтра ты унешь уже навсегда! Ах, Лавиния, мне даже жаль тебя: такие жаркие взгляды сменяются потоком слез! Но, когда женщина плачет, она гораздо желаннее! Так чем же мне наградить тебя, Акрус?

— О, мой господин, я бы хотел... Там, в спальне, на ложе... Она так стонала! Я бы тоже хотел заставить ее постонать и поплакать!

— Ого, да ты тут, за дверью, похоже, времени зря не терял! Ладно, бери, а утром я тебе еще оставлю пару глотков моего вина с кеубой, подкрепишь силы после всех трудов... и после девчонки...

Слуга бросился на колени и принял жадным поцелуем к босым ногам господина. Небрежно отпихнув его в сторону, Фердин распахнул дверь и свистящим шепотом позвал:

— Встань... Иди сюда... Не открывай глаз... Ты спишь и видишь сны... Утром все забудется... Иди и делай все, что тебе скажет твой повелитель...

Запуршали покрывала на ложе, и в маленькую комнатку, дрожа, вошла с закрытыми глазами девушка. Не в силах ждать, когда она приблизится, Акрус схватил ее за руку и потащил в угол, к низкому ложу, покрытому пестрым ковром. Фердин стоял рядом, широко расставив ноги, с удовольствием слушал сдавленные крики служанки, злорадно предвкушая, что скоро и герцогиня отправится этой дорогой...

Глава одиннадцатая

На рассвете подул резкий западный ветер, таща за собой серые клочья туч. Они крадучись приближались к Мэноре, заволакивая бледно-зеленое небо. Солнце еще не успело брызнуть из-за горизонта первыми лучами, а ветер уже согнал свое растрепанное стадо в одну кучу. Низкие облака неслись, как испуганные птицы, не в силах свернуть с предначертанного пути.

Стало холодно, как глубокой осенью. Ветер пробирал до костей, но жителей Немедии трудно удивить переменами погоды, гораздо хуже было другое: в день решающего поединка это могло оказаться знаком гнева Митры, и горожане прекрасно понимали, кто мог вызвать этот гнев. Одевшись потеплее, они с раннего утра шли на Ристалище. Ближе к полудню шумный город совершенно опустел, зато широкая поляна уже не могла вместить всех желающих.

Странное это было зрелище: огромное поле, запруженное колышущимися толпами нарядных людей, развевающиеся на шестах ленты и вымпелы, герольды, гарцующие на возбужденных конях, — и еле слышные голоса притихших горожан, почти заглушаемые шелестом листьев.

Встретив герцога и герцогиню приветственными криками, толпа, словно она была единым существом, снова настороженно затихла.

Герцог, зябко кутаясь в плащ, подбитый рысьим мехом, тоже был озабочен исходом поединка, ему казалось, что судьба Бергхейма зависит от сегодняшней битвы и победа невесты откуда взявшегося варвара, хоть он ловок и отважен, приведет к крушению важных государственных планов. Каких планов — он никак не мог вспомнить, но был твердо уверен, что без Феридина герцогство пропадет и для него самого, могущественного владетеля Бергхейма, настанут трудные времена.

Герцогиня, осунувшаяся после бессонной ночи, долгой, как целая жизнь, выглядела бледной и утомленной. Огромные глаза глядели на песчаное поле, словно выискивая на нем знаки того, что вскоре должно случиться. Занятая своими мыслями, она не сразу почувствовала что-то неладное.

— Как тихо кругом... Ни смеха, ни криков... Мой герцог, тебе это не кажется странным?!

— Клянусь Сиянием Митры, мне это очень и очень не нравится! Я еще никогда не видел моих подданных такими мрачными! Можно подумать, что это не праздник, а похороны... Мои похороны... - невесело пошутил он, но шутка оказалась такой зловещей, что герцог умолк и отвернулся.

Тем временем герольды выстроились перед Храмом и протрубили звучный раскатистый сигнал, который обычно эхом отзывался в роще. Но сейчас громкое пение труб вязло в низких облаках и не возвращалось обратно дробными отголосками.

В полной тишине из Храма вышли служители Митра и сам Верховный Жрец. В это же время к Воротам Победителей медленно подъехали двое рыцарей, одному из которых сегодня достанется желанная победа, а другой... другой, возможно, расстанется с жизнью.

Черноволосый рыцарь в черных доспехах на вороном могучем коне неподвижно замер у правой створки ворот. Его пронзительные голубые глаза холодно скользнули по сопернику, стоявшему рядом, и устремились вперед, туда, где на возвышении среди нарядных

придворных сидели двое: герцог, то и дело подносивший ко рту кубок с подогретым вином, и наярженно застывшая герцогиня.

Фердин, нарочно горячивший коня, так что он ни мгновения не стоял спокойно, один из всех, казалось, не чувствовал напряженной тишины, нависшей над Ристалищем. Его желтые глаза жмурились в довольной усмешке, как у сытого кота. Он то и дело подкручивал воинственный ус, изредка поглядывая в ту же сторону, что и киммериец. Сегодня солнце не играло на золоченых доспехах, разбрасывая желтые зайчики, но он все равно вертелся перед закрытыми воротами, как мальчишка, впервые удостоившийся благосклонности знатной дамы.

Конан краем глаза видел и торжествующий блеск желтых глаз, и нарочито шутовские ухватки, граничившее с издевкой. Трудно было поверить, что это тот самый человек, который еще вчера, не дрогнув, отправил на Серые Равнины трех верных вассалов герцога. Да, это не простой противник! Такой способен притвориться беспечным и простодушным, лишь бы ловчее нанести подлый удар.

Снова запели трубы, сердце Конана забилось ровно и гулко, как всегда в начале битвы. Каждая мышца и каждый нерв отозвались на звонкий призыв, и конь, тут же почувствовав настроение хозяина, тихо заржал, нетерпеливо забив копытом. Служки вынесли факелы и зажгли Священные огни в двух чашах у ступеней храма.

Как и вчера, вперед выступил преисполненный важности Гордион с небольшим свитком в руках, прислушался к гомону ворон в роще, обвел толпу выпученными глазами и, повинувшись знаку Верховного Жреца, начал:

— Сегодня, в день решающего поединка между двумя славными рыцарями, победившими всех своих соперников в честном бою, призываем в судьи самого Пресветлого Митру!

— Пусть сам Огненноликий Бог изберет достойнейшего и поможет ему одержать почетную победу!

— Воины сражаются боевым оружием — мечами, булавами и кинжалами!

— Поединок длится до полной победы!

— Рыцарь имеет право прекратить поединок, признав себя побежденным!

— Добивающийся победы бесчестным путем несет на себе проклятие Митры!

— Никто не скажет, что не слышал правил Турнира!

— Да свершится воля Пресветлого!

Жрецы выступили вперед и запели. Это был древний Призыв к Огненноликому, заклинание-молитва, на которое божество всегда отзывалось невидимым присутствием. Вот и сейчас ветер на несколько мгновений утих и в плотных серых облаках появились два ярких синих просвета — словно два небесных глаза глянули вниз на толпу. И снова тучи понеслись вдаль, лохматыми серыми клочьями залепив все небо.

Верховный Жрец поднял и опустил жезл, и тотчас двое юношей вывели на Ристалище молодого горячего жеребца светло-золотистой масти. Даже в неярком свете пасмурного дня его лоснящиеся бока казались отлитыми из металла, он неторопливо переступал сильными стройными ногами, высоко держа голову на гордо изогнутой мощной шее, и было видно, что такой конь с легкостью понесет любого рыцаря в полном боевом облачении.

Впервые за этот день толпы зрителей оживились, послышался одобрительный гул голосов и звонкие выкрики мальчишек, еще не умеющих предаваться мрачным раздумьям.

К седлу благородного животного были приторочены боевые доспехи с роскошной отделкой. Такие доспехи имел право носить лишь победитель Священного Турнира.

Каждый из предметов украшали изображения солнечных дисков, что означало благоволение Митры. В этих доспехах рыцарь мог сражаться на любом поле брани, кроме Священного Ристалища. Юноши, удержи-

вающие коня, замерли на месте, и под торжествующее пение труб преисполненный важности оруженосец вынес бесценный меч с вычеканенным у самой рукоятки знаком Митры, герцогским гербом и — с другой стороны — знаком нынешнего года. Именно этот меч считался главным символом победы в священном Турнире и давал своему хозяину завидные привилегии.

Юноша, держа меч в вытянутых руках, встал, как рыцарь, на одно колено перед Верховным Жрецом и склонил голову, ожидая благословения. За его спиной двое других держали под уздцы золотистого коня.

Под бесконечно повторяющееся Песнопение Митры Жрец окропил водой меч, коня и доспехи. После этого юноши медленно пошли вокруг Ристалища, чтобы все зрители могли полюбоваться на драгоценную награду.

Когда маленькая процессия проходила мимо Ворот Победителей, Конан слышал негромкий смех Ферндина. Киммериец удивленно посмотрел в его сторону. Желтые хищные глаза уже не жмурились в довольной улыбке, они смотрели в упор с откровенной насмешкой.

— Ну как, киммериец, хорош герцогский конь? А меч, гляди, и того лучше! Но самое лучшее знаешь что?! Нежный взгляд прекрасной дамы! — Его издевательский смех слился с пением труб, и ворота распахнулись, впуская противников на Ристалище.

Горячая кровь ударила Конану в виски, забилась в ладонях, рука готова была тут же выхватить меч, но герольды гарцевали у ворот, провожая соперников на середину поля, где их ждал Верховный Жрец.

Спешившись, они подошли ближе и, обменявшись тяжелыми взглядами, преклонили колени, опустив мечи на песок. Жрец стоял запрокинув голову и широко открытыми глазами вглядывался в хмурые небеса. Ветер трепал его волосы, развевал широкие одежды, а он все молчал, словно ожидая чего-то.

На смену серым утренним облакам приползли издали урюмые темные тучи, обложив весь горизонт. Кое-где беззвучно сверкали молнии, обещая близ-

кую грозу. Но Жрец не торопился. Наконец он вздохнул и перевел взгляд на рыцарей, застывших перед ним. Подняв жезл, служитель Митры протянул его в сторону киммерийца:

— Конан, воин из Киммерии, поклянись Пресветлому Митре честно вести решающий бой!

— Клянусь!

— Фердин, воин из Заморы, поклянись Пресветлому Митре честно вести решающий бой!

— Клянусь!

Брызги душистой воды вновь окропили головы бойцов, и Верховный Жрец, в последний раз встряхнув мокрой рукой, торжественно удалился под своды деревянного храма. Там ему, так же как и герцогу, было приготовлено высокое кресло, откуда Жрец неотрывно следил за поединками.

— Знак Птицы, Конан из Киммерии, и Знак Змеи, Фердин из Заморы, по воле Всеблагот Митры сходятся в Священном поединке! — оглушительно провозгласил — Гордион.

Сегодня ему останется лишь прокричать имя победителя — и его власть над замершей толпой закончится до следующего года.

Под звуки труб соперники разъехались в противоположные концы поля и замерли, ожидая, когда герцог бросит мяч. Но он медлил так же, как несколько мгновений назад медлил Верховный Жрец. Тучи, все ближе подбиравшиеся к Ристалищу, тревожили его не меньше, чем служителя Митры.

— Сколько я помню, в дни турниров никогда не бывало гроз! Но пора начинать, иначе хлынет дождь и войнам будет трудно сражаться!

Мяч полетел на песок, взревели трубы, и всадники яростно бросились навстречу друг другу.

Если вчера Конан сражался играя, не чувствуя перед собой достойного противника, способного в полной мере потягаться с ним мощью и боевым искусством, то теперь с первых же мгновений боя он почувствовал в

Фердине силу, не уступающую его собственной. Несмотря на то что замориец был уже северянина в кости, его удары обрушивались на Конана, как тяжелый горный обвал. Из-под золоченого шлема сверкали ненавистью желтые глаза, и ни тени улыбки не было на злобно оскалившихся губах.

Конан ловко отбивал коварные удары соперника, но и тот не пропускал ни одного выпада киммерийца.

Утреннее оцепенение как ветром сдуло с толпы зрителей. Теперь все жители Мэноры, собравшиеся вокруг Ристалища, вопили, словно одна большая глотка:

— Ко-о-онан! Р-р-руби! Ко-о-онан!

Бойцы кружили, сомкнув мечи, и старались тяжестью тела столкнуть противника с коня. Но их силы оказались равны, и ни один не смог одолеть другого. Наконец бойцы снова разъехались в противоположные концы Ристалища, чтобы сшибиться в атаке.

Кони, хрипя и роняя с губ пену, ринулись навстречу друг другу. Казалось, два смерча несутся по полю, чтобы, столкнувшись, завертеться в смертельной пляске. Со звоном ударились мечи, бойцы, рыча, рубились, пытаясь найти хоть одно слабое место в обороне противника. Но вдруг вороной взвился на дыбы, и рыцарь в черненых доспехах, едва успев освободиться от стремян, ловко соскочил на землю. Жеребец, мотая головой, испуганно отбежал в сторону, волоча седло и попону, лопнувшая подпруга змеей тащила по песку вслед за ним.

Полустон-полувздох пронесся по Ристалищу, и стало так тихо, что было слышно шумное дыхание бойцов и жалобное ржание черного коня.

Конан неподвижно стоял, готовясь принять удар торжествующего соперника, а тот, с коротким гортанным криком развернул коня и помчался на северянина, занося меч для удара.

Конану не раз приходилось выпутываться и не из таких передраг, и необходимость сражаться пешим с конным противником не грозила киммерийцу безус-

ловным поражением. В конце концов, всегда побеждает тот, у кого сильнее воля и лучше оружие. А уж в добром мече мастера Кларса варвар был уверен, как в себе самом. Вчерашний день лишь подтвердил, какое сокровище ему досталось, — три боя, невесть сколько крепких ударов, а клинок сиял как новенький, и ни одной царапины не увидел на лезвии зоркий взгляд киммерийца.

И сейчас Конан был готов принять любой удар противника. Фердин с воплем неся, привстав в стремени, желая обрушить на варвара всю силу своей ярости. Мечи столкнулись, но в тишине вместо острого звона скрестившихся клинков раздался зловеющий скрежет и треск, и киммериец с изумлением увидел, что сжимает в кулаке одну рукоять с зазубренным обломком. Он в бешенстве зарычал, как раненый зверь:

— Кр-р-ром! Проклятие! — И, оценивая взглядом расстояние, отделявшее его от врага, сделал шаг в сторону коня. Нет! Фердин, смеясь и скаля острые зубы, уже вновь развернулся, чтобы последним ударом разделаться с противником, а вороной, волоча по земле седло и притороченную к нему булаву, отбежал далеко к ограде. Бесполезно! У пояса висел лишь кинжал, и Конан выхватил его из ножен в надежде на свое искусство. Неуловимый бросок — и маленький острый клинок вопьется в шею противника, сделав то, что не смог сделать меч. Серебристой осой полетел кинжал навстречу врагу, но, ударившись о щит, молниеносно заслонивший Фердина, бессильно упал на песок. Киммериец, пеший и безоружный, сжав в кулаки могучие руки, сверкая ненавидящими глазами, был страшен, как огромный загнанный зверь. Он хотел было, поднырнув под морду коня, рвануть за узду и повалить всадника на песок, как ему не раз приходилось делать в неравных битвах, но удар вражеского клинка опередил его. Острая сталь с размаху вонзилась северянину в незащищенное доспехами горло — это был излюбленный удар Фердина, доставлявший ему всегда

особенное удовольствие. Хрип, смешавшись с последним проклятием, вырвался из рассеченного горла, и киммериец, обливаясь горячей кровью, медленно осел на землю.

Гроза за время поединка подобралась совсем близко. Никто не обращал внимания на сверкание молний и отдаленное ворчание грома. Но сейчас, когда глаза всех, собравшихся на Ристалище, были прикованы к неподвижному телу, распростертому на песке, стал слышен и свист ветра, рвущего листья с деревьев, и стук первых тяжелых капель дождя.

Ослепительная молния, заняв почти все небо, с треском и грохотом зазмеилась над Ристалищем. В толпе завизжали женщины, завопили испуганные мальчишки. Герольды носились по полю, пытались поймать вороного, не дающегося в чужие руки коня.

Герцогиня, все время поединка сидевшая не шелохнувшись, как каменное изваяние, не вздрогнула и тогда, когда могучий воин с голубыми глазами рухнул, пронзенный вражеским мечом. Она лишь слегка подняла руку, подзывая стоявшего рядом мальчика-пажа, и прошептала, почти не разжимая губ, несколько слов. Мальчик, как видно их и дожидавшийся, тут же исчез, бросившись исполнять приказание. Лавиния, положив руку на подлокотник, снова замерла, сухими горячими глазами глядя на неподвижное тело посреди поля.

Верховный Жрец, с беспокойством поглядывая на небеса, словно боясь, что следующая молния испепелит и Храм, и победителя, стоял на ступенях, не торопясь продолжить ритуал. Но огненная змея сверкнула далеко в стороне, и удар грома с запозданием обрушился на притихшую толпу. Тогда Жрец вышел на середину и, не глядя на поверженного воина, протянул жезл в сторону Ферндину. Тот, спешившись и с удовольствием слушая, как Гордион громогласно выкрикивает его имя, подошел ближе, а служки быстро увели коня заморийца. Свой меч он тоже отдал одному из них и остался лишь с кинжалом, висевшим на поясе.

Тут же юный оруженосец поднес победителю заветный меч и встал на одно колено, протягивая награду. Скрывая улыбку торжества, Фердин взял меч и пристегнул его к поясу. За спиной он уже слышал нетерпеливое постукивание копыт — это прекрасный золотистый конь ожидал нового хозяина.

Один из служителей Храма оседлал серого коня и взял роскошные доспехи — он должен послужить сегодня оруженосцем Избраннику Митры и проводить его во дворец герцога, где вечером в честь победителя состоится большой пир.

Теперь выигравшему Турнир рыцарю, по старинному обычаю, полагалось подъехать к герцогской ложе, чтобы, как и вчера, принять из рук повелителя почетный кубок. Фердин натянул поводья, конь послушно развернулся и легкой рысью понес всадника вокруг поля. Он нарочно пустил коня по кругу, чтобы еще раз насладиться видом соперника, валяющегося в луже крови, — но тело киммерийца за то недолгое время, что он стоял лицом к храму, исчезло. Исчез и вороной конь, только темное пятно на светлом песке напоминало о поверженном варваре.

Никто не видел злобно сверкнувших глаз и искаженного от ярости лица: хотя Фердин и был уверен, что его соперник мертв, он хотел убедиться в этом еще раз. И кто мог унести с Ристалища тело варвара столь поспешно? Вряд ли оружейник смог выбраться из толпы и вытащить отсюда дорогого друга. Да и кому нужен покойник? Надо будет все же велеть Акрусу разузнать, куда делся проклятый киммериец... И, улыбаясь привычной улыбкой, он, гарцуя, подъехал к герцогской ложе.

Но его улыбка натолкнулась на хмурый взгляд герцога и каменное лицо герцогини. Герцог Оргельд, повинаясь традиции, налил в золотой кубок искрящегося вина Митры и, протягивая его Фердину, глухо произнес торжественные слова:

— Да возвеселит Священное вино благородную кровь Избранника Митры!

Фердин, нимало не обескураженный неприветливым тоном, каким были произнесены эти слова, с поклоном принял кубок и медленно стал пить вино, пытаясь поймать взгляд герцогини, но Лавиния смотрела неподвижным взором сквозь него, словно видя что-то далеко за его спиной. От этого взгляда ему вдруг стало зябко, вино, не горяча, вливалось в горло ледяной струей, и рука, державшая кубок, невольно задрожала. Через силу допив последний глоток, он, почтительно склонив голову, поставил кубок и тронул поводья.

И тут на поле обрушился дождь, копивший силы с самого утра. Потоки воды скрыли с глаз и победителя, и толпы народа, и Храм, загасили Священный огонь в серебряных чашах. Герцог и герцогиня поспешно сошли с возвышения, торопясь покинуть Ристалище, пока толпы народа не запрудили дорогу.

Дождь то на некоторое время утихал, то вновь обрушивал на землю водопады ледяных струй, не прекращаясь до самой ночи, нагоняя на людей холод и тоску.

И герцогский пир в честь Избранника Митры был таким же тоскливым и унылым, как этот дождь. Хоть и осушили гости немало кубков, чествуя новоиспеченного барона Редборнского — герцог пожаловал-таки этому проходимцу доброе поместье старого Дисса, — хоть и пили за верность, с какой новый вассал обязан будет служить своему господину, но никто из сидевших за пиршественными столами не верил в преданность проклятого Фердина. Лишь сам герцог Оргельд, вновь повеселевший и, похоже, забывший, что лишился троих проверенных вассалов, приобретя взамен лишь одного, превозносил ратную доблесть и искусство победителя.

Кравчие разливали вино, слуги вносили очередные перемены блюд, музыканты старались вовсю, пением флейт и переливами золоченых арф заглушая тихие голоса гостей.

Герцог, все же чувствуя напряжение и не видя вокруг обычного хмельного веселья, предпочел пораньше

покинуть трапезную залу, пригласив за собой и Фердина. Герцогиня оставила пир еще в самом начале, сославшись на нездоровье. Бледное, почти серое лицо, лихорадочно горящие глаза и бескровные губы молодой женщины, не вызвали сомнений в плохом самочувствии владетельной госпожи.

Гости, почувствовав себя вольготнее, пошумели еще некоторое время и тоже стали поспешно расходиться. Рано закончился герцогский пир, как никогда рано; множество кушаний так и остались на кухне, и музыканты, не в пример прошлым торжествам, на этот раз не валились на пол от усталости.

Герцог увел Фердина — теперь уже барона Фердина — в просторную комнату, украшенную огромными, от пола до потолка, ткаными картинами, изображавшими великие деяния герцогских предков, а также чудеса, явленные Митрой. Раньше ему, простолюдину, не имевшему титула, был заказан вход в этот маленький зал, где решались судьбы Бергхейма. Он мог давать советы герцогу где угодно — за кубком вина, в опочивальне, куда ему разрешалось заходить без доклада, на охоте, на прогулке в роскошном саду, — но только не здесь.

И вот первое, что сделал герцог Оргельд, провозгласив его бароном Редборнским, — привел его в Зал Совета. Славная малышка, скользкая дочь Черного Сета, правильные мысли напечтывала простодушному герцогу долгими ночами! Еще немного — и он, Фердин, станет тем, кем был когда-то здесь, в этом Зале, старый Дисс, — Главным Советником по государственным делам! Цель почти достигнута!

Но герцог не торопился произносить долгожданные слова; он стоял у окна, вслушиваясь в тревожный шум дождя, и молчал.

Фердин, не начиная разговора первым, ходил от полотнища к полотнищу и с усмешкой разглядывал отважных всадников, сражавшихся с драконами и коварными врагами. Если даже предки властелина и не

совершали великих подвигов, их нужно было просто-напросто выдумать, чтобы сложить легенды и выткать красивые ковры на стену!

Герцог, все так же глядя в черное окно, негромко заговорил, и сказал он совсем не то, что так жаждал услышать Ферндин:

— Твоя победа в Священном Турнире, барон, взбудоражила всю Мэнору, а через несколько дней загудит и весь Бергхейм. Я ведь предупреждал тебя накануне... В последние годы рыцари старались не проливать лишней крови перед Оком Митры...

— Но, мой господин, на то он и бой, чтобы сражаться! Танцевать можно на пиру или на свадьбе, а воин с мечом в руке всегда должен оставаться воином! И даже если бы меня самого пронзил клинок на этом Турнире — я умер бы счастливым, зная, что моя жизнь отдана во имя Пресветлого!

— Наверное, ты прав... Я слушал твои горячие слова и во всем с тобой согласен. Но город встревожен, и весь двор ошетинился, как вражеский лагерь. Я хотел еще на пиру объявить свою волю, но не рискнул — это могло вызвать бунт...

— Волю? Какую волю? — прикидываясь непонимающим, переспросил Ферндин, удивленно приподняв брови.

— Ты знаешь, как я ценю твой ум... По-моему, ты один из всех, меня окружающих, способен видеть дальше собственного носа. Ты не такой, как старый Дисс, тот вечно во всем сомневался. Твои советы напоминают удары твоего клинка — взмах, и тяжелый вопрос разрешен. Именно на такого Советника я и хотел бы опираться в трудные мгновения — смелого и неунывающего. Но вчера и сегодня твоя горячность сослужила тебе плохую службу...

— Мой герцог видит меня в качестве Советника по Государственным делам?! Я правильно понял?!

— Понял-то правильно, но с этим придется подождать. — Голос герцога окреп, в нем слышались не-

преклонные металлические нотки. — Завтра же ты покинешь Мэнору и отправишься вступать во владение своим новым поместьем Редборн. Ты ведь, кажется, был там однажды?

— Да, барон Дисс буквально затащил меня туда, и я еле вырвался из его радушных объятий! Какой славный был старик! Немного велеречивый, но зато какое гостеприимство! Его в округе тогда все звали — Счастливым Дисс!

— Я помню... Конечно, счастлив отец, имеющий семерых сыновей... И ведь до сих пор никто не знает, отчего он умер и куда исчезла его семья... Так что об этом поместье ходят теперь дурные слухи. Но ты ведь хотел именно этой награды, мой верный Ферндин?

— Да, мой герцог, именно потому, что мне очень нравились старый Дисс и его славные сыновья. Когда мне позволено будет вернуться ко двору?

— Я думаю, к концу осени все разговоры затихнут, страсти улягутся. Люди забывчивы, найдется что-то другое, о чем можно будет судачить... Тогда я и провозглашу тебя Главным Советником!

— Благодарю за великую честь и не смею отказываться! Отныне я, волею Митры, являюсь верным васалом герцога Бергхеймского и обязан служить ему всем — и мечом, и советом!

— Прощай! Без тебя здесь станет пусто, но, когда ты вернешься, мы найдем повод повеселиться!

— Я покидаю Мэнору, мой герцог, но мысли мои — лишь о благе Бергхейма! — И, склонившись в учтивом поклоне, Ферндин украдкой скользнул прищуренными желтыми глазами по зябко кутавшейся в плащ фигуре герцога.

Выскользнув из Зала Совета, он быстрыми шагами пошел к себе, не обращая внимания ни на слуг, тушивших лишние светильники, ни на бряцающих оружием гвардейцев, отправляющихся по гулким коридорам на смену караула.

Резким движением распахнув дверь, он осмотрелся и, не увидев слуги перед входом в спальню, нетерпеливо позвал:

— Эй, Акрус, бездельник, где ты там? О, Сет, похоже, что он еще не явился!

— Я здесь, господин! — Темная тень отделилась от медвежьей шкуры, лежавшей, разметав широкие лапы, перед погасшим очагом.

— Ну, твое счастье, что здесь! Иначе бы тебе не поздоровилось! Разожги очаг, знаешь же, что я не выношу сырости!

Акрус торопливо вынул факел из бронзовой львиной лапы, торчавшей над очагом, и вскоре блики живого огня затрепетали, отражаясь от полированного дерева и обильной позолоты.

— Ты разузнал, куда делся киммериец?

Слуга весь съежился, испуганно прижав руки к груди:

— Нет, мой господин! Можно подумать, что духи унесли его с Ристалища! Никто ничего не видел, никто ничего не помнит, и даже этот болван Гордион, который стоял лицом к полю, клянется, что тело киммерийца исчезло само собой! Он только видел какие-то смутные тени, метнувшиеся вдоль ограды, но, я думаю, он просто стоял зажмурившись, ожидая следующего удара грома...

— А ты-то, пройдоха, где был в это время? Наверное, сидел под кустом и тоже трясся, как бездомная собака?

— О, мой господин, если я в чем и виноват, то только не в этом! Наоборот, для меня гроза — лучший помощник! Но сегодня она, хоть и началась очень кстати, помешала мне заметить, куда делось тело проклятого варвара и кто увел его коня..

— Ну, так где же ты прятался, что ничего не видел?

— Я стоял в толпе за спиной мастера Кларса, как мне и было приказано... Только он во время поединка не проронил ни слова — лишь стоял и скрипел зубами. А потом, когда засверкали те молнии, народ кругом

перепугался, многие стали давить сзади, пытаюсь выбраться, и меня прижали лицом к его потной спине. А когда мне удалось выбраться, на поле уже никого не было...

— Так, говоришь, и Гордион ничего не заметил? Странно... И стражники, что стояли у ворот? А ты спрашивал тех, кто охранял дорогу в город?

— Они сначала расхохотались, а потом чуть не проткнули меня пиками... Только золото смогло их успокоить. Да, и Неподкупный Гордион получил свою награду — прекрасный тяжелый кошель. Он поклялся, что отныне каждый кубок будет пить за здоровье барона Фердина!

— Пусть выпьет хоть один, если успеет... Ладно... Не все идет так гладко, как хотелось, но главное достигнуто. А киммериец все равно мертв, какие бы духи ни пели над ним похоронные песни! Да, утром мы выезжаем в Редборн и пробудем там пару лун... Давно пора навести порядок в этой дыре. А малышка позаботится о нашем славном герцоге... Ха-ха-ха! Иди собери людей, чтоб к утру все были готовы! На рассвете выезжаем!

Дождь неумоимо барабанил по крышам, с шумом швырял в окна потоки воды, не давая уснуть жителям Мэноры, встревоженным исходом поединка, и только один человек, кроме барона Фердина, радовался своей удаче.

Неподкупный Гордион нетвердыми шагами пробирався к своему дому по скользким мокрым улицам. Он засиделся на герцогском пиру в большом зале для дворцовой челяди, что располагался неподалеку от кухни, и сейчас шел к себе. Он не захотел ночевать во дворце, устроившись среди других перепивших слуг. У него была веская причина торопиться домой, и она приятно похлопывала по бедру Неподкупного при каждом шаге.

Гордион пристроился в хвосте ночного дозора, проходившего по улицам затихшей Мэноры, и без приключений добрался до своего дома, окруженного оди-

чавшим фруктовым садом. Когда-то этот сад считался лучшим во всей Мэноре, таких яблок и груш, какие выращивал его отец, не было ни у кого. Гордиону-бездельнику досталось хорошее наследство, но копаться в земле — нет, это занятие не привлекало веселого юнца. Его всегда тянуло поближе к господам, и вскоре он спустил все отцовские денежки, гуляя по харчевням с благородными лоботрясами.

И вот, когда он остался почти без штанов, Пресветлый Митра послал ему великую удачу: его вопли, от которых сотрясалась харчевня, услышал проезжавший мимо Главный герцогский распорядитель. Вскоре, немного пообтесавшись, Гордион стал выходить на Ристалище, а в промежутках между праздниками оглашал на площади указы правителя Бергхейма. Слава к нему пришла, и вино он теперь пил из дворцовых погребов, а денег по-прежнему было маловато...

Ну, надо же, как ему повезло с этим Ферндином! Сразу видно, ловкач, каких поискать! И как разделяется с противниками — любо-дорого посмотреть! Вот такому господину можно и послужить! Гордион шел по саду, обрушивавшему на него с деревьев струи воды, не замечая, что уже насквозь промок, и жадно ощупывал тяжелый кошель на поясе.

Звякнула щеколда, скрипнула дверь, он налетел на что-то впотьмах, не сразу нащупав ногой ступени. С трудом разведя огонь в грязном очаге, Гордион сбросил тяжелый мокрый плащ и нетерпеливо подошел к широкому столу.

Нет, голые доски не годились для того, что он задумал. Пошарив в углу, он вытащил старый, но все еще красивый туранский платок, оставшийся от матери, разложил на столе и удовлетворенно крикнул. Отвязав кошель от пояса, подошел к очагу и, присев на корточки, долго разглядывал причудливое переплетение таинственных знаков, украшавших вещицу. Оттягивая удовольствие, помял и потискал мягкую кожу — под ней прощупывались монеты: много, много монет...

Откинув со лба мокрые волосы, Гордион подошел к столу, зубами развязал намокший узел и медленно стал высыпать на узорный платок свое богатство. Золотые монеты внушительной горкой лежали посреди стола, поблескивая в тусклом свете убогого очага. Гордион, несколько мгновений постояв, ошеломленно глядя на свое сокровище, по-женски взвизгнул и запустил обе руки в осыпающуюся кучу золота. Но тут же дикий вопль сотряс стены старого дома, и он, размахивая рукой, отскочил от стола. Недоуменно переводя безумевшие глаза с монет на свою руку, где чернели две глубокие ранки, он вдруг увидел, как из-под блестящей груды выползла большая желтая змея, свалилась со стола и, шипя, скрылась в щели под дверью.

Ловя воздух широко раскрытым ртом, уже ничего перед собой не видя, Гордион сделал последний шаг и тяжело рухнул на стол. Монеты со звоном посыпались на пол, медленно покатались по доскам и вдруг стали вспыхивать маленькими голубыми огоньками. Вскоре они слились в гудящее белое пламя, и среди старого сада к небу взметнулся ослепительный огненный столб...

Глава двенадцатая

Боль, вначале казавшаяся бесконечной, постепенно стягивалась в одну точку и непрерывно пульсировала в ней, то наполняя сознание вязкой темнотой, то вспыхивая ослепительным красным светом. Конан не чувствовал ни тела, ни рук, ни ног, только эту боль да еще запекшиеся от нестерпимой жажды губы и силящиеся раскрыться глаза. Веки, словно налитые свинцом, задрожали, и нестерпимый свет полыхнул сквозь ресницы. Он хрипло застонал и, вдруг осознав, что жив, резко распахнул глаза. Радужные круги вихрем закружились перед ним, но руки, еще мгновение назад безжизненно лежавшие вдоль тела, шевельнулись, пальцы сжались в кулаки, и ослепительный вихрь замедлил свое вращение, постепенно складываясь в понятную картину.

Он снова прикрыл глаза, полуослепшие от яркого света, и, не обращая внимания на боль, раздиравшую горло, попытался пошевелить ногами. Но они были где-то страшно далеко, за темным маревом боли, лишь усилившейся от его бесплодных попыток.

Полежав некоторое время, прислушиваясь к гулким ударам сердца, Конан снова осторожно приоткрыл глаза. На этот раз свет не ослепил его, а заплескал на стене отблесками язычков золотистого пламени. Постепенно сближаясь, они слились, и киммериец разглядел простой бронзовый светильник с тусклым неподвижным

огоньком. Осторожно, чтобы снова не поплыли круги перед глазами, он стал осматриваться. Он был распростерт на широком ложе и накрыт чем-то золотисто-зеленым. Напортив — светлая стена небольшой комнаты. Невысокое кресло рядом со столиком, вплотную придвинутым к ложу. Слегка скосив глаза, он увидел смутные очертания высокого кувшина и кубка. Горло сжалось судорогой в тисках боли и жажды, и глаза снова закрылись, погрузив его в красную пелену беспмятства.

Раздались какие-то знакомые звуки, заглушив стук сердца. Багровая дымка, разрываясь, поползла в стороны, и перед ним, мелькая, понеслись всадники в сверкающих доспехах, лязг оружия смешался с возбужденным ржанием коней. Все это мгновенно промелькнуло перед глазами и исчезло. Остался лишь клочок какого-то поля и черный конь, медленно удалявшийся от него, волоча седло с оборванной подпругой. Конан чувствовал, как сжимает что-то в руке — это оказалась рукоять меча с искрящимся обломком лезвия. Желтые глаза, внезапно глянувшие на него откуда-то сверху, вдруг вызвали в нем такой прилив бешеной ярости, что неподвижное тело резко вздрогнуло, и киммериец, широко раскрыв глаза, сел на ложе.

Боль по-прежнему терзала горло, но тело, вырвавшись из оцепенения, уже снова принадлежало ему. Одна рука ощупала повязку на шее, а вторая нетерпеливо потянулась к кубку. Он был полон, и Конану не пришлось наклонять кувшин. Стараясь не расплескать драгоценную влагу, он осторожно поднес кубок к запекшимся губам и начал жадно пить. Вода обжигала гордо, как крепкое вино, и в то же время разливалась по телу блаженной прохладой.

Он медленно опустился на подушки и забылся тяжелым сном, выронив на пол кубок из разжавшихся пальцев.

Тихий звук ключа, поворачивающегося в замке, отозвался в его мозгу оглушительным грохотом. Слегка

повернув голову, он незаметно, из-под полуопущенных век, наблюдал за дверью. Руки, неподвижно лежавшие поверх покрывала, были готовы сомкнуться мертвой хваткой на шее врага — если это враг отпирает замок...

Однако фигура, появившаяся на пороге, не таила в себе никакой угрозы: в комнату вошла высокая стройная женщина в темном платье, с лицом, скрытым под вуалью. В ее руках был поднос с широкой чашей, окутанной облачком пара, и небольшим золоченым кувшинчиком, в котором могло быть только вино.

Поставив поднос на стол, она подняла с пола кубок, склонилась над зажмурившим глаза киммерийцем и легко прикоснулась к его спутанным волосам. Но не успела она отдернуть ладонь, как его огромная рука мягко сжала тонкие пальцы. Горящие голубые глаза, широко раскрывшись, смотрели на нее, сию секунду разлитые под вуалью смутно знакомые черты.

Не пытаясь отнять руку, женщина опустила в кресло. Глаза под вуалью загадочно мерцали, и губы, казалось, складывались в улыбку. Конан, отпустив ее ладонь, приподнялся на подушках и потянулся к накидке, но женщина, мягко уложив его обратно, сама изящным движением отбросила ее назад.

Склонившееся над ним прекрасное лицо герцогини мгновенно оживило в памяти Конана события последних дней. Все они, включая предательский взмах вражеского меча и хриплый торжествующий крик Фердина, молнией пронесли в его мозгу, и все встало на свое место. Хрипло зарывав от вспыхнувшей в душе ненависти, он, откинув покрывало, попытался было вскочить с ложа, но тут же без сил рухнул обратно, шепча побелевшими губами: «Фердин... Проклятый Фердин...»

Прохладные ласковые руки нежно гадили его по плечам, удерживая на подушках, потом осторожно перебрались к горлу, развязывая засохшую повязку. С трудом приподняв тяжелую голову киммерийца, герцогиня сняла препитавшуюся кровью ткань и, нахло-

тившись, изумленно воскликнула: «Пресветлый Митра! Не может быть!»

На шее Конана, вместо страшной зияющей раны, которую она совсем недавно, дрожа от ужаса, обмазывала колдовской мазью, багрово краснел грубый рубец. Поспешно достав из складок платья крошечную золотую коробочку, Лавиния щедро смазала затянувшуюся рану. Чистая повязка приятным теплом согрела щеку киммерийца, и он, вдыхая разлившийся по комнате пьянящий аромат снадобья, мгновенно уснул.

Герцогиня неподвижно сидела рядом, но это уже не была та каменная неподвижность, которая сковывала ее члены вчера на ристалище. Вчера... Все это было только вчера...

Еще с утра она приказала своим доверенным слугам переодеться в платье простолюдинов и занять места у самых ворот Ристалища. Стражники тоже были предупреждены, и в кустах стояла наготове крытая повозка, запряженная парой крестьянских лошадей. О, как герцогине хотелось, чтобы все эти хлопоты оказались ненужными, но сердце, сжавшееся в холодный комок, не оставляло места надежде.

И вот поединок закончен, победитель, гордо подбоченясь, подошел за наградой, а за его спиной верные слуги герцогини, метнувшись к распростертому телу, быстро положили его на широкое полотнище и бегом вынесли за ограду. Один из слуг поймал коня и подхватил с песка обломки меча.

Лавиния со своего возвышения с трудом могла разглядеть, что там происходит. Грозовые черные тучи ползли совсем низко, и было темно, как поздним вечером. Когда вдалеке сверкнула молния, в ее неверном свете герцогиня с облегчением увидела, что поверженный киммериец и его вороной конь исчезли с Ристалища. Вернувшись во дворец и переодевшись в сухое платье, она отослала слуганок. Заперев дверь спальни на засов, она проскользнула в потайной ход и, свернув в узкий боковой коридорчик, вошла в маленькую ком-

нату — ту самую, где спал сейчас раненый киммериец. Она еще раз взглянула на Конана — тот дышал глубоко и ровно.

А вчера... Герцогиня снова задрожала, вспомнив лежавшее на полу окровавленное тело. Повинуясь ее негромкому приказу, слуги быстро сняли с киммерийца доспехи и кольчугу, разрезали и стащили пропитавшуюся кровью рубаху и кожаные штаны. Встав на колени, Лавиния осторожно отняла от шеи тряпку, прикрывавшую рану, и невольно вскрикнула от ужаса: ей показалось, что голова почти отделена от туловища. Под ее рукой, лежавшей на груди киммерийца, вдруг гулко стукнуло сердце, еще и еще раз, из растерзанного горла вырвался слабый хрип...

Герцогиня, велев слугам подождать в коридоре, осторожно покрыла мазью края глубокой раны — и кровь мгновенно перестала течь. Она еще раз дрожащей рукой помазала рану, спрятала коробочку и замотала шею чистым холстом.

Позвав слуг, она велела им переложить киммерийца на ложе, подождала, пока они наведут порядок в комнате, и проводила их до выхода в сад. В их молчании она могла быть уверена, как в своем собственном, — эти люди верно служили еще ее отцу, и ради нее, герцогини Лавинии, были готовы в огонь и в воду.

Позже, покинув пир, она снова вернулась сюда и долго сидела, глядя на осунувшееся лицо со сведенными бровями, тревожно прислушиваясь к хриплому дыханию, вырывавшемуся из запекшихся губ...

И вот сейчас, утром, рана уже затянулась, Конан открыл глаза и узнал ее, Лавинию... Она встала, заботливо укрыла спящего киммерийца и, еще раз оглянувшись, тихо выскользнула за дверь.

Оказавшись снова у себя в спальне, Лавиния сняла вуаль с небрежно подобранных волос, сбросила темное платье и надела легкое ночное одеяние. Постояла перед зеркалом, с удовлетворением глядя на свое исхудавшее лицо и синие круги под лихорадочно блестя-

щими глазами. Легонько ударив по жалобно зазвеневшему гонгу, она нетвердой походкой подошла к ложу и бессильно опустила на смятые покрывала.

Служанка, впорхнувшая в спальню на ее зов, испуганно подошла ближе и воскликнула:

— О, моя госпожа! Я сейчас позову лекаря!

— Принеси побольше освежающего питья, а то я вся горю, и пришли ко мне Йонду. А потом зови лекаря, хотя я и сама знаю, что со мной... Вчера было так холодно, и еще этот дождь... Ну, беги скорей! — И она, прикрыв глаза, откинулась на подушки.

Вскоре дверь неслышно отворилась, и, осторожно ступая по мягкому ковру, в спальню вошла Йонда, неся большой кувшин с душистым напитком из лесных ягод. Герцогиня приоткрыла глаза и шепотом велела девушке приблизиться. Поставив кувшин, Йонда подошла к самому изголовью и опустила на колени, встревоженно глядя на свою госпожу, такую бледную и измученную.

— Йонда, пока никого нет, слушай меня внимательно: несколько дней я буду больна, очень больна, и только тебе я позволю заходить в спальню, — Лавиния быстро шептала, с опаской поглядывая на дверь, — я знаю, ты девушка смелая и преданная, поэтому только тебе я доверю мою тайну...

Она долго что-то тихо говорила, а служанка, склонившись почти к самым ее губам, время от времени кивала. Но вот за дверью раздались встревоженные голоса, и девушка, проворно вскочив, бросилась в смежную комнату.

Когда на пороге появился герцог в сопровождении лекаря, герцогиня уже была укутана пуховым одеялом. Голова ее бессильно покоилась на подушках, глаза полужакрыты.

— Лавиния, душа моя, что с тобой?! Вчера вечером ты сказалась нездоровой, но я подумал, что это всего лишь каприз. Однако теперь вижу, что ты и впрямь больна!

— Да, мой герцог, вчера был такой холодный день... Я очень замерзла и к тому же промокла...— Она замолчала, проводя языком по пересохшим губам.

Лекарь, с важным видом подойдя с другой стороны ложа, ощущал морщинистой рукой лоб герцогини, поддерживал запястье худыми пальцами и медленно произнес:

— М-м-м... Жар в крови усмирят прохладное питье... Я вижу, девушка, ты уже принесла его? Очень хорошо... Я дам тебе целебный сбор, ты смешаешь его с подогретым вином и будешь давать госпоже, как только она проснется... Несколько дней в тепле и покое — и все пройдет, да, все пройдет! — Он покивал головой, отпустил руку герцогини и, поклонившись герцогу, поманил за собой служанку. Когда они вышли, Лавиния повернула голову и чуть слышно спросила:

— Ты назначил этого... Фердинанда... своим Главным Советником?

— Тебя еще и это огорчает, я знаю... Ну почему ты так недоверчиво к нему относишься?! Ладно, об этом после, сейчас ты больна... Барон Фердинанд на две-три луны отбыл в свое новое поместье, а потом, когда он вернется, я и назначу его на место старого Дисса. Его, и никого другого! Такова моя воля! — Он неожиданно рассердился, вскочил и стал ходить по спальне из угла в угол.

— Подойди сюда, Оргельд, мне трудно громко говорить! — Лавиния слабым жестом протянула к нему руку. Внутри ее все содрогалось от бешенства, но глаза смотрели кротко и беспомощно. — Вот так, сядь рядом и послушай! Он отбыл в Редборн, ведь именно это поместье ты ему пожаловал?

— Да, дорогая, но он скоро вернется.

— Наверное, ты прав, я по-женски чего-то в нем не понимаю... Если ты считаешь, что он достоин, — пусть будет твоим Советником... А сейчас я хочу спать... И завтра буду спать, и послезавтра... Пусть Йонда занавесит окна и никого ко мне не пускает. Если мне что-

нибудь понадобится, я пришлю ее — она смышленная девушка.

Герцогиня устало прикрыла глаза и отвернулась. Герцог, занятый своими мыслями, рассеянно погладил ее горячую руку, лежавшую поверх одеяла, и быстро пошел к двери.

Днем Лавиния еще пару раз бесшумно заглядывала в потайную комнату, но киммериец крепко спал. Ближе к вечеру она взяла принесенные Йондой кушанья и, оставив девушку в спальне, спустилась к раненому. Он лежал на спине, подложив руки под голову, и сразу повернулся, услышав звук отпираемой двери.

Увидев герцогиню, Конан, пытаясь встать, приподнялся на ложе, но она, опустив поднос на стол, села рядом в низкое кресло. Запах жаркого с герцогской кухни зачехотал ноздри киммерийца, и Лавиния, засмеявшись, сказала:

— Попробуй поесть! Думаю, рана не должна тебя больше беспокоить.

Она наполнила кубки вином и подвинула блюдо поближе к киммерийцу. Тот, не заставив себя долго упрашивать, принялся за еду, а она задумчиво смотрела на него, изредка поднося к губам кубок. Вскоре и блюдо, и кувшин опустели, а она все так же молча глядела на него темно-синими глазами.

Конан ощущал повязку на горле, покрутил головой и спросил:

— Давно я здесь? Похоже, проклятый Фердинанд чуть не отправил меня на Серые Равнины! Надо найти его и свести счеты, иначе душа моя не будет знать покоя!

— Не торопись, киммериец, ты скоро найдешь его! — Герцогиня, как тогда, на турнире, не мигая смотрела ему в глаза. — Я, как и ты, больше всего на свете хочу его смерти, но что могу я — слабая женщина! Вчера, когда он тебя ранил, мое сердце чуть не разорвалось!..

— Вчера?! Да ведь он со всего маху всадил меч мне в горло! А сейчас я ем и цю! — Конан снова недоверчиво ощущал повязку.

Поставив кубок, Лавиния поднялась и осторожно развязала узел. Мягкая ткань, послушно разматавшись, упала на пол. Вглядевшись в шею варвара, на которой не было и следа от страшной раны, герцогиня не сдержала изумленного возгласа:

— Это просто чудо! Спасибо тебе, мудрая Вегда!

Удивленно приподняв брови, Конан провел рукой по шее:

— Ого, по-моему, даже рубца не осталось! Что за Вегда? Наверняка какая-нибудь колдунья! Ненавижу колдовство, но только не тогда, когда оно возвращает жизнь!

— Да, она колдунья, и благодаря ей ты жив. Вот, смотри, тут немного еще осталось!

Лавиния достала золотую коробочку и открыла крышку. На дне еще было немного пахучей мази, но, когда она прикоснулась к ней пальцем, зелье голубым дымком вылетело из шкатулки и растеклось по комнате, наполнив ее пряным ароматом.

Лавиния с улыбкой протянула руку и легким движением провела по мускулистой шее, по тому месту, где вчера чернела смертельная рана. Конан бережно взял ее руки в свои и стал целовать ладони. Она пересела с кресла на край ложа, отняла пальцы от его лица и потянулась жадно приоткрытым ртом к его жестким губам. Конан мягко обнял женщину, и она покорно прильнула к могучей груди киммерийца...

Утром, когда в потайную комнату из сада донеслась надоедливая переключка ворон, Лавиния, открыв глаза, тихо засмеялась. Даже ради одной такой ночи стоило бы воскресить этого варвара! Нежный и ненасытный, он сумел разбудить в ней такую страсть, о которой она и сама не подозревала. Или это внезапно вспыхнувшая любовь, перемешавшись с испепеляющей душу ненавистью, выплеснулась таким жарким неистовством? Она лежала, обессиленная от наслаждения, и смотрела на мигающий огонек готового погаснуть светильника. Еще немного — и комната погрузится в темноту. Стараясь

не разбудить Конана, Лавиния осторожно встала и пододвинула легкое кресло к дальней стене. Под самым потолком, где проходила широкая панель из резного дуба, она слегка нажала планку, и часть обшивки бесшумно отошла в сторону. Утренний свежий воздух через узкое зарешеченное оконце ворвался в комнату, сразу же загасив ненужный светильник. Вороны хрипло перекликались где-то совсем рядом, и Лавиния, которой очень нравились эти птицы, представила, как они потешно приседают на ветках, прочищая горло. Она снова засмеялась и легко спрыгнула на пол.

Киммериец, полулежа на подушках, с восхищением смотрел на стройную обнаженную женщину с пышными каштановыми волосами, спускавшимися ниже пояса. Глаза их, встретившись, снова сказали все без слов, руки нетерпеливо переплелись, а тела жадно прильнули друг к другу...

Верная Йонда сказала посланным герцога, что госпожа плохо спала ночью, и это было истинной правдой. Поднявшись к себе в спальню, Лавиния опустилась на ложе, пустовавшее всю ночь, и мгновенно уснула. Открыв глаза, когда солнце уже клонилось к закату, она полежала еще немного, не раскрывая глаз и думая о киммерийце. Вот он сейчас там один, заперт в крошечной комнате, как большой свободный зверь, пойманный в клетку. Ей хотелось бы еще немного удержать его возле себя, но она знала, что киммериец сейчас думает не о ней. Странно, это вызывало в ее душе не досаду, а, скорее, торжествующую радость. Мщение мужчины и месть женщины — все же очень разные вещи. Но, когда к ненависти мужчины добавляется любовь и ненависть женщины, силы мужчины удесятерятся...

Герцогиня позвала Йонду и велела ей принести побольше еды и вина. Ловкая служанка, несколько раз сбегав туда и обратно, принесла столько всего, что Лавиния со смехом всплеснула руками:

— О Пресветлый Митра! Бедная больная герцогиня не может и смотреть на жареную дичь, не говоря уже

о пироге с олениной! А где это видано, чтобы вино сюда приносили в таких кувшинах?! Где ты его взяла?!

— Наши конюхи как раз из таких и пьют... Но я подумала — лучше один большой, чем пять маленьких...

— Йонда, ты все понимаешь с полуслова! Помоги мне отнести это вниз и побудь до утра в спальне. Я крепко уснула после целебного питья, поняла?!

— Да, моя госпожа! — Она взяла тяжелый кувшин и пошла вслед за герцогиней по темной лестнице.

Едва войдя в потайную комнату, Лавиния сразу же оказалась в объятиях киммерийца. Обменявшись с ним быстрыми поцелуями, она приложила палец к губам и, протянув руку в приоткрытую дверь, взяла у Йонды кувшин. Девушка побежала наверх, чтобы принести остальное, а Лавиния дала киммерийцу сосуд с маслом для лампы. Наполнив маленькую бронзовую чашу, он заодно налил масла и в три других светильника, поправил фитили и высек огонь. Маленькое оконце под потолком еще тускло светилось отблесками заката, но Конан, легко дотянувшись до резной панели, поставил ее на место.

И сразу словно оборвалась незримая нить, связывавшая их с миром. Они почувствовали, как волны горячей страсти снова с шумом накатились на сознание, а тела трепещут от неукротимого желания слиться в единое целое...

Раздался осторожный стук в дверь, и герцогиня, с трудом высвободившись из жарких объятий, начала ставить на стол то, что передавала ей Йонда. Конан негромко рассмеялся:

— Я бы не прочь побыть у тебя в плену подольше, прекрасная герцогиня, если бы огонь ненависти не сжигал мое сердце сильнее, чем любви!

Лавиния прильнула к его груди, пытливо заглянув в глаза:

— Так ты хочешь поквитаться с Ферндином за свое поражение? И даже любовь ко мне не удержит тебя в

Мэноре? А если я встану на колени и буду умолять тебя остаться хоть ненадолго?..

— Нет, милая, любви и ненависти не ужиться вместе! Сначала одно, потом другое. А Фердин, значит, покинул Мэнору? Он что, бежал?!

— Герцог отослал его в Редборн, чтобы он там отсиделся, пока улягутся страсти. Его победы на турнире взбудоражили весь город, и придворные настроены против новоиспеченного барона... А герцог Оргельд, словно малое дитя, не желающее расставаться с любимой игрушкой, вздумал назначить этого проходимца Главным Советником по государственным делам!

Лавиния, сдвинув брови и гневно сверкая потемневшими глазами, стиснула пальцы и, словно разъяренная львица, заметалась по комнате.

— Все рушится, все летит к демонам! Словно гнев Пресветлого обрушился на нас! Бергхейм уплывает из рук, я чувствую, что скоро Фердин станет его хозяином, а мы... герцог, я, наследник — мы исчезнем, как дым... Но сначала он поиграет с нами, как кот с мышью, и это будет страшнее, чем смерть... — Она прижала к лицу ладони и замерла, только плечи вздрагивали от беззвучных рыданий. Конан бережно обнял ее и погладил по волосам, как старший брат испуганную сестренку.

— Ты сама видишь, что медлить нельзя... Но у меня есть еще один маленький должок в Мэноре. Я бы очень хотел повидать этого негодяя, мастера Кларса! За такие деньги, что я ему отвалил, подсунуть мне гнилую подпругу и негодный меч! Удивляюсь, как он не сломался в первый же день! Я ему все руки отобью, а этому прохвосту, Рыжему Бёрри, язык вырву! «Лучший мастер! Лучший мастер!» Тьфу, навоз он негалий, а не мастер! — Теперь уже Конан в бешенстве метался между ложем и стеной, а Лавиния, опустившись в кресло, смотрела на него, как мудрая старшая сестра на горячего младшего брата.

— Успокойся и поешь, а потом я тебе кое-что покажу, может быть, тогда ты заговоришь по-другому. —

Она взяла свой кубок и показала на тяжелый кувшин: — Налей мне вина, я тоже целый день ничего не ела...

Киммериец, все еще кипя от гнева и время от времени призывая напасти на голову мастера Кларса, незаметно для себя осушил почти весь кувшин и разделался с обильным угощением.

Лавиния тем временем неслышно выскользнула за дверь и вскоре вернулась, с трудом неся тяжелое седло с порванной подпругой. Положив его на пол перед изумленным киммерийцем, она опять вышла.

Забыв про недопитое вино, Конан встал на колени и при ярком свете четырех светильников стал рассматривать лопнувший ремень. Толстая кожа, окрашенная, как это было принято в Мэноре, в густо-красный цвет, в месте разрыва стала грязно-рыжей, а края лопнувшего ремня размохлялись, как старая трухлявая веревка. Под пальцами киммерийца волокнистые концы рассыпались на глазах, словно изъеденные каким-то зельем.

— Кр-ром! Кто мог это сделать?! — зарычал Конан, швыряя подпругу и поднимаясь с колен.

— Тот же, кто сделал это с прекрасным мечом мастера Кларса. Я знаю его оружие, даже из дальних мест к нему приезжают воины, чтобы заказать меч и доспехи. Посмотри, милый, на что это похоже? — И Лавиния протянула ему тяжелый клинок с лежащей на нем обломанной рукоятью.

Конан снова сел на ковер и долго рассматривал излом клинка и торчащий обломок на рукояти. Он попытался сложить их вместе, но ничего не вышло: края металла словно вспучились, покрывшись крохотными пузырьками, и потеряли свою форму. Этого не могло быть, если бы мастер Кларс выковал негодный меч: уж кто-кто, а Конан-то знал, как выглядят обломки плохого оружия, как блестит сталь на изломе перекаленного клинка и что бывает, если в металле остается пузырек воздуха. Нет, здесь было другое: металл

вскипел и словно оплавился, как будто побывав в нездешнем огне...

— Скажи, что ты об этом думаешь, а потом услышишь, что думаю я. — Лавиния провела пальцем по клинку, очерчивая границу потускневшего металла. Конан мрачно отбросил рукоять меча:

— Колдовство! Кто-то решил помешать мне выиграть поединок! О таких штучках я слышал, но вижу впервые. Говорят, достаточно прикоснуться к оружию и сказать заклинание... Постой, постой! Прикоснуться! Нищий! Старый нищий во дворе мастера Кларса! Он ведь так и повис на моем мече, чтобы не упасть, и бубнил что-то непонятное! А до этого он держался за подпругу, когда налетел на коня! Проклятие!

— Я неплохо разбираюсь в упряжи и оружии: девчонкой в доме отца я часто надевала легкие доспехи и пыталась кое-чему научиться у старших братьев... Я тоже знаю, как рвутся подпруги и ломаются мечи. Ты прав, киммериец, это колдовство. И я уверена, что знаю, чьих рук это дело...

— Кр-р-ром! Я тоже знаю! Куда бы он ни забрался, в какое бы поместье ни уехал, я найду и выкурю его оттуда! И тогда никакое колдовство ему не поможет!

— Ты отомстишь ему не только за себя, Конан, и за меня тоже! — Герцогиня обвила руками его шею, заглянула в самую глубину гневных глаз. Ее нежные руки, ласково скользнувшие по плечам, умилили ярость, клокотавшую в груди киммерийца, и горячее пламя желания вспыхнуло там, где только что бушевал черный огонь ненависти.

Глава тринадцатая

Проклятие! Вот уже третий день я ни о чем другом не могу думать! — Мастер Кларс, расплескав вино, поставил кубок на стол. — Работа валится из рук, я начал сомневаться в себе!

Бёрри молчал, уныло покачивая рыжей головой. Всего несколько дней он был знаком с киммерийцем, и вот надо же — с того мгновения, как тот рухнул на песок, обливаясь кровью, он уже не мог успокоиться, словно потерял родного брата.

Да и мастера Кларса можно понять. Сколько лет он делает боевое оружие, свято храня секрет своей стали, и ни разу никого не подвел его меч, не погнулся кинжал, не лопнула на второй же день подпруга, изготовленная его надежными мастерами... Есть от чего прийти в ярость! Бёрри снова исподлобья взглянул на Кларса. Волосы спутаны, лицо потемнело от бессонных ночей, в глазах появился безумный блеск... Наверняка он корит себя за смерть киммерийца, думает, что своей рукой выковал его гибель...

Эх, если бы Конан остался жив! Хотя бы тяжело раненный, тогда можно было бы попытаться его спасти! Наверняка это люди Ферндина уволокли его с ристалища, подкупив стражу, — ведь он своими глазами видел, что герольды даже не шелохнулись, когда неизвестные в черном мгновенно вынесли с поля тело варвара и увели его коня. Даже меч прихватили, каналы!

Мастер Кларс, когда пришел в себя, хотел было броситься на поле, чтобы взять клинок, да нигде его не нашел... Арена была пуста, лишь Ферндин гордо красовался на золотистом жеребце, топча копытами кровавое пятно.

— Слушай, Бёрри, что ты все время молчишь?! Скажи хоть что-нибудь, или я распибу тебе башку! Ты тоже думаешь, что это я виноват?..

— Ничего я не думаю, друг Кларс... В жизни случается всякое, могло случиться и это...

— Не могло! С моим мечом такого случиться не могло! Вместе с киммерийцем умер и я сам, умер мастер Кларс, умерли мои руки, мое мастерство! Или это кара Митры за мою мечту выковать оружие, достойное богов?! Кому теперь нужен старый Кларс, погубивший такого бойца! Выходит, я своими руками помог этому негодяю, нергальему отродью со змеиными глазами, одержать победу! О Митра! Значит, если он, вернувшись, сядет в Зале Совета рядом с герцогом — это тоже будет моих рук дело! — Он уронил сильно поседевшую за эти дни голову на руки и хрипло застонал.

Больше всего Рыжему Бёрри сейчас хотелось убираться отсюда, но он не мог бросить старого друга в таком горе. Мастера и подмастерья попрятались кто куда, а перепуганные ученики воробьиной стайкой разлетелись по родительским домам. Погас огонь в кузнице, затихли всегдашние гомон и звон, не слышно было ржания коней и скрипа ворот.

«Да, проклятый Ферндин своим ударом сразил не только киммерийца, но и старину Кларса», — грустно подумал Бёрри, осушив неведомо какой по счету кубок. Вино, как безвкусная вода, не обжигало горла и не приносило облегчения — только живот раздувался, как кожаный бурдюк. Он с отвращением отодвинул кубок и подпер щеку рукой.

— Я, пожалуй, двинусь завтра обратно в Бельверус... В городе стало так тихо, никому не нужны сейчас мои песни... да и сам я чувствую то же, что и ты,

Кларс, — лопнуть мне на этом самом месте, если смогу хоть что-нибудь спеть или даже прикоснуться к эрте...

Он отвернулся к окну, чтобы скрыть повлажневшие глаза, и в комнате повисло гнетущее молчание. Тихонько скрипнула дверь, вошел Риальт, младший сын хозяйина. Бёрри повернулся к нему, боясь, что мастер Кларс, как утром, опять кинет что-нибудь тяжелое, но оружейник даже не шевельнулся. Его голова все так же лежала на скрещенных руках, и лишь плечи изредка вздрагивали.

Юноша на цыпочках подошел к отцу и стал что-то шептать ему на ухо, косясь на дверь. Мастер поднял голову и, гневно сверкнув глазами, резко вскочил, опрокинув лавку:

— Нет! Никого не хочу видеть! Пусть катится к Нергалу в задницу! Кто бы он там ни был — хоть граф, хоть барон, хоть сам... — Он не успел договорить, а на пороге уже неслышно появился немолодой человек в черном простом плаще. Слова замерли на губах мастера Кларса, а незнакомец, улыбнувшись, отошел к окну, поманив его за собой. Он держался здесь так уверенно, что можно было подумать — это его собственный дом, а мастер Кларс — не более чем гость.

Сжав губы, оружейник подошел к окну и стал слушать, что шептал ему незнакомец. Его брови сошлись у самой переносицы, видно было, что еще немного — и на человека в черном плаще обрушится град проклятий. Но тут таинственный гость быстро поднес к глазам мастера Кларса какой-то перстень и так же быстро спрятал его в потайном кармане парчового камзола, мелькнувшего под распахнувшимся плащом.

Рыжий Бёрри, машинально пододвинув к себе недопитый кубок, во все глаза смотрел на гостя. Теперь он не сомневался, что к ним пожаловал важный господин, привыкший не просить, а приказывать, — и, конечно, Кларсу придется подчиниться.

И правда, все так же хмурясь, но не пытаясь возражать, оружейник кивнул головой. Незнакомец вдруг

перевел глаза на Бёрри и добавил еще несколько слов, махнув рукой в его сторону. Потом он поплотнее запахнулся в черный плащ и так же неслышно, как вошел, скрылся за дверью. Риальт выскользнул вслед за ним.

Немного помолчав, мастер Кларс сказал, не глядя на Бёрри:

— Приказано немедленно идти... Мне и тебе... Надо бы переодеться, да он сказал, чтобы мы шли прямо так, лишь бы побыстрее. Ты хоть солому из волос вычеши, Рыжий, вот, возьми мой гребень. — Его голос, по-прежнему хриплый, немного смягчился.

— Постой, постой! А куда это он нас поведет на ночь глядя? Мне что, и эрту с собой брать? Ну, нет, я сейчас петь не смогу, хоть меня режь!

— Петь не придется, а куда поведет — потом увидим... Наше дело — повиноваться!

— Повиноваться?! Неужели... — У Бёрри челюсть отвисла от внезапной догадки.

— Ты лучше помалкивай, накинь плащ, и пошли, — заключил разговор оружейник.

Три темные фигуры выскользнули из ворот и, не привлекая лишнего внимания, двинулись по затихшим улицам. Их проводник шел так быстро, что Кларс и Бёрри едва поспевали за ним. Черный плащ то пропадал в темноте, то мелькал крылом ночной птицы на фоне светлой стены. Они сворачивали в узкие улочки, пробирались огородами и задворками и наконец, совсем запыхавшись, остановились у глухой высокой стены. Незнакомец вдруг протяжно свистнул, и ему отозвался такой же долгий свист. Чуть слышно скрипнув, в стене отворилась неприметная створка. Все трое, крадучись, вошли в темный сад, и кто-то за их спинами тут же запер калитку.

— Сюда! Не отставайте! — едва слышно прошептал их проводник, ныряя в густые заросли кустов. Спотыкаясь и беззвучно проклиная темную ночь, Бёрри все же различал впереди темные силуэты незнакомца и мастера и кое-как пробирался за ними.

Но вот они остановились около какого-то сооружения, мрачно черневшего на фоне звездного неба. Бёрри почувствовал властную руку, потянувшую его за плащ, и шагнул вперед. Ощутив под ногами гладкий пол, он догадался, что их привели в какое-то подобие беседки. Ну конечно, как это он сразу не догадался, ведь это старый сад с задней стороны герцогского дворца! Значит... Он не успел сообразить, что все это значит: впереди бесшумно распахнулась еще одна дверца, и тусклый свет факела замаячил в глубине коридора.

Вернее, это была лестница, — неширокие ступени вели в подземный ход, по которому им пришлось идти довольно долго. Но вот галерея закончилась небольшим полутемным залом с винтовой лестницей, уходившей куда-то вверх.

Взяв в руку факел, проводник подождал едва поспевавшего Бёрри и проворно стал подниматься по крутым ступеням. Мастер Кларс, не отставая, молча следовал за ним, а у бедного певца уже плыли перед глазами зеленые и желтые круги, да и вино в животе требовало покоя, а не такой бешеной тряски.

Подъем казался бесконечным, и Бёрри, в изнеможении преодолевая ступени, думал, что еще немного — и они окажутся на небесах. Уже ничего не видя, придерживаясь рукой за шершавую стену и карабкаясь на ощупь, он внезапно оказался стоящим на четвереньках на ровном полу. Дыхание со свистом вырывалось из его груди, ноги дрожали и не желали распрямляться, чтобы поднять грузное тело.

Мастер Кларс подхватил его под мышки и прислонил к стене. Однако колени Рыжего Бёрри так и плясали, норовя опять подогнуться, и прошло несколько долгих мгновений, пока он наконец отдышался и почувствовал некоторую твердость в конечностях.

И снова их провожатый спешит вперед, пламя одинокого факела мечется по темным стенам, узкие коридоры сменяются крутыми лестницами, вниз, опять вверх,

прямо... Наконец, налетев на широкую спину мастера Кларса, едва живой Бёрри понял, что они пришли. Незнакомец, вставив факел в фигурный держатель, исчез в узком, напоминающем нишу коридорчике. Раздался стук и негромкий скрежет отодвигаемого засова. Вскоре провожатый вернулся и кивком указал на дверь:

— Входите! Вас ждут.

Мастер Кларс, тяжело вздохнув, неохотно шагнул к узкой щели, светлевшей в глубине коридорчика; Бёрри, почти наступая ему на пятки, двинулся следом.

Оружейник медленно вошел в таинственную комнату и тут же с воплем ужаса отпрянул назад, чуть не сбив с ног рыжего певца. Однако провожатый без лишних слов решительно втолкнул обоих в небольшую комнату и захлопнул за ними дверь.

Теперь уже и Бёрри, выглянув из-за плеча окаменевшего мастера, вытаращил глаза и задвигал пересохшими губами, пытаясь хоть что-то произнести: прямо перед ними на низком ложе, подперев голову могучей рукой, сидел Конан и насмешливо смотрел на ошарашенных друзей. В конце концов он не выдержал и оглушительно расхохотался:

— Охо-хо-ха-ха-ха! В жизни не думал, приятель, что ты можешь корчить такие рожи! А ты, Кларс, видно, решил, что перед тобой покойник?! Ха-ха-ха! Ладно, Бёрри, захлопни рот, лучше иди сюда да промочи горло! И ты, мастер, садись рядом, выпьем немного за радостную встречу! Или вы не рады меня видеть живым и здоровым?! — Киммериец, притворно нахмурившись, отвернулся к невысокому столу и подвинул поближе кувшин с вином.

Бёрри нерешительно присел на скамью, стоявшую рядом с ложем, и только тут заметил женщину, молча стоявшую в дальнем углу комнаты. Мастер Кларс, немного придя в себя и оглядевшись, раньше певца обратил внимание на безмолвную фигуру под легкой вуалью и, как видно сразу узнав, преклонил колени и почтительно склонил голову.

Тут наконец и до Рыжего Бёрри дошло: незнакомец в парчовом кафтане, таинственный перстень, герцогский сад, потайные лестницы... Отдернув руку, уже потянувшуюся было к вожделенному кубку, он соскользнул со скамьи, преклонив колено, как истинный рыцарь. Женщина у стены откинула вуаль.

— Встаньте! — Голос герцогини слегка дрожал. — И не пугайтесь, это не призрак, а живой человек. — Она подошла ближе и положила руку на плечо киммерийца.

— Бёрри, ну что ты хлопаешь глазами, как старая сова?! С разрешения ее милости мы сядем у стола и поговорим... Мастер Кларс, чтобы ты не смотрел на меня таким скорбным взглядом, сразу тебе скажу: в том, что случилось, твоей вины нет... Остальное — потом. А сейчас, Бёрри, чтобы у тебя не дрожали руки, бери кувшин и наливай вино! Добрый глоток сразу приведет тебя в чувство, уж я-то знаю!

Герцогиня, шурша платьем, подошла к двери и, обернувшись, сказала:

— Вернусь к вам попозже, когда вы обо всем переговорите.

Дверь за ней тихо закрылась.

На некоторое время воцарилось молчание. Конан с усмешкой посматривал на Бёрри и Кларса, а они сидели, ничего не говоря и не решаясь поднять кубки.

Вдруг взгляд Бёрри, скользя по лицу и шее киммерийца, изумленно застыл, а рот снова раскрылся; громко сглотнув набежавшую слюну, он наконец хрипло выдавил:

— Рана... Была же такая рана... Кровь хлестала, как из кабана. Смотри, Кларс! Шея-то у него гладкая, как у новорожденного... Нет, клянусь Митрой, это оживший покойник! Эх, и зачем я только за тобой потащился!

— Уймись, Рыжий! — Рука оружейника тяжело опустилась на плечо приятеля. — Раз герцогиня сказала, что это не призрак — значит, так оно и есть... Но

все же поклянись Пресветлым Богом, что ты — тот, кем кажешься! — И он сделал пальцами знак, отгоняющий демонов.

— Ого! Видно, я хорошо я вас напугал! Клянусь Кромом, а эта клятва для киммерийца самая святая, что я — тот самый Конан, который осушил с вами немало кубков вина! И, если Митра позволит, осушу еще столько же. А рана действительно была, но, куда она делась, может сказать только герцогиня. Это ее люди унесли меня с Ристалища, а ее руки вернули к жизни... За это я сейчас и выпью! Бёрри, бездельник, ты, конечно, налил вина только себе, а про нас забыл! Даже в герцогском дворце все приходится делать самому! — И он наклонил кувшин над кубком.

Они молча пили вино, и было видно, что оружейника гложет какая-то невысказанная мысль, а Бёрри то и дело тревожно переводил глаза с мастера на улыбающегося киммерийца, словно боясь, что вот-вот разразится гроза. Но тут, оставив в сторону опустевший кубок, Конан наклонился и достал из-под ложа сначала рукоять, а потом и клинок, грозно сверкнувший среди мирной посуды.

— Я вижу, ты сидишь и только об одном думаешь... Ну а теперь посмотри внимательно, мастер, может, у тебя на душе полегчает?

Кларс с жадностью схватил клинок и впился в него глазами. Потом стал рассматривать обломок клинка на рукояти и, так же как Конан совсем недавно, попытался соединить обе части меча. Убедившись, что это невозможно, он снова поднес к глазам клинок, осторожно прикоснулся языком к потемневшей поверхности. После этого долго полоскал рот вином и, сплюнув под ноги, гневно сказал:

— Слюна Сета! Колдовское зелье, разрушающее любую сталь! Отец, когда передавал мне тайны ремесла, показывал кинжал, изъеденный таким вот зельем, и велел попробовать его на вкус... Я на всю жизнь запомнил смердящую горечь, и вот теперь мой клинок...

— И клинок, и подпруга. Она превратилась в труху. Так что враг оказался хитрее, чем ты думал.

— Будь он в Мэноре, я заколол бы его этим самым обломком! Но герцог уже спровадил подлеца в Редборн.

— Вот как раз об этом я и хотел с вами поговорить... Как там было в правилах Турнира? «Кто добивается победы бесчестным путем — да будет проклят Митрой»? Ну, так я не собираюсь дожидаться, пока на гаденыша рухнет сосна или испепелит молния! Он должен умереть от моей руки, и молитесь Пресветлого, чтобы не торопился с отмщением! К утру мне понадобится меч, тот, который я у тебя оставил — он побывал во многих схватках, и я к нему привык...

— Если ты не побоишься еще раз вступить в бой с моим оружием в руках, то я лучше принесу тебе меч, который выковал в день рождения своего первенца. Он освящен в Храме Митры, и уж его-то не возьмет никакое зелье! Я ни за что никому бы его не продал, но тебя прошу: возьми!

— Спасибо, Кларс, возьму, но и мой старый меч тоже прихватчу. Лавиния... Герцогиня говорила, что до Редборна дня два пути прямо на восток, и дорога вроде спокойная...

— Конечно, спокойная! Два дня, две ночи — и все лесом. Ну, разве что медведь ненароком выйдет или рысь на плечи сядет — а так дорога спокойная... Если знаешь, куда и на какой развилке свернуть... — Бёрри, хитро косясь на киммерийца, снова наполнил кубки.

— Да ты, я вижу, всю Немедию знаешь, как свои пять пальцев! И в Редборне тоже бывал?

— Не бывал бы — не говорил бы... Старый Дисс никогда не совался один в эти леса. В последние годы он без сыновей и свиты в поместье не наезжал. Это тебе не Бельверусский тракт, это глухомань!

— А тебя-то что занесло в такие дебри? Дорогу, наверное, перепутал, а лошадка все шла себе и шла...

— Ну, нет, я ехал, как дорогой гость, рядом со старым Диссом и его сыновьями, в сопровождении еще

дюжины рыцарей и целой оравы слуг. Да, прекрасные леса окружают поместье Редборн! Какие там олени и кабаны! Просто королевская охота! — Глаза у Бёрри разгорелись, он размахивал руками, чуть не выплескивая вино из кубка. — Барон был хозяин, каких поискать! Всего несколько деревень вокруг — а поля не хуже, чем здесь, в Мэноре.

Он немного отдышался и продолжал:

— А сам замок — неприступная крепость. Высокая стена, башни, глубокий ров. Говорят, раньше часто приходилось обороняться от набегов с севера, но теперь вроде стало спокойнее...

— Слушай, друг, а что это тебя потянуло на воспоминания? Видать, соскучился по этому медвежьему углу? Или оставил там какую-нибудь вдовицу?!

— Да знаешь, есть у меня один очень недогадливый приятель, и хочет он в одиночку нестись по лесам, чтобы сразиться то ли с татем ночным, то ли с медведем... И никак он не догадается позвать меня, Рыжего Бёрри, в попутчики, вот я и пытаюсь навести этого упрямого варвара на такую умную мысль...

Дружный хохот сотряс стены маленькой комнаты. Заплясали в светильниках потревоженные огоньки пламени.

В дверях за их спинами появилась герцогиня и встала, молча прислонившись к косяку.

— Мудрости твоих речей мог бы, наверное, позавидовать сам старый Дисс, будь он жив, — сказал мастер Кларс, хлопая певца по колену.

— А что за корысть тебе, любителю поесть и выпить, тащиться со мной на такое дело? Ведь там и головы можно лишиться. — Конан задумчиво провел рукой по тому месту, где должен был находиться широкий рубец.

С лица Бёрри мгновенно исчезло веселое выражение, он нахмурил брови, сурово глянул своими прозрачными глазами в голубые глаза киммерийца и, с силой опустив кулак на столешницу, сказал:

— Я любил этого старого ворчуна, барона Дисса. Честно говоря, в Мэноре я спешил каждый год не только затем, чтобы заработать, но и чтобы с ним повидаться... И после праздника он обязательно прихватывал меня в свое поместье — немного погостить. Когда я узнал, что он умер, я две луны не мог спать... А потом исчезли его сыновья и их мать, благородная Энора... И герцог, который был ему стольким обязан, тут же забыл о верном слуге, развлекаясь с проклятым Ферндином... Теперь Фердин — хозяин Редборна, и чувствует мое сердце, не без его помощи ушел старый барон на Серые Равнины. И его семья тоже... — Он замолчал, уставившись перед собой тяжелым взглядом.

— Значит, и у тебя есть счеты к новому барону Редборнскому, — раздался голос за его спиной, и герцогиня подошла к столу.

Она села в свое кресло и подала Конану знак наполнить кубки.

— Мне тоже нужна его смерть! Лишь она вернет герцогу Оргельду разум, отнятый этим демоном... — Герцогиня хотела продолжать, но словно порыв ветра вдруг пронесся по комнате. Язычки пламени, затрепав, почти погасли, стены как будто раздвинулись, исчезнув в густом тумане. И, словно биение четырех сердец, в тишине зазвучали слова, негромко произносимые хрипловатым женским голосом:

— Клубок ненависти наматывается, наматывается... Встреча, несущая смерть... Они спибуться, спибуться... Пламя все пожирает, все уносит... Души обретут покой, а к герцогу вернется разум...

Ярко вспыхнули светильники, стены вернулись на свои места. Несколько мгновений все сидели молча, пока Конан первым не нарушил тишину:

— Что это был за голос? Мне кажется, я уже слышал его когда-то... или совсем недавно, во сне?

— Это ее снадобье спасло тебе жизнь. Ей тоже нужна смерть Фердина, как и всем нам. Узел судьбы завязался, и только ты, Конан, можешь его разрубить! Убей

его и привези мне меч со знаком Митры! — Герцогиня вскочила и, наклонившись над столом, впиалась в лицо киммерийца долгим взглядом потемневших глазам. Ее пальцы судорожно сжались, словно схватив невидимую рукоять кинжала, она оттолкнула кресло и быстро пошла к двери.

— Я убью его, клянусь Кромом, или сам погибну! — Варвар вскочил и прошелся по комнате. — Скоро утро, пора в дорогу. Значит, едем вместе. Ну что ж, хороший попутчик — иногда половина дела.

Мастер Кларс сгреб клинок и рукоять и завернул их в полу плаща. Бёрри, стряхнув оцепенение, пошел следом за ним. На пороге их ждал давешний провожатый в черном плаще. Уже не торопясь, они двинулись к выходу по бесконечным лесенкам и коридорам.

Конан вышел последним, тихо притворив дверь. Сделав в темноте несколько шагов, он услышал позади шорох платья, и горячие руки опустились ему на плечи. Повернувшись, он прижал к себе плачущую женщину и легкими поцелуями осушил ее глаза. Она в последний раз жадно прильнула губами к его губам и, вырвавшись, подтолкнула к выходу:

— Иди! Да свершится воля Митры! Возвращайся, я жду тебя!

— Я убью его, клянусь! — И киммериец быстро шагал по темным коридорам, догоняя Кларса и Бёрри.

Глава четырнадцатая

Рано утром на улице Оружейников скрипнули ворота, и из них выехали два всадника в дорожных плащах. Махнув на прощание вышедшему вслед за ними хозяину дома, они не спеша направили коней к Площади Митры. В неясном свете разгорающегося утра площадь казалась огромной. Величественной громадой возвышался Храм, и стена сада светлым полукругом тянулась до улицы, ведущей к городским воротам.

Копыта гулко стучали по камням, и лишь кое-где им отзывались дробным стуком колеса повозок. Это жители окрестных деревень, задержавшиеся после праздника в городе, спешили обратно по домам.

Когда всадники подъехали к городской стене, там уже дожидалось несколько крытых повозок. Стражники, хрипло переговариваясь, отпирали ворота. Копыта лошадей и колеса телег гулко застучали по доскам опустившегося моста, и широкая дорога потянулась среди убранных полей, уводя путников к реке.

Всадники легко обогнали неспешно катившиеся возы и, пустив лошадей рысью, быстро доехали до первой развилки. Дальше мощеная дорога тянулась вниз к мосту, а другая, заросшая по обочинам лопухом и полынью, убегала вправо, повторяя изгибы речушки.

— Нам сюда, друг Конан! — сказал Рыжий Бёрри, сворачивая с гладких камней Королевской Дороги.

Впереди, на востоке, на облаках уже рдели рассветные блики, последняя утренняя звезда неясной точкой помигивала на юге.

Показались добротные дома ближней деревни, издаleка слышалось мычание коров, блеяние овец, пастухи покрикивали, сгоняя стадо, и путники придерживали лошадей, пропуская скотину к реке.

Нахмурившись и не глядя по сторонам, Конан проехал по широкой улице богатого селения и, оказавшись в поле, снова стал поторапливать коня. Его спутник старался не отставать, но было видно, что такая езда не доставляет ему удовольствия.

— Эй, киммериец, прошу тебя, потише! — взмолился он наконец, когда Конан в очередной раз пришпорил вороного. — Редборн от нас никуда не денется, да и негодяй тоже не убежит! Если тебе меня не жаль, пожалей хоть мою тонконогую Зольду! Фу, наконец-то! Ну, вот так ехать можно, а то весь завтрак из живота вытрясешь!

Конан впервые за все утро улыбнулся, покосившись на своего неунывающего спутника. Рыжий Бёрри, с луком за спиной, который всучил-таки им мастер Кларс, с шлемом и щитом Конана, притороченными к седлу, одетый в новенькую кольчугу, выглядел как заправский оруженосец.

Лошади теперь спокойно шли рядом, и киммериец, вдыхая холодный утренний воздух, потряс головой, отгоняя мрачные мысли. Действительно, прав этот весельчак Бёрри: впереди еще два дня пути, и нет никакого смысла распалать себя бесполезным сейчас гневом. Будет бой — будет и ярость, она просто, как пламя под золой, притаится в груди до времени, чтобы потом вырваться наружу сокрушающим вихрем.

Бёрри изредка посматривал на киммерийца: ему казалось, что сейчас рядом с ним едет на вороном коне совсем другой человек, не тот, с которым всего несколько дней назад он хохотал в харчевне Старого Лиса над забористыми шутками приятелей, не тот, кто,

похлопывая в такт по столу широкой ладонью, слушал его песни у мастера Кларса... Голубые глаза горели мрачным огнем, губы, казалось навсегда позабыв про улыбку, были твердо сжаты, могучее тело рвалось вперед, еле смиряясь с медленной поступью коня... Пожалуй, Ферндин еще не наживал себе такого врага!

Громкое хлопанье крыльев отвлекло Бёрри от этих мыслей, и он невольно схватился за лук, проследив взглядом за пролетевшими утками.

— Здесь рядом, за ивняком, такое озерцо есть — прямо кишит дичью! Сейчас будем с добычей!

Но Конан только недовольно покачал головой:

— Куда нам еще дичи! Ты что, забыл, сколько всего насовал Кларс? Зачем нам твои утки? Посмотри, Зольда прогибается под тяжестью всех этих мешков и фляжек! По сравнению с ними мой щит просто ничего не весит.

Бёрри, вспомнив о тугих флягах с вином, повеселел и, в последний раз с сожалением проводив взглядом уток, снова закинул лук за спину.

Старая полузаросшая дорога вилась между жидкими рошицами, скрывавшими в своих зарослях мелкие птичьи озера.

— Барон Дисс, бывало, всегда сворачивал с дороги, чтобы его сыновья тут поохотились. Правда, это герцогское владение, но старому барону Оргельд всегда разрешал немного попугать уток, ведь их все равно меньше не становится...

Бёрри умолк, словно ожидая, что ответит Конан, но киммериец, не обращая внимания на стайки, со свистом пронесившиеся над головой, ехал молча, глядя только вперед. Тяжко вздохнув, Бёрри продолжал разговаривать сам с собой:

— Да уж... Зато потом, когда этих уток подавали жареными, с хрустящей корочкой, со знаменитым соусом эколь, или выносили пироги с утиной начинкой, можно было забыть все на свете... кроме кубка, разумеется...

— Слушай, Бёрри, от твоей болтовни даже покойник потянется к кубку и спросит: «А где утиный пирог?!» — Хмурые складки на лбу Конана разгладились, он, обернувшись, глянул на попутчика с улыбкой. — Я вижу, ты изрядно проголодался и, наверное, мечтаешь посидеть на травке? Но, по-моему, еще рано вато для обеда. Где твой старый барон делал первый привал?

Бёрри вздохнул, глядя на солнце, еще не добравшееся до зенита, и уныло ответил:

— А вот, как доезжали до леса — тут и останавливались... Скоро кончатся эти болота, выедем на сухое место, а там уже и лес виден...

— Ну, значит, потерпи еще немного. Да, по такой дороге только летом и пробираться — смотри, даже сейчас земля под копытами чавкает. А что же будет осенью?

— Есть еще другая дорога, сухая, в объезд болот, но это — лишний день пути. Я слышал о ней, но сам не ездил. Ну вот, заросли и кончаются, теперь будет посуше!

И правда, путь неприметно пошел в гору, земля под копытами больше не чавкала, ивы и низкий кустарник остались позади — они выехали на сухую холмистую равнину, заросшую высокими травами. Кое-где возвышались деревья, широко раскинув на просторе мощные ветви. Обогнув невысокий холм, путники наконец увидели вдалеке синеватую кромку леса. Но дорога, с разбегу уткнувшись в покосившийся каменный столб, вдруг разделилась на две, и они, совершенно одинаковые, побежали в разные стороны.

— Ну, и куда же теперь — направо или налево? — Конан с усмешкой взглянул на Бёрри, рука которого нежно поглаживала тугой бок заветной фляги.

— Налево, друг Конан, только налево! Давным-давно эта дорога была узкой тропой, но именно по ней и поехали предки барона Дисса, чтобы построить родовое гнездо. А по широкой правой дороге — ни-ни! Сами не

ездили, и потомкам наказали даже не смотреть в ту сторону.

— Да ну? А я бы как раз туда и свернул... Может, ты ошибаешься, и дорога в Редборн — вот эта? Обычно чутье меня не подводит.

— Такой молодец, как ты, которого и смерть не берет, конечно, мог бы рискнуть, но, я думаю, сначала не худо сделать одно дело, а уж потом браться за следующее... И уж барон Ферндин только обрадовался бы, если б узнал, куда потащился его враг!

— Так куда же ведет эта дорога? Посмотри, какая она утоптанная, а ты говоришь, по ней никто не ездит...

— Ладно, слушай, что мне некогда поведал за кубком старший сын барона, а то ты так и будешь коситься в ту сторону... Эта история передается из поколения в поколение, и ни один из баронов Редборнских, послушных клятве, никогда не ездил по проклятой дороге...

— По проклятой, говоришь?! Кто ж ее проклял? Нетяни, рассказывай!

— Да, вот так-то... И не перебивай меня, а то я забыл, на чем остановился...

— Оставь флягу в покое — тогда сразу вспомнишь! Еще ничего не сказал, а уже спотыкаешься! Нет, Бёрри, я тебя не узнаю!

— Так я же и говорю — дорога-то проклятая, но манит и манит путников, особенно простофиль, прослышавших про сокровище, которое лежит себе просто так, и никто его не стережет... Ага, пробрало тебя, киммериец, вон как глаза-то сверкнули! Ну, так вот, там, вдалеке, в глубине леса есть широкая поляна, и попасть на нее можно только по этой дороге. А посреди поляны — что бы ты думал? — гладкий каменный пол, как во дворце, украшенный разными узорами. По краям он огорожен невысокой стеной из черного камня, а посередине огромной сверкающей грудой навалены сокровища. Рубины, сапфиры, изумруды лежат целыми кучами, а жемчужные ожерелья, как клубки змей, выгляды-

вают между них. Но это колдовской клад: ни одна травинка не растет на этой поляне, и ни одна капля воды не падает на драгоценности во время дождей. А зимой, темными длинными ночами, клад сияет, озаряя покрытые снегом деревья... Конан, опять ты что-то хочешь сказать, дай уж мне закончить, а то снова собьюсь! Это все не просто камешки, а когда-то живые люди! Стоит человеку перелезть через стену и прикоснуться к сокровищу — как он сам превращается в драгоценный камень или прекрасное ожерелье, или в золотой обруч с алмазами...

— Хм, интересно... Так, значит, никто туда теперь и не ходит?

— Конечно, ходят, и конечно, не возвращаются! Радоваться надо, что тебе попался такой попутчик, как Рыжий Бёрри! А то скакал бы сейчас сломя голову в эту негалью яму... Эх, Конан, вижу, ты уже готов забыть и Ферндина, и госпожу Лавинию, которой обязан жизнью, и весь свой гнев! — Бёрри не на шутку рассердился, перехватив полный сожаления взгляд, брошенный Конаном на убегающую вдаль загадочную дорогу.

— Плохо же ты меня знаешь, приятель! Такого еще не было, чтобы киммерийский воин забыл долг мести! Лучше на себя посмотри: барон Дисс, барон Дисс, ах как я любил старика — а сам так и кинулся за утками возле первого же болота! Ну, ладно, не отворачивайся, забудем все это, и давай-ка не отставай — вон уже и до леса недалеко. Надо посмотреть, что там насовали в мешки мальчишки мастера Кларса. — Варвар толкнул пятками вороного и, не оглядываясь, поскакал к лесу, выраставшему перед ними сплошной темной стеной.

На опушке среди примятой травы виднелись следы недавней стоянки: свежие кострища, обглоданные утиные кости, разбросанный хворост... Не сговариваясь, Конан и Бёрри проехали это место и остановились возле невысокой корявой сосны, одиноко стоявшей в стороне от дороги. Сняв с лошадей поклажу, они уселись под деревом, не разжигая костра.

Солнце, перевалив за полдень, пекло, как в середине лета, и путники с наслаждением сбросили дорожные плащи.

Бёрри стащил с себя легкую кольчугу и, облегченно вздохнув, бросил ее поверх плаща:

— Ну, спасибо, старина Кларс, удружил! Сроду не носил эти железки и, даст Митра, впредь не стану. Только чтобы не обидеть друга, натянул я кольчугу, но теперь пусть она себе трясется в каком-нибудь опустевшем мешке!

— Похоже, ты опять забыл, куда едешь? Мастер Кларс, видать, лучше тебя знает жизнь, хоть ты и носишься по свету, как перекасти-поле... Вот отдохнем — и наденешь как миленький, иначе я все фляги с вином повешу у своего седла, понял?!

— Понял, понял! Ну что ж, сам напросился — так нечего жаловаться. А ну-ка, что там у нас в этом мешке? Ого-го, гляди-ка, нас собрали в путь, словно каких баронов! — и Бёрри разложил на траве широкое вышитое полотенце. Потом достал хлеб, сыр, холодное мясо, приправы в маленьких дорожных сосудах и даже два золоченых кубка. — Теперь дело за флягой. Будем пить вино, как благородные рыцари. Ладно, Кларс, прощаю тебе кольчугу и пью за твое здоровье!

Когда снеди порядком поубавилась, Бёрри в изнеможении откинулся на теплую землю и прикрыл глаза. Конан не спеша дожевывал румяную краюху хлеба, поглядывая на солнце сквозь причудливо изогнутые ветки. Осушив последний кубок, он сгреб все, что осталось на полотенце, и сунул обратно в мешок.

Бёрри из-под полуопущенных век с усмешкой наблюдал за киммерийцем. Вот это-то и нравилось в нем непоседливому певцу: неукротимое стремление к цели, будь то победа на турнире, охота за богатством или преследование ненавистного врага... Ну, конечно, вот он уже приторочил к седлу мешок и флягу, накинул плащ и идет к нему... Бёрри поплотнее прикрыл глаза и легонько захрапел.

— Давай-давай, поднимайся! Все равно ведь не спишь: видел я, как ты за мной подглядывал своими хитрыми глазами. Ночью отоспишься, а сейчас — вперед! — И Бёрри, вскочив, едва успел поймать брошенную в него кольчугу.

Вскоре лес сомкнул над ними свои тяжелые ветки, жара сменилась сырой прохладой и запахом смолы. Высокие папоротники, задевая колени лошадей, склонялись над дорогой светлые листья. Деревья, переплетаясь в вышине раскидистыми кронами, образовали сплошной темный коридор, почти не пропускающий солнечного света.

Они не спеша ехали по узкой дороге, заросшей мягкой травой, и молчали, словно околдованные вязкой тишиной густого леса. Поток времени как будто остановился, трудно было понять — день еще или уже наступил вечер.

Когда тени сгустились настолько, что лес по бокам стада казался сплошной стеной, Бёрри встрепенулся:

— Смотри вправо, Конан, где-то здесь на толстой сосне должен быть знак. Как увидишь три широких зарубки — значит, скоро Пограничная поляна. Это — начало баронских владений, дальше уже пойдут леса, принадлежавшие Диссу...

— Ты про эти зарубки говоришь? — Конан остановился у старого дерева, ствол которого был обезображен тремя глубокими ранами; из них обильно сочилась густая смола.

— Похоже, новый барон уже начал наводить порядок поблизости от своих владений! Ну, поехали!

В густых сумерках безмолвный лес как будто ожил: ухнул и захохотал филин, а вдалеке, словно отзываясь, раздался пронзительный вскрик какой-то ночной птицы. Конь киммерийца спокойно шагал вперед, и сам варвар, чутко прислушиваясь к жизни ночного леса, не слышал никаких подозрительных звуков. Но Бёрри все время казалось, что за его спиной в кустах что-то шуршит, словно осторожный зверь тихо крадется сле-

дом. Странное дело: Зольда, его верная Зольда, чуявшая опасность лучше своего беспечного хозяина, шла себе спокойно за вороним, как будто и не слышались совсем рядом эти подозрительные шорохи... Пару раз Рыжему Бёрри даже показалось, что в зарослях мелькнули зеленые огоньки звериных глаз, и, лишь нащупав дрожащей рукой на поясе кинжал, он немного приободрился.

Вдруг Конан остановил коня и еле слышно прошептал:

— Эй, Рыжий, смотри, мы не одни в этом лесу! Кого еще Нергал понес этой дорогой? Ладно, сейчас посмотрим. Не отставай! — И он осторожно двинулся вперед, не спуская глаз с мелькающих за ветвями отблесков костра.

Они медленно выехали на край огромной поляны и остановились, всматриваясь. То, что издаലെка виделось большим пылающим костром, оказалось жалким огоньком, пожирающим скудную кучку хвороста. Видно было, что еще немного — и убогий костерок погаснет, сверкнув последними искрами. Рядом с огнем, сжавшись в комочек и, видно, пытаясь согреться, примостилась темная фигурка.

Луна, тускло светившая сквозь просветы быстро летящих облаков, позволила путникам оглядеться: никого больше на поляне не было.

Подъехав ближе, они разглядели старую женщину с прямыми космами седых волос. Выбиваясь из-под головного убора, который мог когда-то принадлежать знатной даме, они свисали вдоль впалых щек. Платье, в трепещущем свете костра казавшееся красновато-бурым, было под стать головному убору — потертое и измятое, со следами частых лесных ночевок. Обхватив худыми руками колени, женщина неподвижно сидела у затухающего костра, даже не повернув головы на звук шагов.

Конан спешил, снял с коня поклажу и ослабил подпругу. Пока Бёрри возился со своей кобылой, киммери-

ец, прихватив дорожный топорик, быстро прошелся вокруг поляны, насобирал целую кучу хвороста и разрубил несколько толстых обломанных веток. Вскоре костер весело запылал, они сели рядом, а женщина впервые шевельнулась, подняв голову и взглянув в их сторону.

Худое изможденное лицо с впалыми щеками и тонкими, почти бескровными губами могло бы показаться совсем безжизненным, если бы не глаза. Живые и горячие, как уголья, выхваченные из костра, они быстро скользнули по их лицам, а потом женщина снова замерла, завороченно глядя на огонь.

Однако, когда Бёрри стал выкладывать из мешка припасы, готовясь славно поужинать, женщина снова повернулась к ним, следя горящими глазами, как растет на вышитом полотенце гора снеди.

Конан, притаив еще охапку сухих веток, бросил их в стороне и, покосившись на тощую суму старухи, негромко сказал:

— Давай-ка, мать, садись поближе, поужинаем. Твой огонь — наше утешение. Садись, садись, ночь длинная, а путь еще дольше.

Не заставив себя упрашивать, она улыбнулась благодарной улыбкой, обнажив совершенно целые зубы, и сразу исчез мрачный блеск черных глаз, все лицо, смягчившись, стало как будто моложе.

Бёрри пододвинул к ней полный кубок, а сам привычно присосался к широкому горлу дорожной фляги. Старуха протянула дрожащую руку к ломтю хлеба, взяла большой кусок жареного мяса и с жадностью принялась есть. Похоже, не часто на ее долю выпадала такая удача.

Конан пил вино кубок за кубком, жевал мясо и думал о чем-то своем, нахмурившись и неотрывно глядя на пламя. Поеживаясь от настороженной тишины густого леса, нарушаемой лишь треском горящих сучьев, Бёрри наконец не выдержал:

— Куда идешь-то, старая? Тебе бы дома сидеть да внуков нянчить, а ты по глухим лесам бродишь, да

еще с пустой сумой! Глядишь — сама кому-нибудь на ужин достанешься, здесь места такие, уж я-то знаю...

Старуха, снова улыбнувшись молодой улыбкой, покачала головой и ответила неожиданно мягким голосом:

— В этих лесах меня ни один зверь не тронет, я тут каждую тропку знаю. А иду я, как и вы, в Редборн. Спасибо, что накормили, теперь путь полегче будет.

— А откуда ты знаешь, что мы тоже идем в Редборн? — Бёрри, не дожидаясь кусок, удивленно воззрился на старуху. Та, слегка откинувшись назад, вдруг засмеялась так весело, что Конан, подняв голову, тоже невольно улыбнулся.

— Так ведь здесь всего одна дорога, дружок, и, кроме как в Редборн, больше никуда не попадешь!

— Ну и болван же я! Конечно, куда еще можно ехать по этой дороге! Эх, Конан не всегда твой попутчик блещет умом и сообразительностью, но уж что есть, то есть...

— Ладно, не прикидывайся убогим. Когда надо, — ты соображаешь не хуже какого-нибудь государственного советника. Плесни-ка мне еще, а то загреб себе всю флягу, до нее и не дотянуться.

Хлебнув, варвар повернулся к старухе и спросил:

— Тебя как зовут-то, мать?

— Мергит... Называй меня Мергит, киммериец...

— Ну, так налей и Мергит, советник, раз уж ты у нас виночерпий! Да не прикладывайся к фляге так часто, а то и на половину ночи не хватит.

Мергит, отпив вина, спросила:

— А зачем вы едете в Редборн?

Скрипнув зубами, Конан ответил:

— Дело у нас... Важное дело к новому хозяину поместья, барону Фердину.

Бёрри, сплюнув, подтвердил:

— Да, очень нам надо с ним повидаться, и как можно скорее!

При упоминании барона Фердина старуха резко отставила кубок, глаза ее, смотревшие куда-то поверх их голов, злобно блеснули. И в то же мгновение из глубины леса, то нарастая, то почти умолкая, раздался многоголосый волчий вой.

Подозрительно глянув на старуху, снова принявшуюся за еду, Конан пододвинул поближе длинную толстую ветку. Бёрри мелко затрясся, чуть не уронив в огонь полупустую флягу.

Мергит, словно ничего не заметив, снова завела разговор:

— Возвращаюсь вот из Мэноры, уж очень захотелось праздник посмотреть... А то тихо в Редборне, тоскливо без хозяина... без барона Дисса... Вы знали барона и его сыновей? — Она вдруг пристально взглянула в глаза Рыжему Бёрри.

— Д-д-да, знал, и даже гостил у него когда-то... Но все они так таинственно и внезапно умерли...

Горько засмеявшись, старуха затрясла головой:

— Ты прав, Рыжий, таинственно и внезапно... И уж я-то знаю, отчего они все отправились на Серые Равнины, я-то знаю! — И, отвернувшись, она снова замерла, глядя в темноту, царившую под пологом ночного леса.

Резко подняв голову, словно очнувшись от тяжелого сна, Конан весь подобрался, как зверь, готовый к прыжку, и, осторожно коснувшись ее плеча, спросил:

— Расскажи, что там случилось. Мне очень нужно знать, отчего умер старый Дисс и куда делась его семья... Их всех убили? Кто их убил? Скажи, раз знаешь!

Страхнув с плеча руку киммерийца, Мергит глухо ответила:

— Рассказывать такое ночью — только тревожить духов Тьмы! Но если хочешь, я расскажу об этом днем... При одном условии: ты pomoжешь мне добраться до Редборна. Вон у тебя какой жеребец, он и не заметит лишнего седока. А то, чего доброго, протяну ноги где-нибудь тут в лесу, и некому будет меня схоронить...

— А что же ты тогда потащила в город на праздник? — Бёрри, сам того не замечая, доедал уже третий кусок мяса, с опаской поглядывая на странную старуху. Она вдруг круто повернулась и, глядя прямо в глаза киммерийцу пылающими от ярости глазами, хрипло засмеялась:

— Да вот очень уж хотелось посмотреть, как проклятого Ферндина вышибут из седла на Турнире... и, может быть, проткнут мечом горло... да, да, проткнут горло!

Конан, вздрогнув, закашлялся, а у Бёрри задрожали руки и отвисла челюсть. Вдруг его глаза широко раскрылись, и он, лязгнув от страха зубами, схватился за суковатую палку, тоже предусмотрительно приготовленную на всякий случай: на поляне, как из-под земли, появились семь черных теней и неслышно стали приближаться к костру. Конан вскочил, выхватив меч, и крикнул Рыжему:

— Хватай головню и гони их от костра, а я сейчас с ними по-своему...

— С-с-слушай, К-к-конан, чтоб мне провалиться, это не волки! — Бёрри, все еще стуча зубами, разглядел, что звери, не обращая на них внимания и не пугаясь, спокойно приближаются к костру.

— К-р-ром! И правда, собаки, Нергал их раздери! Тьфу, напасть, откуда им взяться ночью в такой глухомани?

Собаки подошли ближе и, поглядывая на людей умными глазами, полукругом улеглись вокруг костра. Это были огромные черные пастушьи псы, каждый из которых мог запросто разделаться с волком.

Лошади, привязанные неподалеку от костра, не обратили на них никакого внимания: мирно пофыркивая и звеня уздечками, они все так же щипали траву, изредка переступая ногами.

Смех старухи вывел приятелей из оцепенения.

— Не бойтесь, мои детки смирные, если мне ничего не угрожает! Поэтому я и не боюсь ходить по лесам одна, вот только сил уже маловато...

— Ну, Мергит, я еще не встречал такой шальной старухи! — Конан в сердцах убрал меч в ножны. — Ладно, подвезу тебя в Редборн, но ты мне все расскажешь про старого Дисса. И про Ферндина тоже — сдается, ты и о нем кое-что знаешь. А, старая?

Не отвечая, она покивала головой, достала из травы позади себя старый дорожный плащ, расстелила его у костра и, укрывшись с головой, затихла. Бёрри улегся подальше от собак, поближе к лошадям и, поворчав немного, тоже вскоре уснул. Конан, прислонившись спиной к небольшому дереву, закутался в плащ и замер, глядя на огонь.

Псы лежали тихо, положив тяжелые морды на вытянутые лапы. Потрескивал костер, пожирая новую охапку сучьев, и в темноте поляны изредка вспыхивали зеленые точки собачьих глаз.

Глава пятнадцатая

Интересно, кем она была в замке? Кормилицей? Нянькой? Служанкой? Странная старуха... Наверняка она после всей этой истории немного тронулась умом — послушай, как она со своими псами разговаривает. — Конан кивнул в сторону Мергит.

Как только лошади выехали на большую лесную прогалину, она ловко соскочила с коня и, не глядя на попутчиков, отошла в сторону, подальше от черневшего во мху кострища. Псы тут же выскочили из зарослей и, повизгивая, стали кружить вокруг своей хозяйки. И вот теперь, сидя на земле и тихо смеясь, Мергит играла с ними, как с маленькими щенятами: трепала за уши, толкала, что-то негромко приговаривала, ласково называя по именам.

Псы, отталкивая друг друга, так и лезли к ней под руки, валились на спину, задирали кверху лапы, скаля в улыбке страшные пасти.

— Нет, Конан, тут что-то не чисто... Откуда она все это знает и как увидала? — с опаской шептал Рыжий Бёрри, вытряхивая припасы из последнего мешка. — Можно подумать, что рядом стояла... Но ведь сам посудите: ей надо было идти по всем переходам следом за ними, да так, чтобы ее не заметили. Не понимаю. А какой у нее был взгляд, когда она об этом рассказывала... У меня по спине мурашки бегали, все время казалось, что она вот-вот вцепится в горло, как бешеная

волчица! И еще... Словно бы я ее когда-то видел в замке старого барона... Нет, не припомню...

Конан, вполуха слушая бормотание певца, не мог отвести глаз от резвящихся на сером мху огромных черных псов. Тонкие руки старухи казались сухими хворостинками, когда она любовно задерживала их в алых собачьих пастьях, способных шутя перекусить не то что слабую женскую руку, но и запястье взрослого сильного мужчины.

— Радуюсь, Гоций, что домой возвращаемся? Я тоже рада... А тебе, Ойрис, все бы баловаться! Ну, иди, иди сюда, мой мальчик! Да не толкайтесь, детки, всех приласкаю, никого не забуду... Ах ты, разбойник, как всегда, вперед вылезти норовишь! Думаешь, если младший, так все тебе позволено?! Ну, ладно, не отворачивай голову, клади ее ко мне на колени! Вот так, вот так...

Бёрри хотел что-то сказать, но так и застыл, сунув руку глубоко в мешок. Его губы что-то беззвучно шептали, он тоже во все глаза уставился на старуху.

Усмехнувшись какой-то своей мысли, Конан забрал у Бёрри мешок и позвал:

— Иди, Мергит, подкрепимся напоследок, чтобы приехать в Редборн налегке. Говоришь, к вечеру уже будем в деревне?

Она осторожно сняла с колен тяжелую собачью голову и подошла ближе.

— Да, киммериец, и стемнеть не успеет... Я сейчас живу не в замке, а в маленькой хибарке на краю деревни. Если не думаете, что я совсем с ума спятила, — она, усмехнувшись, глянула на Бёрри, — переночуйте у меня, а утром идите к новому барону, раз у вас к нему важное дело.

Она села напротив Конана и потянулась к хлебу. Сейчас, когда теплые лучи солнца падали на ее лицо, Мергит казалась совсем иной, чем ночью и даже утром. Морщинистые щеки словно разгладились, а тонкие губы слегка порозовели. Похоже, когда-то она была очень красива — гордое лицо, орлиный нос, высокий

лоб... Бёрри, задумчиво прижав к груди флягу, смотрел на женщину не отрываясь и изредка тряс головой, словно пытаясь что-то припомнить.

Молча дожидая кусок сыра и сделав добрый глоток вина, Конан решительно затолкал остатки еды обратно в мешок. Кинув его Рыжему Бёрри, он отвязал вороного, собираясь вскочить в седло. Псы неторопливо поднялись, потягиваясь и зевая, и один за другим бесшумно скрылись за стволами высоких деревьев.

Старухе, видно, было не впервой путешествовать таким образом — уцепившись за седло и встав на подставленную ногу киммерийца, она легко вскочила на широкий круп коня и удовлетворенно засмеялась:

— Хвала Митре, что он послал мне таких славных попутчиков! Поверьте, старая Мергит сумеет вас отблагодарить за доброту!

Лошади ходко шли по узкой дороге, и каждый шаг приближал путников к цели. Покачиваясь в седле и невольно подгоняя вороного, Конан вспоминал сегодняшнее утро, и голос старухи, тихо, как мышь, сидевшей сейчас сзади, словно все еще звучал в его ушах, то звеня, то хрипя от бессильной ненависти. Вспоминая жуткую повесть Мергит, киммериец чувствовал, что огонь, пылавший в его груди, разгорается буйным пожаром неотвратимого возмездия. Как река в начале пути вбирает в себя ручьи и мелкие речки, чтобы стать огромным потоком, текущим к океану, так и его ненависть, сливаясь с ручьями чужого гнева, неслась вперед, и свернуть с этого пути было уже невозможно.

Сегодня утром Конан все-таки задремал у погасшего костра. Когда он проснулся, то увидел, что Мергит, укутавшись в дырявый плащ, сидит в стороне, окруженная своими собаками. Один из псов, настороженно подняв голову, лежал у самых ног хозяйки, а она, задумчиво глядя в сторону Конана, ласково поглаживала зверя по спине.

Поежившись от утренней сырости, Конан встал и потянулся, расправляя онемевшее за ночь тело. Рядом,

уткнувшись носом в скомканную полу плаща, сном невинного младенца спал Рыжий Бёрри. Конан крепко поддел его под бок и не спеша пошел к старухе. Бёрри спросонья вскочил как ошпаренный, обеими руками подняв над головой тяжелую дубину. Покрутив головой, с облегчением выругался:

— Тьфу, дерьмо негралье! Так это ты меня толкнул? А то мне приснилось, что в темноте подбираются эти... эти... — Он мотнул лохматой головой в сторону собак. — И будто бы уже в бок вцепились! Ну, хвала Митре, ночь прошла благополучно.

Накинув на плечи плащ, он удалился за кусты оправиться, на всякий случай не выпуская из рук дубину. Псы встали и отошли в сторону, к самому краю поляны. Лишь один, тот, на спине которого покоилась сморщенная рука старухи, так и остался лежать, опустив голову на колени хозяйки. Конан присел рядом, пытливо глядя в глаза Мергит:

— Ну, рассказывай, что знаешь. Потом двинемся дальше.

Вернулся окончательно проснувшийся Бёрри, отбросил в сторону тяжелую дубину, сбегал к костру за флягой и кубками. Отпив несколько глотков, старуха зарылась пальцами в густую черную шерсть замершего пса и сказала:

— Я расскажу все, и, клянусь Митрой, вы не услышите ни слова лжи! Но если хоть один из вас, — она взглянула на них глазами, полными гнева и угрозы, — если хоть один из вас прервет меня или задаст вопрос, я тут же встану и уйду, и больше вы меня не увидите! И это будет самое худшее, что может случиться с вами на этой дороге!

«Ха, испугала!» — чуть было не сорвалось с губ Рыжего Бёрри, но, встретившись с угрожающим взглядом Конана и покосившись на сжатый кулак, он поспешно прикусил язык.

— Год назад, незадолго до праздника Изобилия Митры, барон Дисс имел очень неприятный разговор с герцо-

гом Оргельдом. Они даже чуть не поссорились, и из-за кого! Из-за этого выскочки Фердина! Тому вздумалось на какое-то время покинуть Мэнору, а герцог, словно влюбленная женщина, чуть ли не цеплялся за полы его кафтана, умоляя остаться... И барон Дисс, придя в нештучный гнев, осмелился напомнить герцогу, каким он был совсем недавно и каким стал по милости этого проходимца... — Мергит помолчала, словно заново вспоминая случившееся. — Так вот, Фердин уехал, герцог заперся в своих покоях, а барон Дисс, призывая милость Митры, тоже удалился к себе в опочивальню. Он долго не мог уснуть и все думал, что же приключилось с герцогом, которого он любил, как родного сына... И тут дверь, запертая изнутри на широкий засов, вдруг неслышно распахнулась, и на пороге показалась фигура в темном плаще с капюшоном. Барон хотел крикнуть, позвать слуг, но язык словно примерз к гортани.

Подойдя ближе, незванный гость откинул капюшон — и Дисс увидел перед собой торжествующее лицо Фердина! Дисс стоял и молчал, скованный чужой волей. Фердин подошел ближе, похлопал старого барона по щеке, как похлопал бы смазливую служанку, и сказал:

— Разрешаю тебе сесть, старик!

Барон послушно подошел к креслу, но услышал сердитый окрик:

— Садись на постель, мне не нужно, чтобы ты хрипел и задыхался в этом кресле! Вот, так уже лучше. На, выпей за здоровье будущего барона Фердина Редборнского! — И он вынул из-под плаща высокий кубок с вином.

В душе Дисса все клокотало, ему хотелось проткнуть негодяя мечом, но вместо этого он протянул руку к кубку.

— Пей, пей, это еще не смерть! Смерть придет к тебе позже, в замке Редборн! Не хочу, чтобы в Мэноре ходили всякие слухи. Ты тихо скончаешься у себя в поместье, в своей постели... Все будет очень достойно, обещаю.

С ужасом прислушиваясь к этим словам, барон осушил кубок с горьковато-сладким вином и обессиленно откинулся на подушки.

— Отлично! Семя ненависти ко мне еще не успело как следует прорасти в твоей душе, и вот ты мой! Утром потребуешь, чтобы тебя отвезли в Редборн, и это будут твои последние слова. Все, старик, прощай, ты мне больше не помеха. — Подойдя к двери, он вышел так же тихо, как и появился...

Конан, слушавший Мергит, стараясь не проронить ни слова, задумчиво поднял глаза и раскрыл было рот, но пинок, которым наградил его Бёрри, заставил киммерийца опомниться. И снова тишина повисла над поляной.

— Сыновья барона накануне прибыли в Мэнору, чтобы участвовать в турнире. Наутро они нашли отца лежащим без движения на смятых покрывалах. Старик едва слышно повторял побелевшими губами: «Домой! Скорее в Редборн!» — а из глаз его катились крупные слезы...

Его привезли в замок вечером, и всю ночь баронесса Энора не отходила от мужа. Его глаза неотрывно и требовательно глядели на нее, губы вздрагивали — старик пытался что-то сказать и не мог... Лишь утром, когда взошло солнце, старый барон словно разорвал оковы, пленившие его язык. И тогда он рассказал баронессе все. Я своими ушами слышала это, потому что была рядом... Да, совсем рядом...

Старуха снова надолго замолчала, мрачно глядя на своих псов. Конан и Бёрри ждали, когда она заговорит снова; у киммерийца губы сжались от гнева, а Рыжий украдкой вытирал повлажневшие глаза.

— Днем барон Дисс умер, — продолжала Мергит, не глядя на приятелей, словно разговаривала сама с собой. — Барон умер, а его старший сын, Дигрис, хотел тут же помчаться к герцогу и рассказать о злодеянии. Но его мать, баронесса Энора, отговорила сына от безрассудной затеи: уж она-то знала, как герцог относится к

своему новому любимцу, и прекрасно понимала всю безнадежность этой затеи.

Через девять дней после смерти барона, когда наступил первый срок поминовения, ближе к вечеру у ворот замка появился усталый путник на взмыленном коне, а с ним — двое молчаливых темнокожих слуг...

Голос старухи дрогнул, в груди послышался мучительный хрип. Бэрри поспешно плеснул вина, и она жадно осушила кубок.

— Это был молодой воин, почти одних лет с бароном. Никто его раньше никогда не видел, но он вытирал скатывающиеся на седую бороду слезы и говорил, что когда-то давно хорошо знал барона Дисса и даже сражался с ним плечом к плечу. Его проводили в зал, и он присоединился к поминальной трапезе.

И тут же что-то странное стало твориться в замке: пламя светильников то вспыхивало высокими столбами, то почти угасало, а то вдруг огни трепетали так, будто по залу гулял сквозной ветер, хотя все окна были плотно закрыты. Громко хлопали тяжелые двери, испуганные слуги, вносившие блюда, клялись, что доски пола и ступени лестниц скрипели сами собой, словно по ним ходил кто-то большой и тяжелый. Из оружейной залы вдруг послышался стон и лязг оружия...

Когда сыновья барона Дисса отперли дверь и осветили факелами огромное мрачное помещение, то увидели, что старинный щит Редборна разбит на куски, а все оружие в беспорядке разбросано по полу... Это душа барона Дисса не могла успокоиться, она взывала к мести, и здесь же, над обломками старинного щита, баронесса и ее семеро сыновей поклялись отомстить!

Гость, стоявший в дверях за их спинами, спросил: за что и кому? Ответом ему было молчание. Никто больше не проронил ни слова. Все разошлись по спальням, гостя тоже проводили в одну из комнат для гостей.

Слуги, все еще прислушиваясь к каждому шороху, попрятались и затихли, как испуганные мыши. Вскоре

в замке наступила тишина, пугающая, тревожная тишина...

Баронесса Энора, сразу как легла, забылась тяжелым сном, но глубокой ночью вдруг проснулась, словно ее разбудили. Она быстро встала, оделась и, взяв в руки небольшой факел, выскользнула из опочивальни. Минув пустые темные комнаты, сворачивая в узкие коридоры, она уверенно шла в западное крыло замка. Обычно там никто не жил, лишь когда во время охоты наезжал из Мэноры сам герцог со свитой, их размещали в этих парадных комнатах. Баронесса все шла и шла, словно повинуюсь настойчивому зову, и свет от ее факела зловеще играл на темных сводах пустых галерей.

В одном из коридоров она подошла к небольшой приоткрытой дверце. За ней начиналась крутая лестница, ведущая к старым винным погребам, которыми уже по меньшей мере сотню лет не пользовались. Обычно эта дверца была заперта, но сейчас она открылась, даже не скрипнув. Словно бы ничуть этому не удивившись, баронесса стала уверенно спускаться, придерживаясь рукой за полусгнившие перила. И вдруг внизу мелькнул неясный отблеск... Несколько людей с факелами стояли молча, словно поджидая ее. Она вышла на широкую площадку и оказалась рядом со своими сыновьями. Немного в стороне стоял их вечерний гость, а за его спиной темными изваяниями замерли слуги.

Не терпящим возражений голосом, как будто он был здесь полновластным хозяином, незнакомец велел оттащить в сторону тяжелую плиту, закрывавшую вход в подвал. Юноши с застывшими, как маски, лицами, беспрекословно ему повиновались. После этого он велел им спуститься вниз. Не глядя на мать, по узкой сырой лестнице они сошли в подземелье и укрепили факелы в старинных держателях. По источенным влагой стенам сочилась вода, пахло плесенью и гнилью. Но никто не спрашивал, зачем они здесь и почему незнакомец отдает им приказания, как простым слу-

гам... Баронесса так же безмолвно спустилась вслед за ними и замерла у самой стены.

Рядом, подобно сырой пещере, зияла одна из глубоких ниш, в которых раньше были заделаны огромные винные бочки. Повинуясь взгляду незнакомца, слуги быстро вбили в стену ниши стальные крючья с цепями и подвели к ним безмолвную баронессу. Несколько мгновений спустя она была прочно прикована к стене, а ее сыновья стояли рядом, безучастно глядя на мать.

Незнакомец, подойдя поближе, заглянул ей в глаза, зловеще расхохотался и, вынув из кармана кусок серебристой ткани, обтер им лицо. Когда он опустил руку — перед баронессой стоял, хищно оскалившись, торжествующий Ферндин, убийца ее мужа! Тут Энора очнулась и дико закричала, забилась, пытаясь вырваться, но стальные цепи крепко держали ее руки, не давая и на шаг отступить от мокрой стены...

— Ну, так кому ты собираешься мстить, старая ведьма?! Начиная, вот он я, перед тобой! Или ждешь, что твои сыновья, верные клятве — ха-ха, клятве! — придут на помощь?! — Его глаза сверкали в полумраке, губы вздрагивали в хищной ухмылке, рука наполовину вытащила из ножен тяжелый меч. — А теперь смотри, безутешная вдова, как исчезнет с лица земли семейство старого Дисса! Кричи, завывай, бейся — мне это доставит удовольствие! Ну, старший, иди ко мне! Медленно, не спеша, ближе, ближе! Вот! Получай! — И меч вонзился в грудь Дигриса, старшего сына барона...

Ферндин отбросил тело ударом ноги и снова позвал:

— А теперь ты, Эринг, любимец старого Дисса, настала твоя очередь умереть!

Юноша отделился от безмолвных братьев. Он равнодушно и безучастно шел навстречу смерти, глядя потухшим взором в пылающие безумной радостью глаза Ферндина. Его мать, Энора, рвалась на цепях, ее крики сотрясали подвалы, эхом отзываясь в темных закоулках. Казалось, воеет раненая волчица, ибо ничего человеческого уже не было в этом диком вопле...

Груда тел на полу перед ней росла, вот и Гирей, предпоследний сын, сделал шаг в сторону Ферндина, подставив грудь мечу, как ягненок, не ведающий опасности... Остался лишь Ойрис, младший сын, почти мальчик, любимец матери. Баронесса с пеной и кровью на искусанных губах хрипло кричала:

— Не ходи! Остановись, мальчик мой! Дети мои! Дети... О Митра, отомсти за нас!

Ее последние слова заглушил злобный хохот Ферндина, вытиравшего меч.

— Зови, зови мстителя, глядишь, он и придет! Придет, когда солнечный луч осветит эти подвалы! Но уж ты-то больше не увидишь света! Повой еще немного в темноте, а потом отправишься вслед за отпрысками...

Он взмахнул рукой, и перед ним невеста откуда взялась большая груда светлых отесанных камней. Слуги быстро стали закладывать нишу, и вскоре слабые стоны и проклятия обессилевшей женщины уже не были слышны, лишь журчание сочившейся по стенам воды нарушало мертвую тишину подземелья...

Ферндин пнул носком сапога голову старшего сына и сказал:

— Я вернусь сюда через год уже хозяином поместья, а пока голодные крысы позаботятся о достойном погребении, о благородные сыновья старого Дисса!

Не оглядываясь, он поднялся наверх, слуги задвинули на место тяжелый камень, и наутро Ферндина и его людей уже не было в Редборне...

Днем в замке поднялся переполох, никто не мог понять, куда исчезла семья барона и их таинственный гость. Никто ничего не видел и не слышал. Только я... И вы — первые, кому я это рассказываю...

Мергит встала, накинула на плечи плащ и, глядя на Конана бесконечно усталыми глазами, чуть слышно сказала:

— Пора в путь, киммериец! Солнце уже высоко, и лошади хорошо отдохнули...

Глава шестнадцатая

Густой сумрак окутал лес, когда дорога наконец, круто повернув, вывела путников сначала в мелкий подлесок, а потом — на широкую равнину, полого уходящую вниз, к узкой, заросшей ивняком и камышами речушке.

За речкой на холме черной громадой возвышался замок Редборн. Конан даже присвистнул, рассмотрев на фоне закатного неба его грозные очертания. Эту крепость голыми руками не возьмешь, и, даже будь здесь добрая сотня хорошо вооруженных воинов, защитники замка могли бы не беспокоиться о своей безопасности — таким неприступным стенам ни почем любая осада, и лишь голод, самый безжалостный противник, мог бы выкурить тех, кто укрылся внутри цитадели.

Дорога, едва белея в сгущавшихся сумерках, вела не к замку, а к небольшой деревеньке, смутно темневшей невдалеке. Окруженная частоколом, она казалась вымершей, но Конан и Бэрри прекрасно знали, что, как только заалееет небо на востоке и заорут первые петухи, проснется и жизнь в этом маленьком мирке, отгородившемся заостренными кольями от дикого леса.

Ворота были уже заперты, но Мергит указала рукой на едва заметную тропку, огибавшую частокол. Вскоре вороной остановился перед густыми зарослями ольшаника, в которых терялась узкая тропа. Легко соскочив с коня, старуха уверенно раздвинула кусты и, махнув

Конану рукой, скрылась в зарослях. Вороной, осторожно переступая, медленно двинулся за ней.

Отводя от лица упругие ветки, Конан подъехал почти вплотную к частоколу. Мергит что-то нащупала в темноте, и часть ограды тихо распахнулась, пропуская их вовнутрь. Бэрри, поспешая сзади, одобрительно пробормотал: «Ну и бестия эта старуха, клянусь Митрой!»

Тем временем Мергит, неслышно двигаясь по едва заметной тропинке, вывела их к небольшому темному дому. Его дверь подпирала толстая жердь, а все окна были наглухо закрыты толстыми ставнями.

— Ну, вот и пришли, — негромко сказала старуха, засовывая жердину под ветхое крыльцо. — Отведите лошадей в сарай, он за домом, около кустов, видите? Там есть и вода, и сено. Сами возвращайтесь в дом, только тихо.

Она исчезла за дверью, а Конан и Бэрри пошли к добротному сараю, видневшемуся невдалеке.

— Ого-го, да тут еще для пары лошадей местечко найдется! — Бэрри разнуздал свою Зольду и, подбросив ей охапку душистого сена, встал в дверях, поджидая Конана. — Хоть эта Мергит немного не в своем уме, нам, похоже, повезло, что мы ее встретили. А уж как я поначалу испугался ее псов, и сказать даже не могу! Ну и твари! Не хотел бы я перебежать им дорожку. Ну что, пошли?

Конан вышел из сарая и неслышно притворил тяжелую створку дверей. Бэрри, прижимая к груди последнюю флягу, шел к дому, горестно бормоча:

— Эх, Кларс, старина, что же ты не положил одним мешочком больше! А то вина — сколько хочешь, зато припасы кончились...

Все еще вздыхая, он отворил низкую дверь и вошел в дом.

Огонь уже пылал в закопченном очаге, и Мергит стояла возле него на коленях, грея озябшие руки. Бэрри бросил на стол полную флягу и огляделся: пустые стены, над очагом — полка с простой посудой, грубый дере-

ванный стол, низкая лежанка, покрытая пестрым одеялом, пара лавок возле стола — и все. Напротив очага темнела пристройка, где когда-то держали зимой скот. Теперь там, так же как в сарае, соблазнительной кучей лежало пыльное сено. Нет, определенно, это было не худшее место для ночлега, жаль только, что придется ложиться натошак... Вдруг за его спиной Конан громко воскликнул:

— Клянусь Кромом, такого я еще не видал! Смотри, Рыжий, что притащили эти собаки! Да, Мергит, с такими детками не пропадешь, они и себя, и тебя прокормят.

Бёрри выглянул из-за широкой спины киммерийца и вытаращил глаза: все семь псов уже успели неслышно войти в дом и лечь у порога; к ногам старухи они положили тушки двух зайцев и молодого кабанчика.

Подняв глаза, хозяйка улыбнулась.

— Только этим и живу! Ну, детки, спасибо, теперь у нас будет славный ужин.

Бёрри, осмелев, выступил вперед, с воодушевлением поглядывая на дичь.

— Если вы хотите попробовать жаркое, достойное самого короля, то позвольте мне, старому бродяге, приготовить ужин!

— Ну как, Мергит, подпустишь этого болтуна к своему очагу? — хмыкнул варвар. — Правда, я ему не очень-то доверяю, но, надеюсь, он не накормит нас углями.

Мергит встала, сняла с полки кувшин, два больших блюда и вытащила пару почерневших вертелов.

— Давай, Рыжий, покажи свое искусство, — сказала она. — Когда-то давно я слышала, как ты поешь, а теперь вот, глядишь, доведется попробовать твое жаркое. Я уверена, что все будет так, как ты сказал: ужин, достойный самого короля!

— Ну, Конан, садись в сторонку и не мешай. Смотри и восхищайся, как Рыжий Бёрри станет готовить дичь!

Без умолку болтая, он ловко освежевал и выпотрошил зайцев и поросенка, порылся в маленьком кожаном мешочке, что всегда болтался у него на поясе, и бережно извлек какие-то приправы.

— Я и из болотных лягушек тебе приготовлю такое блюдо, что ты потом ничего другого есть не захочешь! Ну вот, теперь, когда тушки насажены на вертел, самое главное — поддерживать огонь!

Бёрри разгреб почти прогоревшие поленья, положил сверху несколько новых и, неотрывно глядя на вспыхнувший огонь, стал медленно поворачивать тушки. Вскоре аромат жареного мяса разлился по всей комнате, и даже собаки стали жадно принюхиваться, изредка облизываясь и роняя слюну.

— Вот и румяная корочка, самое лучшее, что может быть на свете! Так, теперь огонь надо немного усмирить. — И Бёрри как-то по-другому передвинул поленья изогнутым железным прутом. — Осталось подождать совсем немного, и можно будет есть. На твоём месте, Конан, я давно перелил бы вино в этот кувшин. Сегодня твоя очередь быть кравчим!

Конан усмехнулся и взялся за флягу. Вино ароматной струей полилось в глиняный кувшин, а старуха извлекла откуда-то три огромные кружки.

— Я думаю, это будет лучше ваших дорожных кубков?

— Ну, мать, угодила! Смотри-ка, он уже тащит зайцев, подставляй скорее блюдо.

Бёрри кинжалом спихнул жаркое с первого вертела и вернулся к очагу за поросенком. Стол с двумя блюдами, полным кувшином и большими кружками так и манил подсесть поближе, огонь в очаге мирно потрескивал, у дверей тихо лежали собаки. Конан извлек из ножен кинжал и приготовился вонзить его в румяный пороссячий бок.

— Скажи, киммериец, не тебя ли на Священном Турнире сразил Ферндин подлым ударом? Не твою ли награду получил этот демон, гнусный слуга Черного Сета?!

Кинжал, едва вонзившись в сочное мясо, замер в руке Конана. Не находя слов, он впился гневным взглядом в лицо старухи. Но она, подперев руками голову, смотрела на него с таким материнским сочувствием, что он, неожиданно для себя, вдруг начал рассказывать ей все с самого начала. Напрасно Бёрри пинал приятеля под столом ногами и предостерегающе покашливал — Конан смотрел в понимающие глаза старой женщины и говорил, говорил...

И странное дело: слушая киммерийца с жадным вниманием, Мергит словно на глазах оживала. Снова, как днем, разгладились морщинистые щеки, кровь прилила к бледным губам, волосы, только что висевшие безжизненными прядями, легли на плечи красивой волной... Конану показалось, что и собаки, лежавшие возле дверей, вроде бы стали больше, их черные спины заблестели в ярком свете огня. Похоже, они, как и Мергит, жадно ловили каждое слово киммерийца, и время от времени шерсть грозно топорщилась на их загривках.

В конце концов Бёрри уgomонился и принялся за еду. Конан, сверкая глазами, осушил кружку и с силой полоснул кинжалом, отсекая румяную ножку поросенка.

— Ого-го, Бёрри, похоже, ты не только король певцов, но и повар королей! Закусить эту историю твоим жарким — лучшее, что можно придумать!

Мергит задумчиво отломила аппетитную заячью ножку и, попробовав, восхищенно покачала головой.

— Даже в баронском замке, на душистых вендийских поленьях, дичь жарили хуже, — заметила она, — а в простом очаге, на смолистых дровах, почти без всяких приправ сотворил настоящее чудо. Если ты когда-нибудь охрипнешь и не сможешь петь, то сможешь осчастливить любую харчевню своим поварским искусством!

Бёрри скромно потупился:

— Ну... Старый Лис иногда открывает свои секреты добрым друзьям. Плесни-ка мне винца, друг Конан,

а заодно и другие кружки не забудь, пора бы и выпить, не все же языками чесать...

Бросив собакам кость, Мергит сцепила пальцы, так что костяшки побелели, и, глядя куда-то прямо перед собой, словно разговаривая с кем-то невидимым, забормотала:

— Я знала, я чувствовала, что он придет, и вот он пришел... Теперь мы не одиноки, слышишь, не одиноки... И сможем ему помочь. — Она обратила к Конану лицо с безумно горящими глазами. — Вымани Ферндина из замка в поле, и тогда я помогу тебе! Не думай, что я стара и слаба. Моя ненависть не уступает твоей, и жажда мести испепеляет мне сердце!

Киммериец, нахмурившись и невольно сжав рукоять меча, смотрел в ее пылающие глаза. Она обещала помощь, и Конан был уверен, что помощь придет. Сейчас он был готов принять в союзники любого демона, лишь бы отомстить... Старуха, словно прочитав его мысли, обнажила в хищной улыбке ровные зубы.

— Вижу, ты меня понял! Утром задворками проберись к третьему дому отсюда, там живет Алыграс, к его слову прислушиваются жители всех деревень в окрестностях замка. Дом с высокой трубой и большим каменным амбаром, понял? Обо мне ничего не говори, как будто и не видел, и про деток моих помалкивай... так будет лучше, да, так будет лучше!

Она перевела взгляд на Бёрри, который, со страхом глядя на ее раздумавшееся и помолодевшее лицо, что-то беззвучно шептал и делал под столом руками странные знаки, словно отгоняя нечисть.

— Не трясись, Рыжий, а наполни-ка мою кружку! Я еще не все сказала. Ферндина и его свору надо выманить как можно дальше от замка, тогда я смогу вам помочь. Как можно дальше, чтобы он не смог вернуться под защиту стен, иначе все пойдет прахом! Ты понял меня, киммериец?

Ее лицо исказила гримаса ненависти; собаки возле дверей вскочили, рыча и скаля зубы, словно готовые тут же броситься на невидимого врага.

— Похоже, Мергит, нам повезло, что мы встретились с тобой и твоими детками, — ухмыльнулся варвар. — Я принимаю помощь и сделаю, как ты говоришь. Наверное, лучше всего выманить Ферндина поближе к деревне, на широкое поле, что возле реки?

— Ого, да ты, я вижу, хорошо осмотрелся в сумерках. Ты прав, с поля возле реки он уже не успеет вернуться в замок... Ладно, ложитесь спать, а то Рыжий уже щелкает зубами со страху! Не бойся, мы — союзники, а не враги.

Она с улыбкой допила вино и, поднявшись со скамьи, подошла к лежанке. Псы снова улеглись у дверей и замерли, свернувшись черными клубками.

Бёрри потряс головой, как бы отгоняя наваждение, жадно осушил кружку и, пошатываясь, побрел на нетвердых ногах к куче сена. Конан еще немного посидел, задумчиво глядя на мерцающие угли в очаге, и отправился вслед за приятелем. Расстелив плащ, улегся на мягкое сено, пытаясь понять что-то, ускользающее от сознания, и незаметно уснул, разморенный теплом и душистым запахом трав.

...Пронзительный вопль, проникший снаружи и разорвавший сонную тишину лачуги, мгновенно разбудил киммерийца. Сразу же вспомнив все, что было вчера, Конан вскочил и, обнажив меч, бесшумно метнулся к слегка приоткрытой двери. Краем глаза он увидел, что ни Мергит, ни ее псов в комнате уже нет.

С улицы доносился топот копыт, хохот и брань всадников, гневные выкрики мужчин и причитания женщин. В узкую щель, кроме кустов и бурьяна, ничего не было видно, но Конан и без того прекрасно понимал, что происходит. Испуганное блеяние овец, отчаянное квохтанье кур, визг женщин — все говорило о том, что отряд вооруженных всадников грабит деревню. Звон оружия и громкие голоса слышались совсем рядом:

— Эй, смотри, она запирает хле! Видел, какие у нее жирные овцы? А ну скидывай засов, старая карга, а то хуже будет!

Затрещали сорванные с петель ворота, и всадники ворвались на соседний двор. Конан почувствовал, как в затылок ему возбужденно сопит Бёрри, тоже пытавшийся выглянуть наружу. Киммериец обернулся и прошептал:

— Я сейчас гляну, сколько их там, а ты запришь и не высовывайся. Когда три раза тихонько стукну — откроешь. Понял?

Пригнувшись, он выскользнул за порог и тут же беззвучно исчез в густых зарослях.

Сидя около закрытой двери в почти полной темноте, Бёрри с содроганием прислушивался к тому, что творилось поблизости.

— Ах ты, сука, кусаться?! — доносилось снаружи. — Ну, так вот тебе, получай! — Свист меча и короткий вскрик внезапно заглушил бешеный рев:

— У-у-убью, нергалье семя! Получай, получай!

Заржал и тяжело рухнул раненый конь, а мощные удары так и сыпались: кто-то добивал поверженного врага. Бёрри вслушивался, стараясь распознать голос, но тот явно принадлежал не киммерийцу. Очевидно, хозяин дома устремился на защиту своей семьи.

Нападавшие, как видно, опомнились и с криком налетели на неожиданного противника — через мгновение все было кончено. Всадники о чем-то громко спорили; вдруг раздался отчаянный визг и девичий умоляющий голос:

— Оставьте меня, пощадите! О Митра... Отец! Вы убили его! Матущка! Что вы с ней сделали! Отпустите, отпустите меня... А-а-а!

— Давай плащ, замотаем ей голову, чтобы не орала, — разобрал Бёрри чей-то хриплый рык. — Ничего, она у меня попляшет, я на ней отыграюсь за Силкера, еще будет умолять, чтобы ее отправили следом за ними на Серые Равнины! Поехали, господин ждет. Эх, жаль Силкера — с этим народом нужно смотреть в оба... Вперед! — И отряд, выехав со двора, помчался по деревне, провожаемый яростным лаем собак.

Постепенно все смолкло, деревня как будто вымерла. Бёрри, сидя в потемках и пытаясь хоть что-нибудь высмотреть в узкую щель рассохшегося ставня, все время прислушивался: не раздастся ли наконец шорох шагов и негромкий стук в дверь. Но кругом было тихо, только шелестели на улице листья под порывами теплого ветра да возились в сене неугомонные мыши.

Бёрри в конце концов надоело сидеть в потемках и ждать — его натура не выносила подобного бездействия. Он осторожно стал обшаривать полку над очагом. Чутье, как всегда, его не обмануло: за щербатой миской рука натолкнулась на ручку светильника. Не надеясь, что в нем осталась хоть капля масла, певец все же осторожно вытащил его и поставил на стол. «На худой конец, зажгу лучину, все лучше, чем сидеть в потемках», — подумал он, доставая трут и кремь. Слабый огонек заплясал в его руках, осветив старую погнутую лампу, до половины наполненную маслом, и плавающий в нем фитиль.

— Ну, Бёрри, боги любят тебя! Всегда бы все так легко удавалось. — Он зажег светильник и стал оглядываться в надежде отыскать что-нибудь, позволившее бы скоротать время. Долго искать не пришлось — остатки дичи и далеко не пустая фляга просто сами просились в руки, и, еще раз порадовавшись своему везению, Рыжий уселся за стол. Но не успел он поднести ко рту аппетитно пахнувший кусок мяса, как раздалась три едва слышных удара в дверь.

— Ты, как всегда, вовремя, — шепнул певец Конану, тихо проскользнувшему в лачугу. — Смотри-ка, что я нашел! Незачем разводить огонь в очаге и дымить на всю улицу — пусть думают, что здесь никого нет... Садись, подкрепись и рассказывай.

— Ешь, Рыжий, я после. Этот негодяй со своими слугами, похоже, решил начисто опустошить деревню. Потом, наверное, примется за соседние... Вся челядь, что была в замке, оказалась там в плену. А эти гаде-ныши, — он кивнул в сторону двери, — уже третий день

наезжают сюда и тащат, что под руку подвернется: кур, свиней, овец... Сегодня — может, слышал? — зарубили старуху и ее мужа, уволокли девчонку... На другом конце деревни тоже умыкнули девицу. — Конан пододвинул кувшин и наполнил кружку. — Я видел того, которого отец девчонки пристукнул дубиной. Похоже, молодец раньше промышлял разбоем, да и остальные, видать, из лихих людишек.

Задумавшись, киммериец жевал мясо, хмуро поглядывая на трепещущий огонек светильника.

— Слушай, а куда старуха-то подевалась? — нарушил молчание Бёрри. — И собаки ее жуткие? Честно говоря, без них как-то спокойней. Знаешь, Конан, смотрел я на нее, смотрел — и все никак не мог вспомнить... То вроде лицо такое знакомое, ну словно я с ней даже разговаривал когда-то, а то вдруг — суцая ведьма! Нет, никак не вспомню, кем она была в замке...

— Ладно, сиди тут и вспоминай, только флягу держи подальше, а я пойду наведаться к этому, как его... Альграсу, посмотрю, что он за птица. Если нужно, приведу его сюда. Смотри только не усни, а то придется дверь вышибать. — Конан легко поднялся и, дружески ткнув Бёрри в плечо, снова беззвучно выскользнул во двор.

Задвинув засов и потирая место, куда приложился могучий кулак киммерийца, Рыжий сел на лавку.

«Ишь ты, от фляги подальше держись, да еще и не спи, — невесело размышлял он. — А что прикажете делать доброму человеку в тишине да в потемках?! Ладно, придется потерпеть. Жаль, что и на эрте побренчать нельзя — сразу сунется кто-нибудь любопытный. Эх, Конан, Конан, я ведь тоже могу по кустам змеей лазать, и не хуже тебя, верзила ты киммерийская! Ну уж, раз увязался, надо слушаться. В конце концов, это его дело, а я, если что, со спины прикрою. Рыжий Бёрри тоже умеет меч в руках держать, не только флягу да эрту!»

Он еще долго слонялся из угла в угол, бормоча под нос и поглядывая на стол, где рядом с остатками дичи призывно поблескивала пузатая фляга. Когда наконец

послышался долгожданный стук, Бёрри кинулся к двери, как пылкий влюбленный, истомившийся в ожидании ненаглядной пассии.

Дверь открылась, и в лачугу, тускло освещенную убогим светильником, с опаской вошел крепкий седой мужчина. Ему явно было немало лет, но язык не повернулся бы назвать его стариком — могучие плечи, почти не уступавшие плечам киммерийца, огромные сильные руки, привычные к тяжелой работе, ноги, крепко и уверенно ступавшие по земле, — все говорило о том, что не всегда годы властны над человеком, а истинная сила не торопится поддаваться старости.

— Заходи, Альграс, посидим, поговорим... Это мой друг, Рыжий Бёрри, великий певец и музыкант, любитель королей и кухарок. И еще — лучший повар из всех, кого я знаю!

Альграс, все еще настороженно держа руку на поясе, поближе к кинжалу, внимательно посмотрел на Бёрри, и вдруг лицо его прояснилось.

— Да это же тот самый Рыжий Крикун, которого когда-то привозил в Редборн старый барон! Помню, помню, как он однажды ночью... Хо-хо-хо! — Он вдруг раскатисто расхохотался, припомнив какую-то давнюю историю. Бёрри недовольно нахмурился и проговорил:

— Зато я тебя что-то не помню. И вообще, я пел для знатных гостей, ну а по ночам... по ночам, как и полагается, спал. Если, конечно, не пил в хорошей компании!

— Вот то-то и оно, что в хорошей! — снова хохотнул Альграс. — Эх, киммериец, теперь я верю, что ты не лазутчик проклятого Фердина... Язык не повернется назвать его бароном Редборнским! Не был он бароном и никогда не будет! А что творит, негодяй, что творит! Своими бы руками шею ему свернул, подстерег бы, напал из засады — да он засел в замке, как барсук в норе, и только его слуги, отродье нергалье, шарят по деревне... Мало им скота, так теперь девушек хватают! Проклятие!

— Слушай, Альграс, ведь в замке, я помню, всегда было много живности — и овцы, и свиньи, и птица... Какие гуси, какие утки — пальчики оближешь! — Бёрри мечтательно прикрыл глаза, похлопывая ладонью по фляге. — Не говорю уже о лесной дичи...

— А ведь Рыжий прав: зачем грабить деревню, если в замке полно скота? — Конан присел рядом с Бёрри и пододвинул приятелю кувшин. — Перелей-ка вино, а то гладишь флягу, как грудь красотки!

Альграс грузно опустил голову и, упершись сильными руками в колени, сказал:

— Было и стадо, и птичники, все было, да теперь нет ничего... Как умер старый барон Дисс и баронесса Энора с сыновьями исчезли — Митра лишь ведает, что с ними случилось и где они сейчас! — так вот, с тех самых пор в замке стали твориться странные вещи...

Нахмурившись, он оглянулся по сторонам, словно опасаясь словами накликать беду, и шепотом стал рассказывать дальше:

— Как не стало в замке хозяев, так вскоре в окрестностях появилась стая черных волков. Эти волки каждую ночь пробирались в замок и резали скот. Уж где они находили лазейку — никому не ведомо, но каждое утро либо пару овец, либо свинью, либо десяток кур находили растерзанными посреди двора. Слуги так перетрусили, что по ночам боялись нос показать из своих комнат, задвигали двери сундуками, а волки хозяйничали во дворе...

— И что же, не нашлось смельчаков устроить на них облаву? Вы все здесь охотники, да взять хоть тебя, вон какой крепкий, небось, и на медведя хаживал. Вижу на твоих руках следы от медвежьих когтей. Ну а волки, да еще во дворе... Куда им деться, если десяток охотников выскочит из засады?

— Эх, киммериец, я же еще не все тебе рассказал! Молод ты и горяч, но и мы ведь тоже не дураки! Так и сделали однажды ночью: вооружились, наготовили факелы...

Бёрри, слушавший Альграса с жадным вниманием, неожиданно спросил:

— А собаки?! В замке было полно собак! Они что же, не лаяли, когда приближались эти... волки? — Он опасливо покосился на дверь, словно ожидая, что псы старой Мергит снова появятся на пороге.

— То-то и оно, что все собаки исчезли из замка, как только появились эти чудовища. И — ни звука, ни клочка шерсти, ни обглоданной кости... Исчезли — и все, как будто их и не было. А черные твари хозяйничали как хотели. Да, так мы устроили засаду и стали ждать. Как раз было полнолуние, каждый камешек во дворе видно, словно днем. Сидим, смотрим, и вдруг со стороны конюшен раздается вой — тонкий, жалобный, как плач ребенка... Из сада ему ответили другие голоса, и от главных ворот — тоже. Звуки приближались, и вот уже на середине двора замелькали черные тени. Вой прекратился, и волки, совсем так, как это сделали бы люди, прошмыгнули в тень, оставив одного зверюгу караулить. Волк сидел неподвижно посреди двора, я сам его видел — огромный черный зверь с чудовищной пастью! А в хлеву в это время блеяли испуганные овцы. Мы с криками выскочили из засады, пятеро бросились в хлев, а трое отрезали путь к отступлению... Я сам выстрелил в этого волка с пяти шагов, промахнуться было невозможно, но стрела прошла сквозь него, как сквозь дым костра! Это не волки, это оборотни, они погубили семью старого Дисса и разграбили его добро! Кто-то наслал на Редборн такую напасть, а теперь еще этот Ферндин... — Альграс в сердцах стукнул по столу пустой кружкой.

— И что же эти зверюги... или оборотни, так ушли тогда? — спросил Конан, пытаясь понять что-то, что никак не могло стать четкой мыслью.

— Огромный страж метнулся в птичник, оттуда не было другого выхода наружу, значит, он оказался в западне. Те охотники, которые вбежали в хлев и осветили каждый уголок, нашли лишь трех зарезанных

овец — и никого больше. Волки исчезли, словно сквозь землю провалились. И в птичнике тоже никого не оказалось... После этого уже не находилось охотников устраивать облавы.

— А что, на людей они тоже кидаются? — Бёрри все еще с опаской косился на дверь.

— Нет, вот чего не было, того не было. И скот деревенский ни разу не тронули, только уничтожили все стадо барона Дисса и исчезли. Давно их уже не видно в наших краях, но челядь в замке все равно по ночам крепко запирает все двери...

Альграс умолк, внимательно глядя на киммерийца. Бёрри поспешно наполнил кружки и, словно желая разогнать тяжелую тишину, повисшую в комнате, принялся легонько пощипывать струны невесты откуда взявшейся эрты. Негромкие звуки старинной баллады разгладили нахмуренный лоб их гостей. Альграс выпил вина и даже стал притопывать в такт ногой. Конан, не обращая на Бёрри внимания, неотрывно глядел куда-то в темный угол и что-то сосредоточенно обдумывал, постукивая по столу рукояткой кинжала.

— Сколько, говоришь, деревень вокруг Редборна? Три или четыре? — спросил он вдруг.

— Раньше было четыре, сейчас три осталось, — откликнулся Альграс. — Улир был слишком далеко отсюда, и лес там подступал вплотную. Кабаны топтали посевы, а волки травили скот... Да и медведи, бывало, к домам выходили. Барон Дисс приказал жителям перебраться поближе к замку, и теперь осталось только три поселения: Одлер, Хланк и наша деревня, Бента. Ты что-то задумал, киммериец?

— Конечно, задумал, а иначе зачем бы к тебе обращался? Ведь тебя, если я правильно понял, здесь все уважают и к словам твоим прислушиваются.

— Да, друг, я немало пожил, и у меня часто спрашивают совета... Сам барон Дисс говаривал, что если кто и может примирить разошедшихся мужиков, так только Альграс!

Он горделиво подкрутил усы и насмешливо глянул на Конана. Бёрри, не пропуская ни слова, с деланной задумчивостью сидел в сторонке, по-прежнему перебирая струны.

— Ну, значит, я тоже кое-что смыслю, раз привел тебя сюда. — Конан широко улыбнулся, сверкнув голубыми глазами. Альграс вдруг спросил:

— Похоже, у тебя с Фердином свои счеты, а, ким-мериец? Иначе зачем бы тебе прятаться в хибаре старого Юриса? Смотри-ка, в доме уже больше года никто не живет, а все чисто и прибрано...

Бёрри невольно вздрогнул, а Конан махнул рукой в его сторону:

— Рыжий не терпит беспорядка, всю ночь трудился, мусор выносил. Ты прав, друг, я должен убить Фердина, только я, и никто другой! Для этого мне и требуется твоя помощь. Слушай, что я придумал...

Они склонились над столом, то шепотом, то во весь голос обсуждая, как выманить из замка Фердина и его слуг, а эрта, послушная гибким пальцам Рыжего Бёрри, нежно и настойчиво пела о подвигах давних времен...

Глава семнадцатая

Притихший и мрачный, целый год простоявший без хозяев, замок Редборн снова ожил — но как не похожа была эта жизнь на прежнюю! Испуганные слуги, дрожа, бестолково сновали по коридорам и переходам, словно в любой момент ожидали внезапной кары. Даже волки, так долго наводившие страх на челядь и окрестные деревни, были забыты, когда прибыл новый хозяин Редборна.

Опять, как и раньше, по вечерам становилось шумно в огромном пиршественном зале, способном вместить добрую сотню гостей, но крики и вопли пьяных друзей барона Фердина нисколько не напоминали широкого веселья, царившего на пирах, что устраивал здесь старый барон Дисс.

Фердин притащил с собой из Мэноры целую ораву обедневшей знати и рыцарей, которые, радуясь случаю широко пожить, не обременяя свои тощие кошельки, превозносили новоиспеченного барона как только могли. И Фердин, прекрасно зная, что это ложь, все равно жаждал выслушивать льстивые похвалы снова и снова, упиваясь ими, как зеленый юнец.

Вся эта свора гостей, всегда готовая петь хвалу славному барону Фердину, попирав за щедрыми, ломящимися от яств столами, запив свои слова добрым вином из богатых погребов замка, могла, хорошо прикормленная, в будущем составить немалую силу в борьбе

с герцогом. На это он и рассчитывал, зазывая их в Редборн, но проклятый случай опять сыграл с ним скверную шутку... От богатейшего имения, которое он оставил год назад, остались лишь мощный каменный замок, по-прежнему роскошно обставленный, драгоценная утварь и огромные винные погреба. Ни стад, ни птичников, ни припасов — ничего не нашел новый хозяин, вступив во владение... Было от чего прийти в ярость!

И это невозможно было скрыть от гостей, которые, завистливыми глазами обшаривая каждую щель, каждый угол, видели все: пустые хлева, птичники и амбары... Разве что конюшня могла похвастаться несколькими клячами, едва способными переставлять ноги, но это было и все...

В первый же вечер, приказав запереть ворота, отправив гостей в их комнаты и как следует осмотревшись, Фердин в бешенстве согнал всю челядь в небольшой зал рядом с трапезной и, велел стражникам встать вокруг перепуганных слуг, выместил на них весь свой гнев. Ползая на коленях вокруг нового хозяина, размазывая кровь из разбитых губ и носов, слуги пытались рассказать о волках, наводивших ужас на всю округу. Но это не произвело на Фердина большого впечатления, он приказал выпороть всех, кроме двух хороших служанок, и, немного успокоившись, послал в деревню своих верных стражников.

И вот теперь, пируя и слушая лстивые речи, он каждый вечер думал, что две луны в Редборне ему не продержаться. Ну, да ладно, герцог тоже не выдержит без него так долго, малышка не даст ему спокойно спать по ночам! Фердин в конце концов убедил себя, что все складывается к лучшему, и решил как следует встряхнуть свои деревни — пусть почувствуют хозяйскую руку, а то, небось, разжирели у старого Дисса!

— Эй, кто там спит?! Почему кубки пусты? — голос барона Фердина гулко прокатился под сводами старинного зала.

Слуги бегали от одного гостя к другому, проворно наполняя кубки, пустевшие в считанные мгновения. Длинный стол, во главе которого в высоком старинном кресле баронов Редборнских важно восседал Фердин, ломился от всевозможных яств, и гости, отдавая им должное, не скупились на похвалы:

— Я еще не встречал такого радушного хозяина, как барон Фердин! Поднимаю этот кубок за то... за то... чтобы ему всегда сопутствовали удача и покровительство Митры, как на Турнире! Кто как, а я ему — самый верный друг! — И тощий рыцарь, чьим достоянием был полуразрушенный отцовский дом в окрестностях Мэноры да пара слуг — единственная роскошь, которую он мог себе позволить, торжественно осушил свой кубок. Ответом ему были одобрительные возгласы:

— Мы все его преданные друзья! Нам бы такого господина! Это не герцог Оргельд, это — настоящий воин!

С наслаждением уже в который раз слушая эти выкрики, Фердин грустно покачал головой и сказал:

— Нет, друзья, нам надо поднять кубки за нашего господина, славного герцога Оргельда! Он всем хорош — и щедр, и справедлив, но ему нужна твердая рука... Барон Дисс был неплох, но его нет, и кто может заменить старика?! А без доброго совета наш славный герцог не сможет управлять своими владениями... Так я хочу выпить за герцога и за то, чтобы Митра не оставил Бергхейм своей милостью и дал нашему правителю мудрого советника!

— Барона Фердина! Барона Фердина Редборнского! Лишь он достоин этой чести!

Заплетающиеся языки с трудом выкрикивали слова лести, из ослабевших рук вываливались полуобглоданные кости, глаза осоловели моргали.

— М-м-музыка! Где у барона Ф-фердина м-музыка?! Вчера не было музыки, что, и сегодня н-не будет?! А где красивые девочки?! У барона Р-р-редборнского всего должно быть вдоволь — и вина, и музыки, и д-д-девочек... женщин...

Сидевший справа от Ферндина толстяк, тот самый, который на Турнире расплатился собственной задницей за жажду славы и наград, смотрел на хозяина масляными глазами и тоже бормотал:

— Д-да... Без музыки нельзя... Даже в харчевнях бывает музыка... И д-девчонки! И в Ред... Ред... борне тоже должны быть!

— Ну, откуда у старого Дисса быть музыкантам?! — Ферндин пронзительным взглядом желтых глаз оглядел хмельных гостей, но его лицо и улыбка выражали простодушное удивление. — Я думаю, здесь, в глуши, и звон наших кубков сойдет за музыку! А, впрочем, можно попробовать! Эй, Эгист! — Он грозно сверкнул глазами в сторону распорядителя. — Я, кажется, видел вчера на хорах арфы и флейты, быстро найди, кто из слуг хоть как-то умеет играть! Иначе... Он наклонился в сторону оцепеневшего от ужаса слуги и прищурился. — Иначе я велю сбросить с башни в ров сначала твою голову, а потом все остальное! Подойди поближе, я скажу тебе еще кое-что... Двух служанок и этих девчонок из деревни тоже приведешь сюда, но сначала... — И он что-то прошептал в самое ухо дрожащего Эгиста.

Тот кивнул и, согнувшись в поклоне, бросился к боковой двери. Поддерживая готовое угаснуть веселье, барон Ферндин, едва прикасаясь губами к вину, рассыпался в похвалах и благодарностях гостям, ошачливившим Редборнский замок своим присутствием. Зорким глазом оглядывая стол, он вовремя брошенной шуткой или покровительственным замечанием успевал погасить то и дело вспыхивающие огоньки пьяных ссор.

«Да, я мог бы держать в руках не только Бергхейм, но и все королевство!» — самодовольно подумал Ферндин, чувствуя себя могучим владыкой, восседая во главе этого пиршественного стола, оглядывая стены, украшенные затейливой резьбой и шпалерами, изображавшими сцены охоты знатных рыцарей на медведей, вепрей и оленей. Кто-то робкими шагами подошел к нему сбоку, и, не

поворачивая головы, барон Ферндин услышал тихий дрожащий голос вернувшегося слуги:

— Мой господин, я нашел двоих, но они едва умеют перебирать струны... А девушки готовы, они ждут за дверью!

— Ладно, зови сюда твоих музыкантов, а сам будь поблизости, вдруг гости захотят еще чего-нибудь!

Из боковой двери, со страхом глядя на нового хозяина, вышли двое молодых слуг с позолоченными арфами. Гости встретили их появление радостными криками:

— Ну вот, наконец-то! Эй, кто там, еще вина! Живо!

Ферндин, беззвучно шевеля губами, поочередно взглянул в глаза юношей, трясущимися руками сжимавших арфы, и отвернулся, потеряв к ним всякий интерес. Но музыкантов в тот же миг словно подменили: их лица застыли, будто вырезанные из дерева улыбающиеся маски, и пальцы проворно забегали по струнам, убажывая гостей старинными застольными песнями.

Звон кубков, хохот и недвусмысленные выкрики показывали, что гостям не терпится получить еще кое-что помимо угощения и музыки. И хозяин, встав с высокого кресла, многозначительно улыбнулся, трижды хлопнув в ладоши. Тотчас широкая парадная дверь, охраняемая двумя неподвижными стражниками, распахнулась, и на середину зала выбежали слуги, неся огромный, скатанный в трубку ковер. В считанные мгновения они раскатали его на каменном полу и, без остановки кланяясь притихшим гостям, попятились к выходу.

Музыканты внезапно умолкли, и стало совсем тихо. Гости, замерев с недопитыми кубками и недожеванными кусками, уставились на распахнутую дверь, ожидая нового развлечения.

В зал вошли, гремя оружием, несколько дюжих стражников. Они расступились, и перед гостями оказались четыре юные девушки, в испуге жавшиеся друг к другу. Но, повинувшись едва заметному движению паль-

цев и пристальному взгляду хозяина, они вдруг затрепетали, словно пронзенные невидимой молнией, и легкими шагами, соблазнительно покачивая бедрами, двинулись к ковру.

Все было сделано так, как приказал Фердин: вместо обычных платьев девушек облачили в свободные ниспадающие одеяния из полотнищ тонкого шелка, схваченных на талии витыми серебристыми шнурами; распущенные волосы густыми волнами падали на плечи, спускаясь до пояса. Их лица, так же как лица безучастно стоявших в стороне музыкантов, превратились в неподвижно улыбающиеся маски. Маленькие босые ноги сделали последний шаг — и четыре стройные фигурки замерли на углах огромного пестрого ковра, вскинув над головой тонкие руки.

Фердин слегка повернул голову в сторону музыкантов, и они, повинувшись тяжелому взгляду, вдруг заиграли какую-то незнакомую мелодию. Гости, услышав ее первые звуки, разочарованно зашумели, стуча по столу пустыми кубками и недовольно топая ногами. Но снова и снова повторявшиеся звуки обволакивали, успокаивая, и жадные глаза подвыпивших мужчин уже не видели ничего, кроме полуобнаженных женских фигур, стоявших на ковре.

Музыка заиграла быстрее, и рука барона Фердина, до сих пор неподвижно лежавшая на столе, вздрогнула и шевельнулась. Девушки, послушные этому легкому движению, покачивая бедрами в такт музыке, медленно начали танцевать причудливый танец. Пальцы их господина, сверкая зелеными и синими камнями массивных колец, двигались по столу, как бы переставляя невидимые фигурки, и четыре юные танцовщицы то сходились, то расходились, кружась и изгибаясь, соблазнительными движениями своих тел доводя гостей до неистовства.

— Ну и ну! Откуда здесь, в глуши, взялись такие штучки? Я бывал и на королевских пирах, но таких танцовщиц видеть не доводилось! Ай да барон Фердин,

три дня прятал своих красоток, а теперь пришлось таки показать! — шептал пронырливый граф Воллер, возбужденно елозя протертыми рукавами камзола по залитому вином столу, его сосед, почти не слушая, впился жадными глазами в одну из девушек и попытался дрожащей рукой нащупать стоявший рядом кубок, наконец наткнулся на него и осушил одним глотком, а потом перевел дух и прохрипел:

— Ты, болтун, запомни: вон та, рыжая, в зеленом — моя! И если кто к ней сунется — убью, понял?!

— Да ладно, ладно, Гертран, я приглядел блондинку, смотри, какая грудь мелькает, когда она наклоняется! Клянусь всеми демонами, что бушуют сейчас в моей крови, еще немного, и я... и я... — Он тоже поспешил опорожнить свой кубок и, не отрывая глаз от танцовщиц, крикнул: — Эй, вина, и поскорей! И все же откуда здесь такие плясуньи?! И музыканты играют что-то совсем незнакомое... От этой музыки я захмелел больше, чем от вина... Ах ты, разрази меня Нергал, смотри, что делают! Нет, я больше не выдержу! — Он с грохотом поставил кубок на стол и невольно привстал с кресла.

Остальные рыцари, забыв про вино и угощение, тоже не могли спокойно усидеть на месте: диковинный танец разжигал страсть и туманил головы, и вскоре уже все гости топали ногами и рычали от вожделения.

Музыка играла все быстрее, девушки кружились и извивались, как четыре разноцветные змейки. Легкие ткани, не поспевая за стремительными движениями танцовщиц, то и дело обнажали стройные ноги и высокие вздрагивающие груди...

Вдруг одна из девушек, черноволосая красавица, дернула за серебристый шнурок, поддерживавший ее одеяние, и, развязав, резким движением отбросила в сторону. Три девушки продолжали кружиться у нее за спиной, а она, остановившись, повела плечами, и алый шелк легким облачком упал к стройным ногам — замерев, черноволосая стояла, глядя невидящими глазами

в сторону Фердинанда, а гости невольно смолкли, любуясь обнаженным смуглым телом.

Но тут раздался грохот падающего кресла, и один из гостей швырнул на пол недопитый кубок, рыча и скалясь, как обезумевший от страсти зверь, кинулся к ней, расшвыривая менее проворных соперников.

Девушка сделала шаг навстречу, сойдя с ковра на каменный пол, и он, жадно схватив в охапку ее безвольное тело, прижал к себе драгоценную добычу и бросился к растворенным дверям. Стражники проводили его злобными завистливыми взглядами, сжимая алебарды в потных руках.

Умолкнувшие на мгновение музыканты снова заиграли свою мелодию: сначала медленно, потом быстрее, быстрее... Девушки опять закружились, и вот еще одна вышла вперед, развязывая серебряный пояс. Рыжие волосы, растрепавшись, облаком окутывали белоснежные плечи. Не успела она повести плечами, сбрасывая зеленый шелк, как раздался дикий вопль Гертранны, отшвырнувшего кресло и выхватившего кинжал:

— Моя! Не подходи, убью любого! Ты, сопляк, куда лезешь?! — Он хватил по уху молодого рыцаря, рванувшегося было к коврам, и, угрожающе размахивая кинжалом, выскочил на середину зала.

Фердинанд молча смотрел на беснующихся гостей, и губы его кривила презрительная ухмылка, он чуть заметно шевельнул пальцем, музыка снова умолкла, и девушка послушно шагнула навстречу Гертранны. Тот отбросил кинжал, ненужной железкой звякнувший о темные камни пола, жадно провел дрожащими руками по плечам и груди неподвижной танцовщицы и с криком: «Моя!» — подхватил ее и метнулся к двери. И тотчас снова заиграла музыка.

Белокурая тоненькая девушка с нежным лицом, чуть тронутым веснушками, с губами, припухшими, как у незащитного ребенка, стояла, сбросив голубой шелк, и ждала, кому из пятерых сцепившихся рыцарей она достанется... Тем временем тощий юнец, пришедший в

себя от тяжелого удара по уху, проворно подскочил к коврам и, схватив ее за руку, бегом потащил к двери. Когда соперники расцепились, они взвыли от ярости и разочарования: на ковре стояла лишь одна девушка. Полузакрыв карие глаза, она маняще протягивала к ним руки, изгибаясь в сладостном танце; маленькие ножки, едва касаясь мягкого ворса, носили ее, как золотистую бабочку, от одного угла ковра до другого. Музыка подгоняла ее, заставляя кружиться все быстрее, и в то же время сдерживала распаленных желанием мужчин, плотной стеной вставших вокруг.

Толстяк, сидевший справа от Фердинанда, порывался вскочить всякий раз, когда одна из девушек сбрасывала одеяние, но сейчас, увидев перед собой напряженные спины гостей, готовых вот-вот накинуться на желанную добычу, он наконец вскочил и, схватив тяжелое кресло, бросился вперед.

Фердинанд, проследив за ним взглядом, беззвучно рассмеялся и шевельнул рукой, заставив музыкантов замолкнуть. В наступившей тишине юноши, не выпуская арф из судорожно сведенных пальцев, с тихим стоном повалились на пол.

Толстяк с размаху опустил кресло на чью-то голову, пинком отшвырнул одного, кулаком повалил другого; не дав опомниться ошеломленным соперникам, схватил свою добычу, взвалив на плечо, как мешок, и бегом понесся прочь из зала. Стражники, облизывая пересохшие губы, с грохотом закрыли высокие двери и снова замерли, злорадно поглядывая на оставшихся.

Хозяин, допивая вино из золотого кубка, оглядывал зал, который выглядел полем битвы, когда схватка уже окончена и вот-вот налетит жадное воронье. Кто-то из гостей уснул прямо за столом, уткнувшись лицом в недоеденный паштет и свесив вниз безжизненную руку, кто-то свалился на пол и заплетающимся языком требовал еще вина...

Напротив него прямо на роскошном ковре знатные рыцари, оставшиеся без дам, наносили друг другу вялые

удары. Устав от бесплодной борьбы, они, в конце концов, пошатываясь, поднялись и, поддерживаемые почти-тельными слугами, стали медленно разбредаться по своим комнатам.

Потеряв к происходящему всякий интерес, Фердин еще раз мельком глянул на гостей холодными глазами и молча вышел в маленькую дверь. Невесть откуда взявшийся Акрус тенью последовал за ним.

Проснувшись наутро в спальне барона Дисса, Фердин хлопнул в ладоши, и тут же около пышного ложа появился почтительно склонившийся слуга. Глядя на господина круглыми преданными глазами, он скрестил на груди руки в ожидании приказаний.

— Эти шакалы на редкость прожорливы, Акрус... Похоже, вчера они разделались со всей вашей добычей?!

— Кое-что осталось, мой господин, но они и впрямь похожи на стаю голодных собак... хе-хе... жрут так, словно их целый год кормили только черствыми корками!

— Гнусный сброд, но они мне ох как понадобятся в Мэноре! Так что бери отряд и быстро в деревню! Чтоб сегодняшний обед был не хуже вчерашнего! Да, и самое главное: всех смазливых девок тащите в замок, а то четырех мало... Того и гляди, доблестные рыцари устроят из-за них сражение прямо посреди двора! Ну, быстро!

— Слушаюсь, господин барон! — Акрус почтительно поклонился, не сводя с хозяина глаз, и заметил, как вспыхнули от удовольствия его смуглые щеки.

Вскоре во дворе раздались громкие голоса, топот копыт, и небольшой отряд поспешно покинул замок, отправившись за добычей.

Незаметно приблизилось время обеда, проспавшиеся гости собрались на широкой террасе, негромко переговариваясь и злобно поглядывая на счастливиц, урвавших вчера самое сладкое угощение...

Отряд, еще рано утром усакавший в деревню, до сих пор не вернулся, и Фердин, то любезно улыбаясь

гостям, то в нетерпении поглядывая в сторону ворот, в конце концов распорядился накрывать на стол... Угощение оказалось скромным, и многочисленные серебряные кувшины с вином должны были скрасить вынужденную скудность обеда.

— Проклятие! Куда они все запропастились? Ну, Акрус, негодяй, только появись — я от тебя мокрое место оставлю! Небось, дорвались до девок, я видел, как вчера мои головорезы облизывались... — Фердин, краем глаза поглядывая во двор, не спешил приглашать гостей в трапезную.

Ярость хлопотала в его груди, рвалась на язык, норовя выплеснуться отборной бранью. Сделав вид, что ему нужно отдать кое-какие распоряжения, Фердин, оставив гостей, быстро направился к смотровой башне. Стремительно шагая по мрачным коридорам старого замка, он, уже не сдерживаясь, злобно бормотал:

— Акрус, подлец! Ты заплатишься за промедление! Да будет проклят этот болван Оргельд, заславший меня в мерзкую глушь так надолго! Ну нет, я не собираюсь корчить из себя рачительного хозяина, я вытрясу из поместья и деревень все до последней крошки и — обратно в Мэнору! А тут оставлю крепкий отряд верных людей — и чтобы к следующему моему приезду все здесь процветало! Эти бездельники при старом Диссе забыли, что такое страх, — так они его вспомнят! Видит могучий Сет, они узнают, что такое настоящий хозяин!

Фердин уже начал было подниматься по крутой лестнице на башню, как вдруг послышался грохот опускаемого моста и скрип тяжелых ворот. Круто повернувшись, он бросился вниз и поспешил обратно. Из узкого окна, выходящего во двор, он увидел свой отряд — всадники, пыльные и усталые, тяжело спрыгивали с лошадей. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: они вернулись с пустыми руками...

Акрус, спешившись, бросил конюху поводья и побежал в покои господина. Фердин, кусая губы и угро-

жающе сощутив хищные глаза, поджидал у дверей. Акрус, увидев его и сжавшись в ожидании удара, заговорил прерывающимся голосом:

— О, не гневайтесь, не гневайтесь, мой господин! Мы объехали все три деревни — Бенту, Хланк и Одлер — и везде пусто, никого и ничего...

— Что?! Что ты такое несешь — никого и ничего?! — Ферндин было замахнулся, но Акрус отступил на шаг назад, испуганно втянув голову в плечи.

— Господин барон... Помилуйте, господин барон... Мы не вернулись бы с пустыми руками, но все деревни пусты — ни жителей, ни скота, ни самой распоследней курицы, ничего! Эти негодяи ушли в лес, побросав свои дома, лишь бы их добро не досталось господину барону!

— Опять! Опять неудача! Могучий Сет, я ли не приносил тебе богатые жертвы, я ли не поклялся подчинить Бергхейм твоей воле?!

Ферндин в ярости и растерянности метался из угла в угол.

— И вот все, чего я добился с таким трудом, грозит рассыпаться в прах из-за того, что мне нечем накормить свору прожорливых и продажных негодяев, готовых за подачки и обещания лишиться власти, а может, и жизни своего герцога! Что же это за сила, уже в который раз встающая у меня на пути?! Сет, Черный Сет, владыка, помоги!

Впервые Ферндин почувствовал свою слабость, его колдовской силы не хватало, чтобы что-нибудь изменить. Неожиданно страх холодной тонкой иглой вонзился ему в сердце, ладони покрылись липким потом.

«Что делать?! Что все это значит и чем может для меня обернуться? — Он лихорадочно искал выход и не находил его, чувствуя себя крысой, загнанной в угол. — Ах, если бы здесь был старый Барх, научивший меня лишь малой частице премудрости Сета! О, тогда бы я ясно видел свое будущее и не попался бы в эту гнусную западню!»

Скрипнув зубами, он усилием воли отогнал тревожные мысли и приказал:

— Снова собери отряд, и пошарьте в лесу возле деревни! Они не могли далеко уйти, вы их быстро найдете! Разыщите и, как стадо, пригоните сюда, во двор! Всех! — Оттолкнув Акруса к стене, он пошел на террасу.

С любезной улыбкой пригласив гостей к столу, он старался, скрывая тревогу, шутками и насмешками поддержать веселье, но гости, мрачно поглядывая на полупустые блюда, негромко обменивались язвительными замечаниями, обильно запивая их вином. Уже не слышно было за столом хвалебных возгласов, никто не превозносил щедрого хозяина, барона Редборнского. Быстро прикончив все, что было на столе, гости разбрелись по замку, ища, чем бы развлечься.

К вечеру вернулся отряд, ведя в поводу двух лошадей. Акрус, вбежав в комнат Ферндина, с порога начал:

— Они в лесу, мой господин! Эти мерзавцы посмели устроить засаду и убили двоих наших... Мы только въехали в лес и остановились, прислушиваясь, не заблест ли где овца или не залает ли собака, как вдруг Харис вскрикнул и повалился с коня: стрела вонзилась ему сзади под шлем и вышла из горла! Не успели мы понять, откуда стреляли, как верзила Джабби захрипел и мешком свалился на дорогу. Стрела пробила его кольчугу и пронзила сердце! Мы тут же бросились в заросли, но никого не нашли — те, кто на нас напал, исчезли, как призраки! И ни следа, ни примятой травы, ни сломанной ветки!

Отвернувшись, Ферндин глухо сказал:

— Ладно, ступай... Завтра утром посмотрим, что делать дальше. Пошел прочь, тебе говорю! — Он в бешенстве обернулся, и Акрус едва успел выскользнуть за дверь: тяжелый резной табурет, брошенный Ферндином, в щепки разлетелся, ударившись о косяк.

— Не думал я, старый Дисс, что ты доставишь мне столько хлопот! — бормотал новоявленный барон, стоя

у окна спальни. — Я так легко разделался с тобой и твоей многочисленной семьей! Все сулило мне удачу! И вдруг эти дрянные людишки, живущие только потому, что я, господин, им это разрешаю, осмеливаются идти наперекор! Нет, пора обратно в Мэнору! Завтра же! А деревни сжечь дотла!

Наутро Акрус едва разбудил своего господина, всю ночь барона Ферндина преследовали какие-то неуловимые черные тени, они гоняли его то вверх, то вниз, то по кругу, подстегивая невидимым хлыстом, и он метался, стараясь уйти от жгучих ударов, стонал во сне, но никак не мог вырваться из призрачного плена. Лишь когда верный слуга решительно потряс Ферндина за плечо, он открыл глаза и сразу вспомнил все, что произошло накануне.

Акрус неслышными шагами подошел к небольшому столу и вернулся с кубком душистого вина; ноздри слуги раздувались, вдыхая аромат чудесного напитка. Фердин схватил кубок и, жадно осушив его, откинулся на подушки. Закрыв глаза и ни о чем не думая, он ждал, когда жар и сила кеубы разольются по всему телу, давая ощущение молодости и могущества. Наконец он спросил:

— Ну, что там гости? Еще не перегрызли друг другу глотки из-за девчонок? И осталось ли хоть что-нибудь из еды?

— Нет, мой господин! Ни хлеба, ни сыра, ни мяса, только вино. Гости злятся и говорят дерзости, собираются немедленно возвращаться в Мэнору... Но, мне кажется, без отряда стражников господина барона они не отважатся выехать даже за ворота! — Акрус злорадно усмехнулся.

— Ты прав, этот сброд годится только на то, чтобы жрать и пить, а как до дела — лучше моего отряда не сыскать. Жаль только, что из-за этих негодяев я лишился славных бойцов... Ну, да ничего, отряд большой, и каждый в нем стоит троих. — Он сел и протянул слуге пустой кубок. — Налей-ка! Раз нечего есть, надо

хотя бы выпить! И — обратно в Мэнору! Уж там мне придется раскошелиться, чтобы богатыми пирами заткнуть глотки дорогим гостям... Впрочем, они у меня быстро поутихнут. Не успеем вернуться, как они уже все забудут, а их языки без усталости станут превозносить мое хлебосольство!

Одевшись, Фердин решил подняться на смотровую башню. Оттуда, с высоты, хорошо просматривались все окрестности и были видны две соседние деревни — Одер и Хланк.

Леса вдаль темнели узкой синей полосой и лишь здесь, около Бенты, подступали к замку довольно близко. Всмотревшись, Фердин увидел на пологом холме, там, где дорога светлой полосой уходила в заросли, горстку всадников, то появлявшихся, то снова исчезающих среди деревьев.

Отсюда невозможно было рассмотреть, ни сколько их там, ни как они вооружены, поэтому отряд отчаянных головорезов Ферндина снова помчался к лесу. Но теперь им было приказано не вступать в бой, а покрутиться на безопасном расстоянии, чтобы высмотреть все, что возможно.

Этот отряд уже целый год верой и правдой служил Фердину. Акрус выпил немало дешевого вина в самых гнусных притонах Мэноры, прежде чем по одному набрал дюжину таких, какие были нужны его господину. Фердин придирчиво осматривал каждого, проверял, как он владеет оружием, сулил золотые горы и пристально смотрел в глаза. После этого наемник становился его верным рабом, уже не помышляя о плате, а желая лишь одного — выполнять, не раздумывая, приказания хозяина.

Вот и сейчас, уже начисто забыв о погибших, они с гиканьем высыпали за ворота и помчались в сторону Бенты. Фердин хотел было приказать, чтобы они заодно подожгли деревню, но, представив, как клубы дыма, заволакивая все вокруг, будут мешать сражению, отказался от этой мысли.

То, что сражение неизбежно, барону уже было ясно, хотя слабая надежда унести ноги без боя все же теплилась в его душе. Спустившись с бапти, он велел привести управляющего и, грозно нахмурив брови, подошел почти вплотную к перепуганному старику:

— Ты, грязная свинья, отвечай! Как можно выбраться отсюда, минуя эту дорогу? Какой еще путь ведет в Мэнору?! Ну, кончай шлепать губами, говори, если хочешь жить!

— Ни... никак, господин барон, в Мэнору по... попасть нельзя, только по этой дороге... Других... других путей нет, кругом леса и бо... болота, господин барон!

— Врешь, мерзавец! — рука Ферндина потянулась к горлу старика, тот зажмурился от страха и быстро залепетал:

— Если... если на север — там есть охотничьи тропы, но они ведут к Пограничному Королевству, к нашим исконным врагам... На восток тоже нельзя, там непроходимые леса и болота... Только один человек знает тайные тропы, и он мог бы проводить господина барона куда угодно... А я леса не знаю, я леса боюсь, я всю жизнь прожил в замке!

— Говори, кто этот человек?! Немедленно привести его сюда!

— Это, господин барон, Альграс, охотник из Бенты... Прикажите за ним послать, и он вас проводит в Мэнору любой дорогой!

— Что ты несешь, скудоумный?! — Ферндин даже затрясся от бешенства. — Ты смеешь издеваться над своим господином?! Бента пуста, негодяй!

Он с такой силой отшвырнул старого слугу прочь, что тот, отлетев к огромному очагу, ударился головой о закопченный камень и, вскрикнув, рухнул на пол с разбитым черепом.

— Проклятие! Это западня! Я чувствую опасность, смертельную опасность! Где отряд, разве он еще не вернулся?! Надо разделаться с этой кучкой негодяев и вернуться в Мэнору! О, вы еще узнаете Ферндина,

пожалееете, что посмели скалить зубы на своего господина!

Не глядя на труп старого управляющего, он обошел лужу дымящейся крови и с треском захлопнул дверь, стремительным шагом отправившись во двор замка. Оттуда доносились топот копыт, возбужденные голоса вернувшихся наемников.

Увидев хозяина, они примолкли, и один из них, почти до глаз заросший клокастой бородой, с поклоном выступил вперед.

— Ну, что вы там увидели? Этот сброд всерьез надеется отрезать нас от Мэноры? — сохраняя напускное спокойствие, Ферндин приподнял брови и презрительно усмехнулся.

— Господин барон, их там около полусотни, кто пеший, кто верхом, все с луками и короткими мечами! Но ни кольчуг, ни панцирей у них нет — сразу видно, охотники, а не воины! — Бородатый тоже позволил себе ухмыльнуться, отчего вся растительность на его лице пришла в движение. — Они только в лесу прятаться и умеют, вот в поле мы бы их погоняли!

Ферндин сверкнул глазами и хлопнул бородача по плечу:

— Ну, так и надо выманить их в поле! Лучше сюда, поближе к замку, но, на худой конец, можно и там, около деревни! Ты прав, Орлуф, это в лесу они как у себя дома, а здесь, где негде спрятаться... Ха-ха-ха, простофили, я отплачу вам за свою тревогу и беспокойство! А когда все будет кончено, я устрою себе знатную потеху, клянусь Сетом! — И он решительно двинулся в трапезную, где шумели у пустых столов недовольные гости.

Глава восемнадцатая

- **С**мотри, смотри, мост опускается! Ах ты, нергалий коготь ему в печенку, не выдержал! Бёрри, держа под уздцы свою лошадь, возбужденно приплясывал в кустах рядом с киммерийцем. Отсюда, из густых зарослей ольшаника, отлично просматривалась дорога, ведущая к замку. Конан, сжав кулаки, молча смотрел, как из ворот следом за наемниками Ферндин пестрой толпой выезжают его гости.

— Вон он! Смотри, Конан, вон его доспехи с позолотой! Ха-ха, барон Ферндин, проголодался? Ну, они, небось, думают, что в два счета разделаются с деревенскими бунтовщиками! Лишь бы только Мергит не подвела, а, Конан?!

— Тихо ты, Рыжий, не тряс куст и не толкай меня в спину! Я ведь тоже не слепой, сам вижу! Ну, Ферндин! — Он до боли сжал зубы и прищурил глаза. — Давай-давай, подъезжай поближе! Ага, Бёрри, гляди, они попались! Видишь, его слуги едут с факелами — значит, хотят выманить охотников из леса! Все, как я и говорил! А теперь пора бы Альграсу двигаться к деревне... Глянь, тебе не видно, как они там?

— Суетятся, бегают, садятся на коней... Альграс впереди... Скачут, еще немного — и будут здесь... Ну, Конан, сейчас начнется! Только бы Мергит...

— Да хватит тебе! Мергит, Мергит! В конце концов, без нее обойдемся! Псы у нее, конечно, страшные, но

что могут собаки против рыцарей в полном вооружении? Разве что устроят сумятицу среди этой своры, что тоже будет нелишним, но очень-то на их помощь не рассчитывай! Держись рядом, прикрывай мне спину, как договорились, понял?!

Отряд вооруженных рыцарей приближался к мосту через узкую речку, за которым начиналось широкое поле, облюбованное Ферндином для схватки. Его наемники ехали впереди с зажженными факелами, словно намереваясь поджечь деревню. Ферндин посмеивался в усы: конечно, как он и думал, эти глупцы высыпали из леса и, боясь остаться без крова, помчались навстречу своей смерти. За его спиной громко переговаривались гости, обозленные тем, что и вечером, и утром на столах, кроме вина, ничего не было:

— Ого, сколько их там, этих деревенских боровов! Ну, они у меня побегают по полю, не хуже зайцев!

— Славная будет потеха! Надо помочь нашему щедрому хозяину разделаться с этим сбродом, а уж он нас отблагодарит!

— Эх, прямо руки чешутся! Второй день ничего, кроме вина! Да я их сейчас, как баранов...

Ферндин с удовольствием прислушивался к голосам рыцарей, возбужденных выпитым вином и близостью боя. Прекрасно! Они говорили и делали то, что ему было нужно, не хуже верных наемников, слепо исполнявших хозяйскую волю.

Поглядывая из-за широких спин скачущих впереди слуг в сторону леса, он ясно видел, что все преимущества на его стороне. Теперь, окончательно успокоившись, он даже удивлялся тому, что утром поддался приступу слабости и тошнотворного страха. Такого с ним еще никогда не было!

«И не будет!» — уверенно подумал он, поглядывая на копошащиеся у леса фигурки.

Копыта гулко застучали по настилу моста, и грозный отряд медленно выехал на широкую поляну. Ферндин велел всадникам остановиться и, показывая ру-

кой в сторону деревни, сделал вид, что отдает приказания, стражники с факелами, немного вырвавшись вперед, поскакали по дороге. Остальные, негромко переговариваясь и приготовившись к бою, двинулись вслед за ними.

Их противники, торопясь заслонить собой деревню, наконец приблизились к отряду рыцарей. Теперь стало видно, что на крепких крестьянских лошадках сидело по двое всадников: боец с коротким мечом и небольшим щитом и лучник, примостившийся сзади.

Лучники проворно соскочили с конских круп и, прицелившись, осыпали рыцарей градом стрел. Воины Ферндина, послушные приказу, тут же сомкнулись плотной стеной и, выставив вперед грозные копыта, бросились навстречу нападавшим.

Еще мгновение — и стычка была бы неизбежна. Но тут из кустов с треском и ревом вылетел, подгоняя жеребца, разъяренный киммериец и бросился наперерез отряду рыцарей. Мелькнув, как черная молния, он оказался впереди дрогнувших было деревенских воинов и, высоко подняв над головой широкий меч, одним взмахом перерубил несколько копий. Стена всадников дрогнула, и Конан, пользуясь замешательством врага, со свистом поднимая и опуская меч, мгновенно пробил брешь в их рядах. За ним на легконогой кобыле еле поспевал Бёрри, и сразу было видно, что тяжелый меч рыжему пройдохе не менее знаком, чем хрупкая эрта.

Вокруг могучего бойца на черном коне сразу закипела ожесточенная схватка. Лихим наемникам еще не приходилось встречаться со столь опасным противником — они не успевали поднять мечи, как отрубленные руки уже летели в сторону; не глядя на поверженного врага, северянин бросался на следующую жертву, и вскоре отряд стражников Ферндина поредел больше чем наполовину. Жеребец, сверкая налитыми кровью глазами и роняя пену с губ, тяжелыми копытами топтал упавших на землю бойцов, заканчивая дело своего хозяина.

Тем временем лучники, стараясь помочь киммерийцу, осыпали врагов дождем стрел, но почти не причиняли вреда: наконечники отскакивали от щитов и крепких панцирей.

Фердин, сначала, как и все, растерявшийся от неожиданности, разглядел, что это лишь один воин рубится с его отрядом. Злобно сверкнув глазами, он привстал в стременах и крикнул:

— Вперед! Он здесь всего один, тот, другой, не в счет! Окружайте, окружайте! Ему не уйти! Так вот почему эти глупцы посмели восстать! Эй, кто там, заходи сзади!

Рыцари, окончательно протрезвев, наконец поняли, что это — настоящий бой, а не забава, как показалось вначале. Подбадривая себя воинственными криками, они надели на Конана, и киммериец вскоре почувствовал, что эти господа умеют неплохо драться. Не обращая внимания на сыплющиеся стрелы, рыцари насакивали на северянина, и он только успевал отбивать многочисленные удары.

В конце концов и Конан, и Бёрри оказались в кольце осмелевших противников, и Фердин, немного выехав вперед, вдруг очутился лицом к лицу с киммерийцем. И липкий утренний страх снова накатил на него холодной волной, волосы зашевелились под золоченым шлемом — в грозном воине, уже занесшем меч для удара, он узнал своего соперника, которого поразил на Турнире... Ледяные яростные глаза киммерийца встретились с округлившимися от ужаса глазами барона... И Фердин, каким-то чудом увернувшись от занесенного над его головой меча варвара, кинулся за спины рыцарей.

А те, окружив северянина плотным кольцом, с криками и хохотом травили противника, как загнанного зверя; отчаянно отражая удары, Конан изо всех сил пытался все таки прорваться к Фердину, то тут, то там мелькавшему позади своих гостей.

Все... Помощи ждать больше неоткуда... От селян с их короткими мечами и охотничьими стрелами толку

почти никакого... Ну нет, он все-таки доберется до проклятого убийцы, и его добрый меч напьется черной крови негодяя Ферндина! А Мергит... что же Мергит?! Значит, он был прав, нельзя надеяться на обещания сумасшедшей старухи... И, не видя больше ничего, кроме сверкающих доспехов и искаженного страхом пожелтевшего лица, Конан с новой яростью обрушился на нападавших.

Внезапно за его спиной раздался многоголосый крик ужаса. Мощным ударом раскроив череп одному и сбросив с коня другого рыцаря, Конан, вырвавшись из кольца, улучил мгновение и обернулся назад: со стороны леса к месту битвы во весь опор мчались семеро всадников на черных конях и в черных доспехах. За их спинами развевались короткие черные плащи, а на шлемах трепетали султаны черных перьев.

Союзники Конана, деревенские воины и лучники, увидев рыцарей, приближающихся к полю битвы, бросились врассыпную, уверенные, что это спешит на выручку новому барону Редборнскому подмога из Мэноры.

Конан и Рыжий Бёрри тоже подумали, что видят герцогский отряд; решив дорого продать свою жизнь, киммериец воскликнул:

— Ну, Рыжий, сейчас будет совсем жарко, клянусь Кромом! Держись!

Он обрушился на противников, как неукротимая горная лавина, сея смерть и ужас на своем пути... Но Фердин, проклятый Фердин все время ускользал, с надеждой поглядывая на приближающихся всадников; как и все, он был уверен, что это посланники герцога. Стараясь держаться подальше от страшного меча киммерийца, он метался по поляне, то подбадривая сражающихся, то радостно бормоча:

— О Сет! Ты услышал мой призыв! Я так и знал, герцог не выдержал и послал за мной отряд! О, какие бойцы! Сейчас с этим бешеным варваром будет покончено! О Черный Сет, что это?! Назад! Назад, к замку! Скорее!

Но уже было поздно: трое всадников в черном, проскакав по полю наискосок, оказались у моста, отрезав путь к отступлению. Остальные как вихрь обрушились на воинов, окруживших Конана, и яростный звон мечей слился с воплями и стонами умирающих.

Отряд Ферндина, еще совсем недавно такой грозный, теперь превратился в кучку обезумевших от ужаса всадников, метавшихся по полю в тщетной попытке уйти от смерти. Теперь уже они оказались в кольце: семь рыцарей стояли вокруг, не давая никому вырваться, а в центре бушевал Конан, почти неотличимый в своих черных доспехах от черных всадников.

Замкнув кольцо, неведомые бойцы больше не вмешивались в битву, предоставляя киммерийцу и Рыжему Бёрри разделяться со своими врагами самостоятельно, но лишь только кто-нибудь из рыцарей Ферндина пытался бежать, то тут же натыкался на вездесущий меч одного из черных всадников.

Фердин метался по кругу, но все меньше и меньше оставалось спин, за которыми он мог укрыться от разящего меча киммерийца. Огонь голубых глаз преследовал его повсюду, а те, в черном, что молча стояли вокруг, вызывали в нем еще больший ужас — он не пытался вырваться из круга, а только прищипоривал коня, уворачиваясь и убегая.

Ах, как не хватало ему сейчас волшебной силы старого Барха, той силы, к которой он стремился всю жизнь, но так и не смог овладеть! Распустить бы сейчас за спиной черные кожистые крылья и взлететь к небесам, оставив в дураках и этого гиганта-киммерийца, и черных всадников, на которых он боялся даже смотреть.

«Нет, надо все же попытаться! О, Сет, владыка, помоги мне!» — и с хриплым криком, больше похожим на карканье ворона, Фердин резко повернул коня, намереваясь обрушиться на черного всадника с яростью человека, лишенного последней надежды на спасение, но поднятая для удара рука внезапно ослабла, горло,

как тисками, сжала судорога страха, а по спине предательским ручейком покатились капли холодного пота.

Всадник на черном коне гарцевал в двух-трех шагах от него, не атакая и не защищаясь. Надетый поверх доспехов короткий плащ трепетал за его спиной, словно тканью играл сильный ветер, хотя разгоряченное лицо Ферндина не ощущало ни малейшего дуновения. Из-под причудливого шлема с колыхающимся пучком черных перьев виднелось бледное лицо; запекшиеся почерневшие губы кривила злобная ухмылка. Неподвижные глаза под сведенными бровями пронзали, как копья, леденя кровь; всадник смотрел мимо Ферндина и в то же время прямо на него. Тот в ужасе отвел глаза и столкнулся со взглядом другого воина в черных латах, и барону показалось, что видит то же лицо... Ферндин метнулся было в гущу рыцарей, но Конан уже рассеял врагов по полю, а Бёрри добивал тех, кто пятился от разъяренного киммерийца в надежде унести ноги.

Конан яростно рубился, ища встречи с одним-единственным противником, сшибая рыцарей с коней, как досадную помеху. И вот наконец настал миг, когда между ним и Ферндином не осталось больше никого; лишь несколько испуганных лошадей носилось по полю да на истоптанной траве грудями валялись изрубленные тела...

Издалека, сбившись в кучу и боясь вмешаться, селяне с изумлением наблюдали за невиданной схваткой. Они свое дело сделали, выманив врага из замка, а теперь, как и велел им Конан, благоразумно держались в стороне, видя, что победа и так на стороне киммерийца. Все еще надеясь вырваться, Ферндин бешеным галопом пустил коня по кругу, но везде наткнулся на сверкающие острия мечей и леденящие кровь взгляды одинаковых черных глаз. Круг постепенно сужался, рыцари сходились все ближе, но ни один из них не пытался напасть. Видя, что они его пока не трогают, Ферндин круто повернулся к киммерийцу. Тот смот-

рел на него тяжелым ненавидящим взглядом, но его вынести было все же легче.

— О Черный Сет, помоги слуге твоему! — в отчаянии воскликнул Ферндин. — Помоги, и я... Ну, нет, варвар, рано радуешься, еще посмотрим, кто тут будет кормить воронье!

Пришпорив коня, он бросился навстречу Конану. Их мечи со звоном скрестились, так же как совсем недавно на Священном Турнире, но теперь Ферндин чувствовал, что даже силы, дарованной чудесным напитком с кеубой, ему не хватает, чтобы противостоять натиску могучего киммерийца. Он едва успевал отражать молниеносные удары, сыпавшиеся на него, казалось, со всех сторон. Отбиваясь, колдун все время старался повернуть своего коня так, чтобы его нога могла коснуться ноги киммерийца, — в этом движении была последняя надежда барона: тонкие стальные шипы, укрепленные на носках сапог, с легкостью могли проткнуть самую толстую кожу, один укол — и противник повержен: от яда, которым смазывали свое оружие служители Сета, спасения не было.

Отступая и уворачиваясь, Ферндин изловчился и вонзил шип во что-то мягкое. Вороной жеребец, захрипев и встав на дыбы, вдруг осел и как подкошенный рухнул на землю. Конан, с кошачьей ловкостью высвободившись из стремян, отпрыгнул в сторону, угрожающе поднимая меч.

Забыв о черных всадниках, молча стоявших вокруг, Ферндин злобно расхохотался.

— Что, киммериец, еще раз захотел попробовать моего меча?! Ну, так теперь твоя голова будет лежать далеко от тела!

Он замахнулся, привстав в стремях, но тут его конь, жалобно заржав, стал валиться набок: Бёрри, не выдержав, спешил и, подобравшись сзади, подсек лошади барона сухожилия — Ферндин едва успел выдернуть одну ногу из стремени, как животное, падая, увлекло его за собой, всей тяжестью придавив вторую

ногу. Он лежал, судорожно пытаясь выбраться, и резкая боль красными кругами застилала ему глаза. Широкий меч киммерийца, высоко поднявшись над противником, со свистом опустился, заслоняя свет солнца, и оскаленная, с выпученными глазами голова барона Фердина отлетела далеко в сторону, прямо под ноги одного из черных всадников.

Тяжело дыша, Конан стоял посреди поля:

— Все... Путь пройден, враг убит, но надо сделать что-то еще, что-то еще...

Один из черных рыцарей насадил на пику окровавленную голову Фердина и медленно двинулся в сторону замка. Остальные, не оглядываясь, отправились следом. Но через несколько шагов всадник, что ехал последним, обернулся и повелительным жестом подзывал к себе киммерийца. Перешагивая через убитых, Конан, пошатываясь, приблизился к своему неожиданному союзнику. Взглянул прямо в лицо под причудливым шлемом и постарался побыстрее отвести глаза: таким холодом повеяло из бездонных черных глазниц. Едва шевеля темными губами, всадник проговорил глухим голосом:

— Пламя все пожирает, все уносит... Души обретут покой, обретут покой...

И, тронув поводья, шагом двинулся к замку.

Глава девятнадцатая

Не нравится мне все это... — Голос Рыжего Бёрри вывел Конана из оцепенения. — Не нравится, а ехать туда все равно придется... Вот тебе лошадь, держи поводья. Правда, она не чета твоему коню, да уж какая есть! Эх, жаль вороного, добрая была животина!

— Да, Рыжий, ехать придется, надо разыскать те подвалы, про которые говорила старая Мергит. — Конан похлопал ладонью по крупу чалой кобылы, которую поймал для него расторопный Бёрри. — И чем только они кормили своих лошадей! Доходяга, да и только! Хорошо, если до замка довезет, а уж как возвращаться буду — ума не приложу... Разве что в деревне коня купить, тамошние лошади хорошие. Ну, поехали, видишь, они остановились, похоже, нас ждут!

Конан вскочил в седло, и они потрусили к мосту, где их поджидали таинственные черные всадники. Увидев, что киммериец следует за ними, они снова не спеша поехали к замку. Услыхав за спиной топот копыт, Конан обернулся — Альграс и еще несколько человек из деревни догоняли их, как видно не очень-то доверяя невесте откуда взявшимся рыцарям. Так они и двигались двумя небольшими отрядами: впереди — черные воины в развевающихся плащах, торжественно, как самую дорогую добычу, несущие на острие копья голову Фердина, и поодаль — Конан, Рыжий Бёрри и десяток охотников из Бенты.

Замок приближался, его могучие темные стены, казалось, не были сложены человеческими руками, а сами по себе выросли когда-то из земли, как дуб вырастает из желудя. Конан смотрел на серые, источенные временем камни и чувствовал в душе прежнюю тяжесть и тревогу.

Когда он ехал сюда, думал, что, как только его меч пронзит врага — душа сразу успокоится, и на сердце станет легко. Но оказалось, убить врага — это еще не все, путь не пройден, покой не обретен.

Прогрохотав копытами по толстым брускам подъемного моста, всадники скрылись за створкой полуоткрытых ворот. Конан, Бёрри и все остальные следом за ними тоже въехали во двор. Собравшись посередине, они удивленно оглядывались — черные всадники исчезли, как будто их никогда и не было. Бёрри первый заметил в углу двора слуг, лежавших вповалку с посиневшими, искаженными смертной мукой лицами. Соскочив с коня, Альграс подбежал к ним и бережно приподнял голову рыжеволосой девушки:

— Лаема! Это Лаема, дочь моего соседа! О Митра, что он с ними сделал?! Какие страшные, распухшие у них лица! Только по волосам и можно узнать...

Конан приблизился, вглядываясь:

— Это яд, Альграс! Проклятый Ферндин был одним из служителей Черного Сета, а яды они любят больше всего... Я много раз видел, как умирают от такой отравы. Лучше удар меча прямо в сердце! Смотри, вон еще две девушки и... Бёрри, иди скорей сюда!

Рыжий подбежал к киммерийцу и, проследив за его взглядом, негромко присвистнул:

— Вон оно что... Ну, по правде говоря, я так и думал! Значит, Мергит...

— Да, это ее псы, и если бы не они, нас бы, наверно, здесь не было. Он, похоже, ждет нас!

Огромный черный пес, едва различимый в тени навеса, стоял у небольшой приоткрытой двери, не сводя с киммерийца горящих глаз.

— Клянусь Кромом, в этом обличье они мне нравятся больше, а, Рыжий? Ну, двинулись. — Конан повернулся к силачу-охотнику: — Альграс, пойдешь с нами, а остальные пусть подождут во дворе. Да прихвати где-нибудь крепкую веревку и факел — я думаю, нам все это пригодится.

Киммериец решительно двинулся вглубь двора, туда, где черной тенью мелькнул пес, быстро скрывшийся за дверью. Подождав Бёрри и Альграса, Конан пригнул голову и вошел в узкий коридор. К его удивлению, недалеко, там, где ход разбегался в разные стороны, горел факел, воткнутый в щель между камнями кладки. Рассыпая искры, киммериец вытащил его оттуда и осмотрелся, пытаясь понять, куда идти дальше. Левый коридор уходил в темноту, и даже света двух факелов не доставало, чтобы разглядеть, куда он ведет, да и правый коридор был ничуть не лучше.

— Мергит говорила, что погреба находятся в западном крыле. Эй, Альграс, ты бывал когда-нибудь в замке? — Голос киммерийца гулко разносился по пустым переходам.

— Бывать-то бывал, да не здесь, а в господских покоях, когда барон Дисс давал распоряжения насчет охоты. А куда мы идем? Скажи, что ты ищешь, может, я и соображу!

— Где могут быть заброшенные винные погреба? Над ними должны быть парадные покои для самых важных гостей...

— А, это в том конце, где находится королевская опочивальня. Ну, тогда нам надо идти под левому коридору, он, кажется, ведет как раз в ту сторону.

Обнажив мечи, они осторожно двинулись вперед. Темнота расступалась перед светом факелов, узкий коридор долго вилял, как горная тропа, и уперся наконец в запертую дубовую дверь.

— Тра-ля-ля, — разочарованно пропел Бёрри, — забрели, да не туда! Эх, песик, песик, что же ты не показал, куда идти! Придется возвращаться.

— У тебя, Рыжий, как всегда, только «тра-ля-ля» на уме. Посмотри-ка лучше под ноги да скажи, что это такое.— Конан, упершись плечом в створку, внимательно разглядывал темные пятна на полу. Альграс, подойдя ближе, посветил факелом.

— Сдается мне, что это кровь, и совсем свежая,— охнул Бёрри.— Как будто несли прирезанного барана...— Он вдруг побледнел и осекся.— А дверь-то, дверь почему заперта? Они что, прямо насквозь прошли?!

— У тебя, Рыжий, после драки голова как-то плохо варит. Сам ведь догадался, что это были за рыцари, а теперь удивляешься: как прошли, как прошли! Держи-ка лучше факелы, а мы с Альграсом толкнем — не может быть, чтобы за столько лет петли не проржавели и кладка не ослабла... Давай-ка навались!

Они вложили мечи в ножны и изо всех сил уперлись в дубовую створку. Та затрещала, но не поддавалась.

— А ну-ка еще разок, налегай! Нет, так не пойдет, по-другому надо.

Они отошли на несколько шагов и, разбежавшись, сильно ударили плечами в потемневшее дерево — вывороченные камни посыпались под ноги, дверь с треском сорвалась с петель и рухнула на пол.

— Рыжий, быстро давай факел, посмотрим, что там дальше!

Переступив через порог, они оказались в небольшой комнате без окон. Посередине стоял стол, покрытый толстым слоем пыли, а на нем горел крошечным огоньком маленький светильник. Жалкий язычок затрепетал от потока воздуха, проникшего из коридора, и чуть не погас.

— Помилуй нас Митра, ну и дела! — пробормотал Альграс.— Знаешь, киммериец, я никого и ничего не боялся, а тут мне что-то не по себе... Зачем мы полезли в эти переходы? Зачем тебе старые винные погреба? Ты же видишь, тут обитает какая-то нечисть! Тьфу, тьфу, мало нам было барона Фердина...

— Не трусь и иди за мной! Я знаю, что делаю, потом и ты поймешь. Бёрри, не стучи зубами, язык при-

кусишь. Ясно, что мы на правильном пути... Хм, а куда дальше? Похоже, по этой лестнице, да она такая трухлявая, вот-вот рухнет...

Конан осторожно нащупал ногой первую ступень полуразвалившейся лестницы, которая вела к темному лазу в потолке. Концы ступеней, заделанные в кладке, угрожающе трещали, а подпорки шатались и грозили подломиться под тяжестью киммерийца. Две ступени рассыпались, едва он коснулся их ногой, но все же ему удалось благополучно добраться до темного отверстия. Ненадолго скрывшись, Конан наклонился вниз и крикнул:

— Лезьте сюда, только осторожно! Лестница выдержала меня — значит, и вас выдержит. Ты, Бёрри, первый, Альграс за тобой!

Легко, словно белка, Рыжий взлетел по гнилым ступеням и скрылся в темном проеме. Альграс поднимался медленно, ощупывая каждую доску и цепляясь пальцами за осыпающиеся камни холодной стены. Когда он, кряхтя, перебрался с последней качающейся ступени на твердый пол, внизу, за его спиной, раздался грохот и старая лестница рухнула, отрезая им путь назад. Крошечный светильник в последний раз мигнул и погас. Отступив подальше от края, Альграс хрипло выругался:

— Тьфу, дерьмо нергалье, и завел же ты нас, киммериец! Похоже, баронские сокровища ищешь? Так его казна не здесь, она хранится у герцога в Мэноре. Знал бы — ни за что за тобой не пошел бы!

Конан осматривался, не обращая внимания на ворчание рассерженного Альграса. Они попали в огромный зал, когда-то богато убранный и украшенный резными деревянными панелями с позолотой. Сейчас вся позолота облупилась, вместо дорогих тканей на стенах болтались пыльные лоскутья, дневной свет едва пробивался в щели толстых ставней. В углу грудой были свалены старые колченогие столы и поломанные кресла. Кроме большой парадной двери киммериец разглядел в полумраке еще пару дверок, расположенных в разных концах зала. Он сразу решил, что на парадную

дверь не стоит обращать внимания, махнул рукой в сторону одной дверцы, а сам направился к другой. Бёрри, взяв факел из рук хмурого Альграса, быстро пошел в темный угол и, присев на корточки, стал рассматривать пыль и клочья паутины. Тихий скрип, раздавшийся рядом, заставил его мгновенно вскочить и схватиться за меч. Но это всего лишь покачивалась створка, едва державшаяся на одной изъеденной ржавчиной петле. Осторожно толкнув ее рукой, Бёрри с опаской заглянул в темноту хода, и тут же под сводами зала, вспугнув летучих мышей, заметался его крик:

— Здесь! Конан, смотри, они были здесь!

Киммериец в несколько прыжков оказался рядом с Бёрри. Альграс неохотно сдвинулся с места и тоже пошел посмотреть, что же такое там увидел Рыжий.

Конан и Бёрри снова понимающе переглянулись, а Альграс отпрянул на несколько шагов:

— О Митра, огради нас от всякой нечисти! Это волчьи следы! Пошли отсюда, я с оборотнями больше не сражаюсь, я не колдун и не маг, да и вы, сдается, тоже... Киммериец, ты что, с ума спятил, не сложил голову в поле, так здесь оставить хочешь? Ну, так сам бы и шел, а нас-то зачем потащил?!

— Да замолчишь ты наконец или нет?! — рявкнул Конан в сердцах. — Я-то думал — вот стоящий человек, вся деревня его уважает, на медведя ходил, не боялся, а ты — увидел в пыли собачьи следы и уже на стенку лезешь со страха! Смотри лучше, где же волчьи, когда собачьи?

Альграс присел рядом на корточки и всмотрелся внимательней:

— Да... и впрямь вроде песьи... Но откуда здесь собаки? Нет, киммериец, говори что хочешь, а это все-таки оборотни! Смотри, ведь здесь, в зале, ни одного следа, а тут они начинаются прямо за дверью! Ну, что скажешь, прав я или нет?!

— А то и скажу, что ты помалкиваешь и идешь за мной, возвращаться нам все равно уже некуда — или

хочешь шею сломать, прыгая вниз? Пошли, смотри, даже Бёрри уже не трясется. Светите лучше, где-то должен быть спуск — мы забрались довольно высоко, а мне нужны погреба. Старые винные погреба!

Нырнув в низкую дверцу, Конан решительно двинулся вперед. За ним, все еще поеживаясь, но стараясь не отставать, топал Бёрри, а сзади, крепко сжимая в руке меч и изредка оглядываясь, поспешал Альграс. В лесу ему был знаком каждый шорох, крик птицы говорил о приближении зверя, примятая трава подсказывала дорогу, а здесь, в этих темных затхлых коридорах, он чувствовал себя словно заживо погребенный. «Бр-р-р!

Не хотел бы я быть бароном или даже герцогом и всю жизнь жить в таком каменном мешке!» — с содроганием подумал охотник, прислушиваясь к звуку шагов своих спутников. Внезапно Конан и Бёрри остановились, и Альграс с размаху налетел на них, чуть не проткнув Рыжего мечом.

— Да убери ты его, друг, а то прольешь тут мою безвинную кровь. — Бёрри пихнул его кулаком в бок, приводя в чувство. — Конан знает, что делает, и сражаться нам, я думаю, не придется! Да только почему эта лестница опять ведет вверх, а не вниз?! Может, мы не туда свернули?

— Нет, следы ведут сюда, и капли крови тоже... Хорошо хоть лестница каменная. Проклятые переходы, и зачем их столько понаделано? Что здесь, что там, в Мэноре...

— Ну, в Мэноре дело другое... Я бы согласился каждую ночь пробираться по таким ходам, лишь бы меня там поджидало то же, что и тебя!

— Чего уж проще! Сначала подставь свою голову, а потом и наслаждайся. Ну, хватит языком трепать, пошли! Альграс, ты меч-то убери, а то и правда продырявишь Рыжего — кто нам вечером петь станет?

Немного прибодрившись от их уверенных голосов, охотник вложил меч в ножны и полез по крутой каменной лестнице. Они снова огибали какие-то выступы и углы и наконец подошли к такому же крутому спус-

ку. Редкие темные пятна на полу показывали им дорогу, и они, держась за стену, медленно двинулись вниз по ступеням.

Похоже, это они и были — старые винные погреба. В стене горел факел, освещая тусклым светом закопченный сводчатый потолок, истертый каменный пол и большую плиту с железным кольцом. Вокруг плиты, как черные изваяния, сидели семь черных псов, не сводя с людей горящих красных глаз.

Немного в стороне, уставившись куда-то вбок невидящим взглядом, валялась голова Фердина; видно было, что ей изрядно досталось от собачьих зубов — щегольская борода и воинственные усы превратились в жалкие клочья, длинные черные волосы, за которые псы тащили голову, сбились в безобразный колтун. Конан подошел ближе и склонился над останками врага.

— Бёрри, смотри: вроде как он — и не он! Фердин ведь был ненамного старше меня, а это — башка дряхлого старика, даром что волосы черные...

— Колдовство, друг Конан, колдовство! Эти проклятые маги и столетнюю старуху могут обратить в невинную девушку, уж ты-то об этом знаешь получше меня! Помнишь, рассказывал про ту милашку, которая так и вешалась тебе на шею?

Псы смотрели на них и словно ждали чего-то. Конан подошел к Альграсу, с опаской косившемуся на собак, и взял висящую на его поясе толстую веревку.

— Должна выдержать... Ну-ка я сейчас привяжу ее к кольцу, и попробуем сдвинуть плиту. Раз, два — Бёрри, подсунь чего-нибудь под край! Так, хорошо! Еще немного! Пошла!

Плита со скрежетом сдвинулась с места и, царапая пол, отъехала в сторону. Альграс и Конан, выпустив веревку, хотели было заглянуть в зияющее отверстие, но угрожающее рычание заставило их отступить на шаг назад. Один за другим псы прыгали вниз и исчезали в крошечной тьме. Последний, сверкнув глазами, схватил обезображенную голову Фердина, яростно

потрепал, колотя ее о камни, и метнулся вслед за остальными.

Некоторое время царила тишина, потом Конан взял факел и, заглянув вниз, сказал:

— Ничего не видно, глубоко и темно. Надо спускаться! Здесь тоже есть лестница.

Мгновение — и он скрылся в подземелье, оставив Альграса и Бёрри наверху. Прислушиваясь к его затишающим шагам, они поспешно стали спускаться следом.

Конан молча стоял, освещая факелом груды костей, почти дочиста обглоданных крысами. Остатки когда-то богатых одежд говорили сами за себя: это были они, несчастные сыновья барона Дисса...

Альграс застонал и упал на колени:

— О Митра! Теперь я все понял! Это их души блуждали по замку в облике черных псов, это они помогли разделаться с Фердином!

— Да, Альграс, это они! Фердин убил и старого барона, и баронессу, и их сыновей, а теперь и его собственная голова оказалась в этом подвале! Но где же она? Бёрри, где голова этого негодяя?!

Бёрри, не отвечая, стоял к ним спиной и пытался острием кинжала извлечь из стены какой-то камень. Подойдя поближе, они увидели, что он распатывает кладку из светлых камней, которыми была заложена одна из ниш для бочек. Не сговариваясь, Альграс и Конан выхватили кинжалы и с остервенением стали врубаться в кладку. Закаленная сталь звенела, во все стороны летела каменная крошка, и вскоре в образовавшееся отверстие можно было просунуть руку. Приблизив лицо к дыре, Конан невольно отшатнулся — смрад разложения ударил в ноздри, тошнота подкатила к горлу. Закашлявшись, он с удвоенной силой принялся крушить податливый камень. Один за другим отваливались светлые куски, открывая глазам неглубокую нишу. Стараясь туда не смотреть, Бёрри орудовал затупившимся кинжалом, сражаясь с камнями, как с жи-

вым врагом. Из-под рук киммерийца и уразумевшего наконец, в чем дело, Альграса отлетали целые глыбы.

Вскоре кладка была разобрана. Взяв в руки факелы, они подошли ближе и заглянули внутрь. Да, это была она, Мергит! Едва увидев псов, сидящих вокруг плиты, Конан уже понял, кого они повстречали в лесу. И теперь он узнал это платье, головной убор и волосы, густой волной укрывавшие плечи... Только вместо лица на него пустыми глазницами смотрел голый череп, оскалив белоснежные зубы в торжествующий ухмылке... Невольно опустив глаза, киммериец увидел у ее ног голову Ферндина. Прикованные к стене руки словно тянулись вниз, и Конан, не выдержав, взмахнул мечом, перерубая цепи. То ли вздох, то ли стон раздался в подземелье — и остов женщины рухнул на голову своего врага.

— Все... Теперь нужно исполнить их последнюю волю. Сейчас мы как-нибудь выберемся отсюда, и надо будет перетащить в подвал и другие комнаты замка все дрова, весь хворост, какой тут только есть... Если будет мало — подвезете из деревни. Идем, надо сегодня же все успеть!

Не оглядываясь, Конан пошел наверх, за ним затопился и Бёрри, а Альграс все еще стоял на коленях среди разбросанных камней и бормотал слова поминальной молитвы.

...Солнце уже клонилось к закату, когда были уложены последняя охапка дров и вязанка хвороста. Во дворе замка собрались чуть ли не все жители Бенты, которым Альграс рассказал все, что видел сам и о чем узнал от киммерийца. Конан стоял на широкой лестнице, оглядываясь и кого-то ища глазами.

— Куда он запропал, бедовая голова? Еще немного — и надо будет поджечь хворост, а его все нет... Неужели где-нибудь нашел кувшин с вином и присосался напоследок? Эх, Рыжий, Рыжий, придется, видно, снова обшаривать весь замок...

Но тут из ворот конюшни выглянула знакомая физиономия и, тряхнув встрепанными волосами, уставилась

вверх, прямо на Конана. Киммериец открыл было рот, чтобы привычно выругаться, но Бёрри прижал палец к губам и замахал рукой, призывая его к себе.

Конан велел Альграсу еще немного подождать и, быстро сбежав по ступеням, заторопился к конюшне.

— Рыжая бестия, я уж думал, что придется сжечь тебя живьем вместе со всеми этими покойниками! Где ты шляешься, Нергал тебя задери? Отвечай, что жмуришься, как сытый кот?! Получишь добрую затрещину, так живо перестанешь ухмыляться! Я тут...

Бёрри перебил варвара:

— Ты вроде говорил, что у тебя в Редборне больше нет никаких дел? Ферндин убит, замок скоро сгорит, и можно будет отправляться на все четыре стороны...

— Ну да, чего тянуть? И так я за этим ублюдком слишком долго охотился... погоди, погоди, Рыжий! А меч-то! Тьфу, проклятый Ферндин! Со всеми этими мертвецами чуть не забыл о самом главном! Да ведь я только что был в конюшне, когда искал тебя, — там пусто, где же может быть жеребец? А доспехи и меч наверняка в баронских покоях, наверху. Надо подняться туда, пока еще...

— Да не кипятись ты, иди сюда, я тебе что-то покажу. — И Бёрри за рукав потянул приятеля куда-то в темный угол, где кучей лежала прелая солома. — Смотри, сколько в этом замке потайных дверей! И до чего же приятно, когда в некоторых торчат ключи, как в этой, например. Видишь?

Глаза киммерийца, одинаково хорошо видевшие и днем, и в полумраке, уже разглядели невзрачную, но крепкую дверь, обитую поперечными железными полосами. Огромный ключ торчал в скважине, и Бёрри, торжествуя, два раза повернул его, отпирая замок. То, что открылось их глазам, заставило киммерийца восхищенно выругаться. Хлопнув Рыжего по плечу, он вошел следом за ним в просторную комнату с зарешеченным окном под самым потолком. Привязанный к стальному кольцу, вбитому в стену, прямо перед ним

стоял золотистый жеребец и, глядя на него горящими глазами, нетерпеливо потряхивал светлой гривой.

У противоположной стены, словно в оружейной, стояла широкая лавка, покрытая дорогим ковром. На ней были разложены герцогские доспехи — награда победителю Священного Турнира, — а на стене висел меч в богато отделанных ножнах. Не глядя на доспехи, Конан подошел к стене и снял клинок. Вынув его из ножен, всмотрелся в сверкающее лезвие. Да, это был тот самый меч, за обладание которым он сражался на Турнире: вот священный знак Митры, а вот и герцогский герб...

Конан вздохнул полной грудью и обвел глазами тайник: снова увидел коня, доспехи, Рыжего Бёрри, глядевшего на него с плутовской ухмылкой, и словно стальной обруч, сжимавший до сих пор его грудь, наконец лопнул — стало легко, снова захотелось смеяться, мчаться во весь опор неведомо куда, звеня доспехами и подгоняя горячего коня... Золотисто-рыжего коня!

Огонь, словно ненасытный зверь, заполыхал сразу в залах и подземельях старинного замка, пожирая сначала дрова и хворост, а потом жадно перекинулся на резную обивку стен, ткани и потолочные балки. Отъехав подальше, Конан, Бёрри и жители Бенты смотрели, как из узких окон валит дым и вырываются языки пламени. Пожар уже бушевал вовсю, занялись кровли смотровых башен, дым, завиваясь, поднимался к небу, сливаясь с темными закатными облаками...

— Смотрите, смотрите, что это?! — раздалась позади испуганные возгласы.

Бёрри похлопывая по крутой шее всхрапывающую Зольду, прошептал:

— Это они, Конан, они получили то, что хотели...

Чернее самого черного дыма, один за другим возникали из бушующего пламени огромные всадники и, безмолвно подгоняя коней, устремлялись вверх, к оранжевым небесам. Один, второй, третий...

Вот и седьмой вынырнул из огня, и в тот же миг с треском и грохотом обвалилась крыша; пламя столбом

взметнулось над раскаленными камнями, взревев, словно разъяренное чудовище. Всадники, сделав круг в вышине, словно прощаясь с родным пепелищем, помчались дальше, к облакам, и вскоре слились с клубами дыма.

— Ты видел ее, Конан?

— Да... Она сидела на коне последнего призрака, и ветер трепал ее волосы...

— Могу поклясться, что она махнула нам рукой. — Бёрри смахнул непрошеную слезу и шмыгнул носом.

— Ну ладно, все, пусть теперь догорает... Поехали в деревню, отдохнем, перекусим, а утром — в путь.

— В Мэнору, к герцогине? — Бёрри, все еще шмыгая носом, скосил на Конана лукавый глаз.

— Знаешь, Рыжий, я, пожалуй, попрошу тебя передать Лавинии... тьфу, передать ее светлости этот меч и заодно рассказать про все, что здесь было... Ведь ты мастер складно рассказывать! Она тебя щедро наградит за такую весть, вот увидишь — до следующего праздника будешь беспробудно пьян и весел!

— А ты, друг Конан, почему ты сам не хочешь отвезти ей меч? Ведь она так просила тебя вернуться, так смотрела тебе в глаза!

— Нет, Бёрри, я не вернусь в город, где видели мое поражение. Там мне делать больше нечего. Я провожу тебя через лес, а потом мы расстанемся: ты поедешь в Мэнору, а я...

Он замолчал и задумался. Бёрри, засмеявшись, ткнул приятеля кулаком в бок:

— Хочешь, я опять угадаю, куда ты собрался?

Конан, потрепав по мягкой гриве золотистого коня, широко улыбнулся, сверкнув зубами:

— Да ты, старый плут, угадал это еще тогда, когда мы ехали в Редборн!

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Арчер
ПРОРОК ТЬМЫ

Глава первая	7
Глава вторая	19
Глава третья	27
Глава четвертая	37
Глава пятая	46
Глава шестая	57
Глава седьмая	71
Глава восьмая	84
Глава девятая	93
Глава десятая	100
Глава одиннадцатая	118
Глава двенадцатая	125
Глава тринадцатая	141
Глава четырнадцатая	149
Глава пятнадцатая	156
Глава шестнадцатая	168
Глава семнадцатая	179
Глава восемнадцатая	185
Глава девятнадцатая	197
Глава двадцатая	210
Глава двадцать первая	227
Глава двадцать вторая	242
Глава двадцать третья	257
Глава двадцать четвертая	263

Т. Доннел
ПОДЗЕМЕЛЬЕ РЕДБОРНА

Глава первая	269
Глава вторая	279
Глава третья	291

Глава четвертая	301
Глава пятая	310
Глава шестая	322
Глава седьмая	331
Глава восьмая	345
Глава девятая	357
Глава десятая	371
Глава одиннадцатая	384
Глава двенадцатая	402
Глава тринадцатая	416
Глава четырнадцатая	428
Глава пятнадцатая	442
Глава шестнадцатая	452
Глава семнадцатая	467
Глава восемнадцатая	484
Глава девятнадцатая	493

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — "Книги по почте".

Литературно-художественное издание

КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художественный редактор *Елена Иванова*
Художник *Владислав Асадуллин*
Верстка *Елены Посадовой*
Корректор *Вера Чаленко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.03.98.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура
«Школьная». Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 11 000 экз. Заказ 1203.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171.
E-mail: sevzap @info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

В СЕРИИ «САГА О КОНАНЕ» ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

1. Конан и четыре стихии
2. Конан и боги тьмы
3. Конан и меч колдуна
4. Конан бросает вызов
5. Конан и повелители пещер
6. Конан и песня снегов
7. Конан и Небесная Секира
8. Конан на Дороге Королей
9. Конан принимает бой
10. Конан и карусель богов
11. Конан и дар Митры
12. Конан и Ночные Клинки
13. Конан и грот Дайомы
14. Конан и Зеркало Грядущего
15. Конан и Время Жалящих Стрел
16. Конан и бич Нергала
17. Конан и город плененных душ
18. Конан и Источник Судеб
19. Конан и сердце Аримана
20. Конан и Багровое Око
21. Конан и призраки прошлого
22. Конан и воинство мрака
23. Конан, варвар из Киммерии
24. Конан и Рыжий Ястреб
25. Конан и заговор теней
26. Конан и копье Крома
27. Конан и врата вечности
28. Конан и алмазный лабиринт
29. Конан и расколотый идол
30. Конан и чаша бессмертия
31. Конан и ледяной страж
32. Конан и торговцы грезами
33. Конан и алтарь победы
34. Конан и битва бессмертных
35. Конан и пожиратели плоти
36. Конан и Берег проклятых
37. Конан и оковы безмолвия
38. Конан и Владычица Небес
39. Конан и Дерево Миров
40. Конан и кольцо власти
41. Конан и зов Древних
42. Конан и пророк Тьмы

**ЧИТАЙТЕ
дилогию
«ПОЛУНОЧНАЯ
ГРОЗА»**

том 49
«Конан и подземный огонь»
том 50
«Конан и мятеж четырех»

Роман выдающегося мастера
героической фэнтези Олафа Бьорна
Локнита заставит вас пережить
катастрофу, едва не погубившую
Хайборию, и позволит раскрыть
самую сокровенную тайну мира
Конана.

Северо-Запад®

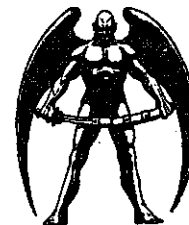
**Впервые в России!
ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
следующие тома:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гончие смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

